

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

R G G U B U L L E T I N

№ 11/08

Scientific monthly

Journalism.
Literary Criticism Series

Moscow 2008

В Е С Т Н И К Р Г Г У

№ 11/08

Ежемесячный научный журнал

Серия «Журналистика.
Литературная критика»

Москва 2008

УДК 070
ББК 76.01я43

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Главный художник
В.В. Сурков

Серия «Журналистика. Литературная критика»

Редакционная коллегия:

А.Ю. Афанасьев
Е.Н. Басовская
О.И. Киянская
М.П. Одесский (отв. редактор)
Н.В. Ростова
Д.М. Фельдман
П.Э. Шульцман

© Коллектив авторов, 2008
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

История журналистики и литературной критики

<i>А.Г. Готовцева</i> Географические открытия первой половины XVIII века и русская журналистика: Журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие»	11
<i>В.Н. Ершова</i> «Журнал для милых»: Из истории женских журналов в России в начале XIX века	29
<i>К.Е. Нетужилов</i> Церковная журналистика в царствование Александра I	44
<i>М.М. Захарова</i> К вопросу о биографии В.Б. Броневского	58
<i>О.Л. Гайдученя</i> «Московский телеграф» и журнальная полемика второй четверти XIX века	75
<i>Я.В. Терещенко</i> Цензура и журналистика в период правления Николая I	80
<i>Е.В. Наседкина</i> «Стесняться с Белым кстати ль!..»: Андрей Белый – герой газетных фельетонов начала XX века	87
<i>Г.А. Элиасберг</i> Драматургия и театральная критика на страницах петербургского «Рассвета» (1907–1915)	100
<i>Юми Накагава</i> Шолом-Алейхем, А.В. Амфитеатров и журнал «Современник» в 1911–1912 гг.	113
<i>Н.С. Егорова</i> Революции 1917 года в России на страницах газеты «Московский листок»	127
<i>М.Л. Спивак</i> Издательство «Алконост»: к вопросу о традициях символистского книгоиздания	132

<i>М.П. Одесский</i> Абсурдизм Даниила Хармса и официальная пресса (1936 год) . . .	138
<i>Л.Ф. Кацис</i> Борис Николаевский о судьбе О. Мандельштама: К проблеме аутентичности информации журнала «Социалистический вестник» (1946 г.)	143
<i>Н.П. Быстров</i> Газета «Правда» и закрепление идеологемы «фашизм» в массовом сознании: (Пропагандистская кампания против И. Броз Тито 1948–1953 гг.)	150
<i>Е.Н. Басовская</i> Проблема «чистоты языка» на страницах «Литературной газеты» в годы оттепели	160
<i>Т.Н. Тазеева-Гриценко</i> Журнал «Новый мир» сквозь призму его тиража (1960-е гг.)	171
<i>В.Л. Гопман</i> Повесть Дж. Чесни «Битва при Доркинге» на страницах журнала «Блэквудс мэгэзин»	183
<hr/> История публицистики. Риторика <hr/>	
<i>Е.А. Воскресенская</i> Идеологическая основа сказаний Поликарпа в Киево-Печерском Патерике	204
<i>А.Г. Евстратов</i> Публицистический аспект комедиографии Екатерины II: Из комментариев к пьесе «О время!» (1772)	212
<i>М.М. Одесская</i> Были ли идеалы у господина Чехова?	219
<i>И.Н. Агейкина</i> Идеологемы «народ» и «народность» в русской публицистике XIX в.	228
<i>Е.А. Иконникова, Л.Н. Конюхова</i> Рекламный слоган как формально-содержательный инвариант моностиха	238

Проблемы теории электронных СМИ

- С.Е. Эрлих*
Улица Декабристов (роль СМИ в формировании
исторической памяти в современной России) 245
- В.Б. Вайсман*
Персонификация информации как один из параметров
эффективности телевидения 262
- С.Ю. Сидоренко*
Из опыта работы спецсеминара «Актуальные проблемы
современного художественного процесса» 273

Библиография

- Н.С. Егорова*
Массовая культура: современные западные исследования 285
- А.С. Зайцева*
S. Misoch. Online-Kommunikation 289
- М.М. Захарова*
K. Ledbetter. Tennyson and Victorian Periodicals 293
- В.Н. Ершова*
Women in Print: Essays on the Print Culture of American Women
from the Nineteenth and Twentieth Centuries 296
- Abstracts 301
- Сведения об авторах 309

CONTENTS

History of Journalism and Literary Criticism

<i>A.G. Gotovtseva</i> Geographical discoveries of the first half of the 23 th century and Russian journalism: (“Monthly writings serving entertainment and enlightenment” magazine)	11
<i>V.N. Ershova</i> “The Magazine for Pretties”: From the history of women’s magazines in Russia at the beginning of the 19 th century	29
<i>K.E. Netuzhilov</i> The Ecclesiastical journalism during the reign of Alexander the First	44
<i>M.M. Zacharova</i> On the biography of V.B. Bronevski	58
<i>O.L. Gajduchenja</i> “Moscow telegraph” and the magazine controversy of the second quarter of the 19 th century	75
<i>Ya.V. Tereshenko</i> Censorship and journalism during Nicolas’s I board	80
<i>E.V. Nasedkina</i> Andrey Bely – the person of the newspaper feuilletons at the beginning of the 20 th century	87
<i>G.A. Eliasberg</i> The articles on drama and theater critics at the pages of the St.-Petersburg’s newspaper «Rassvet» (1907–1915)	100
<i>Yumi Nakagawa</i> Sholom-Aleichem, A.V. Amfiteatrov and magazine “Sovremennik” in 1911–1912	113
<i>N.S. Egorova</i> Russian revolutions of 1917 on the pages of the «Moskovskyy Listok» newspaper	127
<i>M.L. Spivak</i> The publishing house “Alconost”: about traditions of symbolistic publishers	132

<i>M.P. Odessky</i>	
Daniil Kharm's absurdism and official press (1936)	138
<i>L.F. Katsis</i>	
Boris Nikolaevski about the fate of Ossip Mandelshtam: Toward the problem of authenticity of information from "Socialisticheski Vestnik" (1946)	143
<i>N.P. Bystrov</i>	
"Pravda" newspaper and fixing the word "fascism" as an ideology term during soviet propagandist campaign against J. Broz Tito (1948–1953)	150
<i>E.N. Basovskaya</i>	
The problem of the "purity of language" in the soviet press during the period of the Thaw	160
<i>T.N. Tazeeva-Gricenko</i>	
The journal "Novy Mir" through the glass of its circulation (1960s.)	171
<i>V.L. Gopman</i>	
G. Chesney's "The Battle of Dorking" and "Future-war fiction"	183

History of Publicism. Rhetoric

<i>E.A. Voskresenskaya</i>	
Ideological Foundation of Polykarp's legends in Kievan-caves Paterik	204
<i>A.G. Evstratov</i>	
The didactic aspect of Catherine II's comedies: Commenting the comedy «O vremya!» («Oh, These Times!»)	212
<i>M.M. Odesskaya</i>	
Did Chekhov has ideals?	219
<i>I.N. Agejkina</i>	
Ideologemas "people" and "nationality" in Russian publicism of the 19 th century	228
<i>E.A. Ikonnikova, L.N. Konukhova</i>	
Slogan as a formal and purposeful invariant of monostich	238

Problems of the Theory of the Electronic Mass Media

<i>S.E. Ehrlikh</i>	
Decembrists street: (Role of the mass-media in the formation of the memory of historical events in modern Russia)	245

<i>V.B. Vaysman</i> Personification of the information as one of the television's efficiency parameters	262
---	-----

<i>S.Yu. Sidorenko</i> Topical problems of modern art process: The experience of a seminar at the journalism faculty	273
--	-----

Books in Review

<i>N.S. Egorova</i> Массовая культура: современные западные исследования	285
---	-----

<i>A.S. Zaytzeva</i> S. Misoch. Online-Kommunikation	289
---	-----

<i>M.M. Zacharova</i> K. Ledbetter. Tennyson and Victorian Periodicals	293
---	-----

<i>V.N. Ershova</i> Women in Print: Essays on the Print Culture of American Women from the Nineteenth and Twentieth Centuries	296
---	-----

Abstracts	301
-----------------	-----

About the authors	309
-------------------------	-----

История журналистики и литературной критики

А.Г. Готовцева

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА И РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА. ЖУРНАЛ «ЕЖЕМЕСЯЧНЫЕ СОЧИНЕНИЯ, К ПОЛЬЗЕ И УВЕСЕЛЕНИЮ СЛУЖАЩИЕ»

В статье на широком историко-культурном фоне подробно рассматриваются материалы первого научно-популярного журнала Академии наук, посвященные русским географическим открытиям середины XVIII века, исследованиям Сибири, берегов Каспийского моря, степей южного Приуралья.

Ключевые слова: Академия наук, журнал «Ежемесячные сочинения», русские географические исследования, Г.Ф. Миллер, М.В. Ломоносов.

Первая половина XVIII века стала для России эпохой географических открытий и освоения восточных территорий: Сибири, Камчатки, бассейна Каспийского моря. В этот период были проведены исследования, имевшие решающее значение не только для самой России, но и для всего мира. Эти события имели влияние на все сферы жизни российского общества, что, конечно, не могло не найти отражения в зарождающейся русской журналистике.

Если рубеж XV–XVI веков для мировой географии стал временем Великих географических открытий, временем Колумба и Магеллана, то 20–40-е гг. XVIII века стали подобным временем в России, временем Беринга, Чирикова и многих других. На страницах первого научно-популярного журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755–1764 гг.)¹ в полной мере отражались все процессы, которые происходили в науке того периода, в том числе географические открытия и исследования.

«Географическая» тема в журнале «Ежемесячные сочинения» еще никогда не становилась предметом специального изучения. Журнал и его географические материалы упоминаются и цитируются в тех случаях, когда речь идет собственно о географических открытиях XVIII века² Но подобные упоминания даются вне всякой связи с историей отечественной журналистики.

Для историков журналистики важнее, конечно же, литературная составляющая журнала, «географические» сюжеты в работах по истории «Ежемесячных сочинений» упоминаются лишь вскользь³. Так, первый исследователь журнала В.А. Милютин писал: «Совершенно

особый разряд статей составляют монографии, посвященные обзору путешествий и географических открытий, сделанных русскими⁴. Однако в чем «особенность» подобного рода «монографий» среди других опубликованных в журнале статей, каков историко-культурный контекст их появления – на эти вопросы Милютин не дает ответа.

Задача данной статьи, таким образом, состоит в комплексном рассмотрении статей «Ежемесячных сочинений», посвященных русским географическим открытиям, исследованиям и экспедициям середины XVIII века.

Чередой их своими корнями уходит еще в XVII век⁵. Однако основное направление исследований, имеющих определенные практические и научные цели, – восточные области молодой расширяющейся Российской империи было задано царем-реформатором Петром I. Это было время «закрепления территорий».

Как указывает В.И. Вернадский, Петр действовал здесь не из-за одних научных соображений, его побуждали к действию вопросы государственной выгоды, ему необходимо было выяснить положение своего государства в мировой сфере возможностей. Все исследовательские экспедиции, задуманные Петром, имели практическую цель, едва ли можно сомневаться, что ею был поиск золота или серебра. В этих поездках виден отдаленный отзвук той легенды о богатых золотом и жемчужом островах Зипангу (Японии), лежащих за морем, за Китаем, которая была принесена в Европу Марко Поло. Разведывательная работа шла и в областях Каспия, и в областях азиатских, прилегающих к Западной Сибири. Стремление в Индию с суши было для Петра вариантом такого же морского стремления западноевропейских государств, с той же целью государственной выгоды. Создав флот, Петр стремился к тому же и морем. Он думал искать золото в странах Тихого океана. В этой обстановке началось стремление морем на восток⁶.

Итак, из всех экспедиций (допетровских, посланных Петром и организованных после его смерти) следует выделить основные, нашедшие самое полное отражение в «Ежемесячных сочинениях».

Первая Камчатская экспедиция В. Беринга (1725–1730) получила такое указание от Петра: «Надлежит на Камчатке или в другом месте сделать один или два бота с палубами. На оных ботах возле земли, которая идет на Норд и по чаянию, понеже оной конца не знают, кажется, что та земля часть Америки. И для того искать, где она сошлась с Америкой, и чтоб доехать до какого города европейских владений или, ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него, как оной кюст называют, и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюда»⁷. Итак, задачами экспедиции было выяснить, есть ли проход водой между Азией и Америкой, и найти путь с севера в те американские земли, бывшие европейскими колониями, к которым европейцы всегда плавали из южных морей. Достаточно амбициозная задача полностью выполнена не была. Американских берегов экспедиция не достигла, но выяснила через местных жителей, что «земля их делает две губы и обращается к

устью реки Колымы и всюду прилегло море и великие отмели...»⁸. Главным итогом экспедиции стала довольно подробная и точная карта восточного побережья Российских владений. О результатах объявлено было только коротким сообщением в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1730 г.⁹ Итоговая карта Первой Камчатской экспедиции не была опубликована (данные ее были использованы при составлении атласов 1737 и 1745 гг.¹⁰). Копия с итоговой карты этой экспедиции Беринга, выполненная в 1729 г. мичманом П.А. Чаплиным, была переправлена директором обсерватории Академии наук, французским астрономом Ж.Н. Делилем известному картографу Ж.Б. д'Анвиллю, который, в свою очередь, предоставил ее французскому синологу Ж. Дюгальду, в 1736 г. опубликовавшему эту карту в труде «Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Империи Китай и Китайской Тартарии»¹¹. Это вызвало нарекания в адрес Делиля со стороны руководства Петербургской Академии наук, что вынудило его, в конце концов, в 1747 г. уехать из России.

Вторая Камчатская, или Великая Северная, экспедиция (1733–1743) была отправлена по инициативе и под командованием руководителя первой экспедиции – Витуса Беринга. Это был грандиозный и невиданный до тех пор проект. Указ о начале экспедиции был подписан Сенатом в мае 1732 г. В составе ее было несколько отрядов, в числе которых так называемый «академический отряд», в который вошли академики (профессор натуральной истории И.-Г. Гмелин, историограф Г.Ф. Миллер, астроном Л. Делиль де ла Кройер), адъютанты (Г.-В. Штеллер, И.-Э. Фишер) и пять студентов, среди которых был будущий академик С.П. Крашенинников.

Из этой экспедиции корабль А.И. Чирикова¹² в 1741 г. вернулся с огромной добычей: на диких, малолюдных островах и берегах Северной Америки он обнаружил изобилие пушных зверей. Известия, привезенные Чириковым, возбудили на местах страсть к наживе и приключениям. Это было началом движения, которое продолжалось до конца XVIII столетия и привело к созданию Российско-Американской компании и присоединению к России Северных островов и Аляски, потерянных только в 1860-х гг.¹³

Итоговая карта Второй Камчатской экспедиции 1741 г. так же, как и карта Первой Камчатской экспедиции, сразу опубликована не была. В 1752 г. Делиль опубликовал в Париже труд, приписывавший открытия в северной части Тихого океана некоему адмиралу Варфоломею де Фонте. На «Генеральной карте открытий адмирала де Фонте и других мореплавателей: испанских, английских и русских», составленной и изданной Ж.Н. Делилем, путь Беринга не был показан вовсе, прослеживалось плавание к берегам Америки и обратно «капитана Чирикова и месье Делиля де ля Кройера», брата Ж.Н. Делиля, а в центре его внимания оказалось полученное из Лондона вымышленное сообщение о плавании адмирала де Фонте. Экспедиции де Фонте, по-видимому, вообще не было. Работа Делиля не только содержала попытку дезавуировать результаты Камчатской экспедиции Беринга–Чирикова, но и, по суще-

ству, разглашала данные, полученные в ходе камчатских экспедиций, считавшиеся в то время секретными. Лишь сравнительно недавно было доказано, что недоверие, которое оказывали Ж.Н. Делилю обер-прокурор Сената И.К. Кирилов и президент Академии наук И.А. Корф, было вполне оправданным. Ж.Н. Делиль, сурово осуждавший ландкарты русских геодезистов, объявляя их неисправными и непригодными источниками для составления генеральной карты, тем не менее, регулярно, тайно и явно, пересылал во Францию сотни копий уникальных русских карт и различные географические материалы. Коллекция одной только Национальной библиотеки в Париже содержит 193 подобных карты¹⁴.

Опровергнуть данные карт Делиля Академия наук и лично президент К.Г. Разумовский поручили историографу Г.Ф. Миллеру. В 1753 г. в Амстердаме анонимно было напечатано «Письмо офицера Российского флота к некоторому придворному господину». Затем оно вышло на немецком языке в Берлине и на английском в Лондоне. Это был первый ответ на издание книги и карты Делиля. Академия наук в 1754 г. издала на французском языке карту Сибири, где были опубликованы результаты исследований Беринга и Чирикова и Великой Северной экспедиции.

Вся эта история нашла свое отражение в «Ежемесячных сочинениях» несколько позднее – в 1758 г., когда там появилась большая статья Миллера «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных»¹⁵. Здесь Миллер, упоминая и о вышеназванном письме «офицера российского флота», делает обзор всех или, по крайней мере, большей части русских экспедиций к северо-восточным берегам России XVII–XVIII веков. Обширная эта работа начинается словами: «Соединяется ли Азия к северо-востоку с Америкой или нет?» – важный всегда был вопрос между описателями земноводного нашего шара»¹⁶.

В связи с этой публикацией возник спор о возможности плаваний из морей, омывающих Северную Европу, в бассейн Тихого океана через Ледовитый океан. Этот спор был составной частью полемики Миллера с его западноевропейскими оппонентами, ставившими под сомнение достоверность сведений о русских географических открытиях. По убеждению швейцарского географа С. Энгеля (которое разделяли многие его европейских коллеги), Миллер, выполняя политический заказ русского правительства, сознательно исказил имеющиеся в его распоряжении данные, отодвинув, в частности, Азию на целых 30 градусов на восток. Целью дезинформации было, по мнению оппонентов Миллера, предотвратить попытки европейских исследователей освоить Северный морской путь в Тихий океан, что могло бы помешать русским колониальным захватам в этом регионе¹⁷. Правда Миллера в этом споре была окончательно доказана лишь в 1778 г., когда Д. Кук определил, что Азия простирается на восток даже несколько дальше (на 4,5 градуса), чем это показывали опубликованные Миллером данные Беринга. Не подтвердилось и предположение сторонников Северного морского пути¹⁸ о том, что полярные льды имеют исключительно пресноводное

происхождение и, следовательно, значительная часть Ледовитого океана (более 90%, по подсчетам Ломоносова) свободна ото льда и для судов существует свободный проход в высоких широтах. Миллер не отрицал самой возможности прохода Северным морским путем, но он предусматривал при этом развитие экономики Дальнего Востока, строительство портов и судов, то есть создание инфраструктуры региона¹⁹. О возможности прохода северным путем Миллер знал, пожалуй, как никто другой. Именно он открыл в сибирских архивах имя С. Дежнева, человека, который впервые прошел проливом, впоследствии названным Беринговым, оно не было известно руководителям обеих Камчатских экспедиций²⁰. Уже после закрытия «Ежемесячных сочинений», в 1776–1777 гг., находясь в Москве, Миллер написал работу под названием «Известия о новейших кораблеплаваниях по Ледовитому и Камчатскому морю с 1742 года, то есть по окончании Второй Камчатской экспедиции. Часть из истории государствования великой императрицы Екатерины Второй», которая явилась продолжением и развитием темы об истории российских географических открытий в Тихом и Ледовитом океанах. Этот труд включил новые сведения, в том числе об экспедиции В.Я. Чичагова. До конца жизни Миллер всё время продолжал и дополнял этот текст. При жизни ученого он опубликован не был. Впервые на немецком языке его опубликовал ученый из следующего поколения русских исследователей П.-С. Паллас в 1793 г. На русском языке этот труд впервые был опубликован уже в наше время²¹.

Как отмечает А.Б. Каменский, для Миллера «Сибирь стала, прежде всего, научной школой»²². Именно после Второй Камчаткой экспедиции он сформировался как историк Сибири. Статьи Миллера, написанные еще в экспедиции или позднее на основе ее материалов, начинают появляться в «Ежемесячных сочинениях» практически сразу после основания журнала.

Одной из первых больших публикаций о Сибири в «Ежемесячных сочинениях» является «Известие о торгах сибирских»²³. Работа эта, как указывает сам Миллер, была написана им в 1744 г. по поручению президента Коммерц-коллегии князя Б.Г. Юсупова²⁴. Для описания сибирских городов Миллер применял метод, который определяется им самим как метод «коммерческой истории». Он охарактеризовал торговые связи городов и их коммерческую инфраструктуру (наличие гостиних дворов, лавок, таможни), показав своеобразие торгово-промышленной деятельности купечества различных сибирских городов²⁵. Большое внимание в своих исследованиях он уделял анализу влияния природно-географического фактора на развитие торговли и промыслов в Сибири, состояния торгово-транспортных путей. Характеристики городов, данные Миллером, были использованы позднейшими исследователями (Х. Чеботарев, Ф. Полунин).

Статью «О китовой ловле около Камчатки»²⁶ Миллер написал, видимо, пользуясь сведениями С.П. Крашенинникова или И.-Э. Фишера, так как сам он, по собственному признанию, на Камчатке не был²⁷. Статья эта должна была показать одну из экономических возможностей

северо-восточной Сибири. Надо отметить, что наибольшую остроту вопрос о китовой ловле приобрел позднее, уже в середине XIX века в связи с планами Америки создать на Камчатке китоловную компанию, браконьерством и необходимостью запрещающего вмешательства государства в данный вопрос²⁸.

Со Второй Камчатской экспедицией также связана статья «Описание трех языческих народов в Казанской губернии: черемисов, чувашей и вотяков»²⁹. Работа эта была написана Миллером в самом начале экспедиции, в 1733 г. Ее можно считать одной из первых в России работ по этнографии.

Статья «Известие о песошном золоте в Бухарии и чиненных для онаго отправлениях, и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатинская и Устькаменогорская», появившаяся в «Ежемесячных сочинениях» в 1760 г.³⁰, была написана Миллером еще в 1734 г. Для публикации она была переработана автором. В ней отражается план Петра I, который предусматривал «с воинскими людьми», т.е. с помощью военной силы, заниматься поисками золота в Бухарии и установить «купечество» с Индией. По поручению Петра были снаряжены две военные экспедиции – в Малую Бухару (1714 г.) и Хиву (1716 г.). Целью Петра при строительстве крепостей было «себе и своим наследникам открыть путь в страну калмыков, в Бухару, в Индию, чтобы присвоить золотой песок, в изобилии доставляемый тамошними реками»³¹. Однако экспедиции Петра не были удачными, золота они не нашли, а руководитель второй экспедиции, князь А. Бекович-Черкасский, погиб.

Самый объемный труд Миллера «История Сибири» был также опубликован на страницах «Ежемесячных сочинений». Первая его часть вышла отдельной книгой в 1750 г., а вторую Миллер как раз напечатал в журнале³².

Три статьи другого участника академического отряда Второй Камчатской экспедиции, И.-Э. Фишера, тоже были напечатаны на страницах «Ежемесячных сочинений». Это – статьи «Рассуждение о гиперборейцах или народе за севером находящемся», «О народе и имени татарском, также о древних Могольцах и их языках» и «Разсуждение о разных именах Китайского государства и о Ханских титулах»³³.

Вопросам взаимоотношений с Китаем, юго-восточным соседом России, Миллер уделял особое внимание. Как отмечает Е.Н. Беспрозванных, он был «первым исследователем вопроса о Приамурье»³⁴. Действительно, в XVIII веке никто этой проблемой специально не занимался. Соприкосновение империй произошло в XVII веке при освоении русскими территории Восточной Сибири. В 1650 г. на берега Амура вышел землепроходец Ерофей Хабаров с отрядом казаков. Как плацдарм для походов за Амур казаками в 1658 г. был основан город Нерчинск на реке Шилке. Но удержаться здесь имеющимися в распоряжении небольшими силами было невозможно, а государство не оказывало помощи казакам. По Нерчинскому (1689 г.) и Кяхтинскому (1727 г.) договорам с Китаем российское правительство отказалось,

если следовать современному административно-территориальному делению, от Приморья, юга Хабаровского края, Амурской и большей части Читинской области, а также Тывы³⁵. Миллер видел необходимость пересмотреть эти договора и вернуть Приамурье России. Этого требовали стратегические интересы. Он считал, что вышеупомянутые договора были заключены в условиях военного давления со стороны Китая. С помощью разных аргументов историк с 1735 г. доказывал, что земли эти никогда не были населены китайцами. Русские первыми включили в состав своего государства народы Северного Приамурья и юга Красноярского уезда. Следовательно, у России существуют преимущественные права на данные территории. Необходимость включения Северного Приамурья в состав России диктуется потребностью укрепить оборону и обеспечить свободный выход по Амуру в Тихий океан. Так, в работе 1739 г. «Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда Иркутской провинции в Сибири» Миллер рекомендует построить в Нерчинске вместо ветхой деревянной крепости каменную. В дополнение к этому историк предлагает заложить еще одну крепость на мысу, образованном слиянием рек Шилка и Аргунь. Одним из миллеровских планов в решении вопроса о судоходстве по Амуру предусматривалась организация плаваний по реке вооруженных судов.

В середине 1750-х гг. для подготовки плаваний по Амуру были приняты конкретные меры, а их реализация возложена на специальную секретную Нерчинскую экспедицию, возглавлявшуюся Ф.И. Соймоновым (о Соймонове и его участии в журнале см. далее). Однако своей цели экспедиция не достигла из-за нежелания правительства обострять отношения с Китаем, власти которого узнали о русских планах и резко негативно отреагировали на них. К решению вопроса судоходства на Амуре вернулись лишь столетие спустя³⁶.

Тогда же, в 1750-х гг., Миллер написал ряд работ по проблеме Приамурья и взаимоотношений с Китаем. Три из них он опубликовал в «Ежемесячных сочинениях»: «О первых российских путешествиях и посольствах в Китай»; «Изъяснение сумнительств, находящихся при поставлении границ между Российским и Китайским государствами 7197 (1689) года»; «История о странах, при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под Российским владением»³⁷. Последнюю Миллер заканчивает следующими словами: «Сим то оканчиваем историю о реке Амур, а оною, кажется, доказали мы, что тамошняя страна прежде Китайского владения принадлежала до Российского государства, что россияне несправедливым образом перемогающею силою неприятелей из оной изгнаны и что еще несправедливее насильственным мирным заключением при Нерченске она за Китайцами осталась»³⁸. Это – основная мысль, которую автор хочет довести до читателя всеми своими предыдущими рассуждениями и статьями о Китае.

О том, как вернуть земли, отнятые китайцами, Миллер писал и в другой статье, при его жизни не опубликованной – «Рассуждение о предприятии войны с китайцами»³⁹. Здесь рассматривалась возможность полномасштабной войны с Китаем. Одним из необходимых дей-

ствий в войне Миллер считал привлечение на свою сторону коренного населения Забайкалья. Оптимальным для Миллера представлялось такое решение пограничных вопросов в случае войны с Китаем, по которому к России отошли бы Северное Приамурье, Северная Монголия (Халха) и Южный Алтай. Он предостерегал от соблазна присоединить территории, на которые у России не было исторических прав⁴⁰. Надо отметить, что вопрос о границе с Китаем, о территориальных претензиях и спорных территориях не потерял актуальности по сей день.

Историк считал, что необходимо создать некую «буферную зону» между Россией и Китаем – территории, заселенные киргиз-кайсаками (казахами). При этом он не видел целесообразности в том, чтобы делать казахов российскими подданными, они должны были стать просто дружественным народом. Это избавило бы коренное население юга Западной Сибири от казахских набегов и создало бы условия для земледельческого освоения обширных пространств от Иртыша до Яика⁴¹.

Озабоченность Миллера вопросом о казахских народах имела вполне конкретную историческую подоплеку. Сам по себе вопрос о переходе казахов под российское покровительство возник еще в самом начале 1730-х гг. и послужил поводом для снаряжения Оренбургской экспедиции, с которой неразрывно связана научная судьба одного из самых активных сотрудников «Ежемесячных сочинений» – Петра Ивановича Рычкова.

В 1731 г. послы одного из казахских государств, так называемого Малого жуза, прибыли ко двору Анны Иоанновны для выяснения условий российского протектората, который был им необходим для защиты от сильных и воинственных соседей – Китая и Джунгарии. Переговоры продолжались до 1734 г., когда было решено построить город за Уралом, на казахской стороне, в целях защиты. Осуществление этой задачи было возложено на обер-секретаря Сената И.К. Кирилова и специально созданную под его началом экспедицию.

Кирилов был замечательным человеком своего времени. Один из основателей географической науки в России, он был автором первого статистико-экономического и географического ее описания «Цветущее состояние Российского государства», составителем «Атласа Всероссийской империи» и «Генеральной карты России». В своем проекте «Изъяснение о киргиз-кайсацких и каракалпакских ордах» он обосновал необходимость строительства в устье реки Орк крепости – военного опорного пункта и центра торговли. Проект был утвержден 1 мая, а указом от 7 мая 1734 г. будущему городу было дано название Оренбург⁴². Бухгалтером в свою экспедицию Кирилов пригласил П.И. Рычкова⁴³. Это и решило дальнейшую судьбу последнего, посвятившего всю свою жизнь исследованию Оренбургского края. Перед экспедицией ее руководителем ставились задачи не только политические, но и научные. Исследования в различных областях – географии, картографии, ботанике – велись практически с самого начала. Рычков, ведавший перепиской и копировавший казенные бумаги, включался в эту работу.

После смерти Кирилова в 1737 г. начальником Оренбургской экспедиции, переименованной в постоянно действующую Оренбургскую комиссию с центром в Самаре, был назначен историк В.Н. Татищев, который перенес строительство города Оренбург на другое место на реке Яик – при урочище Красная Гора. И Кирилов, и Татищев, несомненно, оказали определенное влияние на Рычкова-ученого.

Последний начальник экспедиции И.И. Неплюев, ставший затем первым губернатором Оренбурга, опять перенес место строительства, на этот раз в район Бердской крепости. Это стало уже окончательным пунктом, где и был построен сегодняшний Оренбург. В 1743 г. Оренбургская комиссия была переведена из Самары в Оренбург, а в 1744 г. образована Оренбургская губерния, и комиссия была преобразована в Оренбургскую губернскую канцелярию, начальником которой стал Рычков. В связи со своей служебной деятельностью Рычков активно занимался научным освоением Оренбуржья, изучение которого стало сферой его интересов как ученого – историка, географа, экономиста.

С 1750 г. Неплюев и его сотрудники усиленно работали над «Представлениями о распространении оренбургской коммерции в дальнейшие азиатские земли, яко то в Балх, Бадкшан и протчие к Восточной Индии принадлежащие места»⁴⁴. Эта работа была связана с развитием перспективного торгового направления Хива–Бухара–Индия, о котором уже говорилось в связи с мероприятиями Петра I. Рычков принимал в ней самое активное участие. Вообще коммерция, ее история и перспективы интересовали ученого и ранее, по этому поводу он обменивался материалами с В.Н. Татищевым. После того, как Татищев покинул Оренбург в связи с новым назначением, общение его с Рычковым продолжалось в переписке. К этому времени Рычков уже не первый год собирал исторические, географические и экономические сведения об Оренбургском крае. Одному из своих корреспондентов Татищев писал о Рычкове: «К изъяснению истории и географии тщательный господин ассессор Рычков многое мне угождение приносит, его сыскание в тех странах, о которых мы до днесь худое знание имеем, но надеюсь, что через него многое еще правильнейшее изъяснение получим»⁴⁵. Именно Татищеву Рычков присылал свои первые научные труды. Татищев хлопотал в Академии наук о признании заслуг Рычкова и присвоении ему звания «почтенного члена» (т. е. почетного члена Академии наук)⁴⁶. Но хлопоты эти нашли отклик не сразу.

Первая печатная работа Рычкова вышла в свет в «Ежемесячных сочинениях». Это было началом статьи «Разговоры о коммерции», которую он за несколько лет перед тем, в 1750 г., послал Татищеву, а тот переправил ее в Москву, «чтоб переписать, а потом дополнить». Там она была переписана для Академии наук без указания имени автора. В ответном письме Рычкову Татищев отметил некоторые недостатки этого труда⁴⁷. «Разговоры...», очевидно, обнаружил в архиве Академии наук Миллер при подготовке очередного номера журнала и напечатал их в февральском и апрельском номерах за первый (1755 год) его издания под названием «Переписка между двумя приятелями о коммерции»⁴⁸.

Причем Миллер, когда печатал первые два письма, не знал, кто их автор. Рычков же, увидев свой текст в журнале, очень удивился и обрадовался⁴⁹. Продолжение статьи Рычков переслал в Академию 3 мая 1755 г. вместе с письмом, в котором признавался в авторстве. Следующую часть статьи он направил 28 июня уже непосредственно на имя М.В. Ломоносова, которого полагал редактором академического журнала и с которым имел переписку по поводу своей «Топографии Оренбургской» (см. далее). Но Ломоносов, неприязненно относящийся к журналу Миллера, отозвался критически и о журнале, и о статье Рычкова. Как вспоминал потом сам Рычков, «он (Ломоносов. – А. Г.) отозвался ко мне, оказывая свое неудовольствие об этих книжках («Ежемесячные сочинения». – А. Г.) и что оныя мои пьесы подлежат некоторой критике (хотя я их, да и все мои сочинения делал не ради того, чтоб им в печати быть, но для рассмотрения от искуснейших) <...>. С того времени прекратил я мою с ним переписку»⁵⁰. Оба продолжения Миллер опубликовал в декабрьском номере журнала за тот же год⁵¹. Письма о коммерции включали краткие очерки истории торговли со свидетельством из книг Священного писания, краткую историю русской торговли и рассуждения о том, какой должна быть торговля, производство, промыслы, словом, всё, «что есть и может быть в коммерции к общенародной пользе»⁵². Так началось сотрудничество Рычкова с журналом Миллера.

Регулярно публиковаться в журнале Рычков начинает с 1757 г. В январе Миллер поместил в «Ежемесячных сочинениях» пятое письмо о коммерции собственного сочинения, с тем, чтобы «подбить» Рычкова на дальнейшую присылку статей о торговле. 28 июня того же года в письме к Рычкову Миллер просил сообщить ему «подробности о торговле» по образцу своего «Описания о сибирских торгах» в Оренбурге, в Астрахани и в Темерникове⁵³ (крепости на левом берегу Дона при устье реки Темерник, где в то время действовала таможня для торговли с Турцией).

В конце 1750-х – начале 1760-х гг. Миллер опубликовал в «Ежемесячных сочинениях» две объемистые работы Рычкова. Первая по времени появления в журнале называется «История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии»⁵⁴. В экспедиции Рычков собрал разные ценные сведения об Оренбургском крае и народах, его населяющих. К Рычкову по этому вопросу обращался за помощью Татищев при написании своей «Истории Российской»⁵⁵. Возможно, написать историю Оренбурга Рычков решил под влиянием Татищева. В этом труде автор обобщил исторические материалы, собранные им с начала работы в экспедиции. Действительно, для молодой Российской империи в тот момент было очень важно освоить новые территории не только «физически», построив пограничные города и крепости, но и исторически, оставив в памяти потомков мысль о целесообразности новых территориальных присоединений и закрепив их как российские. Вначале была напечатана основная часть, в которой описаны события в Оренбургской крае с петровских времен до 1744 г., когда была образована губерния.

В августе 1759 г. Рычков отослал в Петербург «Прибавление», в котором оренбургская история продолжена с 1744 по 1750 г. Труд Рычкова-историка – это своеобразная летопись событий. В нем практически нет критических оценок происходящего (например, башкирского восстания или разногласий И.И. Неплюева с казаками).

Второй большой работой Рычкова, опубликованной в «Ежемесячных сочинениях», стала «Топография Оренбургской губернии». Изначально это сочинение возникло как пояснение к «Ландкартам, или Чертежам географическим», которые составлялись при Кирилове и Татищеве и должны были дать материал для составления генеральной карты Российской империи. «Генеральная карта Оренбургской губернии и смежных с ней мест» была составлена уже при Неплюеве, кроме того, были сделаны десять дополнительных карт. В объяснительном тексте, составленном Рычковым и содержащем шесть глав, дается обстоятельное описание губернии, включившее солидный историко-географический материал, который он собрал, систематически изучая Оренбургский край в течение долгих лет⁵⁶. Работа была закончена в самом начале 1755 г. и включала в себя сведения по истории, географии, этнографии, подробное описание природы и другие важные сведения. 2 февраля 1755 г. Рычков отослал рукопись Ломоносову, который одобрил ее, а после обсуждения на заседании Академической конференции она была рекомендована к напечатанию. 28 июня 1757 г. Миллер писал Рычкову, что ждет продолжения «Топографии...», а также отмечал, что он «употребил в пользу некоторые в первой части находящиеся известия»⁵⁷. Действительно, Миллер исправил в соответствии с «Топографией» Рычкова, например, «Роспись губерниям, провинциям, городам, крепостям, и другим достопамятным местам в Российской Империи находящимся», которая также была напечатана в «Ежемесячных сочинениях»⁵⁸. В 1760 г. Рычков закончил вторую часть «Топографии...» и отослал ее в Петербург. Обе части, одну за другой, Миллер через два года напечатал в «Ежемесячных сочинениях»⁵⁹. Первая часть представляет собой общий обзор губернии, характеристику ее размеров, пограничных народов, административного деления, населения, природы. Во второй части, меньшей по объему, описываются отдельные провинции, города, крепости, «дистанции». Рычков сделал также оценку перспектив хозяйственного развития губернии.

Миллер на страницах журнала несколько раз отмечал, что «Топография...» послужит примером географам и историкам других губерний, которые «искусством и прилежанием» должны быть подобны Рычкову, «мужу искусному и трудолюбивому», и что только тогда будет возможно сочинить «достаточное описание России». Самому же Рычкову Миллер писал, когда тот единственный прислал ответ на одну из его задач⁶⁰ – «О титуле Белого царя»⁶¹: «Вы одни доказываете, что мои старания не тщетны»⁶².

Во многом благодаря своим публикациям в «Ежемесячных сочинениях» Рычков в 1759 году стал первым в истории Российской Академии наук ее членом-корреспондентом. Сам журнал упоминается в

А.Г. Готовцева

«Представлении» президенту об учреждении должности члена-корреспондента и принятии «в академические корреспонденты вышеобъявленного г. советника Рычкова»⁶³. До 1776 г. Рычков оставался единственным человеком в Академии, занимающим такую должность.

В 1762 г. «Топография Оренбургской губернии» вышла также отдельной книгой в академической типографии с того же набора, который делался для журнала. Позднее она была переведена на немецкий язык, в 1771–1773 гг. напечатана немецким географом А.Ф. Бюшингом в издававшемся им «Magazin für die neue Historie und Geographie» («Журнале новой истории и географии», т. 5–6) и в 1772 г. вышла отдельной книгой в Риге.

И, наконец, последние большие историко-географическое исследования, появившиеся на страницах «Ежемесячных сочинений», были связаны с самыми ранними и самыми непродолжительными из описываемых здесь экспедиций – Каспийской экспедицией 1719–1720 гг. и Персидским военным походом Петра I 1722–1723 гг. Царь-реформатор надеялся через Каспий проложить путь, о котором уже не раз упоминалось, «золотой путь» в Среднюю Азию и Индию. А для этого в первую очередь необходимо было исследовать море и составить подробные карты. К началу XVIII в. как в России, так и у западноевропейских географов бытовали самые фантастические представления об очертаниях берегов Каспия. Одной из легенд, которую разрушили каспийские исследования, было существование «свободного моря» между Европой и Средней Азией.

Описание берегов Каспийского моря по поручению Петра было начато в 1714 г. князем А. Бековичем-Черкасским, а продолжено в 1716 и 1718 гг. Н. Кожиным и В.А. Урусовым. В 1719 г. была снаряжена новая экспедиция. Три корабля: первый под командованием К.П. Ван-Вердена, голландца, перешедшего на русскую службу со шведской, захваченного в плен в Северную войну и дослужившегося до капитана 64-пушечного корабля, второй – Ф.И. Соймонова и третий – В.А. Урусова. Работы были закончены в 1720 г. На их основе была составлена и напечатана первая в истории карта берегов Каспийского моря, дающая приблизительно верные контуры величайшего озера-моря Земли. С наибольшим искажением было изображено его восточное побережье (что было исправлено Соймоновым в ходе дальнейших описных работ в 1725 г.)⁶⁴

1722–1723 годы известны в истории России как время Персидского похода Петра I. В этом походе участвовал и Ф.И. Соймонов. После окончания похода Соймонов остался на Каспии и закончил его съемку. Он занимался также научными изысканиями, например, составил географические, экономические и этнографические заметки о провинции Гилян.

Федор Иванович Соймонов, офицер флота, ученый и политик, был одним из выдающихся людей XVIII столетия. Во времена бироновщины был отправлен на каторгу, но вскоре, с восшествием на престол Елизаветы Петровны, освобожден, а в 1757 г. назначен губернатором

Сибири. При Екатерине II с 1763 г. – сенатор пятого московского департамента Сената.

Выйдя в отставку в 1766 г., Соймонов приступил к своему главному труду – «Истории Петра Великого», который был закончен в 1773 г. Соймонов использовал в «Истории...» материал, собранный им раньше. В 1728 г. он составил «Экстракт журналов мореплавания и описания Каспийского моря, которое происходило в 1715, 1716, 1718, 1719, 1720, 1727 годах... Сочинено в Астрахани в 1728 г.»⁶⁵. Этот «Экстракт...» был обработан Миллером, снабжен необходимыми примечаниями и опубликован в «Ежемесячных сочинениях» в 1763 г.⁶⁶. Статья рассказывает об экспедициях Бековича-Черкасского и Кожина, о плаваниях Ван-Вердена и самого Соймонова, о Персидском походе Петра, сообщает много других сведений. В том же году «Описание Каспийского моря...» вышло при Академии наук отдельной книгой⁶⁷, рецензия на которую также была напечатана в «Ежемесячных сочинениях» в разделе «Известия о ученых делах»⁶⁸. Миллер сделал и еще некоторые выписки из путевого журнала Соймонова, уже после закрытия «Ежемесячных сочинений», и в 1765 г. издал при Московских департаментах Сената⁶⁹ (и Миллер, и Соймонов по долгу службы тогда были в Москве).

Исследованию Каспийских земель посвящено и другое большое сочинение. Принадлежит оно брандербуржцу Иоанну Густаву Герберу (на русской службе с 1710 г.). Петр I поручил Герберу перевезти из Москвы в Астрахань часть артиллерии, предназначавшейся для военных действий в прикаспийских областях. После взятия Дербента Гербер пять лет пробыл в Грузии уполномоченным комиссаром, заключил выгодный пограничный договор с Турцией, хорошо изучил земли, прилегающие к Каспийскому морю, описал их и сочинил карту, которая в 1736 г. была издана Академией наук. Он также руководил очередной экспедицией в Бухару и Хиву, которая была отправлена в 1731 г. и кончилась неудачно. В «Ежемесячных сочинениях» помещено «Известие о находящихся с Западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Куром народах и землях, и о их состоянии в 1728 году. Сочинено полковником Артиллерии Иваном Густавом Гербером»⁷⁰. К самой первой части статьи Миллер делает примечание, которое раскрывает биографию автора, а также сообщает, что это сочинение было напечатано в Берлине под именем Королевского Тайного советника Фокерота, и то, что в нынешнем издании к нему добавлена некоторая информация. В 1736 г. часть этой статьи была напечатана в *Sammlung russische Geschichte*⁷¹.

Другая статья Гербера представляет из себя примечания к «Географии России X века» историка Г.-З. Байера, опубликованной в IX томе академических Комментариев⁷². Напечатана эта статья сразу вслед за последней частью «Известия о народах и землях...»⁷³.

В данном контексте остается упомянуть еще одну любопытную статью Соймонова, написанную им в бытность губернатором Сибири. Она называется «Древняя пословица Сибирь Золотое дно. Описание сообщенное из Сибири»⁷⁴. Ко второй части статьи Миллер делает примеча-

А.Г. Готовцева

ние: «Сие продолжение назначено было к внесению в Ежемесячные Сочинения еще в прошлом 1762 году; но за неполучением онаго тогда, сообщается ныне, и с обнадеживанием, что впредь еще третье продолжение, самыя новейшия изобретения содержащее, сообщено будет иметь»⁷⁵. Однако обещанная редактором третья часть статьи так и не появилась в журнале. Считается, что в этой работе Соймонов осуществил первое научное экономическое районирование Сибири. Интересна эта статья еще и тем, что она обращает внимание на Сибирь как на один из самых богатых районов России. Ее богатства заключаются не столько в золоте как таковом, а в ресурсах и промыслах, требующих должного освоения и попечения со стороны государства. Так, во второй части статьи подробно описывается бобровый промысел. «Несомненно ожидать должно, – пишет Соймонов, – что со временем великое богатство оттуда получать будем»⁷⁶.

Таким образом, все географические исследования, проводимые молодой Российской империей с целью закрепления восточных областей, находили отражение в журналистике. Журнал «Ежемесячные сочинения» заложил основы особого вида журналистики – журналистики научной, задача которой – знакомить общество с достижениями «высокой» науки, писать о науке доходчиво, выявлять взаимосвязь научного знания и культуры, истории, политической жизни России.

Примечания

- 1 Журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» издавался при Академии наук с 1755 по 1764 г. (с 1758 г. – «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», с 1763 г. – «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах»). На страницах журнала встречаются как литературные, так и научные публикации, как оригинальные, так и переводные. Редактором журнала был знаменитый историк Герард Фридрих Миллер (1705–1783).
- 2 См., напр.: *Вернадский В.И.* Очерки по истории естествознания в России середины XVIII столетия // *Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России. М., 1988. С. 63–201; *Матвиевский П.Е., Ефремов А.В.* Петр Иванович Рычков (1712–1777). М., 1991 и др.
- 3 См., напр.: *Берков П.Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 101; *Готовцева А.Г.* К истории публикации статьи «О качествах стихотворца рассуждение» в журнале Академии наук «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» // Эдиционная практика и проблемы текстологии: Сб. статей. М., 2006. С. 134–141.
- 4 *Милотин В.А.* Очерки русской журналистики, преимущественно старой: «Ежемесячные сочинения», журнал 1755–1764 годов: Статья вторая // *Современник*. 1851. № 2. Отд. II. С. 155.
- 5 Подробно обо всех предпринятых экспедициях и исследователях см., напр.: *Вернадский В.И.* Очерки по истории естествознания в России середины XVIII столетия. С. 93–98.

- 6 Там же. С. 99–101.
- 7 Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 5. С. 750. Немец. die Küste – морской берег, побережье, взморье.
- 8 *Вернадский В.И.* Очерки по истории естествознания в России... С. 103.
- 9 См.: *Греков В.И.* Очерки по истории русских географических открытий. – М., 1960. С. 39.
- 10 *Вернадский В.И.* Очерки по истории естествознания в России... С. 104.
- 11 Description géographique, historique, chronologique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise. La Haye, 1736. Т. IV. P. 561–569.
- 12 Чириков Алексей Ильич (ум. в 1749), капитан флота, был заместителем Беринга во время Второй Камчаткой экспедиции, принимал активное участие в Первой, исследовал Алеутские острова и значительную часть северо-восточного берега Сибири.
- 13 *Вернадский В.И.* Очерки по истории естествознания в России... С. 107 и 383–384 (коммент. ред. 22).
- 14 Там же. С.382 (коммент. ред. 20).
- 15 Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1758. Январь. С. 3–27; февраль. С. 99–120; март. С. 195–212; апрель. С. 291–325; май. С. 387–409; июль. С.5–32; август. С. 99–129; сентябрь. С. 195–232; октябрь. С. 309–336; ноябрь. С. 394–424. Была также опубликована в журнале «Sammlung russische Geschichte». Т. III.
- 16 Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1758. Январь. С. 3.
- 17 Подробнее о полемике см.: *Белковец Л.П.* Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в.: Г.-Ф.Миллер и А.-Ф.Бюшинг. Томск, 1988.
- 18 Автором проекта Северного морского пути был М.В. Ломоносов, который составил его с помощью собственных расчетов, а также данных Второй Камчаткой экспедиции. Результатом этого проекта Ломоносова стала Северная морская экспедиция В.Я. Чичагова 1765-1766 гг.
- 19 *Элерт А.Х.* Сибирь и сибирские народы в геополитических проектах академика Г.-Ф. Миллера [Электронный ресурс] // Сайт Сектора археологической теории и информатики Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. – Электрон. данные. – 2006-2007. – Режим доступа: http://www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/Data/n_e_sib_2/elertw.htm, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 20 Академик Х.-Н. Винсгейм опубликовал о Дежнев в 1742 г., видимо, со слов Миллера «Известие о северном морском ходе россиян...» (Примечания к «Санкт-Петербургским Ведомостям». СПб. 1742, 12 июля. С. 224) – цит. по: *Вернадский В.И.* Очерки по истории естествознания в России. С. 134. Прим. 15.
- 21 См.: *Миллер Г.-Ф.* Сочинения по истории России: Избранное. М., 1996. С. 127–179.
- 22 *Каменский А.Б.* Судьба и труды Г.-Ф. Миллера // Миллер Г.-Ф. Сочинения по истории России: Избранное. М., 1996. С. 379.
- 23 Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1755. Сентябрь. С. 195–280; декабрь. С. 525–537; 1756. февраль. С. 180–191; март. С. 195–226; апрель. С. 339–360; май. С. 387–421.
- 24 См.: *Миллер Г.-Ф.* Описание моих служб 1725–1775 // Миллер Г.Ф. История Сибири: В 2 т. Т. 1. М., 1999. С. 152.

А.Г. Готовцева

- 25 О методе «коммерческой истории» см.: *Резун Д.Я.* Очерки истории изучения Сибирского города XVIII века. Новосибирск, 1991. С. 91–95.
- 26 Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1757. Май. С. 470–479.
- 27 *Миллер Г.-Ф.* Описание моих служб. С. 152.
- 28 Подробнее об этом см.: *Аров В.Н.* Иностранное браконьерство в водах Камчатки в XIX–начале XX вв. [Электронный ресурс] // Сайт Фонда «Северная Пасифика». – Электрон. данные. – Петропавловск-Камчатский, 1999–2005. – Режим доступа: <http://www.npacific.ru/np/library/publikacii/questhist/istor-21.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 29 Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1756. Июль. С. 33–64; август. С. 119–145; также на немецком языке в *Sammlung russische Geschichte*. III. Издано отдельно с добавлениями и рисунками при Академии наук в 1791 г. уже после смерти Миллера.
- 30 Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1760. Январь. С. 3–54; февраль. С. 99–136.
- 31 Там же. Январь. С. 4.
- 32 Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1764. Январь. С. 3–43; февраль. С. 99–135; март. С. 195–237; апрель. С. 291–324; май. С. 387–418; июнь. С. 483–528.
- 33 Там же. 1755. Февраль. С. 123–138; май. С. 421–450; 1756. Октябрь. С. 311–327.
- 34 *Беспрозванных Е.П.* Приамурье в системе русско-китайских отношений. XVII – середина XIX в. М., 1983. С. 6.
- 35 *Думлер А.* Рядом с большим соседом // *Эксперт-Сибирь*. 2003. № 8.
- 36 *Элерт А.Х.* Указ. соч.
- 37 Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1755. Июль. С. 15–57; 1757. Апрель. С. 305–321; июль. С. 3–39; август. С. 99–130; сентябрь. С. 195–227; октябрь. С. 291–328.
- 38 Там же. 1757. Октябрь. С. 328.
- 39 Опубликована в кн.: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882. С. 378–393.
- 40 *Элерт А.Х.* Указ. соч.
- 41 Там же.
- 42 Подробнее см.: *Матвиевский П.Е., Ефремов А.В.* Указ. соч. С. 26–32.
- 43 В данном контексте интересен еще один факт, связанный с подбором в экспедицию священника. По этому поводу Кирилов встречался с юным Ломоносовым, который хотел было принять священнический сан и уехать в экспедицию, чтобы избавиться от проблем с возможным разоблачением его происхождения, но именно это и помешало ему принять участие в экспедиции, и Кирилову пришлось подыскивать другую кандидатуру.
- 44 Цит по: *Матвиевский П.Е., Ефремов А.В.* Указ. соч. С. 102.
- 45 Там же. С. 53.
- 46 Там же. С. 53–55.
- 47 *Пекарский П.П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867. С. 19, 35.

- 48 Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1755. Февраль. С. 105–122; апрель. С. 307–338.
- 49 *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 35.
- 50 Там же. С. 36.
- 51 Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1755. Декабрь. С. 493–515.
- 52 Там же. Февраль. С. 121.
- 53 *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 37.
- 54 Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1759. Январь. С. 3–47; февраль. С. 99–142; март. С. 195–225; апрель. С. 291–336; май. С. 387–445; июнь. С. 483–502; июль. С. 3–36; август. С. 99–134; октябрь. С. 291–333; ноябрь. С. 387–414; декабрь. С. 570–574.
- 55 *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 15–16.
- 56 *Матвиевский П.Е., Ефремов А.В.* Указ. соч. С. 113–115.
- 57 *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 38.
- 58 Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1757. Январь. С. 3–49; февраль. С. 100–125; март. С. 195–223.
- 59 Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1762. Январь. С. 3–70; февраль. С. 99–260 (160 – со с.113 (213) и до конца июня – ошибка в нумерации страниц на 100 единиц); март. С. 295–366; апрель. С. 401–453; май. С. 497–557; июнь. С. 593–618; июль. С. 3–60; август. С. 99–139; сентябрь. С. 195–250; октябрь. С. 291–327; ноябрь. С. 387–435.
- 60 «Задачи» были введены Миллером в журнал в 1763 г. и печатались до середины 1764 г. Здесь печатались интересные вопросы, а читателям предлагалось присылать на них в редакцию ответы. Например: «Почему часть города Москвы Китаем называется?» (февраль 1763); «Отчего происходит окончательный слог «вич» прилагаемый для чести к отеческому имени?» (январь 1763); На задачу «Какое имеет “начало и произхождение звание Белого царя”, которым Российского монарха называют в «Азиатских странах?» Миллер и получил ответ от Рычкова. Собственно, ответ этот не был однозначен. Рычков не приходит к одному выводу, а лишь перечисляет различные версии происхождения этого титула.
- 61 Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1763. Апрель. С. 381–383; август. С. 120–133.
- 62 *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 69.
- 63 Там же. С. 41–42; *Рычков П.И.* Записки Петра Ивановича Рычкова // Русский архив. 1905. Кн.3. № 1. С. 315; *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1950–1957. Т.10. С. 619–620.
- 64 *Вернадский В.И.* Очерки по истории естествознания в России... С. 119.
- 65 Там же. С. 142. Прим. 160.
- 66 Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний яко часть Истории Петра Великого трудами Тайного Советника Губернатора Сибири и ордена Святого Александра кавалера, Федорова Ивановича Соймонова, выбранное из журнала Его Превосходительства // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1763. Январь. С. 7–35; февраль. С. 99–123; март. С. 195–246; апрель. С. 291–320; май. С. 387–432; июнь.

А.Г. Готовцева

- С. 483–506; июль. С. 3–35; август. С. 99–119; сентябрь. С. 195–233; октябрь. С. 291–334; ноябрь. С. 387–400.
- 67 Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого, трудами Тайного Советника, Губернатора Сибири и ордена Святого Александра Кавалера, Федора Ивановича Соймонова, выбранное из журнала Его Превосходительства, в бытность его службы морским Офицером, и с внесенными, где потребно было, дополнениями Академии Наук Конференц-Секретаря, Профессора Истории и Историографа, Г.Ф. Миллера. СПб., 1763. 380 с.
- 68 Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1763. Декабрь. С. 557–559.
- 69 О торгах за Каспийское море древних средних и новейших времен; выписано из журнала его превосходительства господина тайного советника, сенатора и ордена Св. Александра кавалера Федора Иванович Соймонова, и из внесенных во оной дополнений Академии наук конференц-секретаря, профессора истории и историографа, Г.Ф. Миллера. М., 1765.
- 70 Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1760. Июль. С. 3–48; август. С. 99–140; сентябрь. С. 195–232; октябрь. С. 291–308.
- 71 Sammlung russische Geschichte (Собрание русской истории) – научное издание по русской истории на немецком языке, издававшееся при Академии наук Г.-Ф. Миллером с 1732 г.
- 72 Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae (Комментарии Санкт-Петербургской императорской Академии наук) выходили на латинском языке и представляли собой печатный орган для публикации трудов членов Академии. Всего с 1728 по 1751 г. вышло 14 томов.
- 73 Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1760. Октябрь. С. 309–320.
- 74 Там же. 1761. Ноябрь. С. 449–467; Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1764. Январь. С. 44–59.
- 75 Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1764. Январь. С. 44.
- 76 Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1761. Ноябрь. С. 467.

В.Н. Ершова

«ЖУРНАЛ ДЛЯ МИЛЫХ».
ИЗ ИСТОРИИ ЖЕНСКИХ ЖУРНАЛОВ
В РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Исследование посвящено истории «журналов для женщин» в России в начале XIX века. В центре внимания – «Журнал для милых», один из первых женских журналов в России, широко известный благодаря скандальным эротическим публикациям. Эта статья – первое полное исследование истории журнала, его содержания, круга авторов, издателей и читателей.

Ключевые слова: женская периодика, «Журнал для женщин», П.И. Шаликов, женщина-журналист, история женских журналов.

Первые журналы для женщин в России появились еще в XVIII веке, но именно первую четверть XIX столетия можно назвать временем формирования женского журнала как «типа издания». В начале XIX века издатели и редакторы выделили женщин в самостоятельную читательскую группу со своими интересами, вкусами и требованиями. Чтобы удовлетворить запросы этой новой группы, во-первых, появляются специализированные женские журналы, и, во-вторых, они стремятся привлечь женскую аудиторию. Например, «Вестник Европы» в 1804 г. начал публиковать на своих страницах «парижские моды»¹. Аналогичная тенденция отмечается и в зарубежной журналистике. Например, Сьюзан Брансон в статье о Мэри Кар, издательнице «Ladies' Tea Tray», упоминает, что американские журналы (например, «Massachusetts Magazine», 1793 г.) активно привлекали женщин в ряды своих читателей².

Такой неожиданный интерес к миру женщин в России несомненно связан с появлением в русской литературе сентиментализма, где на первый план вышли чувства и эмоции – понятия, в культуре неразрывно связанные с миром женщин. Интересно, что журналы не только создавали новую читательскую аудиторию, но и формировали новую группу авторов. Женские издания активно призывали читательниц присылать произведения для публикации. Впервые женщинам давали возможность высказаться, выйти в «публичную сферу» из «домашнего мира», где они были заключены до сих пор. Здесь важно упомянуть о роли, сыгранной языком светских женщин в развитии «нового литературного

В.Н. Ершова

слога»³. В истории литературы хорошо известны апелляции Н.М. Карамзина и его последователей к дамскому употреблению и вкусу как высшему арбитру в языковых спорах об идеальной норме⁴. Исследователь А.А. Алексеев проанализировал 10 писем из архива Куракиных и пришел к выводу, что «в письмах женщин на фоне преобладающей нейтральной русской языковой стихии с лаконичными и выразительными синтаксическими построениями отчетливо выделяются, во-первых, просторечно-разговорные добавления, и во-вторых, лексические, семантические и синтаксические галлицизмы (смесь русского с французским)»⁵. На основании исследования Алексеева можно говорить о существовании во второй половине XVIII века некоего специфического женского слога, активно впитывающего языковые новшества, направленные на облегчение и упрощение языка в целом. В связи с этим значительно повышается роль женских журналов в истории русской литературы и журналистики.

«Журнал для милых» 1804 года – одно из первых изданий, посвященных непосредственно женщинам и, видимо, первое, открыто призвавшее женщин в круг своих авторов. Благодаря публикациям эротического содержания журнал имел весьма скандальную известность в литературных кругах. Стоит отметить, что одним из его сотрудников был П.И. Шаликов, в дальнейшем создавший самый известный и значительный журнал для женщин в первой половине XIX века в России – «Дамский журнал». До сих пор «Журнал для милых» серьезно не исследовался. Отрывочно о нем упоминает Н.Н. Булич в своих «Очерках»⁶. В. Покровский в начале XX века переиздал несколько редких журналов, в том числе и «Журнал для милых»⁷, с небольшими предисловиями.

В данной статье впервые сделана попытка не только восстановить историю издания «Журнала для милых», описать круг авторов, проанализировать содержание, но и взглянуть на него в контексте эпохи, сравнить с зарубежными женскими изданиями того времени, чтобы оценить его роль в истории русской журналистики.

Предыстория

Как уже упоминалось, первые журналы для женщин в России появились еще в XVIII веке. Поэтому, прежде чем анализировать судьбу «Журнала для милых», стоит кратко представить его предшественников. Первыми журналами, ориентированными на женскую аудиторию, можно назвать «журналы мод». Исследовательница О.В. Сляднева в книге «Очерки истории российской рекламы» дает такое определение: «Журнал мод – это рекламное издание, рекламное явление; его смысл, цель и первичная функция – пропагандировать моды, призывать читателей пользоваться предлагаемыми образцами для подражания»⁸. Первый «журнал мод» в России пробовал издавать Н.И. Новиков в 1779 году. Под «модами» подразумевались, как указывает Толковый словарь Д.Н. Ушакова, «предметы туалета, отвечающие последней моде, пре-

имущественно в образцах»⁹. Журнал «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета» печатался в Санкт-Петербурге, а с мая 1779 г. в Москве в Университетской типографии. Всего вышли четыре части или двенадцать книг. Из списков подписчиков следует, что всего их было 58, из них 9 женщин. Большую часть журнала составляли стихотворения с возвышенно-историческим или мифологическим содержанием, идиллии, песни, басни, эпиграммы, сказки, загадки, анекдоты. В конце журнала публиковался анонс новых книг с указанием цен и места, где выбранные книги можно приобрести. Новые парижские моды были представлены на цветных страницах и представляли собой всего несколько картинок, выполненных в технике литографии и представлявших либо полный наряд, либо только головной убор. Помимо этих картинок в журнале не было ничего, относящегося к моде. Несмотря на название, журнал по существу не был «журналом мод», а скорее представлял собой литературное издание для женщин, в котором моды лишь подчеркивали его ориентацию на специфическую аудиторию.

Следующей попыткой создания «журнала мод» стал «Магазин английских, французских и немецких новых мод, описанных ясно и подробно и представленных гравированными на меди и иллюминированными рисунками, с присовокуплением описания образа жизни, публичных увеселений и времяпрепровождений в знатнейших городах Европы; приятных анекдотов и пр.»¹⁰ (magazine с франц. – журнал. – В. Е.), издававшийся в 1791 г. В.И. Огороковым, новым арендатором Университетской типографии. В этом издании мы находим уже больше модных картинок, причем на них изображена не только модная одежда, но и модные экипажи, уборы лошадей, модная мебель. Все иллюстрации и значительная часть текстов перепечатывались из европейских модных изданий. Журнал, безусловно, рассчитывал на внимание со стороны дам. Однако Огороков не рискнул выделить интересы дам для специального издания – его журнал предназначался в равной степени как женщинам, так и мужчинам. Но и этот журнал не продержался на плаву больше года.

Следующим изданием, которое хоть и не было анонсировано как «женское», но было посвящено женщинам, можно назвать журнал «Московский Меркурий» 1803 года Петра Ивановича Макарова (не путать с издателем «Журнала для милых» Михаилом Николаевичем Макаровым. – В. Е.). В конце первой книжки издатель заявляет: «Вам любезные читательницы, желаем предпочтительно угодить: Ваше только одобрение назовем венцом и счастьем своим»¹¹. В журнале воспеваются женский ум и таланты. Женщина выступает как литератор, ученый, а не только как объект мужской любви. Например, во вступительной статье «Некоторые мысли издателей Меркурия» в первом номере журнала П.И. Макаров превозносит женщин и их влияние на французскую культуру и историю: «Женщины всегда были и будут первою (хотя иногда невидимою) пружиною человеческих деяний, причиною всего изящного и великого...»; «Во Франции женщины упражнялись в литературе и все первоклассные ученые стека-

В.Н. Ершова

лись к ним со всех сторон...»¹². Влиянию женщин Макаров приписывает блеск французской литературы в последние годы монархического правления. Он говорит, что возрождение наук и поэзии и смягчение нравов в средние века было произведено ими же. Далее он защищает женщин, украшенных знаниями, от обвинений в педантизме, в забвении своей житейской среды¹³. Эта вступительная статья задает тон всему изданию. Положительный образ умной, образованной, талантливой женщины впоследствии стал центральным в журналах П.И. Шаликова. «Московский Меркурий» издавался год, вышло 12 книжек в 4 частях с гравированными и раскрашенными модными картинками. В 1804 г. П.И. Макаров умер, и журнал прекратил свое существование.

«Журнал для милых»

В газете «Московские ведомости» за 1803 год (№ 71) было объявлено об издании нового журнала: «С ревностною охотою, желая угодить любезным нашим соотечественницам, предпринимаем издавать “Журнал для милых”. Уже давно, как в России завелись журналисты, издавали и издают Журнал для ученых, политиков, стихотворцев, модников; но никто еще не предпринимал издавать журнал для прекрасного пола. Всякий обожает, хвалит женщин, и никто не хочет повергнуть особенного цветка к ногам их»¹⁴. Здесь стоит отметить, что издатели разделяют «журнал для модников» и «журнал для женщин», который они собираются издавать. Соответственно, здесь мы уже имеем дело не с «журналом мод», а с новым типом издания, обращаемся к женской аудитории. «Мы же, желая оказать признательность нашему нежному полу, почли долгом выдавать книжки, под именем: Журнал для милых; в нем ничего не будет мудрого, политического, но будут помещены часы милых девушек; каждые два часа будут содержать романсы, стишки, занимательные песенки»¹⁵. По мнению издателей, женский журнал от мужского отличается прежде всего отсутствием «мудрого» и «политического». То есть с самого начала анонсируется развлекательная функция журнала, единственно возможная для женщин. «Мы будем с удовольствием помещать приличные нашему Журналу пьески, и надеемся, что на первые наши книжки нежные Господа Авторы кинут по цветку своих произведений»¹⁶. Очень важно, что еще в объявлении об издании создатели пытаются привлечь женщин в качестве авторов.

Первая книжка «Журнала для милых» вышла 15 января 1804 г. Журнал печатался в Типографии Московского университета, а с 7 номера – в «привилегированной Типографии Кряжева и Мея». Подписная цена по Москве была 5 руб., в другие города «не далее 1000 верст» – 7 руб.¹⁷ Всего вышло 12 номеров. Нумерация страниц начинается с первого номера и продолжается до 6-го, а с 7-го снова начинается с первой страницы (предполагалось, что для домашних библиотек номера будут брошюроваться в

полугодичные тома). Каждая книжка разделена на две части, на два «часа». Часы нумеруются начиная с первого номера. В каждом номере примерно по 40 страниц. Журнал издавался в голубой обложке с гравированными ребюстами. Подписаться на журнал можно было в книжной лавке Университетского Комиссионера Ивана Переплетчикова, в доме князя Сергея Михайловича Голицына на Тверской, что следует из рекламы на обложке № 5 за май 1804 года.

Издатели

Журнал издавался «обществом молодых людей»¹⁸, имена свои они не открывали, печатаясь под псевдонимами. Имена издателей удалось восстановить по коллективному псевдониму, которым они подписали последний номер журнала «М. – К. – кн.Ш. и С.»¹⁹. «М.» – это редактор и издатель журнала, Михаил Николаевич Макаров. На момент издания журнала ему было всего 15 лет. М.А. Дмитриев пишет: «Михаил Николаевич Макаров рассказывал мне, что в первый раз он встретил Карамзина в типографии и тотчас поднес ему билет на “Журнал для милых”. Карамзин поблагодарил его и сказал: “В первый раз еще вижу детей журналистами”. Он знал уже журнал Макарова»²⁰. В своей статье в «Литературном вестнике» исследователь А.Г. Максимов пишет, что Макаров был рязанский уроженец, воспитывался в московском университете, в дальнейшем писал для «Дамского журнала» Шаликова и других изданий, умер в 1847 году²¹. Кроме Макарова, в «Журнале для милых» участвовали С.И. Крюков, скрывавшийся под псевдонимом «К.», и князь П.И. Шаликов (псевдоним «кн.Ш.»). С.И. Крюкову было 20 лет, умер он в 1804 г.²² «Московский Курьер» в 1805 г. напечатал эпитафию Крюкову:

На прах здесь Крюкова вы, Милые, взгляните,
Сердечный вздох, слезу ему вы посвятите;
Для вас он жертвовал и знаньем и собой:
Да будет мирен сон, любезный Крюков, твой²³.

П.И. Шаликов был самым старшим из издателей, на тот момент ему было 34 года. К сожалению, степень участия Шаликова в журнале установить практически невозможно, как я уже писала выше, авторы не подписывали свои материалы. Имя четвертого из «молодых людей», подписавшегося «С-ъ», А.Г. Максимов установить не смог. Из мемуаров М.А. Дмитриева мне удалось узнать, что под псевдонимом «С-ъ» скрывался знакомый Макарова, студент И.В. Смирнов. «Семнадцатилетний Макаров (в своей статье «Худая участь дамских журналов в России» Макаров упоминает, что журнал он начал издавать в 15 лет²⁴. – В. Е.) начал его («Журнал для милых». – В. Е.) с помощью одного студента Славено-греко-латинской Академии И.В. Смирнова»,²⁵ – пишет М.А. Дмитриев.

Круг авторов

Как и во многих журналах этого периода, очень сложно установить авторство, так как большинство материалов не подписывалось или подписывалось инициалами и псевдонимами. Видимо, какая-то часть публикаций принадлежала перу самого М.Н. Макарова. Некоторые из них подписаны его фамилией или инициалами «М. М*в», «М. М-ров», «М.». В основном это переводы, например, восточная повесть «Лукреция» (№ 2, с. 71–79), «Нечто о женщинах» из сочинений Франциска Майера (№ 11, с. 284–289). Некоторые материалы, подписанные «С.И. К-ъ», видимо, принадлежали С.И. Крюкову. Несколько произведений подписаны Гр-г-р См-р-н-в. Возможно, под этими инициалами скрывается И.В. Смирнов. Реальны ли такие персонажи, как Гавриил Пе-ть, Илья Старинкевич, Дмитрий Лавров, Силавий Касверий, остается загадкой. Доподлинно удалось установить только авторство повести «Несчастный Ма-в» (№ 9, с. 149–166), так как ранее она была опубликована в журнале «СПб. Меркурий»²⁶ (1793 г.) Крылова и Клушина. Автором был А.И. Клушин, довольно известный литератор и журналист, друг и соиздатель Крылова (журналы «СПб. Зритель» и «СПб. Меркурий»). В «Журнале для милых» повесть перепечатана Д.О. Барановым, видимо, в качестве шутки над издателями, как перевод Е.П. Люценко. Один из известных авторов «Журнала для милых» – князь Н.М. Кугушев. В двенадцатом номере опубликованы отрывки из его книги «Мой курс в Липецке в 1804 г.»²⁷ под заголовком «Липецкий бульвар» (с. 352–362) и стихотворение (с. 363.). Н.М. Кугушев выступал как драматург и поэт. Самое крупное его произведение – поэма «Грановитая палата». Сотрудничал в журналах «Иппокрена», «Новости русской литературы», «Минерва», «Московский курьер»²⁸.

Уже в объявление об издании «Журнала для милых» издатели активно призывают читательниц присылать произведения для публикации. Это очень интересный факт в контексте европейской практики «женских изданий». С. Брансон в статье «Гендерные стратегии успеха на литературном рынке в начале XIX века» приходит к выводу, что очень многие общие журналы, а тем более гендерно ориентированные, активно стремились привлекать читательниц в ряды авторов²⁹. Но был ли отклик на эти предложения? Итак, по моим подсчетам, в 12 номерах «Журнала для милых» размещено 26 произведений, написанных от лица женщины или подписанных женскими именами. Причем 7 из них – в первом номере. Видимо, объявление в газете возымело действие. Сложно точно определить, какие из них действительно написаны женщинами. В журналистике того времени существовала практика, когда мужчины писали от лица женщин, например, для того, чтобы привлечь женскую аудиторию. Стихотворение «Измена» (№ 7, с. 40–42) написано от женского лица, а подписано «Гргр. Смрнв.». Отрывок» (№ 10, с. 256–259) также написан от женского лица, а подписан «Але-р. – Мелнов.». И наоборот, женские произведения могли публиковаться под мужскими псевдонимами. Очень сложно определить авторство перево-

дов. Так, например, в первом номере опубликована переведенная с французского повесть «Любим и Катерина», за подписью «А...». И только благодаря помещенной в третьем номере издательской заметке «Мщение» удается установить, что перевод сделан женщиной: «Одна из читательниц заметила, что повесть Любим и Катерина, помещенная в первом номере – “тот же парень, только в вывороченном тулупе”». Издатели признаются, что это и правда перевод французской повести «Пирам и Тизбе», но, по их словам, повесть перевела «прелестная девушка», которая попросила опубликовать ее с измененными именами. «Любезная переводчица дала Тизбе свое имя, и может быть, тут кроется какая-нибудь тайна» (№ 3, с. 175–179). На обложке шестого номера издатели пишут, что публикуемые ими произведения – «большую частью труды любезнейшего пола»³⁰. Возможно, часть материалов, из содержания или подписи которых явно не следует пол их автора, тоже написаны женщинами. А возможно, это просто рекламный ход для привлечения читательниц.

Ясно одно – издатели ценили женское авторство и иногда даже специально указывали, что материал прислан именно женщиной. Например, «Стихотворение» в номере 6 подписано: «Пьеса сия сообщена женщиною. К.Е.С.М.»³¹. Статья «Известие» в седьмом номере (с. 37–39) имеет помету в скобках «Сообщено женщиною». Несколько инициалов встречаются довольно часто: «Кн. Ел. Тр-я.» и «А.Б.». От лица этих женщин-авторов написаны несколько писем с критикой в адрес «Вестника Европы», поэтому они будут рассмотрены отдельно. Также 4 женских стихотворения подписаны инициалами «Т.Н.» («Последнее утешение» – № 1, с. 19–20; «Потеря спокойствия» – № 1, с. 20–28; «Песня» – № 5, с. 265–266; «Решимость» – № 9, с. 183–184.). Возможно, за этими инициалами скрывается реальная женщина. Имя женщины-автора также можно восстановить в публикации «Забавные привычки женщин в словах» (№ 10, с. 248–252), подписанной «переведла с немецкого Аслаз. Мак-ва.». Можно предположить, что переводчицу зовут Аслазия Макарова. Стоит также обратить внимание на «Письмо к Издателям», опубликованное в двенадцатом (последнем) номере за подписью «М-я Аи-л-ва». В письме некая читательница восторженно отзываясь о журнале и сожалеет о его закрытии: «Нужно ли повторять, что я его прочла с удовольствием... он мне полюбился. И для того с некоторым прискорбием увидела в нынешних газетах, что с нынешнего года Журнал ваш кончится»³². Письмо заканчивается подписью: «Читающая с удовольствием Журнал ваш. М-я Аи-л-ва. Козлов. 1804 Ноябрь 6 дня»³³.

Здесь стоит сказать о стереотипах, существовавших в то время в российском общественном сознании относительно женщин-авторов. К. Хайдер утверждает, что женщине тогда нельзя было обойтись без консультанта-мужчины при написании текста и, конечно, без «покровителя» при публикации³⁴. «Упоминание о мужчине-советчике является топомом скромности: инициатива писать или публиковаться не должна исходить от самих писательниц. Нужны уговоры семьи, друзей

или знакомых. Только это получает одобрение критики. Общественный код требует, чтобы женщина-автор предлагала свое произведение не потому, что ищет “публичности” и “тщеславна”, а потому что покоряется воле своей любимой матери и считается с просьбой своих родственников и друзей»³⁵. Поощрялась также публикация по социальным причинам, например, чтобы заработать средства на жизнь. В контексте этих выводов «Журнал для милых» выглядит настоящим бунтарем и скандальным новатором. Его издатели предлагают публиковаться всем желающим и публикуют произведения женщин без каких-либо ссылок и упоминаний о мужчинах-помощниках или «уговорах семьи». Причем «Журнал для милых» готов публиковать любые женские произведения, невзирая на их «качество»: «Каждая пьеса, присланная для помещения в сей Журнал от какой-нибудь из любезных соотечественниц должна непременно быть помещена, не взирая на ее несовершенство...»³⁶. Издатели готовы публиковать имена авторов и даже имена тех, кому посвящены произведения: «...сделав похвалу кому-нибудь из любезных сердцу своему, надписав кому, имеет право требовать от издателей ее помещения»³⁷.

«Журнал для милых» предлагает публиковаться не только женщинам-писательницам, а всем желающим. Издатели стремятся вовлечь в процесс создания журнала читательниц, обыкновенных женщин. Они предлагают читательницам критиковать уже опубликованные в журнале произведения и присылать замечания: «Любезные читательницы могут критиковать пьесы, помещенные в Журнале нашем, присылать к нам рецензию, и она с благодарностью будут помещена»³⁸. Таким образом, можно говорить о попытке установления двусторонней коммуникации между читателями и авторами. Интересно рассмотреть эту попытку в контексте европейского опыта. Т. Сенека в статье «История женских журналов: журналы как виртуальные сообщества» приходит к выводу, что женские журналы были своеобразными виртуальными сообществами для женщин. Они позволяли читательницам общаться, знакомиться с женской писательской традицией, осознавать общность интересов, что в свою очередь способствовало формированию общих женских взглядов и установок³⁹. Конечно, «Журнал для милых» сложно назвать таким сообществом, учитывая небольшой круг читательниц. Но сама попытка вовлечь читателей, а тем более женщин в процесс создания журнала для российской журналистики того времени была смелым новаторским ходом. Возможно, это доказывает, что «функция виртуального сообщества» присуща женскому журналу как типу издания.

Стоит отметить, что издатели весьма трепетно относились к присланным читателями материалам вне зависимости от того, мужчины это или женщины. Об этом свидетельствует «уведомление», опубликованное в девятом номере (с. 195–200), где издатели подробно объясняют, почему они не печатают какие-то из присланных произведений: «Многие из любезных сотрудников наших негодуют на нас, что присылаемые пьесы или не все бывают помещаемы, а некоторые и совсем; и для того мы решили их уведомлять о тех, которые несообразны плану

нами издаваемого журнала, или другие какие причины принуждают нас не выполнять удовольствие приславшего». Интересно, что читателей, присылающих свои произведения, издатели здесь называют «сотрудниками», тем самым еще более тесно связывая их с журналом. Причины отказа в публикации разнообразны, например: «*На прогулку Лизы*. – Мы таких нежностей не помещаем» или «*Рондо пьяного философа* не входит в план». Или, например, издатели разоблачают некоего Матфея Бакина, который в своем произведении «О любви» от лица женщины (некой Матюшиньки) расхваливал «Журнал для милых» и «наконец изъясняется любезнейшему своему предмету таким образом: Хотя ты и низок предо мной; но я – и проч.»». Возмущенные издатели произведения не публикуют.

Содержание

Издатели неоднократно упоминают некий «план журнала», которому могут соответствовать или не соответствовать присланные тексты. Но что же это за план? И о чем писал «Журнал для милых»? В первом номере нет никакой программной статьи издателей, но еще в объявлении в «Московских ведомостях» издатели заявляют, что цель журнала – угодить читательницам. Поэтому главной темой журнала, естественно, становится любовь и воспевание женщины. Интересно, что сам М.Н. Макаров считал целью издания защиту нового сентиментального направления в литературе и борьбу с «Беседой любителей русского слова» А.С. Шишкова. «А цель их была не одно угождение милым; но (как признавался мне в старости сам издатель) “ниспровергнуть варварские укрепления Шишкова против Карамзина” – хотя во всем журнале и подозревать нельзя такого героического предприятия!»⁴⁰ – вспоминал М.А. Дмитриев. Видимо, эти цели достигались Макаровым с помощью критики «Вестника Европы», который с 1804 года возглавил М.Т. Каченовский, непримиримый противник Карамзина и его исторической и литературной школы.

В данной статье подробно рассматриваются только самые известные эротические и сатирические публикации, а также литературная критика «Журнала для милых».

На страницах «Журнала для милых» печатаются произведения весьма фривольного содержания, возмущавшие как современную критику, так и позднейших исследователей. В журнале «Северный вестник» за 1804 г. его издатель И.И. Мартынов⁴¹ в разделе «Российские книги» пишет: «В Москве издается семь журналов; в том числе “Журнал для милых”, о котором также надобно упомянуть, хотя он ни по содержанию, ни по наружности не похож на свое название, и в предосторожность мы советуем милым не брать его в руки, ибо он оскорбляет стыдливость и целомудрие, первейшие украшения милых»⁴². Историк Н.Н. Булич в книге «Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века» пишет: «...в журнале Макарова сентимен-

тальность доведена была до грубого сладострастия и до изображения разврата, прикрытых, однако, нежным слогом Карамзина. В особенности, по этим качествам, бросались в глаза “Победа над нимфами” (№ 2) и повесть “Аннушка” (№ 3)⁴³. Именно на этих скандальных текстах мы остановимся подробнее. «Победа над нимфами»⁴⁴, «переведенная с французского»⁴⁵, рассказывает о любовных играх амура и нимф. А в сельской повести «Аннушка»⁴⁶ главная героиня читает порнографические книжки и заводит отнюдь не платонический роман с красавчиком Англантином. Интересно, что «Аннушка» представляет собой не только эротическую повесть, но и сатиру на современное общество, чего раньше не замечали критики. Герои повести Аннушка и Англантин женятся уже после рождения ребенка, и повесть заканчивается тем, что сразу после свадьбы «муж послал в охотный ряд купить шесть смычков гончих и несколько борзых собак. Жена поскакала во французскую лавку, чтобы купить что-нибудь по моде. Супруги и ныне живут благополучно. Немного неловко то, что Аннушка приняла к себе еще камер мужа; а Англантин, подражая людям большого света, содержит Лизаньку душеньку, земного Ангелка»⁴⁷. Такая концовка возмутила автора критической статьи в «Северном вестнике» Д.И. Языкова, который написал: «Замечу еще то, что всякий роман или повесть имеет нравоучительный конец: или несчастье добрых людей кончится благополучно, или развратный человек обращается на путь истинный; но в этой повести я не вижу ни того, ни другого. Аннушка выходит за своего обольстителя, и на другой день, он заводит собак, а она пустилась по модным торговкам и завела своих друзей. И такую повесть пишут Россияне в XIX столетии!»⁴⁸ Языков требует концовки в духе просветительской литературы. А автор «Аннушки» пишет сатиру на современное ему светское общество. Критика и осуждение таких взаимоотношений в семье не раз встречается в журналах П.И. Шаликова.

«Журнал для милых» пробовал защищаться от обвинений в неблагопристойности. Так, было напечатано особое прибавление к декабрьской книжке «Журнала для милых»: «Защита против критики на “Журнал для милых”, помещенной в “Северном вестнике”». «Кажется при таком благоустройстве, каковое сохраняется в нынешние времена в нашей Империи, неблагопристойность совсем истреблена, особливо в литературе; на это учреждена в Москве Цензура, которая строго рассматривает все, и, верно, в публику ничего неблагопристойного не выпустит»⁴⁹. В действительности же в этот период в России литература и журналистика получили необыкновенную свободу, а цензура стала более профессиональной и впервые была регламентирована государством. В 1803 году была восстановлена предварительная цензура, а в июне 1804 г. утвержден первый цензурный устав, по которому управление по делам цензуры было сосредоточено в министерстве народного просвещения, а при каждом университете был устроен комитет из профессоров, без разрешения которого не могла печататься ни одна книга. Отныне существовала цензура предварительная и карательная (последующая). По этому уставу цензор должен был в месте, двойном по

смыслу, трактовать его в пользу сочинителя. Запрещалось писать лишь против Бога, власти и личной чести граждан⁵⁰. Естественно, что только в таких мягких цензурных условиях могло появиться такое издание, как «Журнал для милых». Интересно, что до 7-го номера журнал издавался вообще без пометки о разрешении цензора.

Критика

Как уже отмечалось выше, издатели «Журнала для милых» призывают читателей присылать им свои произведения и критику на уже опубликованные тексты: «Любезные читатели могут критиковать пьесы, помещенные в Журнале нашем, присылать к нам рецензию, и она с благодарностью будет помещена»⁵¹. В журнале публикуются рецензии в форме писем читателей к издателям, которые, правда, иногда похожи на открытую литературную полемику. По словам М.А. Дмитриева, критика в журнале была поручена сотрудницам, «известным только одним издателям»⁵². Возможно, все критические материалы писали сами редакторы и издатели. Такое предположение делает А.Г. Максимов⁵³, но, возможно, эти сотрудницы все-таки существовали. М.А. Дмитриев пишет: «Завлеченные какими-то обстоятельствами приехали в Москву две молодые кроатки (хорватки. – В. Е.), княжна Елиз. Трубеская и ее сестра А. Безнина. Они учились по-русски у того же студента Смирнова. Им-то вверена была критика»⁵⁴.

Хорватки критиковали «Вестник Европы», издававшийся с 1804 г. М.Т. Каченовским. В четвертом номере «Журнала для милых» читаем письмо к издателю М.Н. от Кн. Ел. Тр.-я. (видимо, Елизавета Трубеская. – В. Е.): «Г-н Карамзин перестал издавать его, и Вестник кончился. Нынешний, по крайней мере, первая книжка носит только имя Вестника Европы»⁵⁵. Далее милые критики открыто заявляют о своем желании рассматривать и критиковать «Вестник»: «Нам делает большое занятие Вестник Европы. Мы решились, если не препятствует что-либо непредвиденное, его рассматривать и делать некоторые свойственные женскому разуму замечания»⁵⁶. Главные претензии к «Вестнику» – устаревшие новости и длинные неинтересные тексты. «И милые почтенные господа издатели Вестника вместо новостей обещанных потчуют нас старьем»⁵⁷. Критики даже приводят для сравнения переводы разных лет статьи «О черкешенках»: один опубликован в номере «Вестника Европы» 1804 г., другой – перевод Малиновского 1785 г. «Мы не говорим, чтобы новый перевод был хуже, нет он хорош и написан гораздо обстоятельнее, но разве Вестник Европы для того издается, чтобы поправляя старые известия, вносить в него?»⁵⁸. О повести «Добродушный», опубликованной в четвертом и пятом номерах «Вестника»: «...дубовый перевод испортил слог»⁵⁹; «Некоторые из вас хотели знать окончание повести Добродушного; она явилась и заняла собою 60 страниц, а весь номер состоит из 91»⁶⁰. «Журнал для милых» высмеивает «Вестник Европы» и за то, что он стал публиковать «моды». «Одно имя не составит да и не составляет

В.Н. Ершова

Журнала. Вестник Европы должен быть не по одному имени. Он должен иметь и сущность приличную Вестнику Европы. Ежели есть в нем моды, то для женщин; а другие, коли сказать, пустяки совсем не соответствуют ему. Слабое должно читать слабому»⁶¹.

Зато женщины-критики постоянно хвалят произведения редакторов и издателей «Журнала для милых». Так, в № 5 опубликован «Отрывок из письма МР. Из Барселоны 16 декабря 1803 года», посвященный Князю Шаликову и его произведениям: «Путешествие Кн. Шаликова заставило меня полюбить Вестник Европы. Я, не зная этого молодого человека, заочно имею к нему особенное почтение. Он умеет хорошо говорить с сердцем, умеет любезно его питать с чувствительностью. Словом: я люблю Кн. Шаликова, люблю простой милый слог его; люблю Путешествие его в Малороссию; оно усладило чувства мои; оно и теперь в часы праздности, заставляет забывать скуку и питает сердце»⁶². Интересно, что в самом «Вестнике» никакой реакции на критику «Журнала для милых» не было.

История с хорватками, отвечавшими за критику в «Журнале для милых», не заканчивается с закрытием этого журнала. М.А. Дмитриев на страницах своих мемуаров описывает такую историю: «Журнал («Журнал для милых». – В. Е.) не мог, однако, продолжаться. Тогда издатели уговорили одну из сотрудниц издавать другой от своего имени. Она не задумалась, и немедленно объявила в газетах о новом журнале «Амур», и перевела свою фамилию по-русски, т.е. вместо кн. Трубецка, подписалась под программой: княжна Елизавета Трубецкая. Княжна такого имени и фамилии была известна в Москве в большом свете: можно себе вообразить, сколько хлопот стоило это бедному Макарову! Журнал не состоялся; а Безнина и Трубецка уехали в свою сторону, не в Кроацию, а в Богемию. Все это читаешь ныне, как сказку»⁶³. В записках С.П. Жихарева есть указания на то, что редактором журнала «Амур» в 1806 г. собиралась стать княжна Елизавета Трубецкая. «1806-го года, февраля 25-е, воскресенье. Вчера вечером у князя Сибирского я познакомился с одною распотенною княжною, Елизаветой Трубецкою. Она с будущего года намерена издавать модный журнал для женщин под заглавием «Амур»...»⁶⁴. М.Н. Макаров в статье «Худая участь дамских журналов в России» пишет о журнале «Амур», но никак не упоминает о своей связи с этим проектом: «Вслед за «Дамским журналом» «Московские ведомости» провозгласили нам подписку еще на новый журнал: «Амур», журнал в пользу же прекрасного пола. Странное сцепление обстоятельств, постигшее неизвестного Издателя «Амура», как он и сам объявил в скором времени чрез посредство тех же ведомостей, не допустило к нам ни одной книжки, украшенной именем бога любви»⁶⁵. Невозможно определить, имел ли какое-либо отношение Макаров к изданию журнала «Амур» и существовали ли на самом деле таинственные хорватки, составлявшие критику в «Журнале для милых» и собиравшиеся издавать «Амур».

Закрытие

Журнал имел 168 подписчиков и просуществовал всего лишь год. В декабрьской книжке было опубликовано: «1804 год кончился. Журнал для милых больше продолжаться не будет. Какие тому причины, пусть этот вопрос останется между нами. <...> Журнал для милых явился, имел свое хорошее и свое дурное (по крайней мере, мы так слышали от людей знающих). По общему определению подпал известным пересудам и был ценим как знающими, так и незнающими; наконец, общая неосторожность наша была помещать критику и, не наблюдая разборчивости, отступать от плана, принятого нами. К концу года бедное издание по определению непредвиденности стало приходить в упадок и уже едва дышало»⁶⁶.

По прошествии тринадцати лет М.Н. Макаров сетовал о своем издании, а заодно и о тяжелой участи всех дамских журналов в России: «Начинаю с “Журнала для милых” изданного в 1804 году; в этом издании я и сам был одним из главнейших Редакторов. Скажите же: каков журнал? Мог ли он нравиться кому-нибудь? “Северный вестник” и другие современные ему издания тотчас припомнят нам многое в пользу нашего журнала, припомнят всю правду истину и конечно уж повторят, что “Журнал для милых” не годится милым брать в руки! Горькая истина для меня и самое черное пятно моему пятнадцатилетию!»⁶⁷

Примечания

- 1 Начиная со 2-го номера в 1804 году «Вестник Европы» печатает «Парижские Моды». № 2. С. 142–144; № 3. С. 224–225; № 4. С. 308–311; № 5. С. 74–77; № 6. С. 145–152; № 7. С. 235–241.
- 2 Branson S. Gendered Strategies for Success in the Early Nineteenth-Century Literary Marketplace: Mary Carr and Ladies' Tea Tray// Journal of American Studies. 2006. Vol. 40. P. 35–51.
- 3 Алексеев А.А. Язык светских дам и развитие языковой нормы в XVIII в. // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в. Л., 1984. С. 82–95.
- 4 Подборку высказываний на этот счет см.: *Виноградов В.В.* Язык Пушкина. М.; Л., 1935. С. 209–220.
- 5 Алексеев А.А. Указ. соч. С. 91–92.
- 6 Булич Н.Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб., 1912.
- 7 Покровский В. Журнал для милых 1804–1904. М., 1905. С. 1–18.
- 8 Сляднева О.В. Очерки истории российской рекламы: В 2 ч. СПб., 2001. Ч. 1. С. 148.
- 9 Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000. Т. 2. С. 234.
- 10 Магазин английских, французский и немецких новых мод с присовокуплением описания образа жизни, публичных увеселений и времяпрепровождений в знатнейших городах Европы, приятных анекдотов и пр. М., 1791.

В.Н. Ершова

- 11 Московский Меркурий. 1803. № 1. С. 20.
- 12 Там же. С. 18.
- 13 Там же. С. 1–18.
- 14 Московские Ведомости. 1803. № 71.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 Журнал для милых. 1804. № 6. Обложка.
- 18 Впервые упоминается на обложке 6 номера. Журнал для милых. 1804. № 7.
- 19 Журнал для милых. 1804. № 12.
- 20 *Дмитриев М.А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 79.
- 21 *Максимов А.Г.* Описание русских периодических изданий XIX века // Литературный Вестник. Кн. 5. СПб., 1903. С. 22–32.
- 22 Там же.
- 23 Московский Курьер. 1805. Ч. 1. № 14. С. 221.
- 24 *Макаров М.Н.* Худая участь дамских журналов в России // Сын отечества. СПб., 1817. Ч. 39. № 32. С. 220–225.
- 25 *Дмитриев М.А.* Указ. соч. С. 79.
- 26 *Клушин А.И.* Несчастный М-в // СПб. Меркурий. СПб., 1793. Ч. 1. С. 138–225. Отдельным изданием вышло под названием: Вертеровы чувствования, или Несчастный М., оригинальный анекдот. СПб., 1802.
- 27 *Кугушев Н.М.* Мой курс в Липецке в 1804 г. М., 1804.
- 28 *Кочеткова Н.Д.* КУГУШЕВ Николай Михайлович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. (К-П).
- 29 *Branson S.* Op. cit. P. 35–51.
- 30 Журнал для милых. 1804. № 6. обложка.
- 31 Журнал для милых. 1804. № 6. С. 356–358.
- 32 Журнал для милых. 1804 № 12. С. 370
- 33 Там же. С. 372.
- 34 *Хайдер К.* «В сей книжке есть что-то занимательное, но...»: Восприятие русских писательниц в Дамском журнале // Пол. Гендер. Культура. М., 2000. Т. 2. С. 131–153.
- 35 *Савкина И.* Провинциалки русской литературы: Женская проза 30–40-х годов XIX века. – Wilhelmshorst, 1998. С. 40.
- 36 Журнал для милых. 1804. № 5. Обложка.
- 37 Там же.
- 38 Там же.
- 39 *Seneca T.* The History of Women's Magazines: Magazines as Virtual Communities [Электронный ресурс] // Сайт университета Беркли (Калифорния, США). – Электрон. данные. – Беркли, 2008. – Режим доступа: http://besser.tsoa.nyu.edu/impact/f93/students/tracy/tracy_hist.html, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 40 *Дмитриев М.А.* Указ. соч. С.79.
- 41 И.И. Мартынов – известный филолог, в 1804–05 гг. издавал журнал «Северный вестник», в 1806 г. его продолжение «Лицей», занимал к тому же должность директора департамента Министерства народного просвещения, в ведение которого с 1804 года передали цензуру.
- 42 Северный вестник. 1804. Ч. 2. № 4. С. 137.

- 43 Булич Н.Н. Указ. соч. С. 108.
44 Победа над нимфами // Журнал для милых. 1804. № 2. С. 96–105.
45 Там же. С. 96.
46 Аннушка // Журнал для милых. 1804. № 3. С. 140–147; № 5. С. 277–288.
47 Аннушка // Журнал для милых. 1804. № 5. С. 287–288.
48 Ст. Я. – (Языков Д.И.) // Северный вестник. 1804. Ч. 3. № 8. С. 259–261.
49 Защита против критики на «Журнал для милых», помещенной в «Северном вестнике» // Журнал для милых. 1804. № 12.
50 Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001.
51 Журнал для милых. 1804. № 5. обложка.
52 Дмитриев М.А. Указ. соч. С. 79.
53 Максимов А.Г. Указ. соч. С. 22–32.
54 Дмитриев М.А. Указ. соч.
55 Письмо к издателю // Журнал для милых. 1804. № 4. С. 244.
56 Журнал для милых. 1804. № 7. С. 55–56.
57 Там же. С. 248–249.
58 Там же. С. 59.
59 Там же. С. 63–64.
60 Там же. С. 65.
61 Там же. С. 70.
62 Отрывок из письма // Журнал для милых. 1804. № 5. С. 296.
63 Дмитриев М.А. Указ. соч. С. 79–80.
64 Жихарев С.П. Записки современника. Л., 1989. С. 154.
65 Макаров М.Н. Указ. соч. С. 221.
66 Журнал для милых. 1804. № 12. С. 457.
67 Макаров М.Н. Указ. соч. С. 220–221.

К.Е. Нетужилов

ЦЕРКОВНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I

Статья посвящена анализу обстоятельств возникновения в России церковной журналистики в царствование императора Александра I. В центре внимания последствия реформы духовного образования 1807–1808 гг., деятельность Библейского общества и увлечения части образованного общества мистицизмом. Сопоставлены друг с другом внецерковный христианский журнал «Сионский вестник» и первый церковный журнал «Христианское чтение».

Ключевые слова: церковь, духовная журналистика, мистицизм, «Сионский вестник», «Христианское чтение», Санкт-Петербургская духовная академия.

Церковная журналистика дореволюционной России представляет собой сложный и до сих пор почти неизученный памятник истории общественной мысли. Ни одна другая социальная группа, никакое иное ведомство Российской империи не предложили обществу такого большого количества различных газет и журналов, какое предлагали в разное время православное духовенство и вся церковь в целом.

Возникновение церковной журналистики в нашей стране пришлось на время правления императора Александра I. Решающую роль в этом сыграла реформа духовных учебных заведений, проведенная в 1807–1808 гг.

«Дней александровых прекрасное начало» было проникнуто идеями просвещения. Впервые в отечественной истории под их реализацию была сформирована разветвленная государственная структура с Министерством народного просвещения во главе. С 1803 г. стало действовать «Положение об устройстве учебных заведений», положившее начало реформе системы образования. Все учебные заведения были разделены на четыре разряда – приходские и уездные (училища), губернские (гимназии) и университеты. Были сформированы учебные округа, центром каждого из которых становился определенный университет. Происходила модернизация учебных программ, резко увеличилось число учебных заведений и учащихся. Изменилось и общественное мнение – системное образование становилось престижным. На фоне этих изменений духовенство, считавшееся в предыдущем XVIII столетии наиболее образованным сословием в стране, смотрелось не лучшим

образом. Духовное образование, недостатки которого были очевидны уже в эпоху Екатерины II, в начале XIX века выглядело уже совершенно архаичным. Просвещенные деятели церкви, такие как Евгений Болохвитинов (в ту пору епископ Старо-Русский), митрополит Новгородский и Петербургский Амвросий (Подобедов) и некоторые другие критиковали духовную школу за засилье латинского языка, на котором преподавалось большинство дисциплин, а также за схоластику, эклектичность учебных программ, отсутствие учебников, слабую профессиональную подготовку самих преподавателей. Из всего этого выросло множество проблем – духовенство отрывалось от паствы, оказываясь в социально-культурном вакууме. Латинские цитаты одинаково не годились как для неграмотных прихожан деревенских церквей, так и для значительной части городских жителей, уже усвоивших элементы секулярной европейской культуры.

Первым практическим шагом к осуществлению реформы стало создание в ноябре 1807 г. Комитета по усовершенствованию духовных училищ, главная роль в котором принадлежала М.М. Сперанскому. Кроме него членами Комитета были обер-прокурор кн. А.Н. Голицын, митр. Амвросий, еп. Феофилакт (Русанов). Уже летом 1808г. на утверждение императору было предложено разработанное Комитетом (а фактически непосредственно М.М. Сперанским) «Начертание правил об образовании духовных училищ», в котором заключался проект необходимых преобразований. Основные принципы новой организации духовных школ в значительной степени были повторением системы светского образования, сформированной «Положением об устройстве учебных заведений» 1803 г. В каждой епархии (в 1808 г. их насчитывалось 36) предусматривались одна семинария, десять уездных училищ и некоторое количество приходских школ (в зависимости от числа приходов). Епархиальные учебные заведения входили в состав одного из четырех созданных духовно-учебных округов, во главе каждого из которых становилась академия. Общее руководство всей системой духовного образования возлагалось на Комиссию духовных училищ, которая, в свою очередь, подчинялась Св. Синоду.

Основательные изменения коснулись учебных планов и программ. Процесс обучения стал весьма длительным – шесть лет в уездном училище, шесть лет в семинарии и (для избранных) четыре года в академии. Кроме богословских, церковно-исторических и церковно-практических дисциплин новые учебные планы семинарий включали еще и историю, философию, словесность, географию, математику и физику. В академиях читались курсы по всеобщей и русской истории, эстетике, истории философии, высшей математике и т. д. Семинарские и академические программы предусматривали основательное изучение иностранных языков, как древних – латинского, древнегреческого и древнееврейского, так и новых – немецкого и французского.

Духовные академии, по замыслу М.М. Сперанского, не могли ограничиваться исключительно учебной деятельностью. Подобно университетам они должны были стать центрами научной жизни. Для органи-

К.Е. Нетужилов

зации научной работы внутри каждой академии создавалась Конференция по поощрению учености. Были обозначены требования для присуждения ученых степеней кандидата, магистра и доктора богословия.

Пробной площадкой для нововведений стала Санкт-Петербургская академия, преобразованная в 1797 г. из Александро-Невской семинарии. По складу внутренней жизни она заметно отличалась и от ее старших сестер – московской и киевской духовных школ, и от своей ровесницы в Казани. Особая специфика духовного образования в Санкт-Петербурге складывалась не только из того, что столичный статус прямо подразумевал некую образцовость во всех явлениях семинарско-академической жизни. Гораздо важнее была общая атмосфера подчеркнуто секулярного (несмотря на обилие церквей) города, «окна в Европу», бывшего главным проводником европейских интеллектуальных движений в России. Выпускников петербургских семинарии и академии в кругу коллег всегда отличали и широта кругозора, и более высокая степень умственной свободы. Московские духовные школы тоже гордились наличием собственной атмосферы, они также налагали на своих питомцев особый отпечаток принятого здесь стиля. Но этот стиль был принципиально иным, нежели в столице. Московская духовная академия располагалась в Сергиевом Посаде, в Троице-Сергиевой лавре. Отдаленность от большого города, деревенская тишина, древние молитвенные традиции сообщали ей, по определению современников, характер «полукиновии»¹.

Уже в 1809 г. Санкт-Петербургская академия первой в стране стала жить по новому академическому уставу. Набранным студентам выпало учиться в годы наполеоновских гроз, быть свидетелями патриотического подъема во время Отечественной войны 1812 г. и последовавших за ней заграничных походов.

Конечно, атмосфера духовной школы была принципиально иной, нежели та, в которой формировались умы и души будущих декабристов. Но важно то, что первые выпускники академии вышли из ее стен в эпоху прежде невиданного общественного подъема. Ощущение собственной причастности к историческому процессу, истине и справедливости, как желание реализовать себя на службе отечеству было в той же мере характерно в эту пору как для воцерковленных выпускников духовных школ, так и для будущих декабристов, создававших тогда свои первые тайные общества. Молодых бакалавров и магистров богословия увлекали, конечно, не либеральные конституционные идеи, не труды Адама Смита или история Великой французской революции. Расширение политического и исторического кругозора шло у них с углублением веры в промысел Божий, проявляемый как в истории всемирной, так и в судьбе России. Изданная в 1818 г. «История государства Российского» Н.М. Карамзина сделала предметным интерес образованного духовенства к отечественной истории – как гражданской, так и (в первую очередь) церковной.

В светском обществе того времени только что был пережит период всеобщей увлеченности энциклопедическим материализмом, престиж которого был теперь сильно подорван событиями французской револю-

ции и последовавшими после нее общеевропейскими кровопролитиями. Поверхностное вольтерьянство часто сменялось теперь столь же поверхностной религиозностью. Воспитанные в формальном православии и неформальном вольтерьянстве дети неверующих отцов – а именно таким, в значительной части, было образованное общество пушкинской эпохи – часто находили духовную пищу за пределами церкви. Сам император был в немалой степени примером для подражания в неопределенном межконфессиональном мистицизме. Многие церковные деятели того времени с тревогой констатировали формирующуюся на глазах системность неправославного мировоззрения, включающую в себя широкий спектр оттенков – от мистики до рационализма, от мракобесных суеверий до атеизма. Новизна ситуации была и в том, что впервые заходила речь не о давно привычном межконфессиональном противостоянии, а о борьбе веры с неверием.

Благодаря первым успехам в деле распространения образования к концу первой четверти XIX столетия в России возникло читающее общество. Это обстоятельство стало важнейшей предпосылкой для формирования книжного рынка. Оно же сыграло решающую роль в деле становления отечественной журналистики. Появление относительно массового читателя сулило возможность рентабельного издания периодических изданий. Это же можно отнести и к такой специфической области журналистики, как журналистика духовная. Вступившее в жизнь новое поколение священнослужителей по своему кругозору, по своим интеллектуальным и духовным запросам значительно отличалось от прежних поколений. Таким образом, ставшая насущной необходимость противостояния нехристианскому мировоззрению соединялась с возможностью использования в этих целях силы печатного слова, распространяемого через периодические издания.

Правительственная политика в первое десятилетие Александровского царствования также способствовала подъему журнального дела. 9 ноября 1804 г. был издан первый в России общий «Устав о цензуре». Этим уставом была узаконена предварительная цензура всех без исключения изданий. Общее руководство цензурой было возложено на Министерство народного просвещения. В основу устава были положены достаточно либеральные принципы, что повлекло за собой возникновение большого числа новых повременных изданий. В период с 1801 по 1811 г. в стране возникло 84 новых журнала. Правда, с 1811 г. ситуация несколько изменилась – при Министерстве полиции был учрежден Особый комитет для дополнительного цензурного контроля над периодикой, а главное, для надзора за самими цензорами. Таким образом, цензура Министерства просвещения фактически была подчинена Министерству полиции. Постепенно стала складываться достаточно разветвленная система ведомственных цензурных органов – кроме цензуры общей появились цензуры военная, иностранная, духовная, театральная и т. д.

Первые опыты, свидетельствующие о возможности появления в России востребованной читателем религиозно-ориентированной жур-

К.Е. Нетужилов

налистики относятся еще к концу XVIII столетия. Н.И. Новиков пытался издавать ряд религиозных журналов масонского характера – «Утренний свет» (1777–1780); «Вечерняя Заря» (1782). К.Х. Штурм выпускал в 1787–1789 гг. журнал «Беседы с Богом», в котором помещались переводы немецких пиетистов. Еще одним переводным пиетистским изданием был «Духовный год жизни христианина», попытку издания которого в 1814 г. предпринял Я.В. Уткин. Наконец, в 1806 г., а позже в 1817–1818 гг. выходил «Сионский вестник», издателем которого был А.Ф. Лабзин – конференц-секретарь, а позже и вице-президент Академии Художеств, основавший в столице масонскую ложу «Умиряющего сфинкса». А.Ф. Лабзин, пользовавшийся покровительством обер-прокурора кн. А.Н. Голицына, был в это время уже известным переводчиком масонской и мистической литературы. Еще при Павле I он (совместно с А. Вахрушевым) перевел на русский язык историю Мальтийского ордена; в первое десятилетие Александровского царствования он переводил и издавал за свой счет сочинения Юнга Штиллинга, Эккартсгаузена, Сен-Мартена, г-жи Гион и других авторов, мода на сочинения которых царил в образованном обществе той эпохи. Образцом для «Сионского вестника» послужил немецкий пиетистский журнал Пфенигера «Die christliche Monatsschrift», издававшийся в Бремене и достаточно хорошо известный российским читателям. Первый номер «Сионского вестника» (январь 1806 г.) открывался предисловием, в котором излагалась издательская программа. В ней А.Ф. Лабзин констатировал отсутствие в России, в отличие от других европейских стран, своего христианского журнала. Между тем, отмечал он, о назревшей его необходимости говорит широкое распространение иностранных периодических изданий соответствующей тематики. Таким образом, новый журнал предназначался для тех, кто не мог читать на иностранных языках. «Патриоту даже обидно вообразить, что его соотич, по неимению только потребных для него книг на природном его языке, осужден не знать и не иметь тех прав, какими пользуется иногда слуга его, если он иностранец; тем более оскорбительно было бы позволять ему одне и те же книги на чужом языке читать, а на своем природном нет, чрез что всякий явно побуждаем был бы предпочитать чужие языки своему»². Предисловие содержало и достаточно четкое описание читательской аудитории, на которую был ориентирован журнал: «Содержание будем согласовывать со вкусом читателей, которых предполагаем три рода:

- 1) Ученых, которым христианство не противно и которые желали бы в нем увериться;
- 2) Ученых, которые верят христианству и любят его;
- 3) Просто верующих, которым все то, где говорится о любезном им Спасителе, приятно, угодно и любезно»³.

А.Ф. Лабзин был одновременно и издателем, и редактором, и основным сотрудником своего журнала. Страницы «Сионского вестника» он наполнял собственными переводами пиетистских сочинений и описаниями различного рода мистических откровений, заимствованными из

иностранных журналов, а также присылаемыми его светскими корреспондентами, разглядевшими в своей повседневной жизни явственные, по их мнению, «знаки водительства Божия». В качестве примера содержания «Сионского вестника» приведем оглавление апрельской книжки журнала за 1806 г.:

- О Пасхе;
- О бессмертии;
- О истине христианства;
- О христианстве;
- Дружеские письма;
- Обращение парижской актрисы Готье, описанное ею самой;
- Да воскреснет Бог и расточатся враги его;
- Новейший пример благодати Божией;
- Любопытные известия⁴.

Митр. Филарет (Дроздов), хорошо знавший А.Ф. Лабзина, позднее писал о нем: «...много потрудился на духовно-литературном поприще и был добрый человек, только с некоторыми особенностями в мнениях религиозных... сколько прекрасных вещей, говорил я ему, можно было бы печатать с пользою для многих, не касаясь этих особенностей?»⁵.

В соответствии с традицией XVIII – первой половины XIX века журнальные статьи напечатаны, как правило, без указания имен авторов. Сам А.Ф.Лабзин подписывался псевдонимом – Феопемпт Мисаилов. Объем каждой книжки (а журнал был ежемесячным) составлял обычно 7–8 печатных листов. Печатался «Сионский вестник» сначала в типографии Академии наук, а позже в частной типографии Дрехслера.

На «Сионский вестник» был устойчивый читательский спрос. Журнал пользовался некоторое время даже правительственной поддержкой – в 1817 г., после десятилетнего перерыва, он был возобновлен по Высочайшему повелению. По представлению кн. А.Н. Голицына, ставшего незадолго до этого министром народного просвещения и духовных дел, журнал был освобожден от обыкновенной цензуры. Сам Лабзин был удостоен Высочайшего рескрипта и ордена за издание духовных сочинений на русском языке. Издание окупалось, хотя его владелец не ставил своей целью рыночный успех и наживу. В предисловии к первому номеру он прямо указывал: «Издатель по совести уверяет, что у него не корысть в предмете, и вероятно в том ему поверят; ибо не от таких книг корыстовать можно»⁶.

Возобновление «Сионского вестника» совпало с началом ожесточенной борьбы противников «государственного мистицизма». В начале 1818 г. А.Н. Голицыну была подана записка А.С. Стурдзы, составленная на основе разбора содержания журнала с церковных позиций. «Сионский вестник» обвинялся в произвольном толковании учения о благодати, отрицания значения книги Царств, кощунственном учении о первородном грехе и т. п.⁷ А.Н. Голицын после некоторого сопротивления был вынужден согласиться с введением духовной цензуры «Сионского вестника» и поручить ее архим. Иннокентию (Смирнову), ректору петербургской духовной семинарии, имевшему репутацию злейшего

К.Е. Нетужилов

врага мистицизма. А.Ф. Лабзин, не пожелавший изменить направление своего журнала, был вынужден прекратить издание.

Мистическое воодушевление, которым было охвачено российское образованное общество 1810–1820-х гг., оставило глубокий след в биографиях современников. Не только светские интеллектуалы, жизнь которых проходила, как правило, уже вдали от церковных стен, но и значительная часть духовенства, в том числе и многие видные иерархи, отдали ему дань. По образному замечанию прот. Г. Флоровского, в России в это время сформировалось «мистическое силовое поле»⁸. Поэтому в биографиях людей александровской эпохи достаточно часто встречаются упоминания о пережитом ими в жизни «мистическом» периоде или просто небольшом «мистическом» эпизоде.

Опыт «Сионского вестника» показал, что периодическое издание духовного направления уже может быть вполне востребовано российским обществом.

Инициатором создания христианского журнала стал будущий митрополит Санкт-Петербургский, а в то время ректор столичной духовной академии архимандрит Григорий. Архимандрит Григорий (в миру Георгий Петрович Постников) (1784–1860) получил образование в Московской Троицкой духовной семинарии. В 1809 г. его в числе других лучших семинаристов определили для продолжения учебы в только что реформированную Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Окончив ее в 1814 г. со степенью магистра богословия, Г.П. Постников сразу принял постриг, став монахом Григорием. С 1814 г. он преподавал в академии богословие, в 1816 г. был назначен ее инспектором. В 1817 г. иеромонах Григорий получил ученую степень доктора богословия и был возведен в сан архимандрита. Тогда же, в 1817 г. архим. Григорий стал экстраординарным профессором Академии. Наконец, в 1819 г. он был назначен ее ректором⁹. Архим. Григорий был очень популярен как преподаватель. Занятия вел всегда на русском языке (а не на латыни, как было принято прежде). Новаторство его выражалось и в том, что Священное Писание он разбирал на лекциях по русскому, а не по славянскому переводу. Арх. Григорий вообще был в числе самых горячих сторонников русского перевода Библии. Прот. Г. Флоровский в кратком очерке о Григории (Павском) отмечал, что тот обычно старался избегать догматических тем, предпочитая им нравственное богословие; причем всегда ощутимым было влияние «когда-то читанных и прочитанных им английских назидательных книг и брошюр начала века»¹⁰. К сожалению, большая часть архива академии безвозвратно пропала в советское время, поэтому реконструкция событий возможна лишь по немногим опубликованным до революции фрагментам. Запись в журнале академической конференции, относящаяся к 1820 г., сообщает: «Академии ректор архимандрит Григорий предложил: не полезно ли было с будущего года начать при академии повременное христианское издание? – Все немедленно подтвердили пользу того, а некоторые и решительно объявили себя участниками в сем издании»¹¹. Была составлена редакция журнала, в которую кроме самого ректора вошли еще во-

семь человек из числа преподавателей академии, а именно: ректор семинарии архим. Поликарп (Гойтанников), инспектор академии архим. Нафанаил (Павловский), профессора прот. Г. Павский, Я. Ветринский, М.В. Себржинский, проф. Ф.И. Ветринский, преподаватели Г. Меглицкий, И. Певницкий, В. Оржевский. Все они без исключения были выпускниками трех первых выпусков обновленной академии. Свое credo они изложили в издательской программе, помещенной в предисловии к первой книжке журнала. Целью издания было объявлено христианское просвещение, основанное на Св. Писании, так как именно в Писании «содержатся истины, которые должны составлять христианское просвещение; в нем находятся правила, которые должны быть правилами христианской жизни»¹². Это обстоятельство могло вызвать и отчасти действительно вызвало определенные подозрения в том, что редакция действительно отклоняется от православной традиции, вытесняя на второй план Св. Предание. Но редакция обещала обращаться и к святоотеческим сочинениям, причем оставляя за собой право их критического отбора. Обоснование права на отбор выглядело довольно дерзко для своего времени и отражало взгляды богословов новой, уже реформированной школы. «Ибо лучшие новейшие истолкователи Писания и богословы знают коренные языки Писания лучше и многие из них определяют смысл Писания вернее, беспристрастнее к своим мнениям и началам какой-нибудь философии, нежели большая часть из них в прошедшие и наипаче в средние времена христианства»¹³. Конечно, речь здесь ни в коем случае не шла о какой-либо ревизии святоотеческого наследия в целом. Налицо, скорее, просветительское стремление сформировать корпус святоотеческих сочинений наиболее актуальных в свете задач эпохи и сделать его основой для массового чтения. В течение 1820–1830-х гг. на страницах «Христианского чтения» были опубликованы многочисленные сочинения Дионисия Ареопажита, Макария Великого, Игнатия Богоносца, Антония Великого, Ефрема Сирианина, Василия Великого. В выборе сочинений именно этих отцов церкви, при желании, можно увидеть проводимую редакцией журнала тенденцию – издавать на русском языке фундаментальные для христианского богословия произведения.

Большинство сотрудников первой редакции «Христианского чтения» имели за плечами опыт участия в деятельности Библейского общества, двое из них – ректор академии архим. Григорий (Постников) и ректор семинарии архим. Поликарп (Гойтанников) – были его вице-президентами. Все они без исключения были сторонниками перевода Библии на русский язык (вокруг возможности такого перевода в это время велись острые споры среди иерархии). Публикация на русском языке святоотеческих сочинений была, с их точки зрения, первым шагом на пути «новой» христианизации общества.

Сразу бросается в глаза и выбранное редакцией название. В последующие десятилетия, когда счет церковных журналов и газет шел уже на десятки, употребление в их названиях прилагательного «христианский» почти не встречается, в отличие от прилагательных «православный» или

К.Е. Нетужилов

«церковный». Это обстоятельство также свидетельствует о мировоззрении редакции: ее противостояние духу века сего проходило по линии «христианский» – «нехристианский», а не углублялось в межконфессиональные противоречия. Подобная позиция отразила полуофициальные религиозно-политические взгляды императора Александра I, связанные с идеей создания евангельского государства. Идея евангельского государства – т. е. государства общехристианского – возникла в ближайшем окружении императора вскоре после окончания наполеоновских войн. К этому времени Российская империя окончательно превратилась в многоконфессиональную страну. В результате завоеваний XVIII – начала XIX века вокруг православного ядра внутренних губерний «древнерусского» происхождения сформировался обширный пояс неправославных территорий. Государство уже не могло отождествлять себя с «Православной Русью». Подданными русского царя были теперь миллионы католиков и протестантов Польши, Литвы, Прибалтики и Финляндии. Многоконфессиональность дополнялась разностью языков, культурных и политических традиций. Начинался классический кризис империи – внешние победы и завоевания неизбежно готовили внутренний взрыв. Решение проблемы исключительно в политической плоскости было невозможно. Сложившаяся объективно ситуация как нельзя лучше отвечала религиозно-политическим исканиям Александра I. Тема создания евангельского государства в России довольно подробно освещена в современной историографии¹⁴. Одной из его целей было предотвращение религиозной розни в стране. Отсюда стремление к воспитанию в духе общехристианских ценностей, избегание жесткого догматизма. В рамках идеи общехристианского государства логично выглядят такие знаковые инициативы александровской эпохи как Библейское общество, Министерство просвещения и духовных дел, Священный союз и т. п. Наречение новоявленного журнала «Христианским чтением» очень созвучно настроениям эпохи и, может быть, было расчитано на высочайшее одобрение. На приверженность редакции общехристианским ценностям указывает и выбранный ею эпитафия из послания апостола Павла к ефесянам: «наздания бывшие на основании апостол и пророк» («бывши утверждены на основании апостолов и пророков») (Еф. II: 20). Для того чтобы читатель мог оценить смысл эпитафия в контексте, процитируем это знаменитое апостольское послание более полно: «Итак, вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу. Бывши утверждены на основании апостолов и пророков, имея самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастет в святой храм в Господе» (Еф. II: 19, 20). Для начитанных в Св. Писании современников этот эпитафия однозначно должен был служить отсылкой к идеям Библейского общества. Неслучайно спустя два десятилетия (в 1842 г.) во время протасовского «обратного хода» этот эпитафия был сочтен неуместно притязательным и заменен на более нейтральный, из первого послания к Тимофею: «...да увеси, како подобает в дому Божия житии, яже есть Церковь Бога жива, столп и утверждение истины» («Чтобы, если замедлю, ты знал, как должно по-

ступать в доме Божьем, который есть Церковь Бога живого, столп и утверждение истины» (I Тим. III: 15). Еще позже, с середины 1860-х гг., оба эпиграфа ставились вместе.

Важнейшей задачей журнала редакция считала христианскую апологетику. В программе об этом было сказано прямо, причем с чрезвычайно смелой для того времени констатацией неблагополучия в родном отечестве: «...дух вольномыслия и неверия бесчисленной толпы в западном христианстве, посредством чтения иностранных книг, давно уже проник в отечество наше; и, бродя по разным классам народа, проникает в умы и сердца некоторых даже из низших классов»¹⁵. В качестве инструмента для борьбы с духом вольномыслия в журнале учреждался отдел, в котором помещались материалы апологетического характера.

Во время редакторства архимандрита (с 1822 г. епископа) Григория с 1821 по начало 1825 г. в связи с его личными пристрастиями отчетливо ощутим назидательный характер журнала.

Ряд признаков указывает на наличие генетической связи «Христианского чтения» первых лет издания с «Сионским вестником». Дань мистицизму выплачивал раздел «Сообщения о чудесных явлениях». Это была своеобразная «мистическая хроника». По этому поводу редакция прямо заявляла следующее: «В нашем отечестве весьма редко приходят в известность благодатные действия Св. Духа на сердца человеческие. Посему пригласить при объявлении при сем издании всех любителей христианства и наипаче людей духовного звания о таковых действиях извещать издателей, для содействия оных явными к славе Божьей»¹⁶. Этот раздел просуществовал вплоть до начала 1860-х гг. (последняя публикация такого рода состоялась в 1862 г.). Правда, в отличие от «Сионского вестника», внимание редакции привлекали не случаи чудесного обращения, а известия о чудесных исцелениях (что, конечно, менее «мистично», но зато лучше согласуется с православной традицией). Случались, впрочем, и явно переводные сообщения о чудесах и знамениях. На протяжении первых полутора десятилетий на страницах «Христианского чтения» исправно размещались материалы с заголовками, варьирующими одну и ту же тему: «Чудесное исцеление одной девицы в день воскресения Христова» (1821, II, 346), «Чудесное исцеление крестьянки Авдотьи Тихоновой» (1827, XXVI, 353) и т. п. Начиная с конца 1830-х гг. подобные публикации встречаются уже значительно реже (раз в несколько лет), а потом, к середине 1840-х гг., они и вовсе прекратились. Произошла смена поколений – в редакцию журнала пришли новые люди, воспитанные в традициях нового царствования.

Известие о начале издания христианского журнала стало своеобразной сенсацией, причем не только внутри церковной ограды. Безусловно, наибольший интерес был проявлен со стороны духовенства. Но и светские читатели обратили внимание на незаурядный почин академической корпорации (отчасти это можно объяснить относительно невеликим в то время общим числом периодических изданий; отчасти высоким уровнем тогдашнего интереса к около-религиозной проблематике). Во всяком случае, журнал сразу стал издаваться огромным для того време-

ни тиражом. Если первоначальный план издания предполагал тираж в размере 1200 экз. (что уже было немало в ситуации, когда коммерчески оправданным было издание 350–500 экз.), то к концу 1820 г., накануне выхода первого номера, число подписчиков приблизилось к трем тысячам. Это был поистине сенсационный успех (притом, что подписная цена была довольно высока – 25 руб. ассигнациями в год без пересылки и 30 руб. с пересылкой)¹⁷. Среди подписчиков «Христианского чтения» были не только представители духовного сословия. Более того, рискованно предположить, что рядовое духовенство как раз было в меньшинстве – стоимость подписки чаще всего была для него непосильной. Рекордная подписка, по нашему мнению, обеспечивалась за счет участия в ней коллективных клиентов в лице различных церковных учреждений. Это участие еще не носило обязательного характера (как будет во второй половине столетия). Епархиальные архиереи, почти все без исключения люди старой закалки, должны были с осторожностью смотреть на небывалое в их век явление. Но привычка не только исполнять синодские циркуляры, но еще и внимательно прислушиваться к негласным веяниям, исходящим из высших петербургских сфер, формировала определенное корпоративное поведение. Не будем забывать и о том, что у подавляющего большинства епископов того времени был немалый опыт обязательного участия в деятельности Библейского общества, покрывавшего страну густой сетью своих филиалов (на 40 епархий приходилось 55 отделений и 177 сотовариществ общества)¹⁸. Поэтому у епархиальных властей уже был немалый навык распространения печатного слова, вышедшего из недр Библейского общества. Руководители епархиальных структур – епископы с викариями, секретари духовных консисторий, ректоры церковных учебных заведений, благочинные – все они по положению своему в большей или меньшей степени были причастны к организации подписки. Духовные семинарии и академии выписывали сразу по пять экземпляров (причем для библиотеки, т. е. для учащихся, предназначался из них только один; остальные распределялись по одному экземпляру епархиальному архиерею, ректору, инспектору и смотрителю духовных училищ). Пять экземпляров для своих читателей заказывала Императорская Публичная Библиотека. Членам Св. Синода, министрам и некоторым другим высокопоставленным сановникам экземпляры «Христианского чтения» высылались в дар. По одному экземпляру преподносилось в дар на Высочайшее имя – императору с императрицей (интерсно, что в качестве препроводителя этого дара выступал никто иной, как А.Ф. Лабзин, занимавший в начале 1820-х гг. пост вице-президента Академии Художеств)¹⁹.

Первый номер или, как говорили в то время, первая книжка журнала вышла в свет в январе 1821 г. Не очень качественное типографское исполнение (у Академии не было своей полиграфической базы, журнал печатался в Медицинской типографии) несколько портило общее впечатление от нее. Содержание первого номера подчеркивало программу журнала. Вслед за ее изложением сразу следовало знаменитое святоотеческое творение – «Послание к ефесянам» Св. Игнатия Богоносца с

примечаниями к нему. В следующем разделе, озаглавленном «Изыскания и рассуждения о христианской религии», были напечатаны два трактата: «Философско-богословское рассуждение о религии», в котором давался обзор основных философских систем того времени в их отношении к религии, и некое «Слово Божье в природе» (явный перевод с немецкого). Следующий раздел («Христианское учение») содержал статью «Некоторые правила жизни для христианского юношества». Завершался выпуск своего рода десертом из легкого чтения – «Полезные мысли на каждый день месяца» – 31 афоризм духовно-нравственного характера. Все это было изложено на 114 страницах, что составляло 7 листов. По этому образцу формировались и последующие номера журнала. Каждые три книжки журнала складывались в один том с общим оглавлением (их можно было переплести вместе). Таким образом, всего в год издавалось четыре тома «Христианского чтения».

Популярность нового журнала продолжала оставаться высокой вплоть до конца 20-х гг. XIX в. Основные разделы содержания почти не менялись вплоть до окончания николаевского царствования. В 1830–1840 гг. содержание журнала состояло главным образом из святоотеческих сочинений в русском переводе (примерно сорок процентов от общего объема каждой книжки) и образцов церковного красноречия (еще сорок процентов). Оставшиеся двадцать процентов делили между собой разделы «христианское учение» (о посте, об исповеди, о злословии и т. п.) и так называемые «назидательные размышления» (в последних довольно часто встречается авторство московского митр. Филарета (Дроздова). Очень редко и в минимальном объеме помещались материалы по духовной истории. Святоотеческие переводы отличались, как правило, высоким академическим уровнем, за ними особенно тщательно и придирчиво наблюдали, как и за комментариями к ним. Так, в 1828 г. митр. Филарет (Дроздов) направил Св. Синоду подробный разбор ряда статей прот. Г.П. Павского, посвященных сочинениям св. Григория Богослова: «Просматривая, поколику время позволяет последние книжки “Христианского чтения”, встретил я некоторые места, в которых истина представлена не со всею должною точностью, и от которых должно опасаться соблазна в книге, коея назначение есть назидание христианских читателей всякого звания (далее следует длинный перечень замечаний специального богословского характера. – *К. Н.*) ... по таким местам, встречающимся в “Христианском чтении”, ни мало не подозревая ни сочинителей, ни издателей, ни цензоров в недостатке православия, но примечая некоторый недостаток точности при благонамеренной мысли, принял я долгом присяги доложить о сем на усмотрение Св. Синода, не признано ли будет нужным подтвердить цензуре о усилении внимания и осторожности при рассмотрении сочинений»²⁰. Реакция Синода была мгновенной – в тот же день состоялось определение (от 30 ноября 1828 г.) предоставить Комиссии духовных училищ сделать петербургскому Комитету для цензуры духовных книг «надлежащее подтверждение о усилении впредь внимания и осторожности». Даже в столь стесненных тематических и цензурных рамках публика-

К.Е. Нетужилов

ции «Христианского чтения» время от времени вызывали заметный общественный резонанс. Так, настоящим событием, принесшим журналу огромный успех, стала публикация сочинений архиепископа Иннокентия (Борисова) «Жизнь святого апостола Павла» и, особенно, «Последние дни земной жизни Иисуса Христа» (1829), до сих пор остающихся одними из лучших произведений русской духовной литературы. Книжки «Христианского чтения» с сочинениями архиеп. Иннокентия были столь популярны, что потребовался дополнительный тираж соответствующих номеров журнала. В 1842 г. в разделе «назидательных размышлений» была напечатана «Речь к воспитанникам дворянского полка при выпуске их в офицеры» священника Иоанна Рождественского, также наделавшая много шума в обществе. В более позднее время «Христианское чтение» постепенно утратило общественный характер и стало приобретать вид специального академического издания. Его содержание стало все больше напоминать расписание семинарско-академических занятий: разделы журнала соответствовали базовым учебным курсам духовной школы.

Примечания

- 1 *Ростиславов Д.И.* С.-Петербургская академия до графа Протасова. СПб., 1872.
- 2 Сионский вестник. 1806. № 1. С. 8.
- 3 Там же. С. 10.
- 4 Сионский вестник. 1806. № 4.
- 5 Из воспоминаний митр. Филарета // Православное обозрение. 1868. Т. II. С. 522.
- 6 Сионский вестник. 1806. № 1. С. 10.
- 7 *Стурдза А.С.* Записки // Русская старина. 1876. Т. XV. С. 268.
- 8 *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж. 1983. С. 137.
- 9 *Родосский А.* Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов С.-Петербургской Духовной Академии: 1814–1869 гг. СПб., 1907. С. 118–121.
- 10 *Флоровский Г., прот.* Указ. соч. С. 185.
- 11 Цит. по: *Лопухин А.Н.* Семидесятилетие духовно-академического журнала «Христианское чтение» (1821–1895) // Христианское чтение. 1896. I. С. 4.
- 12 О цели и предметах предлагаемого «Христианского чтения» // Христианское чтение. 1821. I. С. 9.
- 13 Там же. С. 10.
- 14 *Вишленкова Е.А.* Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России александровской эпохи. Казань. 1997; *Цамутали А.Н.* Александр Николаевич Пыпин и его труды по истории религиозных движений в России в первой четверти XIX в. / Пыпин А.Н. Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000.
- 15 О цели и предметах предлагаемого «Христианского чтения» // Христианское чтение. 1821. I. С. 17.

- 16 Там же.
- 17 РГИА. Ф. 807. Оп. 1. Ед. хр. 64.
- 18 *Пытин А.Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000. С. 76.
- 19 РГИА. Ф. 535. Ед. хр. 51.
- 20 Предложение митр. Филарета Св. Синоду о замеченных им неточностях в статьях журнала «Христианское чтение» (1828, 30 ноября) / Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита московского и коломенского по ученым и церковно-государственным вопросам. Т. II. СПб., 1885. С. 246–249.

М.М. Захарова

К ВОПРОСУ О БИОГРАФИИ В.Б. БРОНЕВСКОГО

Статья посвящена малоизвестному литератору В.Б. Броневскому, получившему известность после публикации «Записок морского офицера» (1818–1819). Особое внимание уделяется журнальной полемике Броневского с П.П. Свиным, которая была вызвана появлением «Записок».

Ключевые слова: В.Б. Броневский, наполеоновские войны, П.П. Свиный, журнал «Сын Отечества», журнал «Благонамеренный».

Владимир Богданович Броневский – публицист, военный историк, этнограф, получивший известность в качестве писателя благодаря изданным в 1818–1819 гг. «Запискам морского офицера», – представляет собой личность не только малоисследованную, но и окруженную рядом мифов.

Данная статья будет посвящена первому этапу в жизни и творчестве Броневского, связанному с детством, юношескими годами, участием в Средиземноморской кампании Д.Н. Сенявина и публикацией «Записок морского офицера» – литературного дебюта писателя.

1

«Детство, отрочество, юность»

Будущий писатель принадлежал к старинному дворянскому роду, берущему свое начало от польского шляхтича Станислава Броневского, который владел поместьем в Смоленской области и после покорения Смоленска принял православие с именем Савелия Степановича¹. Как указывает в своих воспоминаниях брат литератора, Дмитрий Богданович Броневский: «Многие из дворян этой фамилии служили в войсках королей польских как воины и употреблялись как дипломаты. Та отрасль Броневских, которая поселилась в Смоленской области, перешла из Галиции; это были военные люди, и им пожалованы были земли на тогдашней границе Польши в Бельском уезде, вероятно с условием охранять границы»².

Тем не менее представителей этой ветви можно было встретить не только в Смоленской губернии, но и в Тульской. Так, дядя Броневского, Семен Михайлович, автор «Новейших известий о Кавказе» и «Исторических выписок о сношениях с Персией, Грузией и вообще с горскими народами»³, родился в поместье Маньково, которое было в 40 км от Смоленска⁴. Его племянник – в селе Астахово, Белевского уезда Тульской губернии⁵.

Год рождения автора «Записок морского офицера» точно неизвестен. Большинство исследователей указывает 1784 г.⁶, однако по другим сведениям – 1782⁷, 1785⁸ и 1786 гг.⁹

Мать писателя, Серафима Алексеевна Левшина, родившаяся в 1760 г., как пишет А.Б. Лобанов-Ростовский, по одной версии, вела свой род от Сцвола Левши («из немец»), по другой – от Сцвола (или Сцевол) Левенштейна, выехавшего «из Швабии в ноябре 1365 к великому князю Дмитрию Иоанновичу Донскому»¹⁰. В 1780 г. она вышла замуж за Богдана Михайловича Броневского, от брака с которым родились 8 сыновей и одна дочь¹¹.

До женитьбы Богдан Михайлович «был капралом бомбардирской роты лейб-гвардии Преображенского полка»¹². О нем говорили как о замечательном стрелке: «в присутствии генерал-фельдцейхмейстера графа Шувалова он сделал в минуту с тремя рядовыми из единорога 32 выстрела, за что повышен чином и вышел в отставку прапорщиком гвардии»¹³. Тем не менее недолгая военная служба и разгульная жизнь мало способствовали как карьере, так и материальному благополучию. Отчасти именно из-за этого отец Броневского вместе со своим другом, Сергеем Анисимовичем Князевым, отставным бригадиром, решил заняться винокурением. Вначале дела складывались удачно, но впоследствии из-за того, что сгорел завод и прорвало плотину, все кончилось банкротством. Было продано Шатское имение, принадлежавшее матери, и после смерти отца – родовое имение Головеньки.

О быте и нравах семьи Броневских осталось достаточно много свидетельств: по крайней мере трое братьев Броневского (Семен Богданович, Николай Богданович и Дмитрий Богданович) оставили воспоминания, опубликованные в конце XIX – начале XX века в исторических журналах.

Для характеристики жизненного уклада этого семейства достаточно привести один из случаев, описанных в мемуарах Николая Броневского: «Отец наш был очень строг. Мы его очень боялись. При нем не смели и пошевелиться, вечно сидели по углам в девичьей. Зато на свободе, без отца, отличались в резвостях. Случилось видеть крестины меньшого брата Александра. Вот у нас был большой затейник, брат Семен. В отсутствие батюшки решили сделать надо мной обряд крещения. В один прекрасный день, после обеда, матушка легла почивать, няня старуха также улеглась отдохнуть. Нас четверых заперли, по обыкновению, в детской, которая окнами обращена была к кухне. Накануне прошел сильный дождь; все кадки, поставленные под желоба для стока с крыши дождевой воды, были наполнены. Старшие братья, со-

М.М. Захарова

ставив игру, чтобы меня крестить, перенарядились: кто священником, кто дьяконом, а кто дьячком. Накрылись одеялами и простынями вместо ряс, вместо кадила отпращивали бутылки, привязанные к шнуру. Преспokoйно отворили окно: меня высадили и сами вылезли. Кадка, наполненная водой, была высока. Я сам не мог влезть туда. Братья стали подсаживать, голова моя перевесилась в кадку, и я юркнул вверх ногами. Братья не могли меня удержать или вытащить обратно. Перепугались и разбежались. Господь сохранил мою жизнь. Повар Василий после обеда в кухне чистил посуду. Увидев, что мы вылезли в окно, вышел в самую минуту, когда я погружен был в кадку, подбежал, вынул из воды совершенно мертвого, захлебнувшегося водой. Прибежали няня, горничные девушки, стали откачивать на простынях. Шумом и суматохой разбудили матушку, слава Богу, привели меня в чувство. Ожил. Братьев с трудом отыскиали в коноплянике. Разумеется, их пересекли розгами, и поделом. Отца не было дома. Запрещено было ему говорить. Я сам увидел отца и рассказал, как я братьями был вторично крещен. Разумеется, отец пересек порядочно вторично братьев, досталось и няне, да и всем людям»¹⁴.

Трех братьев, Михаила, Владимира и Алексея, отдали в Морской кадетский корпус. Туда же поступили через некоторое время и Дмитрий с Александром. Семен и Николай были отданы в Шкловское благородное училище (Шкловский кадетский корпус), позднее, после переезда в Гродно, переименованный в Гродненский кадетский корпус. Таким образом все сыновья Богдана Броневского должны были получить военное образование¹⁵.

Выбор именно этих учебных заведений был обусловлен причинами достаточно прозаическими: в Морском кадетском корпусе пост вице-директора занимал Петр Андреевич Баратынский, родственник отца, впоследствии сделавший своим душеприказчиком Дмитрия Броневского. В Шкловском корпусе в течение нескольких лет инспектором классов был Семен Михайлович Броневский, будущий градоначальник Феодосии.

Владимир Броневский воспитывался в корпусе с 1794 г. по 1802 г., когда он был произведен в офицеры¹⁶. Брата Михаила, самого старшего в семье, произвели в офицеры гораздо раньше, а именно в тринадцатилетнем возрасте¹⁷. С чем связано «позднее» офицерство Броневского – остается загадкой, но одно можно сказать: жизнь его в кадетском корпусе была нелегкой. Об этом свидетельствуют «Автобиографические записки» В.И. Штейнгейля, члена Северного общества декабристов, учившегося вместе с Броневским и сохранившего с ним хорошие взаимоотношения, которые впоследствии, в двадцатых годах, привели к тому, что Броневский обращался с просьбой к А.С. Шишкову о назначении Штейнгейля вместо него директором Ришельевского лицея в Одессе¹⁸.

Штейнгейль был в корпусе с 1792 по 1799 г. и уже в 9 лет был выпущен из училища как мичман. Штейнгейль писал: «Содержание кадет было самое бедное. Многие были оборваны и босы. Учителя все кой-

какие бедняки и частию пьяницы, к которым кадеты не могли питать иного чувства, кроме презрения. В ученье не было никакой методы, старались долбить одну математику по Евклиду, а о словесности и других изящных науках вообще не помышляли. Способ исправления состоял в истинном тиранстве. Капитаны, казалось, хвастались друг перед другом, кто из них бесчеловечнее и безжалостнее сечет кадет»¹⁹.

Надо заметить, что такие жизненные условия были характерны не только для Морского корпуса, но и для Шкловского училища. Рассказывая о годах обучения, Николай Броневский рисует практически такую же картину: «Учили фронту по два раза в день. На плац ходили за город довольно далеко, нуждались в обуви. Платье и пища были очень скудны: все на польский манер. Второе блюдо играло важную роль. Когда была различная каша – все кадеты как-то веселей; но когда картофель, морковь и особенно пастернак, мы все обрекались на голод. Испытал на себе, что голодный ребенок много теряет перед сытым: урок нейдет в голову, все мысли направлены как бы промыслить хлеба»²⁰.

В 1803 г. в возрасте 44 лет погибает отец Броневского: переезжая в лодке, он тонет в небольшой реке. Согласно легенде, которую приводит Дмитрий Броневский в воспоминаниях, этот несчастный случай был вызван проклятием: один из их предков, будучи непослушным сыном и принося много огорчений отцу, был проклят последним, и с тех пор разного рода несчастья преследовали Броневских.

После смерти отца семья Броневского находилась в крайне бедственном положении: во-первых, после банкротства необходимо было выплачивать долги; во-вторых, на попечении матери осталось 9 детей, причем старшему из них, Михаилу, было только 17 лет, а остальные или учились в военных заведениях, или должны были туда поступать. «Состояние было расстроено до того, что и думать не можно было, чтобы пособлять своим детям. Связей с сильными людьми не было никаких»²¹, – так описывал положение семьи один из братьев. Тем не менее, несмотря на многие трудности, благодаря взаимной помощи, судьба всех сыновей сложилась достаточно благополучно.

В сентябре 1805 г. Владимир Броневский отправился вместе с эскадрой Д.Н. Сенявина в Средиземное море для борьбы с французами и пробыл в море около пяти лет. Как пишет Е.В. Тарле в монографии «Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805–1807)»: «Плавание было нелегкое. Прежде всего выбор якорных стоянок на этом долгом пути вокруг всей Европы был ограничен. Достаточно прочесть тот же рескрипт Сенявину от 31 августа, чтобы понять, до какой степени трепетали прибрежные державы перед Наполеоном, который мог разгневаться на гостеприимство, оказанное русским судам»²².

С 1806 г. Броневский находился на фрегате «Венус», участвовал в сражениях с французами у Далматского побережья. Более того, «взял в приз полушебеку»²³.

После начала очередной русско-турецкой войны (1806–1812 гг.), в продолжение кампании Сенявина, он участвовал в Дарданелльском сражении (май 1807 г.) с турецким флотом и при осаде острова и крепос-

М.М. Захарова

ти Тенедос (июнь 1807 г.), за что получил орден Святого Владимира 4 степени. После захвата Тенедоса командовал береговой батареей. В 1808–1809 гг. стоял на корабле «Сед-эль-Бахр» на Триестском рейде²⁴.

В сражениях Броневского ранили в плечо и руку, и в 1810 г., будучи произведен в лейтенанты, он по суше, из Триеста, возвратился в Россию. Дмитрий Броневский писал: «Брат Владимир был в это время дома, он уволен был для излечения ран. Брат приехал сухим путем из Триеста, где сданы были наши корабли тогдашним друзьям нашим французам. Брат Владимир служил с отличием кампанию в Средиземном море. Он командовал небольшим судном, вооруженным четырьмя пушками. Находясь в Тенедосе в то время, когда турецкий флот, пользуясь удалением нашего, явился перед ним, брат свое суденышко сжег, а пушки свез в крепость, поставив их на валу, и стрелял из них до тех пор, покуда турецкая пуля не врезалась в левое его плечо. Рана была и тяжелая, и опасная; но, благодаря молодости и венгерским минеральным водам, он исцелился совершенно. В то время, как я его видел, он был здоров и преусердно играл на гитаре»²⁵.

В последующие годы, вплоть до 1816 г., Броневский служил в составе Черноморского флота и уволился, получив звание капитан-лейтенанта. После выхода в отставку ему присвоили орден Святого Георгия 4-го класса за 18 морских кампаний.

2

История публикации «Записок морского офицера»

Впечатления, полученные во время военных действий, легли в основу первого, изданного в четырех частях в 1818–1819 гг., произведения Броневского «Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год»²⁶, выдержавшего второе издание в 1836–1837 гг. Если последующие литературные опыты писателя вызвали сомнения, причем не только у современников, но иногда и у потомков, то «Записки» практически всеми оценивались достаточно высоко.

Так, Тарле в предисловии к монографии о кампании Сенявина указывает: «Записки В. Броневского занимают совсем особое место: Сенявин давал ему возможность читать и использовать ряд документов, которые либо не были отданы в адмиралтейство по той или иной причине, либо затерялись. Броневский описывает военные действия не только с согласия, но и с одобрения адмирала. Он уверенно говорит о планах и соображениях адмирала, которые Сенявин не хотел почему-либо изложить в официальных рапортах. Записки Броневского восполняют некоторые не дошедшие до нас официальные документы»²⁷.

История написания «Записок морского офицера», согласно тем сведениям, которые предоставляет литератор в предисловии к первой

части и в ряде статей, опубликованных в «Сыне Отечества», предстает в следующем виде: «Служа на флоте от начала до конца кампании, в плавании от Кронштадта через Зунд²⁸, Английский канал²⁹ и Атлантический океан в Средиземное море, был я на большей части островов Архипелага³⁰ и Далмации³¹, обозрел Сицилию, Мальгу и Сардинию, возвратился от Дарданелл в Лиссабон и, наконец, в третий раз прошел Гибралтарский пролив, отправился из Триеста сухим путем через Каринтию³², Штирию³³, Венгрию и Польшу обратно в Кронштадт. Таким образом обошед Европу видел я лучшие её страны, знаменитые происшествиями, славные своими древностями, просвещением и науками; я вел ежедневные записки о тех событиях, коих был очевидец и о том, что казалось мне достойным внимания и любопытства»³⁴. Далее, после возвращения в Россию и излечения от ранений, Броневский решил отправиться в Петербург, поскольку хотел издать свои записки, но для публикации «не имел никаких средств»³⁵. В марте 1818 г. он обратился к Павлу Петровичу Свиныну за помощью³⁶, который, как и Броневский, участвовал в кампании Сенявина, но на тот момент был уже известным литератором: «Будучи в сем деле еще неопытен, поверил ему мой подлинник для прочтения; оный оставался у него около четырех месяцев. Возвращая мне его, Павел Петрович нашел оный достойным издания»³⁷.

После этого Броневский отправился к Л.И. Голенищеву-Кутузову, который нашел его труд «достойным внимания»³⁸. Обращение к Голенищеву-Кутузову не было случайным. Во-первых, на момент обучения Броневского в Морском кадетском корпусе Логгин Иванович Голенищев-Кутузов, будучи официально назначен помощником своего отца, Ивана Логгиновича, фактически возглавлял корпус и, как пишет автор «Записок», он был воспитан под его начальством. Во-вторых, Голенищев-Кутузов оказывал покровительство Броневскому: «Всегда поощрявший меня в моих занятиях, постоянно во всех случаях милостивый и снисходительный»³⁹. В-третьих, Голенищев-Кутузов сам был литератором, переводил с французского («Добрый отец»), английского («Путешествие в Северный Тихий океан под начальством капитанов Кука, Клерка и Гора в продолжение 1776, 77, 78, 79 и 1780 г.»), составил атласы «Морской атлас для плавания из Белого моря к Англинскому каналу и в Балтийское море»).

Через Голенищева-Кутузова Броневский познакомился с Александром Семеновичем Шишковым⁴⁰, который также достаточно высоко оценил труд писателя и благодаря которому книга была «принята под покровительство Российской академии и Государственного адмиралтейского департамента, выдано для напечатания оной пособие и указом Адмиралтейского департамента повелено из архива выдать мне настоящие акты и все дела, откуда, для вернейшего описания, мог бы я почерпнуть нужные сведения»⁴¹. Таким образом, «Записки морского офицера» были дополнены и изменены.

Текст «Записок» подвергался редактуре Броневским не только после получения необходимых документов, но и в процессе печатания

М.М. Захарова

отрывков из произведения в различных периодических изданиях: необходимо заметить, что история публикации сочинения первоначально была связана именно с периодикой. Так, в № 6 «Сына Отечества», возглавляемого Николаем Ивановичем Гречем, за 1819 г., в разделе «Смесь», значится: «Издатель “Записок морского офицера” последнюю статью о Корфе⁴² отдал для напечатания в “Сыне Отечества” единственно с тем, чтобы по сему предмету получить подробнейшие сведения; и в сем ожидании своем не обманулся. Его сиятельство граф Яков Николаевич Булгари⁴³ доставил ему весьма важные и верные документы, по коим некоторые погрешности в настоящем издании будут исправлены. За столь лестную для него достоверность сим его сиятельству принесит он свою чувствительную благодарность»⁴⁴.

«Записки» изменялись, с согласия Броневского, в соответствии с замечаниями редакторов журналов, где публиковались отрывки из сочинения, и людей, которым он читал или давал его читать. Например, после избрания 27 июня 1818 г.⁴⁵ действительным членом по части словесности в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств Броневский регулярно участвует в заседаниях ВОЛСНХ и читает отрывки из «Записок».

Собственно, одним из следствий стремления познакомить с произведением уже известных литераторов, а также обращения к Свиныну, была возникшая впоследствии журнальная полемика относительно возможности использования последним «Записок морского офицера» в своих «Воспоминаниях на флоте»⁴⁶, повествующих о тех же событиях, что и «Записки» Броневского. Поводом к дискуссии послужила опубликованная в «Сыне Отечества» за 1818 г. (№ 49) статья Броневского под названием «Уведомление»⁴⁷, в которой тот фактически обвиняет Свинына в плагиате. Однако в ходе спора между Броневским и Свиныным возник вопрос, имеющий непосредственное отношение к редакции и требующий рассмотрения в контексте разговора об истории создания «Записок».

Согласно версии Свинына, после предоставления ему текста «Записок», который, по его свидетельству, был у него на руках не четыре месяца, а две-три недели, он «выбрал и переправил совершенно две первые статьи, помещенные им (Броневским. – М. З.) в “Сыне Отечества” и “Благонамеренном”, написал для сочинения его посвятельное письмо, подарил ему несколько редких видов и планов, снятых мною с природы, уступил ему прекрасный манускрипт, подаренный мне там г. Мазаровичем о Черной горе⁴⁸ в мае нынешнего года (1818 г. – М. З.)»⁴⁹. Также он «не отказывал ему ни в каких бумагах и официальных журналах, за коими г. Броневский приходил ко мне очень часто сам или присылал человека», и это при том, что «имел он все акты из Адмиралтейского департамента»⁵⁰.

Броневский в ответ на выпад Свинына отрицал возможность редакции и заявлял, что, кроме одного вида и «препровождения»⁵¹ первых двух статей к издателю «Сына Отечества», Свинын для него ничего не сделал. Манускрипт был подарен Мазаровичем Броневскому,

причем с просьбой не предавать огласке имя дарителя, а документы, которые якобы автор «Записок» просил, на самом деле были предоставляемы Свиныну, а не наоборот.

В защиту автора «Записок» высказались редакторы журналов «Сын Отечества» и «Благонамеренный» (журнал издавался председателем Вольного общества любителей словесности, наук и художеств Александром Ефимовичем Измайловым). В «Сыне Отечества» появилась заметка: «По желанию г. Броневского, долгом поставляем засвидетельствовать, что сии статьи доставлены нам были через г. Свинына, писанные собственной рукой г. Броневского, без всяких чужих поправок и перемен»⁵².

В «Благонамеренном», в рецензии на первую часть «Записок», значилось: «Я не сказал бы здесь ни слова о казусном деле г. Броневского с г. Свиныным, если бы сей последний в № 50 “Сына Отечества” за прошедший 1818 год, укоряя первого в неблагодарности, не упомянул между прочим, что он выбрал у него и переправил совершенно две первые статьи, помещенные им в “Сыне Отечества” и “Благонамеренном”. Первый отрывок из “Записок” г. Броневского, напечатанный в № 4 и № 6 “Благонамеренного” прошедшего 1818 года и содержащий в себе картинное описание Палермы и её окрестностей, получил я лично от самого сочинителя, которому тогда же заметил бывшие в его рукописи не исправности, как то: некоторые выражения, несвойственные нашему языку, неправильную расстановку слов и т. п. Вот доказательство, что рукопись его никем не была до того времени исправлена. Почтенный сочинитель уполномочил меня сделать в оной нужные правки и это не составило для меня никакого особенного труда. Прочие отрывки из “Записок” г. Броневского, напечатанные в “Сыне Отечества” и в “Благонамеренном”, читаны им были в собраниях Санкт-Петербургского Вольного общества любителей, словесности, наук и художеств⁵³ и он пользовался замечаниями всех вообще членов, которые могут засвидетельствовать, что никаких поправок рукою г. Свинына в рукописи г. Броневского не было»⁵⁴.

Таким образом, спор о возможном изменении Свиныным сочинения Броневского был решен в пользу автора «Записок».

3

Журнальная полемика между Броневским и Свиныным

Как уже было сказано ранее, «Записки морского офицера» публиковались сначала в периодических изданиях. Первые отрывки вышли в свет в 1818 г. в «Сыне Отечества» (№ 12) и «Благонамеренном» (№ 4, 6) и посвящены были событиям весны 1806 г., а именно занятию Бокка-ди-Каттаро и освобождению задержанных в Триесте судов (описание этих событий впоследствии вошло в первую часть «Записок») и рассказу о Палермо, перешедшему во вторую часть «Записок». В даль-

М.М. Захарова

нейшем Броневский отдавал отрывки в «Вестник Европы» (1818, № 14–16), в «Журнал древней и новой словесности» (1818, № 2), в «Русский вестник» (1818, № 21) и в «Русский инвалид». Однако в основном «Записки» публиковались в «Сыне Отечества» (1818, № 25, 27–31, 37, 41, 42, 44). Большая часть изданных в 1818 г. отрывков вошла в первую часть книги (вышла в 1818 г.), охватывавшую период с момента отбытия из Кронштадта до рассказа об арестованных в Триесте кораблях.

Иногда отрывки снабжались редакционными примечаниями, выполнявшими, по всей видимости, функцию рекламы будущего издания. Например, в № 29 за 1818 г. «Сына Отечества» статья, повествующая о нравах и обычаях черногорцев, снабжена комментарием: «При особом издании записок г. Броневского будут приложены картинки»⁵⁵ – или в № 27, описывающем географическое положение Черногории, язык, ремесла, значит: «Доныне ни на одном еще языке не описана сия любопытная земля, обитаемая единоплеменным с нами народом. Приносим искреннюю нашу благодарность почтенному г. Броневскому за украшение “Сына Отечества” сею статьей»⁵⁶.

Публикация отрывков из «Записок» продолжилась и после выхода первой части, продажа которой, по всей видимости, была задержана, на что указывает Свиньин: «Г. Броневский, зная столь хорошо математику, вероятно, ошибкой сказал, что книга моя вышла в свет одним месяцем прежде его. Почти уже два, как она продается, а гораздо того прежде отпечатана, его же не показывается!»⁵⁷.

Чаще всего статьи выходили в «Сыне Отечества» и «Благонамеренном» и зачастую содержали информацию о подписке и о содержании следующих частей. В частности, издатель «Сына Отечества» в № 19 за 1819 г. в примечаниях к статье Броневского «Приключения пленного русского офицера» пишет: «Мы обещали сообщить нашим читателям подробное известие о втором томе “Записок морского офицера”. Исполняем сие обещание извлечением из одного любопытного отрывка, однако не самого важного во всем томе, заключающем в себе многие занимательные статьи... Третья часть сей книги выйдет в июле месяце. Подписка принимается во всех книжных лавках. Цена экземпляра в 4 частях с 20 картами, видами и планами на веленовой бумаге⁵⁸ 50, на любской⁵⁹ 35, на простой 25 рублей»⁶⁰. Публикация статей, взятых из «Записок», продолжалась вплоть до конца 1819 г., когда вышла последняя часть, которая также, вероятно, с опозданием нашла своих читателей. Об этом свидетельствует небольшая заметка Броневского, напечатанная в 1820 г. в «Сыне Отечества»: «Отсутствие мое по службе⁶¹ и некоторые другие непредвиденные обстоятельства замедлили выход в свет последней части книги под заглавием “Записки морского офицера”. Ускорить печатание оной не от меня зависело»⁶².

Видимо, с самого начала издание книги было сопряжено для писателя с рядом трудностей, на это косвенно указывает не только Свиньин, но и опубликованное в 1818 г., еще до выхода первой части, примечание к отрывкам из «Записок», помещенным в «Русском вестнике» и повест-

вующим о плавании по Немецкому морю: «Весьма желательно, чтоб прекрасные и полезные “Записки” сии были скорее напечатаны. Но автор, к сожалению, не имеет способов издать свою книгу, а книгопродавцы желают, по обыкновению, достать ее за ничто»⁶³.

Задержка выхода первой части книги и публикация первой части «Воспоминаний на флоте» Свинына в том же году, посвященных той же самой теме, вероятно, и вызвали упомянутое выше, в контексте разговора о возможном изменении Свиныным «Записок», «Уведомление» Броневского: «Известность автора воспоминаний (Свинына. – М. З.), появление его книги одним месяцем прежде моей могут возбудить мнение, что я предприемлю напрасный труд»⁶⁴.

В этой статье автор «Записок» обвиняет Свинына в использовании текста в своих «Воспоминаниях», подкрепляя это следующими доказательствами: «Павел Петрович Свинын на странице 144 говорит: “Я прибыл на эскадру Сенявина 1 января 1807 года” – и, сказав о сем, тотчас на странице 148 начинает повествовать о происшествиях 1805 и 1806 годов. При сем надлежало бы упомянуть, откуда почерпнул он сии сведения: приличность, самая необходимость, того требовала; но он не сделал сего, видно, по той причине, что не почерпал сведения, а просто списал с моего подлинника. Всего удивительнее, что он книгу свою назвал воспоминаниями: вспоминать можно то, что с нами случилось, описывать то, что видели, и то, что мы слышали; но при сих последних сочинитель воспоминаний должен был сказать, от кого слышал, тем более, что он знал о моем намерении издать полное описание, записки мои столь долгое время имел в руках. Все события кампании Сенявина с 1 января 1807 года по декабрь месяц того же года, когда издатель из Лиссабона отправился в Санкт-Петербург, могут быть его воспоминания, но о том, что происходило в 1805 и 1806 годах, мог он знать только по слуху»⁶⁵. Далее Броневский добавляет: «Павел Петрович был на эскадре только год, а в предисловии сказал, что большей части оной был свидетелем»⁶⁶.

К сказанному автор «Записок» приложил отрывки из своих опубликованных статей и «Воспоминаний на флоте», разбив их на две колонки, и сопоставленные тексты снабдил комментариями. Как видно из «Уведомления», отрывки зачастую идентичны, иногда, правда, творчески переосмыслены Свиныным. В левой колонке – статьи Броневского («Благонамеренный», июль 1818 г., с. 111), в правой – «Воспоминания» (с. 227) Свинына:

<p>«Чтоб избавиться жару, пошел я еще до рассвета на гору, где находится замок. Дорога, высеченная уступами, шла самыми крутыми излучинами».</p>	<p>«На рассвете пошел я в верхние укрепления. Усилия мои взобраться до жару в замок так истощили мои силы, что я лишился бы, конечно, памяти, если б стакан холодной воды, который подал мне часовой, не оживил меня. Дорогу составляет бесконечная лестница, высеченная из самой горы».</p>
--	--

М.М. Захарова

«Примечания: Надобно заметить, что я осматривал сей замок 10 апреля, когда в Каттаро жара начинает быть чувствительна, а г. издатель (Свиньин. – М. З.) воспоминаний осматривал оный 5 января, когда здесь, под 42 градусом широты, холод, особенно по утрам и при дующих в сие время борах, им тут же (стр. 239) описанных, простирается до 4 градусов»⁶⁷.

Или:

<p>«Русский инвалид, 15 июля. Вид маленькой церкви Ильи Пророка, стоящей на вершине горы, в то время покрытой облаками, чрезмерно мне понравился. Положение её на такой высоте кажется лучшим и приличнейшим местом для громоносного пророка».</p>	<p>«Воспоминания, стр. 237. После обеда, веселой компанией, ходили мы на вершину голых синих скал, где белеется церковь Ильи Пророка. Святой сей здесь вообще, как и у нас между простым народом, почитается покровителем громов и бурь, а потому нельзя было приличнее избрать места для посвящения ему храма».</p>
--	--

«Примечания: В здешнем климате в январе идут проливные дожди, отчего дороги на горы бывают непроходимы»⁶⁸.

Такого рода несуразностей Броневский приводит достаточно много, чтобы сложилось впечатление о заимствовании из его текста Свиньиным части материала. Более того, он добавляет, что поскольку тексты опубликованных в периодике статей подвергались редакторской правке, то сходство не так заметно, и все-таки, несмотря на это, оно бросается в глаза, особенно при сопоставлении того, что написано Свиньиным самостоятельно, и того, что он заимствовал у Броневского. Как пишет Броневский: «До страницы 117 в описаниях одних предметов у нас нет ничего общего, и ни одной мысли, не только одного выражения, потому что тут г. Свиньин описывал то, что видел своими глазами и изображал по-своему»⁶⁹.

В следующем номере «Сына Отечества» был опубликован ответ Свиньиного⁷⁰, в котором тот опровергает практически все, сказанное Броневским, кроме обвинения в сходстве цитируемых текстов, отделяясь фразой «первые три предмета мы видели одними глазами, а последний был столь достопамятен и свеж, что по приходе моем в Бокка-ди-Каттаро составлял первый у всех разговор»⁷¹. Во-первых, Свиньин заявляет, что Броневский в ходе кампании был всего лишь мичманом на фрегате «Венус» и из-за этого не имел представления о сути происходящего. Он же, наоборот, был приближен к Сенявину и знал практически все о переговорах, важнейших делах, хранил архив, состоящий из официальных бумаг, общался с главными действующими лицами, и потому год его пребывания с эскадрой стоит пяти лет службы Броневского. Более того, при ближайшем рассмотрении автор «Записок» был с флотом всего лишь два года и один месяц, так как фрегат «Венус» не находился вместе с эскад-

рой «с отправления его из Лиссабона, и лишен после всяких обоюдных с ним сношений и операций»⁷². Во-вторых, «Воспоминания на флоте» с полным на то правом могут именоваться воспоминаниями, поскольку Свињин имел на руках документы из Адмиралтейства еще 10 лет назад, тогда как Броневский получил их только недавно, после приезда своего в Петербург, и «ныне изданы не в виде сочинения, а описания виденного и слышанного мной на месте, что весьма может разуместься под словом – воспоминания»⁷³. В-третьих, совпадения, начинающиеся со 117 страницы, случайны, так как еще в 1816 г., в «Сыне Отечества», были изданы статьи из будущей первой части «Воспоминаний», и эти отрывки дублируют содержание части с 158-й по 178-ю страницу. В-четвертых, Свињин говорит о том, что познакомился с Броневским в марте 1818 г., а «Воспоминания» прошли цензуру уже в ноябре 1817 г., т. е. задолго до знакомства с писателем; к тому же книга была отдана для печати издателю, Василию Алексеевичу Плавильщикову, в мае 1818 г. В-пятых, обвинение в плагиате вызвано банальной причиной – завистью: подписка на книгу Броневского остановилась после начала выхода «Воспоминаний». В-шестых, Броневский – неблагодарный человек и поступил по отношению к Свињину неблагородно: Свињин представил его Шишкову и «ходатайствовал в его пользу»⁷⁴, познакомил с литературной общественностью, снабжал документами, написал сопроводительное письмо к первой публикации, в котором сказал о себе как о своего рода музее, вдохновившей Броневского и последователей на описание кампании Сенявина, отредактировал первые отданные в журналы статьи и т. д.; Броневский, в свою очередь, вместо благодарности начал распространять слухи о заимствованиях из его текста, избегал встреч, а когда все-таки был вынужден ответить на вопрос Свињина об истории с подлинником, то сослался на замечания «почтенных особ, в том числе Александра Семеновича Шишкова»⁷⁵, вынудивших его распространять слухи о плагиате.

Подводя итог, Свињин пишет: «Употребившие г. начинающего литературное поприще жалким орудием своего ко мне недоброжелательства должны были ему посоветовать не злословием других стараться возвышать свои сочинения, но собственными их достоинствами»⁷⁶.

Статья Свињина не осталась без ответа. Через номер было опубликовано «Прибавление к уведомлению» Броневского, которое завершило спор между писателями. В «Прибавлении» автор «Записок» аргументировано высказывается относительно упреков в неосведомленности, непродолжительном пребывании под начальством Сенявина и многом другом. В том числе – о неблагодарности: Шишкову представил Броневского вовсе не Свињин, а Голенищев-Кутузов. Помимо этого, писатель отвечает на ключевой вопрос, связанный с полученным еще в 1817 г. разрешением цензора: «В марте месяце, когда я с ним познакомился, книги “Воспоминаний” было уже напечатано семь листов; она должна состоять только в одной книжке, и по отрывкам, помещенным в журнале “Пантеон великих российских мужей”⁷⁷, с того же марта месяца начинаются сходства. Если справедливо, что книга его отцензурирована прошедшего года и отдана г. Плавильщикову в мае

М.М. Захарова

месяце нынешнего, то следовало бы в оной быть только тому, что в оглавлениях журнала и книги означено; но, сличая вторую главу, оных открывается целых четырнадцать статей лишних против оглавления книжки “Пантеона”, напечатанного в мае, а в июле напечатаны статьи уже заимствованные с моего подлинника. Г. Свиныин сам сознается, что в сии месяцы он имел мой оригинал, и потому я справедливо имею причину подозревать, что сии 14 статей, составляющих большую часть его воспоминаний, моя собственность <...> Им (читателям. – М. З.) неизвестно, что сочинители при печатании делают прибавления и убавления против цензурированной рукописи с дозволения цензорского, потому что по напечатании книги цензор вновь рассматривает печатный экземпляр»⁷⁸.

Действительно, в журнале «Пантеон» весь 1818 год публиковались отрывки из первой части «Воспоминаний» (№ 1, 2, 3, 5, 6, 9, 10, 11). Предисловие и первая глава печатались с 1-го по 6-й номер, т. е. до марта. Вторая глава – с 9-го по 11-й номер, то есть с мая месяца. Каждая глава предварялась оглавлением. Если оглавление первой главы соответствует оглавлению «Воспоминаний», то оглавление второй главы в «Пантеоне» сильно «сокращено», что свидетельствует в пользу сказанного Броневским.

Следует отметить, что и литературная общественность поддержала Броневского. Отчасти это было вызвано литературной репутацией Свиныина, на тот момент превратившегося в фигуру комическую. Хорошо известно высказывание А.И. Тургенева в письме к П.А. Вяземскому по поводу истории с «Записками морского офицера»: «Каков Свиныин! Зри “Сын Отечества”»⁷⁹. Как пишет в комментариях В.И. Саитов, «возгласом “Каков Свиныин!” Тургенев без сомнения хотел указать на полемику, которая возникла между П.П. Свиныиным и военным писателем В.Б. Броневским»⁸⁰. Чуть раньше, характеризуя Свиныина, Саитов говорит: «Критика относилась недоверчиво к Свиныину, и современники обыкновенно подсмеивались над ним, говоря, что свои путешествия он действительно сочиняет»⁸¹. Помимо упреков в излишне развитом воображении были и другие обвинения. Так, Вяземский в письме к Тургеневу дает свой перевод стихотворения Свиныина, служащего эпиграфом к его статье «Поездка в Грузино», опубликованной в «Сыне Отечества»:

«Что пользы, говорит расчетливый Свиныин,
Мне кланяться развалинам бесплодным
Пальмиры, Трои иль Афин?
Пусть дорожит Парнаса гражданин
Воспоминанием благородным:
Я не поэт, а дворянин,
И лучше в Грузино пойду путем доходным:
Там, кланяясь, могу я выкланяться в чин»⁸².

Таким образом, литераторы были изначально настроены скептически ко всему, о чем писал или говорил Свиныин. Измайлов впоследст-

вии посвятил ему басню «Лгун», а Пушкин – сказку «Маленький лжец», поэтому было вполне естественным, что литераторы выступили на стороне Броневского.

Соответствовало ли такое представление о Свиныне действительности? По всей видимости, да. Например, в одном из номеров за 1816 г. в разделе «Смесь» в «Сыне Отечества» появляется «Письмо к издателю» от киевского коменданта, генерал-лейтенанта Александра Массе, в котором тот говорит о вымышленности событий, описываемых в статье Свинына «Печерская лавра и пещеры» («Сын Отечества». 1818. № 36–37). Редактор «Сына Отечества» прибавляет к «Письму» свой комментарий: «Сочинитель статьи о “Киевских пещерах” в 1812 году находился в Америке, следовательно, написал о сем случае не по собственному опыту, а по слухам, дошедшим до него от киевских жителей. По известному нам своему правдолюбию, конечно, он будет также благодарен за сие замечание»⁸³.

Полемика между Броневским и Свиныным была не единственной дискуссией, возникшей в ходе печатания «Записок». Тем не менее в целом «Записки морского офицера» были восприняты критиками и читателями благожелательно.

Примечания

- 1 См., напр.: *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 1. С. 75.
- 2 <*Броневский Д.Б.*> Воспоминания Броневского // Русская старина. 1908. Т. 134. С. 537.
- 3 Переизданы: *Броневский С.М.* Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. СПб., 2004; *Броневский С.М.* Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен царя Иоанна Васильевича донныне. СПб., 1996.
- 4 См.: *Павлова И.К.* О сочинении Броневского // Броневский С.М. Исторические выписки... С. 9.
- 5 См.: <*Броневский Д.Б.*> Указ. соч. С. 542; *Броневский Н.Б.* Из воспоминаний Николая Богдановича Броневского // Голос минувшего. 1914. № 3. С. 226.
- 6 *Венгеров С.А.* <Примечания ко II тому> // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 12 т. СПб., 1900. Т. 2. С. 541; Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.; Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 48.
- 7 *Евсеева М.К.* Броневский Владимир Богданович // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 329.
- 8 *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. Т. 1. СПб., 1895. С. 76.
- 9 *Греч Н.И.* Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822. С. 346.
- 10 *Лобанов-Ростовский А.Б.* Указ. соч. С. 309.
- 11 Михаил, Владимир, Семен, Николай, Алексей, Александр, Дмитрий, Василий (умер в раннем детстве) и Мария.

М.М. Захарова

- 12 *Броневский С.Б.* Записки из моей жизни // Исторический вестник. 1889. Т. 38. С. 501.
- 13 Там же.
- 14 *Броневский Н.Б.* Из воспоминаний генерала Николая Богдановича Броневского // Голос минувшего. 1914. № 3. С. 228.
- 15 Любопытно, что сам Богдан Броневский и все его братья (в семье было пять сыновей и одна дочь) получили военное образование. См.: *Павлова И.К.* Указ. соч.
- 16 *Соколов А.П.* Русская морская библиотека 1701–1851: Исчисление и описание книг, рукописей и статей по морскому делу за 150 лет. СПб., 1883. С. 145.
- 17 <*Броневский Д.Б.*> Указ. соч. С. 544.
- 18 См.: *Штейнгейль В.И.* А.С. Шишкову // Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Т. 1. Записки и письма. Иркутск, 1985. С. 203–206.
- 19 *Штейнгейль В.И.* Автобиографические записки // Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Т. 1. Записки и письма. С. 89.
- 20 *Броневский Н.Б.* Указ. соч. С. 229–230.
- 21 <*Броневский Д.Б.*>. Указ. соч. С. 542.
- 22 *Тарле Е.В.* Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805–1807). М., 1954. С. 168.
- 23 Военная энциклопедия. Т. 5. СПб., 1911. С. 111. Шебека – гребной корабль второй половины 18 века, имел до 40 вёсел, длиной до 35 метров, 32–50 пушек малого калибра; полушебека – судно наподобие шебеки, но только меньшего размера.
- 24 Там же.
- 25 <*Броневский Д.Б.*>. Указ. соч. С. 557.
- 26 *Броневский В.Б.* Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. Ч. 1–4. СПб., 1818–1819.
- 27 *Тарле Е.В.* Указ. соч.
- 28 Зунд – пролив, соединяющий Балтийское море с проливом Каттегат.
- 29 Ла-Манш.
- 30 Греческий архипелаг – совокупность островов Эгейского моря.
- 31 Далмация – территория современной Хорватии.
- 32 Каринтия – провинция в Австрии.
- 33 Штирия – область в Центральной Европе.
- 34 *Броневский В.Б.* К читателю // Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. Ч. 1. СПб., 1818. С. 3.
- 35 Там же.
- 36 По версии Свинына, Броневский «прислан был ко мне от Дмитрия Николаевича Сенявина» и «в уважение к рекомендации сего последнего и, желая искренно, чтоб ни одного обстоятельства столь славного похода не осталось забвенным, отстраняя соперничество, я взял на себя труд пересмотреть две части его рукописи» (См.: *Свинын П.П.* Ответ на уведомление // Сын Отечества. 1818. № 50. С. 236).

- 37 *Броневский В.Б.* Уведомление // *Сын Отечества*. 1818. № 49. С. 184.
- 38 Там же.
- 39 Там же.
- 40 Шишков закончил Морской кадетский корпус. Будучи президентом Российской академии и известным в литературных кругах человеком, он легко мог поспособствовать изданию «Записок».
- 41 *Броневский В.Б.* К читателю. С. 3.
- 42 См.: *Броневский В.Б.* Отрывки из «Записок морского офицера» // *Сын Отечества*. 1819. № 4. С. 165–176. Корфу – город и порт в Греции, остров в Ионическом море.
- 43 *Булгари Я.Н.* – действительный статский советник, служил на Ионических островах.
- 44 *Броневский В.Б.* Изъявление благодарности // *Сын Отечества*. 1819. № 6. С. 285.
- 45 По старому стилю.
- 46 *Свиньин П.П.* Воспоминания на флоте. Ч. 1–3. СПб., 1818–1819.
- 47 *Броневский В.Б.* Уведомление // *Сын Отечества*. 1818. № 49. С. 184–190.
- 48 Черногория.
- 49 *Свиньин П.П.* Ответ на уведомление // *Сын Отечества*. 1818. № 49. С. 237.
- 50 Там же.
- 51 Свиньин написал письмо, сопровождавшее первые опубликованные в «Сыне Отечества» отрывки: «Препровождаю при сем два любопытных отрывка для напечатания в «Сыне Отечества» в намерении познакомить публику с приятным слогом и занимательностью, с коими описал подробно г. капитан-лейтенант Броневский знаменитую кампанию адмирала Сенявина. Почитаю себя счастливым, что некоторыми опытами, помещенными в вашем журнале, я пробудил перо г. Броневского и других свидетелей сего славного подвига. Жалко и стыдно было бы, если б малейшие подробности оно остались забытыми для будущего историка» (*Свиньин П.П.* <Письмо в редакцию> // *Сын Отечества*. 1818. № 12. С. 203).
- 52 Издатель «Сына Отечества» <Примечание> // *Сын Отечества*. 1818. № 52. С. 331.
- 53 Например, на заседании 11 июля 1818 г. Броневским было прочитано «Статистическое, политическое и военное описание провинции Бока ди Катаро»; 8 августа 1818 г. – «Приготовление к кампании и плавание до Ревеля»; «Плавание Балтийским морем»; «Зунд»; «Ельзинор»; «Плавание Немецким морем»; 22 августа 1818 г. – «Описания провинции Боко ди Катаро»: «Доброта»; «Перасто»; «Ризано».
- 54 <Записки морского офицера. Ч. 1. СПб., 1818> // *Благонамеренный*. 1819. № 2. С. 131–132.
- 55 <Примечание издателя> // *Сын Отечества*. 1818. № 29. С. 126.
- 56 Издатель <Примечание> // *Сын Отечества*. 1818. № 27. С. 17.
- 57 *Свиньин П.П.* Ответ на уведомление // Там же. С. 236.
- 58 Веленевая бумага – бумага высшего качества.
- 59 Любская бумага – бумага высокого качества, привезенная из города Любека.
- 60 <Примечание издателя> // *Сын Отечества*. 1819. № 19. С. 315.
- 61 С 1819 г. Броневский занимал должность инспектора классов в Александровском военном училище в Туле.

М.М. Захарова

- 62 *Броневский В.Б.* От сочинителя «Записок морского офицера» // Сын Отечества. 1820. № 35. С. 94.
- 63 *Броневский В.Б.* <Примечание> // Русский вестник. 1818. № 21. С. 10.
- 64 *Броневский В.Б.* Уведомление. С. 185.
- 65 Там же.
- 66 Там же. С. 185–186.
- 67 Там же. С. 186–187.
- 68 Там же. С. 187.
- 69 Там же. С. 189.
- 70 *Свинын П.П.* Ответ на уведомление // Сын Отечества. 1818. № 50. С. 234–240.
- 71 Там же. С. 237.
- 72 Там же. С. 235.
- 73 Там же.
- 74 Там же. С. 237.
- 75 Там же. С. 239.
- 76 Там же.
- 77 Ошибка: «Пантеон славных российских мужей».
- 78 *Броневский В.Б.* Прибавление к уведомлению // Сын Отечества. 1818. № 52. С. 334–335.
- 79 Тургенев князю Вяземскому. 11 декабря 1818 г. // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. СПб., 1899. С. 170.
- 80 *Саитов В.И.* Примечания // Там же. С. 554.
- 81 Там же. С. 509.
- 82 Князь Вяземский Тургеневу. 13 октября 1818 г. // Там же. С. 129–130.
- 83 Издатель <Примечание > // Сын Отечества. 1816. № 43. С. 198.

О.Л. Гайдученя

«МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФ»
И ЖУРНАЛЬНАЯ ПОЛЕМИКА
ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Исследование посвящено некоторым аспектам журнальной полемики второй четверти XIX в., в центре которой находился журнал «Московский телеграф» и его издатель Н.А. Полевой. Участниками полемики были видные писатели и журналисты эпохи – Ф.В. Булгарин, Н.И. Греч, П.И. Шаликов, С.Е. Раич.

Ключевые слова: периодика, журнальная полемика, Н.А. Полевой, Ф.В. Булгарин, Н.И. Греч, журнал «Московский телеграф», журнал «Северный архив», газета «Северная пчела».

Задача настоящей статьи – рассмотреть один из эпизодов истории русской журналистики второй четверти XIX в., а именно журнальную полемику вокруг журнала «Московский Телеграф» и его издателя – купца-самоучки Н.А. Полевого, литератора, критика.

Судьба Николая Полевого очень интересна, но в то же время трагична. Его любили и ненавидели, он всю жизнь боролся: против недоброжелателей, против несправедливости, против аристократии – и в жизни, и в литературе.

Судьба «Московского Телеграфа» не менее интересна. В течение всех лет издания журнал находился в эпицентре журнальной полемики и под пристальным вниманием современников и властей.

Антагонистами Полевого выступили известнейшие в то время журналисты, редакторы и издатели самых читаемых периодических изданий – журналов «Сын Отечества» и «Северный архив», а также газеты «Северная Пчела» Н.И. Греч и Ф.В. Булгарин.

В 1823–1824 гг. Полевой активно сотрудничал в изданиях будущих оппонентов. Греч был одним из его покровителей и наставников, Булгарин приглашал его в газету «Северная пчела». Но Полевой, к тому времени уже вынашивавший планы собственного издания, сотрудничать с Булгариным не спешил. Когда же в Петербурге прошел слух о готовящемся проекте «Московского Телеграфа», Булгарин в письме к Полевому яростно убеждал его «отступить» от издательских замыслов, предлагал «снять вместе откуп журнальный» и пугал затруднениями, связанными с изданием журнала¹.

О.Л. Гайдученя

Но Полевой был непреклонен, он отказался от «дружеских» советов и в 1825 г. открыл «Московский Телеграф». Греч и Булгарин на страницах собственных изданий практически сразу начали настоящую травлю начинающего журналиста. Как заявляют советские исследователи, «причина этой полемики была, в сущности, проста: шла борьба за гегемонию в литературной жизни»². С одной стороны, с этим мнением можно согласиться. С другой же, острота полемики, а также тот факт, что молодой, начинающий журналист вряд ли сразу, с первого номера, мог составить конкуренцию маститым издателям, заставляет предположить иную причину вдруг вспыхнувшей вражды.

Во многом инициатором полемики оказался сам Полевой. Уже в первом номере «Телеграфа», в разделе «Критика», он поместил свои рассуждения о том, что есть Идеальный Журнал, подразумевая под ним, по-видимому, собственное издание: «...что лучше всего для публики, если журналист успеет сохранить средину между важностью книги и легкостью дамских журналов – дело не легкое»³.

Сравнивая с этим идеалом другие издания, он находил, что ни одно из них ему не соответствует. Коллегам по цеху следовало указать на их недостатки, и именно для этого, согласно Полевому, существовала критика: «Критика – пробный камень дарований и благонамеренности журналиста», – утверждал он⁴.

В своих оценках Полевой часто был резок, даже груб, безапелляционно высказывал собственное мнение, иногда приводя доводы и аргументы, а иногда просто основываясь на представлении. Вполне естественно, что литераторы и журналисты были оскорблены резкой критикой молодого купца, объявившего себя журналистом. Поэтому каждый, желавший отстоять свое оскорбленное самолюбие, имел возможность опубликовать очерк или просто письмо к издателю «Московского Телеграфа» в «Сыне Отечества», «Северном Архиве» или же «Северной Пчеле».

Но больше всего Полевому досталось от самих Греча и Булгарина. В номерах 80 и 82 «Северной пчелы» за 1825 г. печатаются знаменитые «Письма бригадирши, или Горе от Московского Телеграфа», открывшие целую серию фельетонов, памфлетов, эпиграмм, в которых злобно высмеивались мелкие ошибки и промахи Полевого (автором их, по-видимому, был Булгарин). Полевому вспоминают не только критические высказывания, но и купеческое происхождение, водочный завод в Курске, доставшийся в наследство от отца, называют его самого «общипанным заводчиком», а «Московский Телеграф» сравнивают с «кубом» и «спиртом»⁵.

Поначалу полемика была односторонней: Полевой вообще не желал делать свой журнал ареной для «журнальных сшибок». «Признаюсь, – утверждал он на страницах журнала, – некогда заниматься мне перебранками, в которых прав не правый, но многоречивый, громкоговоросый»⁶.

«Чем возбудил негодование их Телеграф? – вопрошал Полевой. – Благосклонным принятием публики, вниманием первоклассных писа-

телей, помещавших в нем свои сочинения. – Чем возбудил я негодование их? Состязанием с ними трудами своими, может быть оцененными публикой и доставившими мне право участвовать в трех Ученых Обществах!..»⁷.

Недоумение Полевого по поводу нападков на «Телеграф» многие исследователи склонны оправдывать его собственной самонадеянностью. Отчасти это действительно так: в пылу журнальных споров он порой забывал о беспристрастности. Но нельзя забывать и о другом. На конфликт этот, несомненно, влияли личные отношения издателя «Телеграфа» с коллегами и антагонистами.

Жесткая критика со страниц изданий Греча и Булгарина заставила Полевого в конце концов изменить свою позицию. В «особом прибавлении» к № 2 «Телеграфа» он говорит, что «исключение антикритик... невозможно»: собственно для «антикритик» журналист и создает это «особое прибавление к Телеграфу, не входящее в счет листов, составляющих каждый номер оно. В этом прибавлении да будет полное раздолье литературной полемике»⁸.

В исследованиях советского периода утверждается, что Полевой был обязан вступить на путь полемики, обстоятельства вынудили его⁹.

Греч утверждал на страницах «Сына Отечества», что «антикритики» Полевого выходят за границы литературной полемики, что он чуждается литературных споров, нигде не показывая собственного мнения, а прибегает к хитрости. «Для сей цели выбрал он средство новое, но очень простое: ему стоит только вооружиться терпением. Подождя несколько месяцев, он уверен, что читатели почти совсем забыли рецензию, писанную против него, привязывается к нескольким выражениям, вырванным из статьи, рассыпает полную горсть знаков вопрошения и... торжествует»¹⁰.

Греч обратился к Полевому с открытым письмом, где заявлял, что несмотря на свое «уважение» к издателю «Телеграфа», «обязан был вступаться за товарища и сотрудников моих, обязан был отражать несправедливые нападения на издания наши, обязан был давать место антикритикам – и впредь постараюсь исполнять сии обязанности»¹¹.

В «Письме» Греч выявлял также «Причины нападений на Московский Телеграф», откровенно издеваясь над выстроенной Полевым схемой идеального журнала и обвиняя последнего в неприличных насмешках над многими литераторами. И напоследок Греч, видимо, не без доли иронии, вспоминает о том, что он и Булгарин предлагали Полевому сотрудничать в их изданиях и вновь повторяет это предложение¹².

Вскоре Греча и Булгарина поддержали и другие периодические издания. В их числе – «Дамский журнал» П.И. Шаликова, который вел против Полевого ожесточенную борьбу в течение почти пяти лет (1825–1829 гг.). В первом номере «Телеграфа» Полевой высмеял сентиментальность, чувствительность и бездарность стихотворцев, произведения которых заполняли страницы «Дамского журнала». Самолюбие Шаликова было задето. Полевой же стал прилагать к своему журналу картинки и заявил, что начал делать это чуть ли не первым. Шаликов

О.Л. Гайдученя

усмотрел в таком шаге покушение на свою монополию на «Парижская моды» и начал критиковать издателя «Телеграфа». «Дамский журнал» с очевидным удовольствием издевался над купеческим происхождением Полевого, над водочным заводом, называл его «винокур», «торгаш», «трехгильдейный бирюч литературный», «мещанин, торгующий напитками, вылезший из мрачной глубины погреба»¹³.

Полевой «в долгу» перед Шаликовым не остался. Переняв у оппонентов привычку считать ошибки, в 14 части «Московского Телеграфа» за 1827 г. он опубликовал целую таблицу ошибок на французском языке, сделанных в 9 книжке «Дамского журнала» за тот же 1827 г.¹⁴ В 1828 г. в статье «Новости и перемены в русской журналистике на 1829 год» Полевой отметил, что «высокая ученость удел не Дамского Журнала...»¹⁵.

Полемика с Шаликовым – безусловно, журналистский промах Полевого. Помещать на страницах «Телеграфа» картинки «Парижских мод», столь пестуемых князем, было делом явно неблагодарным и заранее проигрышным, тем более что сам Полевой осуждал увлечение журналов модами¹⁶.

В 1829 г. к числу врагов «Телеграфа» примкнул издатель журнала «Галатеея» С.Е. Раич. Князь П.А. Вяземский писал, что «Галатеея» напоминала ему «московских баб, торгующих на перекрестках гнилыми яблоками: тот же говор, те же ругательства»¹⁷.

Журнальные споры продолжались почти десять лет, и все это время и Полевой, и его антагонисты показывали завидное упорство в отстаивании своей точки зрения. Втягиваясь в раздоры, Полевой не знал, да и не мог даже предполагать масштабов, до которых он развернется. Полемика превратилась в перебранку, ничего общего не имевшую с литературными спорами по существу дела. Журналисты не уступали друг другу в лицемерии, а интеллектуальный уровень полемики был крайне низок. Издатель «Телеграфа» испортил отношения со многими братьями по перу. Ожесточенная полемика для Полевого и его журнала стала «началом конца». В апреле 1834 г. по личному распоряжению Николая I «Московский Телеграф» был закрыт.

Примечания

- 1 Московский Телеграф. 1825. Ч. 4. С. 32. Письмо это не сохранилось и известно только из публикации его Полевым.
- 2 Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. С. 271.
- 3 Московский Телеграф. 1825. Ч. 4. С. 136.
- 4 Там же. С. 138.
- 5 Северная пчела. 1825. Ч. 62. С. 34.
- 6 Московский Телеграф. 1825. Ч. 5. С. 23.
- 7 Там же.
- 8 Очерки по истории русской журналистики и критики. С. 273.
- 9 Очерки по истории русской журналистики и критики. С. 271.

«Московский телеграф» и журнальная полемика второй четверти XIX века

- 10 Сын Отечества. 1825. Особое прибавление № 1. С. 3.
- 11 *Греч Н.И.* Открытое письмо к г. Полевому // Сын Отечества. 1825. Ч. 104. С. 23.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Дамский журнал. 1829. Ч. 25. С. 16.
- 15 Московский Телеграф. 1828. Ч. 23. С. 9.
- 16 Там же. С. 149.
- 17 Цит. по: Очерки по истории русской журналистики и критики. С. 273.

Я.В. Терещенко

ЦЕНзуРА И ЖУРНАЛИСТИКА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ НИКОЛАЯ I

Статья посвящена времени правления Николая I – важному этапу в истории формирования института цензуры как системы. Рассматриваются проблемы взаимодействия цензуры и журналистики, дается объективная характеристика цензурных уставов 1826 и 1828 годов.

Ключевые слова: цензура, периодическая печать, цензурный устав, Николай I.

С правлением Николая I связано тридцать лет русской истории (1825–1855 гг.). По уже устоявшейся традиции российских императоров свое правление Николай начал борьбой с крамолой, основным проводником которой в тот период считалась пресса и литература. Естественно, в этой борьбе он опирался на полицию и цензуру. В цензуре новому государю не пришлось изобретать что-то: поначалу его вполне устраивала политика, которую проводило Министерство просвещения при Александре I. Но со временем знаменитый цензурный устав 1804 г. был признан несостоятельным. Основными недостатками его, по мнению министра духовных дел и народного просвещения А.С. Шишкова, считались «недостаточность руководящих правил» и «отсутствие у цензуры довольного доступа и голоса к защите или одобрению хорошей и к остановке или обличению худой книги»¹. Поэтому 10 июня 1826 г. был принят новый цензурный устав. Он был в пять(!) раз подробнее, чем первый. Такое впечатление, что этот устав стремится дотошнейшим образом регламентировать все возможные задачи цензуры и ее действия.

Смысл основных положений сводился к следующему:

– цензура должна контролировать три сферы общественно-политической и культурной жизни общества: 1) право и внутреннюю безопасность; 2) направление общественного мнения согласно с настоящими обстоятельствами и видами правительства; 3) науку и воспитание юношества;

– в стране создавались Главный цензурный комитет в Петербурге, местные комитеты в Москве, Дерпте и Вильно. Главный цензурный комитет подчинялся непосредственно министру, остальные – попечителям учебных кругов;

– право на цензуру оставалось и за духовным ведомством, академией и университетами, некоторыми административными, центральными и местными учреждениями².

Устав определил должность цензора как самостоятельную профессию, «требующую постоянного внимания», «многотрудную и важную, поэтому она не могла быть соединена с другой должностью». Это ставило статус цензора в жесткие рамки: в случае проступка цензор отвечал за все сполна. Кроме того, в уставе очень строго определялось, что можно оставлять, а что нельзя:

– «места в сочинениях, имеющие двоякий смысл, ежели один из них противен цензурным правилам» (таким образом, цензор получал право толковать мысли журналиста. – *Я. Т.*);

– «всякое историческое сочинение, в котором посягатели на законную власть, принявшие справедливое по делам наказание, представляются как жертвы общественного блага, заслужившие лучшую участь»;

– «рассуждения, обнаруживающие неприятное расположение к монархическому правлению»;

– «медицинские сочинения, ведущие к ослаблению в умах людей неопытных достоверности священнейших для человека истин – духовность души, высшее определение жизни»³.

В этом уставе было много подробностей, не имеющих прямого отношения к цензурному процессу. Потому цензоры часто путались, а устав за его неудобный громоздкий текст и «множество дробных правил» получил от литераторов и журналистов прозвище – «чугунный».

Поэтому, как только выдалась возможность, устав был отправлен на пересмотр по инициативе самого императора. 22 апреля 1828 г. Николаем I был утвержден третий цензурный устав. Он служил законным руководством для цензурного аппарата страны почти до 1860-х годов.

Устав предписывал цензорам:

– не придирается к словам, «принимать за основание явный смысл речи, не позволяя себе толкование оной в дурную сторону»;

– не «входить в разбор справедливости или неосновательности частных мнений или суждений писателя», а кроме того, в «суждение о том, полезно или бесполезно рассматриваемое сочинение»;

– «исправлять слог или заменять ошибки автора в литературном отношении», а значит – не редактировать⁴.

Положения ограничивали произвол цензоров в отношении представленных на рассмотрение текстов.

Главное управление училищ было отстранено от цензуры – вместо него в качестве основного контролирующего органа был учрежден Цензурный Комитет (в его состав входили министры внутренних и иностранных дел, так как новый устав объединил иностранную и внутреннюю цензуру, но нет никаких свидетельств о том, что министры хоть раз собрались на заседание). В его непосредственном ведении состояли Цензурный Комитет в Москве и комитеты при университетских городах. Необходимо также упомянуть о еще одном административно-надзорном органе, а именно о III отделении собственной Е.И.В. Канцелярии. 3 июля

Я.В. Терещенко

1826 г. (т. е. за неделю до обнародования цензурного устава) императором был подписан приказ о создании отделения. Хотя среди поименованных обязанностей нового учреждения цензура как таковая не значилась, но, по мнению исследователя М.К. Лемке, она «подразумевалась сама собою»⁵. Эта точка зрения более чем верна, так как уже вскоре получила законодательное оформление. Согласно цензурному уставу 1828 г., на III отделение была возложена цензура драматических сочинений как на русском, так и на иностранных языках.

Надо сказать, что Николай I принимал живейшее участие в решении цензурных вопросов (это даже можно считать особенностью данного периода истории цензуры). На протяжении всего царствования Николай бдительно следил за цензурным аппаратом, сам контролировал творчество ведущих литераторов и журналистов (чего стоит история с А.С. Пушкиным, когда император с 1826 по 1835 г. лично выступал цензором произведений поэта) и способствовал установлению субъективного и жесткого режима цензуры в отношении неугодных представителей СМИ (особенно в последние годы правления). Министерству народного просвещения приходилось считаться с бурной деятельностью императора. Цензор А.В. Никитенко в 1835 г. писал: «Состояние нашей литературы и журналистики наводит тоску. <...> Но как могут они писать, когда им запрещено мыслить»⁶.

28 октября 1830 г. в самом конце № 61 «Литературной газеты» (издатель – барон Дельвиг) было напечатано на французском языке (даже без перевода, видимо, чтоб не пошло в «массы») четверостишие Казимира Делавиня к памятнику, который в Париже хотели поставить в честь жертв так называемых «июльских дней» (27, 28 и 29 июля) во Франции:

France, dis-moi leurs noms? Je n'en vois point paraître
Sur ce funèbre monument:
Ils ont vaincu su promptement
Que tu fus libre avant de les connaître⁷.

(«Франция, скажи мне их имена? Я их не вижу // На этом печальном памятнике: // Они так скоро победили, // Что ты была свободна раньше, чем успели их узнать».)

За напечатание стихотворения Дельвига лишили права издавать «Литературную газету» и зачислили в число «истинно бешеных либералов». Причем на главу отделения А.Х. Бенкендорфа не подействовали никакие доводы Дельвига о том, что это стихотворение было размещено в качестве новости, несущей в то же время и статус поэтического произведения. А поскольку к III Отделению перешли обязанности, которые раньше были у министерства полиции, постольку А.Х. Бенкендорф в 1830 г. потребовал предоставлять ему по экземпляру всех напечатанных журналов и альманахов.

Легко заметить, что в годы николаевского правления власть старалась притормозить развитие журналистики, рассматривая ее чаще все-

го как оппозиционную силу. Министр просвещения граф С.С. Уваров, по его собственным словам, хотел «умножить, где только можно, число умственных плотин против вторжения разрушительных европейских идей»⁸. Кроме того, он считал, что пресса рискует «простирает свои покушения к важнейшим предметам государственного управления и к политическим понятиям, поколебавшим едва ли не все государства Европы»⁹. По его мнению, перед цензурой стояла задача – «укротить в журналистах порыв заниматься предметами, до государственного управления или вообще правительства относящимися»¹⁰. Еще ему не нравилось, что печать иногда «переступает пределы благопристойности и вкуса»¹¹; поэтому цензура обязана строго контролировать литературное влияние периодической печати на публику, чтобы не развращать нравы.

Причем Уваров, обеспокоенный европейскими революционными событиями, предложил усилить надзор цензуры над журналистикой, еще не будучи министром. Он также предложил методику цензуры, которую надо было использовать на практике. Он считал, что по одной статье нельзя судить о степени вредности издания, поэтому надо постоянно следить за номерами и чуть ли ни сверять статьи, определяя основные мнения и замечая отношение статей к обстоятельствам, при которых они были напечатаны. Уваров не обошел вниманием и французскую литературу: ее читала почти вся элита, а переводные книги были доступны и более широкой аудитории. Видя в этих произведениях проявление ложной нравственности, бдительный чиновник уверял, что опасна сама поспешность, с которой они переводятся и печатаются. И, конечно же, предлагал препятствовать распространению французских книг. Цензорам было велено рассматривать французские романы более строго, чем все остальные книги. В декабре 1832 г. было предписано, чтобы «в критике не допускались никакие личности»¹², таким образом, была лимитирована полемика, в ходе которой обычно высказывалось личное мнение.

Став министром народного просвещения, Уваров повсюду разослал циркуляр: «Вступив по высочайшему Государя императора соизволению в управление Министерством народного просвещения, нахожу нужным поставить цензурным комитетам на вид, чтоб в действиях своих они неуклонно следовали как высочайше утвержденному Уставу о цензуре, так и всем предписаниям и распоряжениям, которые даны после обнародования устава»¹³. Это распоряжение давало большое поле для репрессий. Ужесточились и требования самого министра, который обещал уделить журналистике особое внимание. Он нарочно встречался с цензорами, давал им личные наставления. 27 марта 1833 г. всем цензурным комитетам было разослано предписание¹⁴, согласно которому в целях координации действий каждый цензурный комитет давал другим знать, если попадалось что-нибудь запрещенное (потом придумали рассылать эти сведения в отдельных брошюрках). В том же году военный министр граф А. Чернышев потребовал, чтобы статьи о современных военных событиях печатались только после его одобрения. Было внесено соответствующее предложение¹⁵.

Я.В. Терешенко

На практике дела шли еще «лучше». Был запрещен ряд авторитетных журналов, например, «Телескоп» – из-за публикации в № 15 «Философических писем» Чаадаева¹⁶. Цензора, пропустившего статьи в печать, сняли с должности, а редактора журнала Н.И. Надеждина отправили «отдыхать» в Усть-Сысольск. Именно тогда Уваров приставил к каждому журналу по два цензора и увеличил личный состав комитетов.

От цензуры требовалось строго следить за тем, чтоб в периодических изданиях не возобновлялась литературная полемика¹⁷. В 1836 г. было запрещено (правда, на время) открывать новые издания (с 1832 г. для открытия издания требовалось личное разрешение императора). При этом составы цензурных комитетов были значительно расширены. А.В. Никитенко писал в дневнике: «Если сосчитать всех лиц, заведующих цензурою, их окажется больше, чем книг, печатаемых в течение года»¹⁸. Потом ввели новое ограничение: одно и то же лицо не могло быть редактором двух изданий¹⁹.

Особого внимания – помимо журналистики – заслужила печатная продукция, обращенная к народу. При наличии Министерства народного просвещения с просвещением народа никто не спешил. Считалось, что это приводит низшие классы в «ненужное» движение. Позднее Уваров пришел к выводу, что дешевая литература (доступная народу) препятствует умственному развитию, представляя из себя поверхностное чтение, поэтому «необходимо отклонить введение у нас простонародных дешевых журналов»²⁰. Николай I полностью с ним согласился.

Цензурная программа министра носила методический, «моделирующий» характер. Весьма показательны правила, которые Уваров «предлагал» принять Петербургскому цензурному комитету (как будто был шанс отказаться!):

– «В издаваемых в Петербурге журналах наблюдать, чтобы целые книжки оных, вопреки программе, не были составлены из одних почти переводов в целости романов или повестей»;

– «...поставить на вид цензорам, что с некоторых пор повести и романы наполнены выходками против чиновников, представляя этот класс в самых гнусных и смешных видах. <...> Я прошу вас неослабно наблюдать, чтоб подобные изображения не выходили из пределов благопристойности и вкуса, и были бы вообще допускаемы только тогда, когда цензура убедится в чистых намерениях автора»²¹.

Уваров находил все больше возможностей для запретов сочинений и репрессий против журналистики. Бдительность цензуры распространялась все шире, например, на публикации из научной сферы.

Если в таком положении была беллетристика, то легко представить, в каком виде доходили до русского читателя публицистические статьи и политическая хроника. Представители цензурного ведомства следили за тем, чтобы в печать не пропускались упоминания о царях и представителях царских фамилий, запрещали выражения вроде «король скончался», не позволяли упоминать о революциях, республиках и т. п. В дневнике Никитенко можно прочесть описание ситуации, когда он однажды не выдержал и при обсуждении в цензурном комитете предло-

жил вопрос: «Должны ли мы французскую революцию считать революцией, и позволено ли в России печатать, что Рим был республикой, а во Франции и Англии конституционное правление, или не лучше ли принять за правило думать и писать, что ничего подобного на свете не было, и нет?». Остальные цензоры с ученым видом согласились, что «историю и статистику нельзя изменять», и статью пропустили, исключив только выражение «добрые французы» на том основании, что «во Франции тогда не могло быть ни одного доброго человека»²².

Помимо официального цензурного аппарата, сформировалась другая цензура – негласная и неофициальная. Находилась она в руках тех учреждений, которые, будучи облечены самыми высокими полномочиями, не стеснялись в своих действиях никакими рамками закона. В 1843 г. министру императорского двора было велено просматривать все статьи о театрах, после чего они уже подвергались действию обычной цензуры.

Кроме того, был еще ряд запретов:

- запрещено печатать материалы судебных дел;
- запрещено всем военным и гражданским служащим отдавать что-либо в печать без согласия начальства.

Право предварительного просмотра было отдано управлению военно-учебным ведомством, кавказскому комитету, II отделению собственной канцелярии, главному попечительству детских приютов (и тут нашли крамолу!), Санкт-Петербургскому обер-полицмейстеру и... управлению государственного Коннозаводства. Вообще множественности цензур как явлению положил начало еще устав 1826 г., один из параграфов которого гласил: «Статьи, касающиеся до Государственного управления, не могут быть напечатаны без согласия того Министерства, о предметах коего в них рассуждается»²³. Правда, широкое использование этого пункта на практике началось значительно позже.

В 1845 г. граф С.Г. Строганов (занимавший тогда должность попечителя Московского Университета) писал Уварову: «...при точном исполнении этих правил, я заметил на опыте, что писатели наши до крайности стесняются цензурою в издании своих сочинений и тем самым нередко благонамеренные и полезные для общей образованности статьи или остаются ненапечатанными, или выходят в свет совершенно несвоевременно»²⁴.

Примечания

- 1 Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862. С. 55.
- 2 Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. С. 127–196.
- 3 Там же.
- 4 Там же.
- 5 Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература: 1826–1855 г. СПб., 1909. С. 15.
- 6 Никитенко А.В. Дневник. М., 1955. Т. 1. С. 171.

Я.В. Терещенко

- 7 Лемке М.К. Указ. соч. С. 55.
- 8 Цит. по: Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX в. М., 2001. С. 72.
- 9 Там же.
- 10 Там же.
- 11 Там же.
- 12 Предложение министра народного просвещения московскому цензурному комитету от 14 апреля и 22 декабря 1832 г. // Сборник распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 г. С. 221.
- 13 Цит. по: Жирков Г.В. Указ. соч. С. 74.
- 14 Лемке М.К. Указ. соч. С. 114–115 (доклад С.С. Уварова от 27 марта 1836 г.).
- 15 Предложения министра народного просвещения московскому цензурному комитету от 1 декабря 1833 г. // Сборник распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 г. С. 223.
- 16 Лемке М.К. Указ. соч. С. 114–115.
- 17 Предложение министра народного просвещения московскому цензурному комитету от 28 августа 1836 г. // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. С. 227.
- 18 Никитенко А.В. Дневник. Т. 1. С. 227.
- 19 Распоряжение по определению главного управления цензуры от 23 сентября 1841 г. // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. С. 233.
- 20 Цит. по: Жирков Г.В. Указ. соч. С. 77.
- 21 Там же. С. 78.
- 22 Никитенко А.В. Дневник. Т. 1. С. 241.
- 23 Устав о цензуре и печати. СПб., 1826. С. 58.
- 24 Исторические сведения о цензуре в России. С. 57.

Е.В. Наседкина

«СТЕСНЯТЬСЯ С БЕЛЫМ КСТАТИ ЛЬ!..»
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ГЕРОЙ ГАЗЕТНЫХ ФЕЛЬЕТОНОВ
НАЧАЛА XX ВЕКА¹

Статья посвящена газетным фельетонам начала XX века, в которых описываются различные инциденты, связанные с молодым писателем-символистом Андреем Белым. Статья представляет также реакцию Андрея Белого на эти фельетоны.

Ключевые слова: Андрей Белый, символизм, фельетон, пародия, сатира, «Раннее утро», Литературно-художественный кружок, литературный скандал, «Симфонии», «Пепел», «Урна».

Отмечавшиеся всеми современниками живость лица, характерная подвижность фигуры, необычная жестикация и пластика движений Андрея Белого – все эти черты не только усложняли задачу художника, желавшего создать портрет писателя, но давали повод к заостренности образа, гротеску. Известны многочисленные дружеские шаржи, выполненные профессиональными и непрофессиональными художниками: В.В. Карриком, А.А. Блоком, С.М. Городецким, А.Г. Габричевским² и другими. Сохранились и автошаржи самого Белого. Часто под карикатурой помещалась – в духе лубочных картинок – небольшая стихотворная надпись из двух–четырех строк, поясняющих изображение. Так, современникам был хорошо известен двойной шарж Вильяма Каррика на В.Я. Брюсова и Андрея Белого (1904 г.) с подписью из Пушкина:

«То как зверь они завоюют,
То заплачут, как дитя».

Параллельно в периодических изданиях публикуются карикатуры иного жанра, словесного: литературные фельетоны, эпиграммы и пародии. Одно из ранних сатирических изображений Белого появилось в фельетоне, подписанном Lolo, в газете «Новости дня» в 1903 г.³ Здесь Белый представлен как начинающий поэт, один из участников литературной дискуссии, в которой принимают участие, с одной стороны, прославленные мэтры Валерий Брюсов и Константин Бальмонт, а с

Е.В. Наседкина

другой – их постоянный оппонент С.В. Потресов (Яблоновский)⁴.
Фельетон Lolo «Оргия» снабжен подзаголовком «Действие происходит в Литературном клубе, после выступления г. Потресова “Оригиналы и копии”»:

Валерий Брюсов

(криво улыбается и тонко декламирует):

Референт! Твоих ироний
Как поэт потусторонний,
Чуждый всяких церемоний,
Я не ставлю ни во что...
Не поймет меня никто
Из мещан тупоголовых,
Слишком трезвых и здоровых
Для великих таинств новых...

<...>

Бальмонт

(молчит и думает):

Чудак Державин молвить мог:
«Я царь, я раб, я червь, я Бог!»
Но я в своем величье строгом
С таким потусторонним лбом
Себя считаю не рабом
А только... богом!..

<...>

Андрей Белый:

В реферате упущение
Вызывает возмущение:
Там ни слова нет про Белого!

Голос из публики:

Что? Про белого бычка?

Андрей Белый:

Про великого и смелого,
Гениально-скороспелого
Символиста-новичка!

Потресов:

Не слышал об этом гение!

Андрей Белый (гордо):

Не слышали? Прочь смирение!
Напрягите слух и зрение
И падите ниц скорей:

(бьет себя в грудь)

Вот он Белый, вот Андрей!

<...>

«Стесняться с Белым кстати ль!..»...

Стиль и язык этого фельетона, не самого острого из всех подготовленных Белому, тем не менее, характерен для обрушившегося на молодого поэта шквала оскорблений и обвинений. «...в газетах орали: “Собака весовская, бешеный, полусумасшедший, бездарный, испытаннейший скандалист”. Яблоновский Сергей, Гиляровский, Лоло, Петр Пильский, Измайлов, Игнатов⁵ и сколько прочие – в “Русском слове”, в “Речи”, в “Русских ведомостях”, в “Раннем утре”, в “Голосе Москвы” только и ждали удобного случая, чтоб доконать окончательно молодого писателя...» – обиженно писал Белый в мемуарах «Между двух революций»⁶.

В мемуарах «Начало века» он вспоминал, как был травмирован его отец Николай Васильевич Бугаев травлей сына, в том числе и со стороны Лоло: «...“идиотик” – кричалось Лоло, Любошицем⁷: уже из газет; но чем громче травили, тем бережней он становился; его оскорбило, что сын его, живость ума проявивший в статье об искусстве, которую он оценил⁸, для каких-то Лоло – идиотик; и он на Лоло затаил раздражение, чаще задумываясь над Бальмонтом и Брюсовым...»⁹.

Спустя два десятилетия Белый поквитается с обидчиками, вспоминая московский Литературно-художественный кружок начала 1900-х годов и проходившие там «бои символистов с газетчиками»: «...темный, румяный, кудрявый, брадатый мужлан – Любошиц (лютый враг, скоро “друг” декадентов), такой грустно-томный, невзрачный росточком, при усиках, с виду приятный, Мунштейн (или – Лоло)...»¹⁰, «...Любошиц из “Новостей дня”, в 1903 году цинично и громко оплевывавший декадентов с эстрады “Кружка”, что думал, когда через два или три года с видом матерого знатока символизма при мне посмеивался над “рутинерами”, не понимавшими нас? <...> Сергей Яблоновский из “Русского слова”; этот человек обладал истинным талантом вони; он подкрадывался со сладеньким видом; но так подло ущипывал, выбравши побольшее место, что несколько раз мне хотелось ему закатить за щеку; <...> в начальной газетной травле меня он стяжал пальму первенства систематическими доносяками...»¹¹.

Далее Белый прямо обвиняет Яблоновского в провокации, разжевшей «небывалый скандал», случившийся между Белым и писателем Ф.Ф. Тищенко на лекции Вяч. Иванова в Литературно-художественном кружке 27 января 1909 г.¹² Несмотря на утверждение Белого, что «скандал был чудовищен», что «испугались все», что «в газетах о нем – ни звука»¹³, отклики в прессе все же появились. 28 января в «Русском слове» (1909. № 22) была помещена заметка о происшествии, а на следующий день в газете «Раннее утро» под псевдонимом «Меб.» был напечатан стихотворный фельетон Михаила Мартыновича Бескина «Был доклад и был скандал!..»¹⁴, в девяноста двух строфах на свой лад пересказывавший инцидент¹⁵:

<...>

Было мирно так начало,
Председатель так был строг,

Е.В. Наседкина

Что конечного скандала
Ожидать никто не мог.
<...>
Под луной ничто не вечно,
Кончил чтение референт,
И вся публика, конечно,
Поднялась в один момент.
Оживленьем блещут взгляды,
Тайно думает весь зал:
«Мы сердечно были б рады,
Если б грянул вдруг скандал!..»
<...>
И в скандалах поседелый
(Ах, для рифмы я соврал!),
Поднялся Андрюша Белый
И устроил вмиг скандал.
<...>
Скрыли сцену... Понемногу
Опустел довольный зал...
Все в порядке, слава Богу:
Был доклад и был скандал¹⁶.

Конфликты, «в центре которых фатальным образом оказывался Андрей Белый»¹⁷, случались до и после инцидента с Тищенко, однако именно этот эпизод особенным образом отпечатался в памяти Белого. В «Ракурсе к дневнику» за январь 1909 г. отмечено: «Мое выступление в Кружке на реферате Вяч. Иванова (скандал с Тищенко). Почти нервное заболевание...»¹⁸. Через семь лет после инцидента в письме к Иванову-Разумнику Белый расскажет об этой истории и приведет (слегка искаженно) строки из фельетона Бескина: «<...> люди поступают со мной насильнически; вероятно, я скоро очень дойду, как и не раз доходил, до того аспекта в себе, который я в себе ненавижу, и который мне, – верьте же! – не присущ: –

“Андрей Белый –
Весь в скандалах поседелый...”

Чувствую, что в душе <...> зреет бунт: где-нибудь сорвусь и *оскандалюсь* в обществе: тогда все обидятся сразу: блистающие бриллиантами дамы, футуристы, религиозные искатели, газетные работники, почтенные и непочтенные; и пойдут меня бранить...»¹⁹. Примечательно, что, комментируя письмо, Иванов-Разумник делает характерную ошибку, приписав строки Бескина другому участнику газетной травли: «Цитата из сатирического стихотворения <...> московского фельетониста Лоло (Мунштейна)»²⁰.

Своей огромной популярности у жадных до скандалов фельетонистов Белый, естественно, не был рад. «...превратив меня в скандалиста, убрали со сцены...»²¹, – жалуется он на несносных критиков-юмористов и ставит им в вину слом своей писательской карьеры, обвиняет в том, что

«Стесняться с Белым кстати ль!..»...

его статьи перестали печатать в газетах и журналах. «...окончилась быстро карьера газетчика, – сетовал он, – <...> с 1908 года мое участие в газетах – всегда редкий эпизод...»²².

Все же имя Андрея Белого не ушло совсем со страниц периодических изданий, но приобрело устойчиво скандальный оттенок. «Из “Раннего утра” теперь планомерно в годах меня ели до революции...»²³, – утверждал Белый, причем, небезосновательно. Так, за один 1909 г. газета «Раннее утро» опубликовала целую серию фельетонов, высмеивающих Белого – 29 января, 17 февраля, 22 апреля, 9 августа, 11 августа, 21 августа, 27 ноября. Авторство четырех из них принадлежит М.М. Бескину, с особой настойчивостью преследовавшему своим остроумием выбранную жертву.

17 февраля 1909 г. Бескин, опять-таки под своим постоянным псевдонимом «Меб.», публикует «Маленькие пародии на современные мотивы»²⁴, в которых высмеиваются Бальмонт, Блок и «Народник Белый»:

Винно-красные закаты,
Ба!
Палаты!
Изба!
Испускает вихрь тревоги
Крик...
Налоги!
Мужик!
В тучах правит чьи-то свадьбы
Тень...
Усадьбы!
Ячмень!
Слышишь грозный смех барашка:
Ха...
Запашка!
Соха.
Уж не ем я ананасов
Год...
Некрасов!
Народ!

Это очевидная реакция на книгу стихов Андрея Белого «Пепел» (СПб.: Шиповник, 1909), так же как, впрочем, и реплика в предыдущем, «скандальном фельетоне», от 29 января:

Я во сне услышал смутно,
Что народником стал Блок,
Что и Белый, сбросив цепи
Вино-красно-снежных дел,
Полубил родные степи
И Россию пожалел <...>

Е.В. Наседкина

И народник новый, Белый
Доказал в один момент,
Что боксер он очень смелый,
А совсем не декадент...

Бескин выражает не только свое индивидуальное неприятие «некрасовской» лирики поэта-символиста: «многими “натурализм” новых стихов Белого был воспринят как очередная “декадентская” выходка; именно так главным образом был встречен “Пепел”»²⁵.

22 апреля в «Раннем утре» вновь напечатан фельетон, где довольно зло высмеивается не только поведение Белого, но и прославившие его «симфонии»²⁶:

Он не открыл Америки,
Какой он там «баян»?
И любит он в истерике
Свалиться на диван!
С системой нервной, слабою
Не может совладать.
Он – не мужчина: бабою
Его верней назвать!
И все его «симфонии»,
Что с логикой в борьбе, –
Не могут автономии
Завоевать себе!..²⁷

Утешение одно – Белый не одинок: такими же черными красками рисует штатный фельетонист «Русского листка» Р.А. Менделевич, скромно укрывшийся за псевдонимом «Некто в черном», и Брюсова, и Мережковского, и других.

Не остается без внимания сатириков и лекционная деятельность Белого. В 1904–1909 гг. он читает множество публичных лекций и докладов, о чем позднее неоднократно пишет: «Газетная деятельность сплетается для меня с выступлениями в “Кружке”; выступления эти считал я демонстрацией отношения “Весов” к тем или иным литературным явлениям; <...> с подобного же рода целью являлся я и в университетское Общество искусства и литературы <...>. Особую роль играли публичные лекции; в них я брал широкие общие темы; они имели успех...»²⁸. Однако успех Белого Бескин подвергает сомнению:

Лекция Белого

Окошечко кассы с уставшим кассиром;
Он устал оттого, что сидит без работы, –
Не работа же есть бутерброды с сыром
И томиться весь день от икоты!

«Стесняться с Белым кстати ль!..»...

Хоть бы с первым ему расстаться билетом!
Хоть один бы продать удалось для начала!
Интересная лекция с хорошим буфетом,
А подите ж, – охотников мало!..
Расставлено в зале так много кресел,
Народа на лекцию ожидалась масса,
Сам лектор во фраке очень невесел,
Все надежды разрушила касса.
Подошел он к окошку... толпится баба...
Ого! Как видно, продаются билеты?!
Но кассир отвечает: «Ужасно слабо!
Принесла мне кухарка котлеты...».
Начало назначено ровно в десять,
Но в зале нет ни одного человека.
Лектор плачет... Вас надо повесить
О, дети двадцатого века!..²⁹

Трижды атаке «Раннего утра» подвергся Белый в августе 1909 г. – 9-го, 11-го и 21-го числа. Последний по времени фельетон, автор которого Р.А. Менделевич на этот раз подписался псевдонимом «Меч. Р.», вновь обыгрывал тему литературного скандала:

Прыжок довольно смелый
Свершивши на Парнас,
«Кликушествует» Белый
Зачем-то среди нас.
Ах, не открыл Америк
Он в творчества часы!
Он декадент-истерик,
В руке его – «Весы».
В кружке литературном,
Поднял до визга тон, –
Себя скандалом бурным
Там «обессмертил» он!..³⁰

Заодно достается и известному врачу-психиатру Н.Н. Баженову³¹, председательствовавшему в Литературно-художественном кружке:

Всем известный психиатр,
Практикующий в отчизне.
Наблюдает здесь театр...
Повседневной «нервной» жизни.
<...>
У него секрет в руке
Сладить как с психозом бурным,
И «директором» в кружке
Состоит литературном!³²

Е.В. Наседкина

Продолжая подчеркивать связь новейшей литературы с психиатрической патологией, «Раннее утро» 9 августа приводит – под заглавием «Литературный календарь» – следующее объявление: «С октября в Преображенской больнице Н.Н. Баженова организуются литературные вторники на манер Литературно-Художественного кружка. Первый реферат прочтет Андрей Белый», а предыдущее объявление гласит: «Готовится полное собрание трудов Эллиса. В издание войдут все вырезки, нааллисточенные в Румянцевском музее»³³.

Этот выпад по адресу Эллиса будет поддержан в следующем выпуске газеты от 11 августа фельетоном Бескина, в котором выставляется на посмешище анекдотичная история, случившаяся с Эллисом в Румянцевской библиотеке. Эллис перепутал свои книги с библиотечными и вырезал фрагменты страниц из выданных ему для работы библиотечных книг. Автором испорченных книг оказался Андрей Белый. «Инцидент с Эллисом» широко обсуждался в прессе и подробно описан Белым в мемуарах: «...он работал в музее над книгою о символизме; <...> в эту комнату его допустили с комплектом его же книг, только что подаренных ему “Скорпионом” специально для нужных вырезок и вклеек в рукопись; пользовался же он двойным комплектом: музейским (для справок) и “скорпионовским” (для вклейки); и раза два, перепутавши книжные экземпляры, выкромсал ножницами – из экземпляров музейских; именно: он испортил вырезками страницу в моей книге “Северная симфония” и страницу в моей же книге “Кубок метелей” <...> Эллису сделали строжайший выговор: конечно, за неряшество, а не за воровство; и лишили права его работать в музее. <...> Враги “Весов” вздули до ужаса инцидент; неряшество окрестили именем кражи...»³⁴.

«Дело Эллиса» было, действительно, невероятно раздуто, журнал «Весы» и издательство «Скорпион» обвинялись во всех грехах, обострилась журнально-газетная полемика, состоялся суд чести Общества периодической печати и литературы, признавший, что порча книг Эллисом не является актом кражи, но Эллису пришлось со страниц «Весов» защищать себя от газетчиков³⁵. Фельетон Бескина – один из множества обрушившихся на Эллиса – акцентирует внимание на том, что испорчены были именно книги Андрея Белого, истолковывая этот курьезный факт на свой манер:

«Чтение ножницами»

ЭЛЛИС

Печаль моя бескрайна, –
Нет сна и аппетита:
Ужасная тайна
Раскрыта
Случайно!
Морали буржуазной
Гнетут меня вериги,
Я жертва грязной

«Стесняться с Белым кстати ль!..»...

Интриги!
Резнул без церемоний,
Взяв ножницы в десницу,
Я из «Симфонии»
Страницу
Гармоний.
Стесняться с Белым кстати ль!
Всему известно свету,
Что он приятель
Поэту.
Оставьте ж небылицы!
Ключо, презрев интриги,
Как зерна – птицы,
Из книги
Страницы.

— А. БЕЛЫЙ

Ты – смелый,
Я – Белый...
О, счастье! О, раны!
Агоний
Симфоний
Не знают профаны!
О, чуткость!
О, жуткость!
Отточенной стали!
Не в миг ли
Постигли
Мы высшие дали?
Что пляски,
Что ласки
Прекрасных наложниц?!
Мир страсти
Лишь в пасти
Сверкающих ножниц!
Ужели
«Мятели»
писал я для чтения?!
Звук стали
Едва ли
Оставил сомненья!..
Пусть строки
Глубоки, –
Ты стал их Эдипом!
Взлетели
Метели,
Испуганы скрипом.

Е.В. Наседкина

О, жуткость!
О, чуткость
Орлиного взгляда!
Для чтенья
Уменья
Отныне не надо!
Узнали
Мы стали,
О, Эллис, повадку, –
И к книгам
Мы мигом
Находим разгадку!³⁶

В расхожем мнении имена двух друзей-поэтов оказались связаны в скандальный клубок, подтверждением чему может служить еще один фельетон на ту же тему, опубликованный в газете «Молот»³⁷:

Новый способ критики

За что восстал весь свет
На Эллиса столь смело<го>?
Мы знаем из газет, –
Он резал только Белого;
Хоть поводов к резне
Пока не обнаружено,
Но Белый, верьте мне,
Урезан был заслуженно.
О чем же говорят
Нам Белого симфонии?
Их режет свой же брат
Без всякой церемонии!
Несут ужасный вздор
Газетные политики, –
Я знаю: он не вор,
А... вестник новой критики.

Третий фельетон против Андрея Белого, напечатанный в уже упоминавшемся выпуске «Раннего утра» от 9 августа, носит иной характер. Он высмеивает не Белого-оратора или лектора; осмеянию подвергается творчество писателя, грубо пародируются его стиль, приемы словотворчества, работа с литературным языком, персонажи его нового романа:

Фельетон. Ресенбярый лобуг. Рассказ А.Б. (см. «Весы»)

Был день, и злой; и был зной, когда судорожно сжимается сухая гортань: пьешь воды в невыразимом волнении, ища смысла, а томная, тусклая пелена томно и тускло топит окрестность, а окрестность – вот

«Стесняться с Белым кстати ль!..»...

эта овца и вон та глупая баба – возсядут в душе, и, дикий, уже не ищешь смысла, но ворочаешь глазами, вдыхаешь.

Подали уже завтрак, а его не было; как вцепилась она в бабушку словом, уколола ее колкостью, точно розовым шипом любви.

Ничего Дарьяльский не замечал: струной, дрожащей чуть-чуть, стояла в воздухе Катина Жалоба: рябая баба, ястреб, с очами безбровыми, не нежным со дна души она восходила цветком, и не вовсе грезой, или зорькой, а тучей, бурей, тигрой, оборотнем в миг вошла в его душу и звала.

И нашла в душе овцу и вон ту глупую бабу и возсела и выла. И сей лик был о двух головах и о четырех был ногах, и каждая половина зажила, с позволения сказать, самостоятельной жизнью.

Ну, чорт с ним, с Дарьяльским, – да пропади-пропадом он: он уже вот перед нами, не дивитесь его поступкам: их понять до конца ведь нельзя, все равно, – ну, и чорт с ним!

В фельетоне, пародирующем роман «Серебряный голубь» (главы из него публиковались в журнале «Весы» на протяжении всего 1909 г.³⁸), опять содержится недвусмысленный намек на психиатрическую подоплеку творчества Белого и серьезное душевное нездоровье писателя. В примечании безымянного автора фельетона говорится: «Очевидно, рассказ приурочен к столетию Преображенской больницы». Это примечание «объявляет» публикацию пародируемого произведения в журнале «Весы» событием не отечественной литературы, а отечественной психиатрии, торжественно отмечавшей юбилей первой психиатрической больницы в Москве (открылась 15 июня 1808 г.; ныне психиатрическая больница № 3 им. В.А. Гиляровского).

Нападки на книги Белого предпринимались и раньше. Мы уже упоминали фельетоны, в которых высмеивались «Симфонии» и «Пепел». Не избежал этой участи и следующий за «Пеплом» стихотворный сборник «Урна» (М.: Гриф, 1909):

<...>

«Симфоний» озорных
Вы, черви, не боялись.
Я – «Пепел»... Не утих!..
Вы с хохоту катались.
Смотрите! Напишу
Я том сумбурно-бурный!
Нагнитесь, – оглушу
И ошарашу «Урной»³⁹.

Фактически каждая новая книга Андрея Белого получала свою порцию критики, насмешек и улюлюканий. Обзор пародий можно было бы продолжить, но, как кажется, и тех, что были упомянуты, достаточно, чтобы увидеть эволюцию. Атаки на Белого из области высмеивания человеческих слабостей, скандальных подробностей личной и литера-

Е.В. Наседкина

турной жизни все чаще переносятся на сами тексты писателя, на его творчество. Прозаический фельетон «Ресенбярый лобуг» можно назвать «вестником новой критики», симптомом нового подхода газетчиков к писателю Андрею Белому.

Примечания

- 1 Статья написана при поддержке гранта РГНФ-ННИС (DFG) – 060492105А/D («История становления самосознающей души» Андрея Белого: текстология, комментарий, контекст).
- 2 Каррик Валерий Васильевич (Вильям Вильямович; 1869–1943), карикатурист, книжный график; Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967), поэт, прозаик, критик, художник-любитель; Габричевский Александр Георгиевич (1891–1968), искусствовед, литературовед, переводчик.
- 3 Лоло. Оргия // Новости дня. 1903. 21 марта / 3 апреля. № 7107. С. 3. Лоло – псевдоним Леонида Григорьевича Мунштейна (1867–1947), поэта, фельетониста.
- 4 Яблоновский (наст. фамилия Потресов) Сергей Викторович (1870–1954), литературный критик, фельетонист, сотрудник газеты «Русское слово».
- 5 Гиляровский Владимир Алексеевич (1853–1935), писатель, журналист; Пильский Петр Моисеевич (1876–1942), литературный критик, фельетонист; Измайлов Александр Алексеевич (1873–1921), критик, пародист; Игнатов Илья Николаевич (1858–1921), критик, публицист, постоянный сотрудник и один из редакторов «Русских ведомостей».
- 6 *Андрей Белый*. Между двух революций / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М., 1990. С. 253.
- 7 Любошиц Семен Борисович (1859–1926), журналист.
- 8 Речь идет о статье «Формы искусства», подписанной «Борис Бугаев», напечатанной в журнале «Мир искусства» в декабре 1902 г.
- 9 *Андрей Белый*. Начало века / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М., 1990. С. 227.
- 10 Там же. С. 231, 233.
- 11 *Андрей Белый*. Между двух революций. С. 233.
- 12 См. о нем подробнее: *Андрей Белый*. Между двух революций. С. 233–234; *Андрей Белый*. Начало века. С. 235; *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 1999. С. 239–254.
- 13 *Андрей Белый*. Между двух революций. С. 234.
- 14 *Меб*. «Был доклад и был скандал!..» // Раннее утро. 1909. 29 января. № 23. С. 2. Интересно, что в конце 1900-х годов в газете «Раннее утро» одновременно сотрудничали сразу трое Бескиных: театральный критик Эммануил Мартынович Бескин (1877–1940), журналист Мартын Эммануилович Бескин, а также журналист и драматург Михаил Мартынович Бескин. Именно последний, под псевдонимом «Меб.», опубликовал ряд фельетонов, высмеивающих Белого.
- 15 См. об этом комментарии А.В. Лаврова к мемуарам Андрея Белого «Между двух революций» (С. 517).

- 16 Текст фельетона полностью опубликован Н.А. Богомоловым в его кн. «Русская литература начала XX века и оккультизм» (С. 251-253).
- 17 *Лавров А.В.* Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность. М., 1995. С. 232.
- 18 *Андрей Белый.* Ракурс к дневнику // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 46 об.
- 19 *Андрей Белый.* Письмо Р.В. Иванову-Разумнику от 3 декабря 1916 г. // Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступит. ст. и коммент. А.В. Лаврова и Джона Мальмстада; подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова и Джона Мальмстада. СПб., 1998. С. 85.
- 20 Там же. С. 86.
- 21 *Андрей Белый.* Между двух революций. С. 179.
- 22 Там же. С. 227–228.
- 23 Там же. С. 234.
- 24 Меб. Маленькие пародии на современные мотивы // Раннее утро. 1909. 17 февраля. № 38. С. 2.
- 25 *Лавров А.В.* Андрей Белый в 1900-е годы. С. 252.
- 26 В начале 1900-х годов одна за другой вышли в свет четыре «симфонии» Андрея Белого: «Симфония (2-я, драматическая)» ([М.]: Скорпион, [1902]); «Северная симфония (1-я, героическая)» (М.: Скорпион, 1904; вышла в октябре 1903 г.); «Возврат. III симфония» (М.: Гриф, 1905; вышла в ноябре 1904); «Кубок метелей. Четвертая симфония» (М.: Скорпион, 1908).
- 27 Некто в черном. Наши маститые // Раннее утро. 1909. 22 апреля. № 91. С. 4. «Некто в черном» – псевдоним Родиона Абрамовича Менделевича (1866–1927), поэта, журналиста, фельетониста.
- 28 *Андрей Белый.* Между двух революций. С. 235–239.
- 29 Меб. Песни дня // Раннее утро. 1909. 27 ноября. № 272. С. 2.
- 30 *Меч. Р.* Ба, знакомые все лица!..: (Опыт московской энциклопедии) // Раннее утро. 1909. 21 августа. № 191. С. 4.
- 31 Баженов Николай Николаевич (1857–1925), профессор-психиатр, общественный деятель, председатель московского Литературно-художественного кружка.
- 32 Раннее утро. 1909. 21 августа. № 191. С. 4.
- 33 Раннее утро. 1909. 9 августа. № 182. С. 5. Рубрика «Еженедельные комплименты. № 5». Эллис (наст. имя Лев Львович Кобылинский; 1879–1947), поэт и теоретик символизма, переводчик, критик; друг Белого.
- 34 *Андрей Белый.* Между двух революций. С. 329.
- 35 См. об этом подробнее: *Андрей Белый.* Между двух революций. С. 328–335; там же – комментарии А.В. Лаврова: С. 536–538.
- 36 Меб. «Ты – смелый...» // Раннее утро. 1909. 11 августа. № 183. С. 2.
- 37 *Бикс.* Маленький фельетон: Новый способ критики // Молот. [Москва]. 1909, 10 августа. № 1. С. 2.
- 38 Отдельным изданием книга вышла в следующем году: *Андрей Белый.* Серебряный голубь: Повесть в 7-ми главах. М.: Скорпион, 1910.
- 39 *Евг. П-ин.* Маленький фельетон: Из моих пародий: А. Белый // Вечер. [СПб.]. 1909. 7 июля. № 361. С. 2. Евг. П-ин – псевдоним Евгения Осиповича Пяткина (1885–1943), поэта-сатирика, журналиста, детского писателя (известен также под псевдонимом Евгений Венский).

Г.А. Элиасберг

ДРАМАТУРГИЯ И ТЕАТРАЛЬНАЯ КРИТИКА
НА СТРАНИЦАХ ПЕТЕРБУРГСКОГО «РАССВЕТА»
(1907–1915)

В статье анализируются публикации о еврейском театре, о пьесах драматургов-евреев на русском языке и на идиш, которые помещались в газете «Рассвет» – наиболее влиятельном сионистском печатном органе первой четверти XX в.

Ключевые слова: газета «Рассвет», российский сионизм, еврейский театр.

Общественно-политическая и литературная газета «Рассвет», издававшаяся в Санкт-Петербурге в 1907–1915 гг., являлась официальным органом русских сионистов, последовательно отстаивавшим национальные еврейские интересы. В разные годы ее издателями были М.Л. Цейтлин, Ц.С. Крайз, М.С. Гликин, Л.З. Бабков, С.К. Гепштейн; в состав редакционной коллегии входили известные русско-еврейские публицисты Ю.Д. Бруцкус, А.Д. Идельсон, В.Е. Жаботинский, А.О. Зайденман, А.М. Гольдштейн, Д.С. Пасманик.

Еженедельник «Рассвет» стал продолжением вышедших ранее журнала «Еврейская жизнь» (1904) и газеты «Хроника еврейской жизни» (1905–1906). Эти издания, возникшие на волне общественного подъема в годы первой русской революции, были призваны консолидировать сторонников политического сионизма, ярким выразителем идей которого был Т. Герцль. В 1904 г. впервые в русско-еврейской печати журнал «Еврейская жизнь» открыто провозгласил борьбу за «материальные и духовные нужды еврейского народа, исходя из идеи сионизма как руководящего принципа»¹. В начале 1905 г. было принято решение о преобразовании журнала в еженедельник «Хроника еврейской жизни».

Появление «Рассвета» было связано с новым этапом в осмыслении целей и задач сионистского движения. В совокупности статей, опубликованных на его страницах, можно проследить «обоснование новых взглядов, имевших своей исходной точкой идею эволюции сионизма... в синтез *всех* основных течений сионистской мысли: теории политического сионизма, реальной работы в Палестине и возрождения духовных ценностей еврейского народа в Палестине и в странах диаспоры»². Среди широкого круга статей, рассматривавших различные аспекты национальной культуры, литературного творчества, а также проблемы

еврейской интеллигенции, можно выделить целый ряд работ, посвященных драматургии и театру.

Профессиональный еврейский театр в России отсчитывает свою историю с 1876 г., когда накануне русско-турецкой войны в городском саду города Яссы состоялись первые представления труппы А. Гольдфадена. Однако уже в августе 1883 г. был наложен запрет на показ представлений на еврейском языке, как это ранее, в 1876 г., было проделано с театром украинским. С этого времени еврейские актеры выступали под маркой «немецких опереточных трупп»³. Административный запрет вынудил многих антрепренеров, актеров и драматургов пополнить ряды эмигрантов и перебраться в США. К 1890-м гг. Нью-Йорк стал новым центром еврейского театра, который, несмотря на американскую специфику, длительное время сохранял самые тесные связи с Россией⁴.

В 1905 г., в эпоху общего либерального подъема, корреспондент журнала «Театр и искусство» писал: «Еще очень недалеко то время, когда я не решился бы отметить то обстоятельство, что официальное наименование труппы “немецкою опереткою” есть не более и не менее как обидно смешная увертка... Это, как всем известно, не что иное, как еврейский народный театр, посвященный бытовой комедии, исторической драме и мелодраме с музыкой и хором <...> следовало бы... вернуть этому театру его собственный “вид на жительство”»⁵. Только в 1905 г., когда были отменены «ограничения на театральные представления на малороссийском, польском, еврейском и иных языках и наречиях», еврейский театр вновь обрел право на существование⁶.

К этому времени положение еврейского театра было более чем противоречивым. С особой остротой ощущалось отсутствие современного репертуара. Совсем не случайно 1 сентября 1905 г. в варшавской газете на идиш «Der veg» драматург М. Арнштейн отмечал следующее: «Передо мной лежат цифры: в черте оседлости проживает 4 млн 899 тыс. 500 чел. и 98% говорят на идиш. О чем же ведется мелочная полемика о жаргоне: нужен он или нет? Если это язык, то должны быть литература, пресса и театр. В культурном развитии народа театр играет огромную роль. Сцена – лучшее место для единения духовных сил народа. Все деятели национальной культуры призывали к развитию национального театра, но только не у нас... Кто виноват? Не народ, не антрепренер, не публика. Но и не литераторы тоже, которые не могут творить для того, чего фактически не существует. В этом виновна и еврейская пресса, но и она до недавнего времени едва ли существовала... Причина тому изгнание, хотя мы и Народ Книги, но у нас нет литературы на уровне европейской»⁷.

В конце сентября 1905 г. в этой же газете было опубликовано письмо Шолом-Алейхема к еврейским литераторам с призывом создавать пьесы для народного театра⁸. Историк еврейского театра Н. Прилуцкий указывал, что статьи о театральной жизни Варшавы, публиковавшиеся в то время в газете «Der Veg», заложили основы еврейской театральной критики⁹. В короткий период 1905–1907 гг. еврейский театр в России пережил яркую пору своего расцвета, когда в его репертуаре появились

Г.А. Элиасберг

не только оперетты и музыкальные мелодрамы, но и произведения «реалистической школы»: семейные драмы Я. Гордина, Л. Кобрин, З. Либины, социальные пьесы Д. Пинского, а также символистские драмы И.-Л. Переца и П. Гиршбейна.

Вопрос о судьбе еврейского театра был предметом обсуждений и на страницах петербургского «Рассвета», неизменно призывавшего интеллигенцию обратиться к ценностям национальной культуры, но при этом критически оценивавшего перспективы еврейского культурного развития как в России, так и в других странах диаспоры и выступавшего за развитие древнееврейского языка (иврита) и литературного творчества на нем на возрожденной исторической родине¹⁰.

Особое место в связи с вопросом о театре, который обсуждали публицисты «Рассвета», занимают статьи Н. Штифа (псевдоним «Мечтатель»), приуроченные к столичным гастролям варшавской труппы Каминских. В 1900-е гг. Варшава стала одним из центров еврейской театральной жизни в России¹¹. «Возможно двоякое отношение к еврейскому театру, – писал Н. Штиф. – Одни подходят к нему *со стороны* – с определенным идеалом искусства, с заранее выработанным масштабом, соответствующим... театру европейского или русского общества. Нет ничего *проще* такой точки зрения. Она является *уничтожающей* для еврейского театра. В самом деле, сопоставьте две гастрوليрующие здесь труппы: Станиславского и Каминского, и вам неловко станет от этого сравнения». Упрекая еврейскую интеллигенцию в пренебрежительном отношении к национальному театру, отмечая ее готовность «с большим рвением отдавать по-прежнему свои материальные и духовные силы на службу русскому театру, русскому искусству», Н. Штиф утверждал национально ориентированную точку зрения на этот вид искусства: еврейский театр – «наше дело, родное дитя нашей культуры, предмет наших надежд и упований... Театр Каминского стоит не ниже, а *выше* наших вкусов и требований, если исходить... из уровня культуры обычного посетителя еврейского театра».

Критик подчеркивал, что для понимания эволюции еврейского театра необходимо учитывать уровень развития основной массы его зрителей, воспитанных на второразрядных оперетках: «Ругают гординский репертуар, преобладающий пока на более серьезной сцене... Многое и многое можно было бы прибавить к этим смертным грехам нашей “американской”, рекламно-сенсационной драмы... Но в конце концов она все-таки выше ее обычного зрителя. Наш лавочник, ремесленник, даже “интеллигент” воспитан на Хинке-Пинке, на грубой сальности... большое *мужество* со стороны труппы Каминского переменить старый отвратительный “репертуар” хотя бы и на примитивную Гординскую “драму”... Театр воспитает свою публику. Он теперь впереди ее. Во всяком случае возврата к прошлому нет. И этим мы всецело обязаны новому еврейскому артисту...»¹².

В статье «Театральные заметки» (1908) Н. Штиф анализировал новые типы героев, выведенных в пьесах Я. Гордина и представленных артистами Литературно-драматической труппы А. Каминского. Осо-

бое внимание он уделил драме «Миреле Эфрос», главная героиня которой сумела успешно продолжить коммерческие дела мужа и вести выгодные строительные подряды. Ради счастья сына, не найдя общего языка с невесткой, она оставила свой дом молодой семье, а сама вынуждена была начинать жизнь заново. При этом Миреле – глубоко религиозный человек, носительница искренней веры и преданная мать. Н. Штиф отмечал, что в этой драме, наряду с традиционным женским образом «страдалицы и мученицы», актриса Э.-Р. Каминская впервые показала «*благородную* еврейскую женщину... Это особое начало, вытекающее из глубоких источников мудрого духа... изящество видимой простоты, скрывающей внутреннюю сложность». Родственный драматический талант критик отметил и у А. Каминского в образе Цалеля Раппопорта из драмы «Убой». Это также был новый тип героя – не комический торговец, а новый сильный и сложный образ человека, соединяющего в себе «властного и жестокого, умного и циничного, набожного хасида и развращенного эпикурейца». «Наблюдая труппу Каминского, – писал критик, – испытываешь глубокую радость и живое чувство благодарности... ко всем этим людям, создающим еврейский театр... Сколько с ним связано надежд и ожидания на достойные, свободные формы нашей жизни!»¹³

Через год под впечатлением от вторых гастролей Каминских в статье «В еврейском театре» (1909) Н. Штиф замечал: «В еврейском театре мы получили реальный образ воплощения нации... В еврейском театре мы приобретаем... иллюзию родины... И сидя в театре Каминского, проникаясь ощущением живого, творящего национального гения, временами забываешь, что ты в холодном, враждебном Петербурге, что тут любой хозяин из участка может выселить и тебя, и артиста, и автора, сравнить с землей твой сад, и любой “хозяин” от литературы может лишить тебя и нации, и языка, и искусства, и права на “лицо”, и посмеяться над твоей святыней, – забываешь и душу убаюкивает тихая, как мечта, ласка родины, своего, прочного, неотъемлемого. И за эту волшебную иллюзию сердце переполняется благодарностью к этим людям-строителям»¹⁴. В этой цитате содержится прямой намек на дискуссию, развернувшуюся вокруг известного «Чириковского инцидента», обсуждение которого активно велось на страницах «Рассвета»¹⁵.

Более того, дискуссия о еврейской драматургии и праве русских литераторов на критику ее литературного уровня привела к серьезным событиям в идейной жизни России. В ответ на критику сочинения Шолома Аша (чья пьеса «Белая кость» в русском переводе читалась в доме артиста Ходотова), драматург заявил, что русские литераторы не могут понять проблем еврейской драмы. В ответ русские писатели К. Арабажин и Е. Чириков заявили, что тогда и евреи не могут понять русской литературы. Этот спор, попав на страницы русской и еврейской печати, вызвал дискуссию о так называемом «национальном лице», которую начал П.Б. Струве. Эта дискуссия оказалась столь острой, что ей были посвящены специальные издания¹⁶, а сам Е. Чириков, автор известной пьесы «Евреи», отвечал своим оппонентам в «Рассвете»¹⁷.

Упрекая «среднего еврейского интеллигента», любителя чеховской драмы и итальянской оперы, в «отсутствии культа *своего* в литературе и искусстве», Н. Штиф отстаивал значение «реалистического» репертуара Я. Гордина, полемически утверждая: «Еврейский театр должен сознательно и с разумным расчетом сдерживать нетерпеливые стремления к “модернизации”, стремления... немногих... “отщепенцев” из интеллигенции, а спокойно заниматься перевоспитанием своей надежной, верной публики»¹⁸.

Приведенные выше строки отражают появление новых тенденций, близких по своим задачам европейскому и русскому театрам, как, впрочем, и весьма критическое отношение к ним Н. Штифа. Напротив, известный драматург Д. Пинский в брошюре «Еврейская драматургия» (Нью-Йорк, 1909) приветствовал новые тенденции, противопоставляя мелодрамам Я. Гордина «новую драматургию»: пьесы И.-Л. Переца, Шолома Аша, П. Гиршбейна, основанные на символистских приемах, с характерным для них обращением к фантастике и мистике. В 1909 г. Д. Пинский уверенно декларировал само наличие современного репертуара и указывал на появление «новой драмы», создаваемой специально для еврейской сцены. Он приводил список из 137 пьес, опубликованных в виде отдельных изданий, в который вошли произведения А. Гольдфадена, Я. Гордина, И. Латайнера, М. Горовица, И. Каценельсона, А. Ауэрбаха, И. Золотаревского, Шомера, И.-Л. Переца, А. Вайтера, М. Арнштейна, Д. Пинского, П. Гиршбейна и других, включая также переводы на идиш драм «Голод» С. Юшкевича и «Еврей» Е. Чирикова, пьес А. Чехова, М. Горького, Г. Гауптмана, Х. Ибсена, С. Пшибышевского и других авторов¹⁹.

Реформаторской роли Я. Гордина в развитии еврейского театра 1890-х гг. посвящена и обширная статья Н. Ровенского, опубликованная в «Рассвете» (1909) после получения известия о кончине драматурга²⁰. «То, что Гордину обыкновенно ставят в упрек его приспособление к среде, это едва ли не самая большая его заслуга... Это был лучший педагогический прием для той публики, которую он хотел отвоевать у оперетки и бездарной мелодрамы... А другой, интеллигентной публики, с высшими запросами, у нас не было, нет и поныне. Она в безнадежном плену культуры господствующей нации, и я сомневаюсь в том, значительно ли изменятся к лучшему ее отношения к еврейскому искусству и тогда, когда мы будем обладать образцовым художественным театром. Обычный же посетитель еврейского театра бесконечно скучал бы на пьесах Переца, Гиршбейна, а может быть и Аша»²¹.

Попытка создания еврейского «художественного театра», основанного всецело на новой драматургии, связана с историей «Драматической труппы под руководством Переца Гиршбейна». Труппа была организована в Одессе осенью 1908 г. по инициативе Б. Шапира и Х.-Н. Бялика и выступала два сезона до июля 1910 г. В ее репертуаре насчитывалось 14 пьес, включая произведения Шолом-Алейхема, М. Арнштейна, Шолома Аша, П. Гиршбейна, Б. Шафира. В мемуарах П. Гиршбейн описал недолгую историю своего театра, подчеркнув

сложности, с которыми сталкивались актеры: с одной стороны, ощущалась нехватка пьес нового репертуара, а с другой – недостаточным было и профессиональное мастерство молодых актеров, не позволявшее им ставить сложные символистские пьесы И.-Л. Переца или произведения мировой драматургии²².

В напряженный момент распада труппы две ее актрисы Л. Ноэми и Ф. Орловская опубликовали в «Рассвете» (1910) письмо «К положению еврейского театра». Они отмечали, что учились в русской драматической школе и связывали свое будущее с русской сценой. Вначале их представление о еврейском театре было весьма критическим, а затем этот театр их увлек: «Нам был чужд еврейский театр, еврейское искусство... если нам до тех пор и случалось видеть что-либо на еврейской сцене, то влияние этого было самое отрицательное... так продолжалось до тех пор, пока мы не встретили на пути театр Гиршбейна... Мы увидели, что театр этот создается на идейной почве, что люди всеми силами стремятся к созданию чисто художественного театра... Мы увидели, что театр Гиршбейна – это фундамент великого национального дела... Как ни тяжелы были наши материальные нужды и лишения, однако выпавший на нашу долю моральный успех поддерживал в нас дух живой; где бы мы ни очутились, куда бы ни приехали, – еврейская интеллигенция, национально настроенные слои еврейского общества горячо поддерживали нас своим отношением...»²³. Стремясь сохранить свой театр, актрисы через газету «Рассвет» обращались к еврейской прессе, литераторам и общественности с просьбой о помощи, однако их надеждам не суждено было сбыться. Под угрозой ареста по политическому доносу П. Гиршбейн принял решение об отъезде в Америку, вскоре труппа распалась.

Проблема репертуара была не менее существенной и для артистов труппы А. Каминского. В связи с ее гастролями в Минске «Рассвет» (1910) опубликовал «Театральные заметки» А. Гольдштейна с подзаголовком «К вопросу о репертуаре». Критик приветствовал игру Э.-Р. Каминской в драме Г. Ибсена «Нора»: «Для еврейского театра это... чуть ли не поворотный пункт в его развитии... Должен был исчезнуть гнет административных запретов; должен был привиться репертуар Гордина; должна была произойти перемена в отношении к нашим национальным ценностям, чтобы для еврейского театра начались лучшие времена, чтобы о нем заговорили не только на низах массы, но и в других слоях еврейства. Всего лишь около пяти лет прошло со времени этого поворота в судьбах нашего театра, – и как много пройдено за это короткое время... Драмы Гордина... окончательно утвердились на еврейской сцене в России. Появились пьесы Пинского, Аша. Засияла звезда Каминской. Молодежь, в лице труппы Гиршбейна, отдалась исканию новых форм и путей для создания литературно-художественного театра. Театром заинтересовались более чуткие и вдумчивые национальные элементы еврейского общества... Еврейский театр должен впитать в себя репертуар корифеев мировой сцены... Это не означает отказа в культивировании родного искусства. Наоборот. Приобщившись к общеевропейской сокровищнице, еврейский театр, подобно другим театрам, с гораздо боль-

Г.А. Элиасберг

шею твердостью и уверенностью сможет культивировать все художественное и ценное, что будет давать родная драматическая литература»²⁴.

Однако этим надеждам на поступательное развитие не суждено было сбыться. В 1914 г. А. Гольдштейн публикует в «Рассвете» вторую статью «“Нора” на еврейской сцене», в которой вновь приветствует как исполнение этой пьесы, так и обращение к мировому репертуару. Сравнивая два возобновленных спектакля 1914 г. и ведущих актрис: Нору-Ведринскую на русской сцене и Нору-Каминскую на еврейской, критик писал: у русской актрисы чувствуется «прекрасная школа, тонкая техника, европейская шлифовка таланта. Здесь – у Каминской – вас поражает мощь художественной интуиции, преодоление незнания чужой среды и культуры силою внутреннего зрения души большой артистки»²⁵. Однако А. Гольдштейн с горечью отмечал, что эта постановка так и осталась единственным случаем, поскольку в реальных условиях существования еврейского театра талантливой актрисе приходится вновь возвращаться от вершин мировой драматургии к традиционному репертуару.

Примечательна и опубликованная в «Рассвете» статья А. Ревельского «Еврейский театр в Одессе», подводившая итоги летнего сезона 1911 г., когда, помимо постоянной труппы М. Фишзона, здесь выступала варшавская труппа А. Компанейца вместе с оперным певцом Лерманом и известным драматическим актером М. Мошковичем, приехавшим на гастроли из Америки. «В нашей идейной прессе обыкновенно не принято говорить о еврейском театре в той форме, в которой он пребывает в настоящее время. Между тем <...> он заслуживает серьезного внимания по своей – пусть отрицательной – но все же видной роли в нашей духовной жизни...». Театр на идиш «среди небольшого количества учреждений, обслуживающих духовные запросы еврейского населения, занимает свое прочное место», – признавал критик, однако жаргонный театр в Одессе по-прежнему основан на старых опереттах и мелодрамах. «А между тем за последние годы еврейская драма, несомненно, выросла, шагнула вперед. Как ни бедна она сравнительно, например, с русской драмой, в ее каталоге всё же числятся Аш, Шолом-Алейхем, Пинский, Гиршбейн... Как ни мала переводная литература на жаргоне, всё же на этом языке имеется кое-что из Ибсена, Стриндберга и др. Одесский театр даже не дотронулся до этого богатства... Даже лучшие вещи Гордина ставились очень редко».

«За последние три десятилетия» не вырос и профессиональный уровень еврейских актеров, «у некоторых артистов жаргон режет ухо своими варварскими оборотами и акцентом». «Такова физиономия театра, обслуживающего 150.000-ое одесское еврейство, – с сожалением констатировал А. Ревельский, – труппа Фишзона... приспособилась ко вкусам местного еврейства. На интеллигенцию в Одессе никакое еврейское искусство рассчитывать не могло и до сих пор не может. Тем более не может на нее рассчитывать театр на жаргоне... Еврейская интеллигенция никогда не желала иметь касательства к театру на народном наречии. Когда в прошлом году у нас гастролировала г-жа Каминская и

Либерт, артисты, которых послушать полагалось уже из чисто эстетических побуждений, – и в то время в стенах еврейского театра не видно было ни вообще интеллигенции, ни даже наших националистов». Аудиторию еврейского театра составляют представители зажиточного мещанства и беднота окраин, «для них театр создан и ими поддерживается до сих пор. Это, конечно, не оправдание для г-на Фишзона, ибо эту массу можно было постепенно приучить к серьезному искусству, но это “смягчающее вину обстоятельство”»²⁶.

Следует отметить, что «Рассвет» последовательно выступал за возрождение древнееврейского языка и, конечно, не мог не приветствовать в 1912 г. исполнение на древнееврейском языке в Зале Санкт-Петербургской Консерватории оперы Сен-Санса «Самсон и Далила», либретто которой перевел И. Равребе. Спектакль имел большой успех у полуторатысячной аудитории: «Огромная публика, присутствовавшая на спектакле, наибольшую долю своего энтузиазма относила именно на счет древнееврейского языка... Это редкое явление должно было, конечно, произвести глубокое впечатление на всех, в ком живет хоть частица романтического отношения к нашему национальному языку»²⁷. Однако подобного рода постановки на иврите оставались лишь единичным явлением, в то время как еврейский профессиональный театр был связан с идиш – разговорным языком народных масс.

В 1913 г. в статье «Наш театр» А. Элиас подводил итоги его развития за последние годы: «Лет 5–6 тому назад наша интеллигенция, до того столь мало знавшая о еврейском театре... вдруг сделала “открытие”: она внезапно узнала, что в этом театре имеются недюжинные таланты, что в нем назревает переход от оперетки к драме, импортированной из Америки... Наступил медовый месяц нашего увлечения родным театром. Ярко засияла звезда Каминской, Театр художественных исканий Переца Гиршбейна привлек к себе внимание и симпатии прессы и общества. Заговорили о создании фонда для премий на конкурсах за лучшие еврейские пьесы. В Варшаве образовался комитет для организации нового, по-европейски поставленного театра... И.Л. Перец для пропаганды этой идеи даже посетил кое-какие города... Но догорели огни, облетели цветы... И это, казалось, столь сильно разгоревшееся пламя интереса нашей интеллигенции к родному театру так же быстро и неожиданно погасло, как быстро и неожиданно вспыхнуло. И одна за другою зачахли в ледяной атмосфере равнодушия все зеленые почки надежд на грядущее обновление театра. Угас после мучительной агонии театр Гиршбейна. И вновь оказался артист еврейского театра лицом к лицу с одною лишь народной массою... Ни один национальный театр не существует и не может существовать без моральной и материальной поддержки интеллигенции. Не из трех, а из четырех звеньев состоит сложная формула понятия “народная культура” – и эти четыре звена: школа, литература, пресса и театр»²⁸.

Н. Шифрин в статье «Наш театр» (1914) выделил два основных мнения, высказанных в еврейской печати по поводу еврейского театра. С одной стороны, мнение Баал-Махшовеса, который считал еврейский

театр народным, а всякое вмешательство в его развитие интеллигенции с ее вкусами и психологией нежелательным и неприемлемым. Баал-Махшовес утверждал, что интеллигенция должна создать свой национально-художественный театр. С другой – д-р Мукдойни призывал к организации «театрального общества» и фонда для создания художественного театра, однако был решительно против «теоретических» защитников народного театра, ибо последний, по его мнению, представлял собою «глубоко ненормальное явление»: «Еврейский национально-художественный театр, в котором отражалась бы еврейская жизнь, который служил бы идейным центром народа, – это ли не насущная потребность народной культуры? Но это будет театр интеллигенции. Народные массы пока не заполнят его партер и балконы. Тому нам пример: Перец Гиршбейн со своим театром, который привлек внимание и прессы, и общества, но успеха в широких кругах не имел».

Н. Шифрин отмечал, что для дальнейшего развития необходимо заменить прежний репертуар Гордина, однако то, что привозят из Америки «в виде специфически американских мелодрам бездарностей, питающих “желтые” театры», не выдерживает критики. «Сходят со сцены музыкальные оперетты, и, словно наводнение, заполняют еврейский театр вывезенные из Америки полу-фарсы, главный гвоздь которых: женщины в мужских шароварах»²⁹. Это критическое замечание высказано в адрес блистательной опереточной актрисы Клары Юнг, которая с 1912 г. гастролировала в Польше и России. Ее выступления в 1916 г. в Москве, а затем в Петербурге стали настоящим открытием американской оперетты в России, хотя в целом отношение к ее репертуару было противоречивым³⁰.

С началом Первой мировой войны положение еврейских и русско-еврейских изданий существенно осложнилось, многие из них закрывались по распоряжению властей. В 1915 г. было выпущено только 23 номера еженедельника «Рассвет». Среди публикаций этого времени обращает на себя внимание статья И. Туркельтауба «Война и еврейский театр», в которой отмечалось, что вопрос о театральном кризисе обсуждался еще до войны, но «война совсем убила театр. Из числа немногих мест, где еще могли подвизаться еврейские труппы, больше половины оказались в районе... военных действий». «Наша недавняя гордость – театр Каминского в Варшаве, не устоял против соблазна времени: его кличка “художественный”... сделалась в последнее время иронией, так как художественный репертуар тут уступил место фарсам и опереткам... Театра Каминского не стало, его жалкие остатки кочуют где-то за океаном, а еврейский театр в России представляется теперь двумя “солидными предприятиями” Генфера и Фишзона. Культурный еврейский центр в Варшаве рухнул. Писатели эмигрировали оттуда, а пресса, вчера еще сильная и могущественная, потеряла в силу разных причин всякое значение. Возникло новое явление из области еврейского театра – театр миниатюр – еще одна ступень вниз»³¹.

Наряду с театральной критикой на страницах «Рассвета» был опубликован целый ряд литературно-критических статей, посвященных как

отдельным произведениям еврейской и русско-еврейской драматургии, так и творчеству еврейских драматургов, включая А. Гольдфадена, Я. Гордина, Х.-Д. Номберга, Шолома Аша и И.-Л. Переца. Здесь публиковались статьи А. Гольдштейна о написанных на немецком языке пьесах А. Шницлера, М. Нордау, Т. Герцля, важной составляющей которых была еврейская проблематика³². Примечательна и статья Л. Бато о еврейских по происхождению драматургах Ф. Мольнаре, А. Броде, М. Ленгиеле, Л. Биро и Э. Гельтае, писавших на венгерском языке, в связи с полемикой, которую вели их венгерские оппоненты, обвинявшие их в отсутствии «мадьярского духа»³³.

Ряд статей был посвящен драматургии Шолома Аша, творчество которого оказалось в центре внимания не только еврейской, но и русской литературной критики, после того как в январе 1906 г. в театре В.Ф. Комиссаржевской была поставлена его драма «На пути в Сион», представлявшая процесс духовного расслоения еврейской семьи на почве различного отношения к национальной проблеме и путям ее решения³⁴. Наибольший общественный резонанс получила драма «Бог мести» (1907), написанная под влиянием богоборческих настроений, характерных для литературы того времени. Герой пьесы Янкель Шапшович, содержатель публичного дома, понимая свою греховность и стремясь оградить любимую дочь от своих темных дел, заказывает новый свиток Торы в надежде, что он станет охранным талисманом в ее судьбе, однако это не помогает: Ривкеле сама уходит к девушкам из публичного дома. Пьеса была воспринята неоднозначно, она неоднократно ставилась на русской сцене, но вызвала бурю критики в еврейской среде. В связи с этим примечательна статья Д. Пасманика «Бог мести», опубликованная в «Рассвете» (1907). В сюжете пьесы критик видел обыкновенную житейскую историю, к которой автор под влиянием модных течений «хотел во что бы то ни стало пристегнуть “идею”» – представление о фатальном тяготении грехов отцов над судьбой детей. Восклицание героя о карающем Боге-мести Д. Пасманик рассматривал как литературный прием, не имеющий ничего общего с жизненной правдой и религиозной практикой иудаизма. Достоинство пьесы, по его мнению, заключено не в идее, а в обрисовке характера главного героя как представителя поколения «религиозных компромиссов и беспорядочного нравственного эклектизма», однако его устремления к духовному и внутреннее страдание создали глубоко трагический образ³⁵. В «Рассвете» были опубликованы также статьи Ш. Горелика и Н. Штифа об историко-романтической драме Шолома Аша «Саббатай Цви», заметка о драматическом этюде «Грех», созданном по мотивам народной легенды³⁶.

Не меньшее внимание критики «Рассвета» уделяли творчеству И.-Л. Переца, начавшего осваивать новые стилевые направления, включая приемы символистской драмы. Две рецензии – Баал-Махшовеса и Н. Штифа – были посвящены неоромантической драме «Золотая цепь», ставящей проблему преемственности традиций еврейства и воплощающей надежду на возможность духовного возрождения³⁷. Здесь неодно-

Г.А. Элиасберг

кратно печатались обзоры лекций о еврейской культурной жизни и литературе, с которыми И.Л. Перец выступал в различных городах России³⁸. В некрологе, помещенном в «Рассвете» (1915), отмечалось: «Перец говорит о новых исканиях и идеалах, но он находит те старые образы прошлого, которые были предтечей этого нового. Он говорит с молодыми, порвавшими со старым еврейством, на их языке новых идей, но он с изумительной убедительностью художника рисует, как это новое золотой цепью связано со старым...»³⁹.

Можно отметить также обзоры содержания и критические отклики на знаковые произведения русско-еврейской драматургии, в частности на пьесу О. Дымова «Вечный странник», драму Д. Бенарье «Разбитые скрижали» и пьесу Вл. Жаботинского «Чужбина»⁴⁰. «Рассвет» неизменно откликался на полемику вокруг нашумевших пьес С. Юшкевича «Комедия брака» и «Король»⁴¹. Отличительной чертой литературно-критических статей «Рассвета», посвященных наиболее значительным произведениям еврейской, русско-еврейской и немецко-еврейской драматургии, стало напряженное внимание их авторов к отражению в литературных произведениях духовных исканий еврейской интеллигенции и идей национального возрождения.

В заключение отметим, что в совокупности театральнo-критических статей, опубликованных на страницах «Рассвета» в период 1907–1915 гг., перед нами предстает сложная и полная противоречий история одного из наиболее ярких этапов в развитии еврейского театра в России. Публицисты «Рассвета», прежде всего Н. Штиф и А. Гольдштейн, рассматривали театральное дело как одно из необходимых условий нормального развития национальной культуры, призывая еврейскую интеллигенцию поддержать начинания театральнo-художественных деятелей, стремившихся к реформированию еврейского театра, и вместе с тем в своих статьях они указывали на многие слабые стороны театра на идиш: его зависимость от неразвитых вкусов массового зрителя и пренебрежительное отношение к нему со стороны интеллигенции, – но также и на нерешенные в условиях Российской империи проблемы еврейской национальной жизни, включая и будущее театра.

Примечания

- 1 Цит. по: *Марголин М.* Одиннадцать лет назад // *Рассвет*. 1914. № 51–52. С. 12.
- 2 *Златопольский Г.* «Рассвет» и сионистская мысль // Там же. С. 15.
- 3 *Klier J.* «Exit, Pursued by a Bear»: Russian administrators and the ban on yiddish theater in imperial Russia // *Yiddish Theater: New Approaches* / Ed. J. Berkowitz. Oxford, 2003. P. 159–174.
- 4 *Элиасберг Г. А.* Образ России и Америки в драматургии русско-еврейских эмигрантов 1880–1910-х годов // *Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: Образы. Мифы. Реальность*. М., 2007. С. 144–154.
- 5 [Т-цкий Л.] *Провинциальная летопись* // *Театр и искусство*. СПб., 1905. № 1. С. 21.

- 6 *Элиасберг Г.А.* Еврейский театр и драматургия эпохи первой русской революции // Четвертые Михоэлсовские чтения: Национальный театр в контексте многонациональной культуры. М., 2006. С. 33–50.
- 7 *Arnshtein M.* Dos yidishe teater // Der veg. Warshe. 1905. № 26 (1.IX.1905) [на идиш; перев. наш. – Г. Э.].
- 8 *Sholom-Alehem.* A brif // Ibid. № 47 (29.IX.1905). P. 3. [на идиш].
- 9 *Priluzky N.* Fir yor yidish teatr in Rusland un Poiln // Priluzky N. Ksovim. V. III. Warshe, 1921. P. 31. [на идиш].
- 10 *Мечтатель* [Штиф Н.]. Накопление культуры // Рассвет. 1908. № 1. Стлб. 13–14; *Давидсон А.* Национальная культура // Там же. 1909. № 30. Стлб. 3–6; *Лецинский Я.* Культурное творчество в голусе // Там же. 1910. № 19. Стлб. 8–11; *Сыркин Н.* Еврейское многоязычие и еврейский язык // Там же. 1912. № 36–37, № 38, № 39.
- 11 *Биневиц Е.* Каминские // Еврейский театр в Петербурге: опыт исторического очерка. СПб., 2003. С. 59–98.
- 12 *Мечтатель* [Штиф Н.] В еврейском театре // Рассвет. 1908. № 16. Стлб. 15–16.
- 13 *Мечтатель* [Штиф Н.] Театральные заметки // Там же. № 19. Стлб. 13–17.
- 14 *Мечтатель* [Штиф Н.] В еврейском театре // Там же. 1909. № 11. Стлб. 15–16.
- 15 К инциденту Чириков–Арабажин // Там же. 1909. № 10. Стлб. 8–11; «Инцидент» и русская печать // Там же. № 11. Стлб. 7–13; «Еврейское за- силье» // Там же. № 12. Стлб. 22–23. Ср.: *Михайлова М.* Еврейская тема в творчестве Е. Чирикова и «чириковский инцидент» // Параллели. М., 2003. № 2–3. С. 163–188.
- 16 По вехам... Сборник статей об интеллигенции и «национальном лице» (1909) // Национализм: Polemika 1909–1917: Сб. статей / Сост. и прим. М. Колерова. М., 2000. С. 15–142.
- 17 *Чириков Е.* Благодарю, не ожидал...: (Письмо в редакцию) // Рассвет. 1909. № 10. С. 9–10.
- 18 *Мечтатель* [Штиф Н.] В еврейском театре // Рассвет. 1909. № 13–14. Стлб. 20.
- 19 *Pinsky D.* Dos yidishe drama: ain iberblik iber ir antviklung. N.Y., 1909. [на идиш].
- 20 *Ровенский Н.* Яков Гордин // Рассвет. 1909. № 23. С. 14–16; № 24. Стлб. 20–22.
- 21 Там же. № 24. Стлб. 21.
- 22 *Pinsky D.* In gang fun leb. N.Y., 1948 [на идиш].
- 23 *Ноэми Л., Орловская Ф.* К положению еврейского театра (письмо в редакцию) // Рассвет. 1910. № 30. Стлб. 10–11.
- 24 *Гольдштейн А.* Театральные заметки // Там же. 1910. № 34. Стлб. 9–11.
- 25 *Гольдштейн А.* «Нора» на еврейской сцене // Там же. 1914. № 13. Стлб. 16–20.
- 26 *Ревельский А.* Еврейский театр в Одессе // Там же. 1911. № 42. Стлб. 10–11.
- 27 *Наген М.* «Самсон и Далила» на древнееврейском языке // Там же. 1912. № 11. Стлб. 17–20.
- 28 *Элиас А.* Наш театр // Там же. 1913. № 39. Стлб. 8–9.

Г.А. Элиасберг

- 29 *Шифрин Н.* Наш театр // Там же. 1914. № 14–15. Стлб. 6–9.
- 30 *Биневиц Е.* Указ. соч. С. 99–109; *Копельман С.* Юнг – значит молодая. Springfield, 1987.
- 31 *Туркельтауб И.* Война и еврейский театр // Рассвет. 1915. № 16. Стлб. 20–23.
- 32 *Гольдштейн А.* Артур Шницлер (к 50-летию со дня рождения) // Там же. 1912. № 21. Стлб. 10–14; *Гольдштейн А.* Новая пьеса Шницлера: («Professor Bernardi» Komödie von Artur Schnitzler) // Там же. 1912. № 52. Стлб. 14–17; [И.Л.] В Еврейском литературно-научном обществе // Там же. 1913. № 9. Стлб. 36–37.
- 33 *Бато Л.* «Под чужими масками» // Там же. 1913. № 16. Стлб. 19–21.
- 34 *Биневиц Е.* Шолом Аш на русской сцене // Год за годом: Литературный ежегодник. Вып. 3. М., 1987. С. 397–410.
- 35 *Ибн-Дауд* [Пасманик Д.] «Бог мести» // Рассвет. 1907. № 14. Стлб. 35–39.
- 36 *Горелик Ш.* «Саббатай Цви»: Новая пьеса Шолома Аша // Там же. 1907. № 41. Стлб. 37–40; *Мечтатель.* Обманутый сверхчеловек «Саббатай Цви»: Драма Шолома Аша // Там же. 1908. № 25. Стлб. 14–18, № 26. Стлб. 12–15; *Мечтатель.* «Грех» Шолома Аша // Там же. 1908. № 7. Стлб. 19–21; [И.Л.] Новая пьеса Шолома Аша // Там же. 1913. № 49. Стлб. 30–31.
- 37 *Мечтатель.* Новая драма И. Переца «Золотая цепь» // Там же. 1908. № 4. Стлб. 37–40; *Баал-Машиовес.* Трагедия цадикизма // Там же. 1909. № 3. Стлб. 15–17. № 4; Стлб. 9–12.
- 38 *Лецинская С.* Лекции И.-Л. Переца // Там же. 1908. № 29. Стлб. 9–13; *Залменсон М. И.-Л.* Перец в Вильне // Там же. 1912. № 12–13. Стлб. 46–49. *Дынин Л.* Киев (от нашего корреспондента) // Там же. 1910. № 20. Стлб. 26.
- 39 [С.Г.] Леон Перец // Там же. 1915. № 13. Стлб. 5–6.
- 40 [Л.] В Еврейском литературном обществе // Там же. 1913. № 12. С. 27; *Гольдштейн А.* «Вечный странник»: (Новая пьеса Осипа Дымова) // Там же. 1913. № 13. Стлб. 11–13; *Гольдштейн А.* «Разбитые скрижали»: Драма Давида Бенарье // Там же. 1913. № 14–15. Стлб. 28–30; *Ноэми А.* «Чужбина»: Комедия в 5 действиях Вл. Жаботинского // Там же. 1910. № 13. Стлб. 14–17; № 14. Стлб. 34–39.
- 41 *Мечтатель.* «Меньшевистский» реализм в русско-еврейской беллетристике: («Король» С. Юшкевича) // Там же. 1907. № 47. Стлб. 33–36; [Вик. К.] Из «Знания» в «Новое время» // Там же. 1909. № 49. Ст. 13; [Вик. К.] Ответ г-ну Юшкевичу (письмо в редакцию) // Там же. 1909. № 50. Ст. 19–20.

Юми Накагава

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ, А.В. АМФИТЕАТРОВ
И ЖУРНАЛ «СОВРЕМЕННОК» В 1911–1912 гг.

Статья посвящена истории российской журналистики в годы дела Бейлиса и ее влиянию на роман Шолом-Алейхема «Кровавая шутка». Автор рассматривает стратегию полемики с кровавым наветом, которой следовал журнал А.В. Амфитеатрова «Современник», и контакты редакции журнала с Шолом-Алейхемом.

Ключевые слова: антисемитизм, кровавый навет, Шолом-Алейхем, роман «Кровавая шутка», дело Бейлиса, журнал «Современник».

Весной 1911 г. в Киеве был убит 13-летний христианский мальчик Андрей Ющинский. Под влиянием черносотенной пропаганды возник кровавый навет против евреев, которых обвинили в ритуальном употреблении христианской крови. Летом того же года был арестован и обвинен в убийстве киевский мещанин Мендель Бейлис. По мотивам этих событий еврейский писатель Шолом-Алейхем (1859–1916) создал роман «Кровавая шутка» (на идиш «Дер блутикер шпас»). В данной статье мы рассмотрим борьбу Шолом-Алейхема и русских литераторов круга журнала «Современник» во главе с А.В. Амфитеатовым против кровавого навета 1911–1912 гг.

Прежде чем прямо обратиться к делу Бейлиса и «Кровавой шутке», мы рассмотрим два издания русских переводов других произведений Шолом-Алейхема: в издательстве «Современные проблемы» (Москва) и в журнале «Современник» (СПб.). Эти публикации Шолом-Алейхема совпадают по времени с выходом в свет романа «Кровавая шутка»: на идиш – в газете «Хайнт» (Варшава) в 1912–1913 гг., а на русском – отдельными книгами в «Универсальном Книгоиздательстве Л.А. Столяра» (Москва) или, что то же самое – издательстве «Современные проблемы» в 1914 г. Этот период совпадает со временем следствия по делу об убийстве Ющинского и судебного процесса по обвинению еврея Бейлиса, завершившегося 28 октября 1913 г. полным оправданием последнего.

Преддверие дела Бейлиса

Шолом-Алейхем, который к этому времени был известен за пределами еврейского мира, надеялся, что и русская аудитория прочтет роман «Кровавая шутка», связанный с трагическими событиями в Киеве. По этому поводу еврейский писатель переписывался с В.Г. Короленко и с сотрудником его журнала «Русское богатство» А. Петрищевым.

Из письма Шолом-Алейхема к Короленко от 10.11.1912¹ следует, что русский журнал выразил готовность принять роман «Кровавая шутка». Однако в итоге в «Русском богатстве» роман не появился.

И до этого Шолом-Алейхем стремился расширять свою читательскую аудиторию с помощью русских переводов. В русско-еврейских журнале и газете «Восход» произведения Шолом-Алейхема были опубликованы еще в конце XIX – начале XX в.² Публикация русских переводов давала русскоязычным читателям возможность приобщиться к художественному миру Шолом-Алейхема. Однако из-за характера этих органов печати круг читателей Шолом-Алейхема оставался очень узким. Еврейскому писателю удалось выйти к более широкой русской аудитории благодаря изданию русских переводов его произведений в издательстве «Современные проблемы»: в 8-томном собрании сочинений (1910-1913).

Первый том (1910) собрания называется «Дети “черты”». В предисловии к этой книге Шолом-Алейхем объясняет цель издания русских переводов своих произведений: «Мысль ознакомить с бытом “черты” не только самих обитателей ее, но и широкую публику посредством переводов творений еврейских писателей можно лишь приветствовать. Большая часть бед, сыплющихся на головы моих братьев, происходит именно оттого, что нас или совсем, или почти не знают, а не потому что, как воображают иные, что нас слишком хорошо знают»³. В этот период для еврейского писателя наиболее актуальным был мотив «знакомства русских с евреями».

Книга «Дети “черты”» была так популярна, что в течение полугода вышло три ее издания. Она включает в себя четыре произведения: «Записки одного мальчика», «Флаг», «Ножик» и «На скрипке». Напомним, что когда-то на страницах русско-еврейского журнала «Восход» о рассказе «Ножик» одобрительно отзывался еврейский критик С.М. Дубнов. Его отзыв был важен для профессионального роста писателя. Высоко оценил книгу «Дети “черты”» и русский писатель А.В. Амфитеатров. Он сравнил автора с английским писателем Диккенсом: «Писатель-психолог, умеющий вместе с детьми смеяться и плакать с простодушием, истекающим из чистоты и святости, трогаящим сердце»⁴.

Когда Шолом-Алейхем послал книгу Л.Н. Толстому, в приложенном к ней письме от 10.04.1910 автор цитировал именно рецензию Амфитеатрова: «Наше ужасное время <...> льет в жизнь такую массу ядов ненависти, что встретить в литературе противоядие – великая радость. Книга Шолом-Алейхема – противоядие могучее и проникновенное»⁵.

М. Горький, получив книгу «Дети “черты”», отправил автору 21.04.1910 такое письмо: «Искренне уважаемый собрат! Книгу Вашу получил, прочитал, смеялся и плакал. Чудесная книга! Перевод, мне кажется, сделан умело и с любовью к автору. Хотя местами чувствуется, что на русском языке трудно передать печальный и сердечный юмор оригинала. Я говорю – чувствуется. Книга мне сильно нравится. Еще раз скажу – превосходная книга! Вся она искрится такой славной, добротной и мудрой любовью к народу, а это чувство так редко в наши дни»⁶.

Часть письма Горького была позже напечатана в газете «Речь» (17 мая 1910 г., № 133) вместе с сообщением о состоянии здоровья «известного писателя на еврейском жаргоне г. Шолом-Алейхема», который в то время лечился в Европе. В советское время это письмо было перепечатано в ряде статей о Шолом-Алейхеме⁷.

Горький верно уловил глубинную суть произведений Шолом-Алейхема: «печальный и сердечный юмор». Оценка русского литератора близка к определению самим Шолом-Алейхемом «писателя-юмориста»: «Встречающиеся противоречия между внешними условиями жизни мрачной “черты” и чистыми движениями души создают подчас комические ситуации, вызывающие иногда тихую улыбку, иногда громкий смех. И это явление подчас приписывается читателями не самой жизни, которой оно присуще, а фантазии шутливо настроенного писателя. И писатель по недоразумению зачисляется в юмористы»⁸.

Высокая оценка произведений Шолом-Алейхема русскими литераторами отличалась, однако, от мнения американских идишских издателей. Пример тому – повесть «Записки одного мальчика» (позднее она с добавлением второй части будет известна под заглавием «Мальчик Мотл»). Повесть занимает первую часть книги «Дети “черты”» (с. 9–186). В 1907 г. американский идишский еженедельник «Дер Американер» начал было публиковать повесть, которая в то время носила название «Мотл, сын кантора Пейси». Но вдруг прекратил ее публикацию, чего автор совершенно не ожидал. Дочь Шолом-Алейхема объясняет одну из причин отказа от продолжения публикации повести ее несоответствием литературным вкусам американских редакторов⁹. Спустя три года после неудачи в Америке, при успехе книги «Дети “черты”» в России, Шолом-Алейхем вспоминает, что когда-то «Дер Американер» отказался от «плохого произведения» «Мотл, сын кантора Пейси», обвинив автора в отдаче «хорошего» в другое издательство¹⁰.

Сотрудничество Шолом-Алейхема с журналом «Современник»

В упомянутой рецензии Амфитеатров называл автора книги «Дети “черты”» национальным писателем: Шолом-Алейхем – «националист в хорошем и глубоком чувстве слова», как Мопассан, Диккенс, Чехов, которые изображают своих французов, англичанин, русских¹¹.

Когда был создан журнал Амфитеатрова¹² «Современник», в список его сотрудников Шолом-Алейхем вошел вместе с А.В. Амфитеатовым, М. Горьким, В.Е. Жаботинским, Ал.Н. Толстым и др. В первом номере, вышедшем в январе 1911 г., всего за три месяца до смерти Ющинского, в статье «От редакции»¹³ говорилось о приоритетах выбора «Современником» авторов нового журнала: «Свои приглашения редакция “Современника” делает по строго обдуманной системе, обращаясь лишь к тем лицам и выбирая лишь те произведения, в коих она чувствует органическую связь с своею программой. <...> Мы выносили эту программу годами долгих размышлений, заплатили за нее ценой многих испытаний, она – экзамен и исповедание веры нашей».

В первом же номере журнала появился рассказ Шолом-Алейхема «Избранные (Из жизни маленьких людей)» (с. 119–154), а на протяжении почти всего следующего 1912 г. (кроме июня и июля) публиковался роман «Блуждающие звезды».

В программной статье «От редакции», вспоминая Пушкина как творца русского художественного реализма и шестидесятников как ум и силу реализма научно-критического, редакция заявляет себя верным преемником старых «Современников» Пушкина, Добролюбова и Чернышевского и декларирует свое реалистическое мировоззрение и реалистические методы. Между тем, возобновленный «Современник» считает, что его «реалистические методы» скорректированы общественными опытами в течение прошедшего полувека.

С точки зрения «реализма» редакция наблюдает за нарастанием реакции после поражения освободительного движения и отмечает «распри между идеей народа и идеей интеллигенции», приводя два примера таких случаев: распря в стане социализма, куда ворвались «мистико-аристократические струи, заставшие рабочих подозрительно насторожиться»; распря в хаосе правого национализма. Учитывая такую одиозность общества, журнал ставит перед собой задачи культурной работы.

«Современник» обещает предоставлять страницы «литераторам из народностей русского государственного состава», исходя из убеждения, что «сила и благополучие России строятся на целостности ее государственного тела; целостность эта обусловлена благодеянием исторически примкнувших к ней народов; благодеяние же народов создается неприкосновенностью их наличных самобытных особенностей и гарантированных им договорами и законами прав, с последующим естественным развитием этих особенностей и прав»¹⁴. Редакция намерена познакомить русскоязычную аудиторию «с бытом, психологией, идеалами и надеждами» народов Империи при помощи перевода. Эта идея созвучна с желанием Шолом-Алейхема издавать русские переводы своих еврейских произведений.

Национальный вопрос развернут и в статье «О программе “Современника”»¹⁵, напечатанной в октябрьском номере 1912 г. Автор статьи подчеркивает роль «вопроса культурно-национального самоопределения племен и народностей, образующих Россию в полноте своего состава». Это мотивируется тем, что из-за недостаточного внимания русской

демократической интеллигенции к этой задаче «национальный вопрос, став в руках господствующих классов вопросом “националистическим”, превращается <...> в орудие грубой силы, питающей крепостнические инстинкты нынешних господ положения и вносящей сумбур в понятия неразвитой массы населения». Вследствие этого «разнообразные этнографические элементы не могут до сих пор покончить с историческими недоразумениями и предрассудками, до сих пор не прекращается расовая вражда».

Кроме того, Шолом-Алейхем как писатель соответствовал эстетическому направлению журнала. В программе журнала отвергались «реакционное» движение в области литературы и философии, «мнимо модернистские течения», мистицизм и порнография. Согласно своим реалистическим принципам, редакция заявляет: «Мы признаем действительность подлежащую изображению в том виде, как она существует и как требует того ее типическая правда. Для нас не существует “грязного” сюжета, если его развития требует идейная необходимость, здравая логика изображения. <...> мы отказываемся верить, чтобы “огромно несущая жизнь” русская сведена была к сплошному бреду половой неврастении»¹⁶.

Это положение практически повторяется и в статье «От редакции» (июль 1911 г.), подводящей итоги опыта первого полугодия журнала и напечатанной накануне ареста Бейлиса (22 июля 1911 г.): «Под реалистическим искусством мы разумеем противоположность той манерности, которая в погоне за импрессионизмом рвет связь с нормальной восприимчивостью человека <...>. Этот изысканный, нарочный субъективизм творчества, избегающий общепонятного, наклонный к мистике и тайне, является в наших глазах весьма нездоровым продуктом нашего времени»¹⁷.

Шолом-Алейхем, в свою очередь, отрицательно относился к модернизму в еврейской литературе. «В нашу молодую народную литературу в последнее время проникли, бог знает откуда, писатели-декаденты, в большинстве своем молодые, и с особым пристрастием к настроениям. Хотите ли вы знать, что такое настроение? Настроение – это слова, пустые, громкие, надутые, колючие, страшные слова и много точек. Прибавьте к этому еще две-три картинки, угасающее деревцо, мелькающий кустик, тоскующая птичка, смеющийся ветерок, плачущая кошка – и готово! Никакого сюжета, ни грана психологии, ни следа изображения, никаких типов, характеров – лишь бы трудно было понять содержание – и более того, чем труднее для понимания, чем меньше содержания, тем больше настроения. Когда-то это называлось “риторикой”, теперь же это называется “настроением”. Вы можете открыть журнал или книгу и найти там рассказ – настроение, стихотворение – настроение, публицистическую статью – настроение. Это стало какой-то эпидемией, какой-то болезнью, и было бы хорошо, если бы наши критики обратили на это свое внимание»¹⁸.

С. Дубнов, в свое время приветствовавший Шолом-Алейхема, также упрекает «декадентов и жонглеров слова» в расхождении языка и мысли, отдавая предпочтение Пушкину и Лермонтову¹⁹.

Как известно, оба еврейских интеллигента – и Шолом-Алейхем в ранней статье на идиш «Суд над Шомером», вышедшей отдельным изданием (1888, Бердичев), и его соратник «Критикус» (Дубнов) в ряде статей с конца 1880-х гг. и до начала 1890-х гг. в русско-еврейском «Восходе» – боролись с еврейским писателем Шомером под знаменем «реалистической» народной литературы. Будучи уже зрелым писателем, Шолом-Алейхем говорит о необходимости возобновить эту борьбу, на сей раз в форме противостояния американизму: «Пора, право, произвести дезинфекцию в литературе, чтобы лицо не пылало от стыда из-за того, что мы дожили до пресловутого американского вкуса, из-за бульварщины, которую мы с таким трудом выкурили во время оно, двадцать лет назад»²⁰. Это было сказано в письме к редакции идишской газеты «Ди найе вельт (Новый мир)» (Варшава) с сообщением о замысле нового романа «Блуждающие звезды», русский перевод которого был опубликован в журнале «Современник».

Таким образом, еврейский писатель объединился с русским журналом в борьбе за реализм. Кстати, русский перевод романа «Блуждающие звезды» был опубликован после журнальной публикации вместе с «Кровавой шуткой», так и не вышедшей в периодике, в четырехтомном издании «Романы» (1913–1914) в издательстве «Современные проблемы».

Помимо прочего, в связи с религиозно-философской атмосферой общества во время дела Бейлиса, для нас значимо направление журнала «Современник» именно в этой области. Редакция осуждает мистицизм как реакционное явление в русском обществе (кн. 1, 1911) и в продолжение этой линии заявляет: «...мы прежде всего – решительные и непримиримые враги всех пережитков старого теологического духа, налагающих оковы внешнего авторитета на разум» (кн. 7, 1911). Современный исследователь Л. Кацис отмечает, говоря об этом времени, что «общая религиозно-мистическая атмосфера тогдашней России практически исключала <...> возможность адекватного восприятия любого позитивного знания, имеющего отношение к проблемам иноконфессионального вероучения»²¹. Судя по тому, что последовало в 1911–1913 гг., редакция «Современник» была в набат, чтобы предупредить опасность мистицизма, культивировавшего и почву для кровавого навета.

Примечательно изложение в той же статье проблемы межкультурной коммуникации. В русском обществе, «даже у лидеров тогдашней России», отсутствовали элементарные знания о евреях и интерес к ним. Например, прокурор в деле Бейлиса не знал законодательства о праве жительства для евреев и мало знаком был с еврейской литературой²². Между тем источники так называемых «специалистов» по иудаизму типа В.В. Розанова «породили массу химерных образов, восходящих к иудаизму, которые так или иначе попали в русскую литературу и публицистику»²³.

Это подтверждает современник Розанова Н. Переферкович – переводчик Талмуда на русский язык и герой антисемитских статей Розанова – в русско-еврейском еженедельнике «Новый восход» (15 декабря 1911 г.): «Года два назад он (Розанов. – Ю. Н.) написал громадную

статью о «Песне Песней» Соломона и при этом нагородил столько нелепостей, что даже Амфитеатров отметил исключительное невежество г. Розанова, не только не знакомого с характером библейской поэзии и с колоссальной литературой предмета как на иностранных, так и на русском языке, но не давшего себе даже труда прочитать до конца книгу, о которой пишет»²⁴. Задача знакомства русского читателя с населяющими Россию народами, поставленная в программе «Современника», была насущным требованием дня.

Борьба против кровавого навета. Подход русских литераторов

20 марта 1911 г. на окраине города Киева был обнаружен труп Андрея Ющинского, а уже 27 марта во время его похорон член Союза русского народа раздал листовки, призывавшие к мести за невинного подростка, «умученного» евреями. Через месяц, в конце апреля, обвинение евреев в ритуальном убийстве дошло до повестки дня Государственной думы²⁵.

Не теряя времени, Шолом-Алейхем обратился к Амфитеатрову, требуя от русских литераторов поднять голоса против ложного обвинения: «Знаете ли Вы о “красивом” запросе в третьей думе, в котором обвиняют нас, евреев, давших миру Библию, ни мало ни много в том, что мы употребляем человеческую кровь на пасху? Как Вы себя чувствуете как христианин и как россиянин в такой момент?»²⁶.

Русский писатель ответил: «Содержание Вашего письма я передал Максиму Горькому, а также отписал всем известнейшим русским литераторам с предложением организовать общий протест в желательной форме, чтобы он мог распространиться в широких массах»²⁷.

В конце мая 1911 г. Амфитеатров опубликовал в газетах «призыв к русским писателям и ученым выступить с гласным протестом против кровавого навета». В этом призыве он прежде всего обращает внимание на то, что «помимо цели указать фальшь лжецов и наветчиков, литераторы должны иметь в виду покончить с самим наветом, чтобы им не могли больше пользоваться»²⁸.

Амфитеатров считает, что причиной многовекового существования кровавого навета служит не столько вера в него наветчиков, сколько практическая выгода. Для того чтобы невежественные массы не поддавались агитации клеветников, широкие массы должны иметь правильные и объективные сведения об этом деле, основанные на науке. С этим учетом автор призыва предлагает «план выпуска брошюр, исторических описаний на эту тему».

В середине апреля 1912 г. Горький также призывал к распространению достоверных сведений о евреях как к способу борьбы с суевериями народных масс. Когда во Франции в связи с делом Бейлиса была организована манифестация против российского антисемитизма, Горький лично не принял участие в ней, однако в письме, посланном француз-

Юми Накагава

ской газете, которая напечатала объявление о манифестации, он писал: «Мне кажется, что можно разоблачать клевету не протестами, а ознакомлением людей с историей еврейского народа и его умом»²⁹. Русский литератор полагал, что культурная работа более эффективно воздействует на народные массы, чем митинги протеста. При этом Горький, как и Амфитеатров, верил в силу науки для полной победы над предрассудками антисемитизма: «Как и повсюду, у всех народов, только наука поможет изменить тяжелую жизнь. Отвечая скорее клеветникам, чем на саму клевету, я говорю однако: “Да здравствует наука!”, “Да здравствует разум!”».

Через полгода после публикации призыва Амфитеатрова к русским писателям и ученым в газете «Речь» 30 ноября 1911 г. было опубликовано коллективное воззвание «К русскому обществу», подписанное десятками представителей русской интеллигенции. Среди них – К.К. Арсеньев, В.Г. Короленко, М. Горький, Леонид Андреев и др. Примечательно, что среди подписавших воззвание мы встречаем Д. Мережковского, З. Гиппиус, Д. Filosofova, впоследствии «сыгравших главную роль в исключении В. Розанова из Религиозно-философского общества»³⁰. Позднее воззвание «К русскому обществу» с добавлением еще многих подписей было перепечатано в журнале «Русское богатство» (декабрь 1911 г.) в виде I главы статьи Короленко «К вопросу о ритуальных убийствах»³¹.

Это воззвание было создано на основе обращения Короленко к литераторам Петербурга³². Авторы возвания подходят к вопросу кровавого навета с точки зрения исторических фактов. Прежде всего, освещаются первые века после рождения Христа, когда языческие жрецы обвиняли христиан в том, что именно «они причащаются кровью и телом нарочно убиваемого языческого младенца». К тому же отмечается, что «католическое большинство кидало такое же обвинение в лютеран, большинство лютеран клеймило им католиков». Исторически повторялись случаи, когда следствие по делу об убийстве заходило в тупик, а предрассудок об употреблении евреями христианской крови в ритуальных целях вновь оживал и приводил к новым судебным ошибкам и погромам. В разные времена в борьбе с этим предубеждением и светские, и духовные правители издавали указы «запрещать властям придавать расследованию убийств вероисповедное значение». В России, например, такой указ издал Александр I (6 марта 1817 г.). Однако указы не действовали. А теперь «с трибуны Государственной Думы распускают старую ложь, угрожающую насилием и погромами».

В воззвании нынешние обстоятельства не раз связываются с обстановкой первых веков христианства: «В этой лжи (распускаемой в Государственной Думе. – Ю. Н.) звучит злоба, которая некогда кидала темную толпу на первых последователей христианского учения». В этот момент образ обвиняемых евреев начала XX в. сближается с образом преследуемых христиан первых веков христианской эры. Авторы возвания решительно присоединяют свои голоса к обращению христианского мученика Иустина к римскому сенату: «Стыдитесь, стыдитесь

приписывать такое преступление людям, которые к тому непричастны. Перестаньте, образумьтесь!». Слова, призывающие «к любви и разуму», более эффективно, как казалось тогда, могли воздействовать на русское общество при сближении образов христианина и еврея, на которых возлагали одну и ту же вину. С другой стороны, подобную терминологию применял в это же время и исследователь русского сектанства В.Д. Бонч-Бруевич, назвавший свою книгу о подобных обвинениях русских сектантов «Кровавый навет на христиан». Ему же принадлежит цикл статей в защиту Бейлиса, дважды выходявший отдельными книгами.

А вот как в романе «Кровавая шутка» Шолом-Алейхем показывает варварство обвинения своего народа в ритуальном убийстве: «Стыд... позор! Как он (главный герой романа, русский Попов. – Ю. Н.), культурный человек, двадцатого века, хоть одну минуту, хоть одну секунду мог верить в такие дикости?! Какая же разница между ним и теми язычниками, которые много сотен лет тому назад верили, что христиане употребляют при совершении таинств кровь иноверческих детей» (177)³³.

Шолом-Алейхем в борьбе с кровавым наветом

Шолом-Алейхем в письме Амфитеатрову от 23.05.1911 выворачивает эту ситуацию еще раз: «...если бы евреи обвиняли христиан в таких ритуальных убийствах, как обвиняют нас, я сгорел бы от позора»³⁴. Это письмо, содержащее публицистические суждения Шолом-Алейхема о новоявленном кровавом навете, было написано накануне публикации вышеприведенного призыва Амфитеатрова. Еврейский писатель рекомендует последнему как личное мнение, что будущий его протест должен «высказать и прояснить, что все дело кровавого навета имеет лишь одну цель: <...> один всероссийский погром на евреев!»³⁵.

Шолом-Алейхем продолжает: «Если бы мы сказали, что есть вообще на свете ритуальные убийства, то не среди тех, на кого делают погромы. Как же иначе назвать славные деяния кишиневских и других погромщиков, если не ритуальные убийства? Бросать детей с верхних этажей вроде праздника, вспарывать животы беременных женщин и кричать при этом “Ура!” – это ли не ритуал? А великолепные речи Маркова с компанией в думе, что мы не будем распарывать ваши еврейские перины, но животы ваших жен, – это ли не ритуал?»³⁶.

«Великолепные речи Маркова с компанией в думе» произносились 29 апреля 1911 г. по поводу внесенного правыми депутатами запроса о ритуальных убийствах. По сообщениям газеты «Речь» (№ 98, 30 апреля 1911 г.), «запрос обращен к министрам внутренних дел и юстиции. Авторы запроса спрашивают их: 1) известно ли им, что в России существует преступная секта иудеев, употребляющая для некоторых религиозных обрядов своих христианскую кровь, каковая секта замучила в марте 1911 г. в Киеве мальчика Ющинского, как сообщили газеты, и 2) если известно, то какие меры принимаются для полного прекраще-

Юми Накагава

ния существования этой секты и деятельности ее сочленов, а также для обнаружения тех из них, кои участвовали в истязании и убийстве малолетнего Ющинского».

В газете публикуются речи депутатов, в том числе речь Маркова 2-го, затронутая Шолом-Алейхемом в цитированном письме. Марков говорил: «Русский народ, который до сего времени удерживал от погромов союз русского народа (*Взрыв смеха на скамьях оппозиции*), не сдержит своего негодования перед сокрытием Государственной Думой всей правды и устроит погром, во время которого станет уже не пух из перин выпускать, а вырежет всех жидов поголовно (*Бурные протесты на скамьях оппозиции и крики «Негодяй!», «Провокатор!», «Есть ли на нем крест!»*). Берегитесь переполнить котел паром народного возмущения, – заканчивает Марков 2-й (*Аплодисменты справа, шиканье слева*)».

После переписки с Амфитеатровым, Шолом-Алейхем начинает публиковать роман «Кровавая шутка» в варшавской газете «Хайнт» (с января 1912 г.).

Роман, написанный по мотивам дела Бейлиса, не был, однако, в буквальном смысле документальным. Более того, его идишская публикация была закончена еще до начала процесса по этому делу. Тем интереснее то, как Шолом-Алейхем использует в романе публицистический опыт либеральной русской журналистики.

В завязке «Кровавой шутки» Шолом-Алейхем использует традиционный литературный прием «обмен положениями». Однако в данном случае историческая реальность 1911–1914 гг. и литературная традиция сошлись в одной точке.

Главные герои – два товарища, русский Григорий Попов и еврей Гершко Рабинович, только что окончившие гимназию. Еврей Гершко грустно предполагает, что его не примут в университет из-за процентной нормы. Гриша не может поверить в это, ведь у его друга-еврея есть золотая медаль. Раньше гимназическая медаль была гарантией поступления еврея в университет, но к началу времени действия романа русское законодательство о евреях существенно ужесточилось. И действительно, университет отказался от приема документов Рабиновича, «так как до его номера очередь не дошла: прием евреев согласно процентной норме закончился» (43). Русский Гриша не мог этого понять. Он же думал, что «евреи терпят от нас (от русского народа. – Ю. Н.) не так много, как они уверяют» (9). Для того чтобы проверить это, Попов захотел «на годик превратиться в еврея, в настоящего <...> израильянина, и почувствовать, <...> что значит быть евреем» (7).

Итак, друзья договариваются обменяться аттестатами, именами и паспортами на один год.

Шолом-Алейхем превращает литературный прием «обмена положениями» в стратегию борьбы с антисемитизмом. Другими словами, автор, в полном соответствии с принципами русской либеральной прессы, ставит христиан в положение обвиняемых.

В «чужой шкуре» русский Григорий Попов своими глазами наблюдает евреев изнутри, оказавшись, под именем Гершко Рабиновича,

«еврейским» квартирантом у простой еврейской семьи Давида Шапиро, живущей вне черты оседлости в губернском университетском городе. Для таких евреев большой проблемой было так называемое «право жительства»: «Если они (жители города. – Ю. Н.) пустят к себе еврея без “права-жительства”, с них возьмут большой штраф, их самих лишат “права-жительства” и выелят из города в двадцать четыре часа» (21). Ночная полицейская облава на евреев проводится систематически, но никто не жалуется на унижение.

А когда в прессе появляются новости об антисемитских инцидентах, в частности сведения об обвинении евреев в ритуальном убийстве, Гриша Попов замечает, что евреи бездействуют. Хозяин же квартиры – Шапиро – объясняет это ничтожностью газет известного направления: «“Новое время” – это всего-навсего гешефт, лавочка, торгующая евреями! Ныне мода на евреев – так они себе торгуют евреями. Завтра в моде будут поляки – возьмутся за поляков. Евреи, поляки, цыгане – им всё едино, все это только предметы торговли! Нынче вот мы – сезонный товар»³⁷.

Как показали современные исследователи, киевские евреи, действительно, поначалу несерьезно относились к кровавому навету, возникшему в Пасху 1911 г.: «...слухи о ритуальном характере убийства нашли <...> свое место на страницах знаменитого органа русской реакции “Новое время”, не говоря уже о таких черносотенных газетах, как “Земщина”, “Русское знамя” и т. д. Между тем еврейское население Киева <...> практически не чувствовало опасности из-за этих слухов <...>. Кстати, это тоже важный признак Нового времени, когда еврейское население было уверено, что власти цивилизованной страны не смогут допустить ритуального обвинения в суде»³⁸. В этом отношении надо отметить, что Шолом-Алейхем, бывший вне России, мгновенно отреагировал на навет, обратившись к Амфитеатрову сразу после возникновения дела.

Герой романа Гриша не может понять, почему евреи не протестуют против несправедливости. На его вопрос Бетти, дочь Шапиро, дает такой ответ, напоминающий позицию Шолом-Алейхема: «Протестовать должны не мы, а честные благородные люди из христиан... Потому что для них это, если хотите, больший позор, чем для нас... Вы говорите, протестовать! Но ведь всему есть предел. На каждое чиханье не наздравствуешься!... Сегодня нас обвиняют в том, что мы употребляем христианскую кровь для пасхальной мацы. Завтра выдумают, что мы глотаем живьем христианских детей натошак... Так что же, – мы должны протестовать против всякой глупости? Мы должны отрицать, – нет, мы не глотаем христианских младенцев?! <...> О, не протесты нам надо писать, мне кажется, наоборот, выступить с контробвинениями...» (275–276).

Роман «Кровавая шутка» – при публикации в газете «Хайнт» в 1912–1913 гг. – вызвал неудовольствие цензуры: № 108 газеты за 1912 г. был конфискован из-за 48-й главы романа «Кровавая шутка». В эту главу как раз и включено приведенное высказывание Бетти о контробвинениях евреями своих врагов. Конфискация газеты означала, что цензурные ведомости усмотрели в тексте романа опасные для властей политические аналогии³⁹.

Цель романа «Кровавая шутка» – опровержение кровавого навета. Об этом Шолом-Алейхем пишет к В.Г. Короленко 10.11.1912, предлагая русский перевод романа журналу «Русское богатство»: «Смею думать, если когда-либо появится книга, убедительно опровергающая этот нелепый остаток средневековья, который так пришелся по вкусу нашим доморожденным “патриотам”, то это будет моя книга...»⁴⁰. Роман «Кровавая шутка», создававшийся по горячим следам текущего общественного кризиса, оказался сугубо публицистическим, поэтому понять и оценить его можно, лишь зная о конкретных обстоятельствах истории русской и русско-еврейской публицистики начала 1910-х гг., повлиявших на конструкцию, сюжет и поэтику художественного произведения еврейского писателя. Вне этого контекста трудно понять как замысел Шолом-Алейхема, так и причины непонимания современниками и забвения потомками «Кровавой шутки».

Примечания

- 1 *Шолом-Алейхем*. Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 6. М., 1990. С. 349. Письмо без даты. Дата указана в статье: *Бейдер Х.* К истории романа Шолом-Алейхема «Кровавая шутка» // Шолом-Алейхем. *Кровавая шутка*. М., 1991. С. 203.
- 2 В ежемесячном журнале «Восход» были опубликованы следующие произведения Шолом-Алейхема: «Сказки гетто» (кн. 11; кн. 12, 1898); «Мошка-конокрад» (кн. 6; кн. 8; кн. 9, 1903); «По этапу» (кн. 7, 1903); «Годель» (кн. 3, 1906), а в еженедельной газете «Восход» – фельетоны «Соперники» (№ 9, 1903); «Переправа через Буг» (№ 13–14, 1903); «Зелен на Швуос» (№ 20, 1903); «Призыв» (№ 32–33, 1903); «Пасхальный вечер» (№ 11, 1904).
- 3 *Шолом-Алейхем*. Предисловие автора к русскому изданию // Шолом-Алейхем. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. 1: Дети «черты». М.: Современные проблемы, 1910. С. 6.
- 4 Цит. по: *Waife-Goldberg M.* My Father, Sholom Aleichem. N.Y., 1971. P. 254.
- 5 *Шолом-Алейхем*. Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 6. М., 1990. С. 346.
- 6 *Горький М.* Из литературного наследия: Горький и еврейский вопрос. Иерусалим, 1986. С. 129.
- 7 *Бажан М.* Слово приветия, слово мира и надежды // Шолом-Алейхем. Заколдованный портной. Повести и рассказы. М., 1984; *Беленький М.* Его прекрасное имя // Шолом-Алейхем. Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 1. М., 1988; *Шолом-Алейхем*. Избр. соч. М., 1937 и пр.
- 8 *Шолом-Алейхем*. Предисловие автора к русскому изданию. С. 5–6.
- 9 *Waife-Goldberg M.* Op. cit. P. 221.
- 10 См. письмо Шолом-Алейхема от 05.12.1910, адресованное прозаику и драматургу Якову Фалеру (1885–1951), жившему с 1906 г. в Америке: *Briv fun Shalom-Aleichem* (Письма Шолом-Алейхема), 1879–1916 / Ed. A. Lis. Tel-Aviv, 1995. P. 527.
- 11 Цит. по: *Waife-Goldberg M.* Op. cit. P. 255.
- 12 О идее создания журнала Амфитеатрова см. напр.: *Махонина С.Я.* История русской журналистики начала XX века. М., 2004. С. 168–170.

- 13 От редакции // Современник. 1911. № 1. С. 3–12. Статья написана от имени редакционно-издательского комитета за подписями: Александр Амфитеатров, В.Ф. Боцяновский, М.М. Коялович, П.И. Певин, В.А. Тихонов.
- 14 Там же. С. 6.
- 15 Статья напечатана на нумерованных начальных страницах журнала (кн. 10, 1912) с объявлением об именах намечающихся сотрудников в следующем – 1913 году.
- 16 От редакции // Современник. 1911. Кн. 1. С. 8.
- 17 От редакции // Современник. 1911. Кн. 7. С. IV.
- 18 Dos Sholom-Aleichems Vuch (Книга Шолом-Алейхема) / Ed. by I.D. Berkovich. N.Y., 1926. P. 76. Мы используем русский перевод: *Ременик Г.* Шолом-Алейхем. Критико-биографический очерк. М., 1963. С. 113–114.
- 19 *Дубнов С.М.* Размышления // Дубнов С.М. Книга жизни. М., 2004. С. 615.
- 20 Vgiv fun Shalom-Aleichem (Письма Шолом-Алейхема). P. 509; мы используем перевод: *Шолом-Алейхем.* Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 6. М., 1990. С. 298.
- 21 *Кацис Л.* «Дело Бейлиса» в контексте «серебряного века» // Вестник Еврейского университета в Москве. 1993. № 4. С. 135.
- 22 Там же. С. 125–126.
- 23 Там же. С. 122.
- 24 *Переферкович Н.* Розановские «тайны» // Новый восход. 1911. № 50.
- 25 Об истории дела Бейлиса см.: *Тагер А.* Царская Россия и дело Бейлиса. М., 1934; *Степанов С.* Черная сотня. М., 2005; *Резник Г.М.* Суд над М. Бейлисом и миф о ритуальном убийстве // Дело Менделя Бейлиса: Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве. СПб., 1999. С. 3–25.
- 26 Контакты обоих писателей в этой связи подробно излагаются в статье: *Бейдер Х.* Указ. соч. С. 191–205.
- 27 Цит. по: *Бейдер Х.* Указ. соч. С. 193–194. Автор статьи цитирует письмо из газеты «Хайнт» в переводе с идиш на русский язык.
- 28 Там же. С. 197.
- 29 Письмо Горького от 19.04.1912 к газете «Юманите» // Горький М. Из литературного наследия. С.138. Текст – перевод с французского языка.
- 30 *Кацис Л.* Кровавый навет и русская мысль: Историко-теологическое исследование дела Бейлиса. М.; Иерусалим, 2006. С. 285. В 11-й главе указанной книги подробно описывается исключение Розанова из Религиозно-философского общества.
- 31 *Короленко Вл.* К вопросу о ритуальных убийствах: I. К русскому обществу; II. По поводу воззвания к русскому обществу // Русское богатство. СПб., 1911. № 12. С. 165–187.
- 32 *Мондри Г.* Писатели-народники и евреи: (Г.И. Успенский и В.Г. Короленко). СПб., 2005. С. 134.
- 33 *Шолом-Алейхем.* Кровавая шутка: В 2 частях. Часть I / Авторизованный перевод с еврейского С. Равич // Шолом-Алейхем. Романы. Т. III. М.: Современные проблемы, 1914. Далее с указанием страниц в тексте после цитаты. Кроме того, есть современный перевод: Шолом-Алейхема. Кровавая шутка / Пер. с идиш под ред. Д. Карельского. М.: Лехаим, 2002.

Юми Накагава

- 34 Письмо Шолом-Алейхема от 23.05.1911 к Амфитеатрову: Briv fun Shalom-Aleichem (Письма Шолом-Алейхема). Р. 533. Мы используем русский перевод: Х. Бейдер. Указ. соч. С. 194–195. Бейдер цитирует письмо по: Dos Sholom-Aleichems Buch (Книга Шолом-Алейхема) в переводе с идиш на русский язык.
- 35 Там же. С. 195.
- 36 Там же. С. 194.
- 37 Эти строки, характеризовавшие газету «Новое время», отсутствуют в авторизованном переводе романа 1914 г. Мы цитируем их по современному переводу: *Шолом-Алейхем*. Кровавая шутка / Пер. с идиш под ред. Д. Карельского. М., 2002. С. 81. В авторизованном переводе (1914) «Кровавой шутки» вычеркнуты также все реальные названия других правых газет: «Знамя»; «Двуглавый орел».
- 38 *Кацис Л.* Кровавый навет и русская мысль. С. 72. Исследователь опирается на слова адвоката Бейлиса А. Марголина из: *Margolin A.D.* The Jews of Eastern Europe. N.Y., 1926; Протокол допроса А. Марголина 1 августа 1917 г. // Дело Менделя Бейлиса. С. 311. По словам Марголина, «очень серьезное впечатление произвел в Киеве запрос правых в Государственной думе <...> (в начале ноября 1911 г.)».
- 39 Об этом пишет Шолом-Алейхем в письме от 05.06.1912 Ш. Добину: Briv fun Shalom-Aleichem (Письма Шолом-Алейхема). Р. 549. В примечании к этому письму указано, что конфискация газеты производилась по статье 149, согласно которой цензор наказывал органы печати за «свободные высказывания».
- 40 *Шолом-Алейхем*. Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 6. М., 1990. С. 349.

Н.С. Егорова

РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ
НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ
«МОСКОВСКИЙ ЛИСТОК»

Статья посвящена анализу материалов, которые публиковались в газете «Московский листок» в 1917–1918 гг. и в которых освещались события Февральской и Октябрьской революции. Автор доказывает, что эти материалы должны рассматриваться как очень интересный и важный источник информации о двух великих революциях.

Ключевые слова: периодика, «Московский листок», бульварная пресса, Февральская революция, Октябрьская революция, цензура.

Газета «Московский листок», выходящая в Москве в 1881–1918 гг., была одним из самых популярных в России периодических изданий на рубеже XIX–XX вв. Поэтому представляют несомненный интерес те материалы, которые касались политической ситуации в стране, и прежде всего публикации о событиях революционных выступлений в феврале и октябре 1917 г.

«Московский листок» – ежедневное периодическое издание, относящееся к так называемой «малой» прессе. По существовавшей на рубеже веков классификации («большие», «малые», «дешевые») ¹ газета также называлась бульварной. Подобные издания характеризовались рассчитанным на широкого читателя содержанием (хроника происшествий, несчастные случаи, события местного масштаба, романы с продолжением, фельетоны, политика и светская хроника, новости из-за рубежа) и языком (простым, легким для восприятия). Издания такого рода были рассчитаны на массового читателя.

В 1917 г. в газете «Московский листок» публиковалось не много рекламы (которая в начале века в этом издании могла занимать целые полосы) – лишь несколько объявлений на первой и четвертой полосах. В основном газета пишет о политике, общественной жизни. Постоянными рубриками стали: «Отголоски дня», «Великая война», «Москва», «Петроград». Много статей посвящено ходу и результатам военных действий, влиянию войны на общество, а также деятельности властей. Важно отметить, что газета неоднократно выступала за прекращение войны и демократизацию армии.

Также постоянно давался обзор печати – в основном общественно-политической и партийной: газет «Утро России», «Речь» (орган партии кадетов), «Известия совета рабочих и солдатских депутатов» (большевистское издание), «Воля народа» (орган правого крыла эсеров), «Рабочая газета» (издание меньшевиков), «Русские ведомости», «Власть народа» и др. Из традиционных рубрик остались «Происшествия», «Театр, музыка», месяцеслов, церковные вести и, конечно, роман с продолжением. В этой рубрике также стали печататься произведения, «навешанные эпохой». В июле на страницах «Московского листка» печатался роман о времени царствования Николая II «Кровавый туман» – примечательно, что его героиня, молодая девушка Маруся, стала участником революционной борьбы.

«Московский листок» воодушевленно принял февральскую революцию, приветствовал уничтожение «гнилого и ненавистного самодержавия»²: «Грозным размахом сбросил с себя народ прогнившие самодержавные цепи...»³; горячо поддерживал Учредительное собрание (регулярно публиковались объявления и призывы участвовать в подписке на «Землю Свободы» – для Учредительного собрания и для военных действий). В «Московском листке» появилась рубрика «Рабочая жизнь» (заметки под названием «Рабочий театр», «На фабрике», «Конференция фабрично-заводских рабочих» и т. п.). Газета объективно давала информацию обо всех партиях, их съездах и программах, публиковала их воззвания и обращения (на четвертой полосе регулярно давалась реклама партии социалистов-революционеров «Земля и воля»). Но к партии большевиков в редакции относились с настороженностью: «С точки зрения большевиков, все остальные группы контрреволюционны»⁴.

После октябрьского переворота полосы газеты заполнились тревожными репортажами и заметками о действиях большевиков. В № 242 от 7 ноября на второй полосе был помещен материал под «говорящим» заголовком «Вооруженный мятеж. Выступления большевиков». С № 243 по № 245 (8–10 ноября) также на второй полосе под огромным заголовком «Захват власти большевиками» печаталась подробная информация о происходящих событиях. А уже на следующий день, 12 ноября 1917 г., в № 246 под шапкой «Протесты против захвата власти большевиками» были опубликованы: резолюция собрания работников общественных и правительственных учреждений; резолюция собрания служащих Всероссийского союза городов; декларация объединенного комитета служащих государственных учреждений; резолюция митинга рабочих.

В резолюции рабочих, например, говорилось следующее: «Признавая, что цели и средства завоевания власти большевиками и проявление этой власти не только напоминают худшие времена царизма, но во многом и превосходят их в жестокости (напр. угроза лишить хлеба забастовщиков), и наносят непоправимый вред социализму, собрание пресненского района партии с.-р. постановило не считать большевиков социалистами и потому отмежеваться от них»⁵.

В № 250 от 17 ноября 1917 г. на первой полосе была опубликована первая часть очерка о личности и философии Ленина «Ульянов – Иль-

Революции 1917 года в России на страницах газеты «Московский листок»

ин – Ленин». И в этом же номере можно было прочитать: «Шаги большевиков на “пути к миру” сулят нам всю тяжесть экономического рабства, разрушение нашей бедной промышленной культуры и, почти наверное, продолжение старой войны и начало ряда новых – словом, страдания, страдания и страдания». В № 256 от 25 ноября 1917 г. «Московский листок» писал: «Правительство Народных комиссаров, утвердившись с помощью штыков, отходит всё далее и далее от основ действительной гражданской и политической свободы».

На страницах газеты постоянно печатались мнения граждан о политике большевиков (например, о повышении цен на топливо, об условиях мирного договора с Германией и Австро-Венгрией и т. д.).

В № 256 от 25 ноября 1917 г. на первой полосе с крупным заголовком вышла большая статья под названием «Тягчайшее преступление». Статья Б. Пайнова, автора многих политических статей «Московского листка» того периода, явилась откликом на закрытие в Петрограде газет.

«Нет более тяжкого преступления, как посягательство на свободу слова, посягательство на словесное проявление творческой человеческой мысли, единственного двигателя мировой культуры и прогресса. <...> Для печатного слова настали времена ХУДШИЕ, ЧЕМ ПРИ САМОДЕРЖАВИИ. <...> Тот позор, который творится сейчас в Петрограде, – никогда не забудется и ляжет несмываемым пятном и на солдат, и на рабочих...»

В Петрограде закрыты все газеты.

Закрыты даже газеты центральных органов печати социал-демократов меньшевиков и социалистов-революционеров. <...> И затоптали ее (свободу слова. – *Н. Е.*) в грязь те, кто так много говорит о свободе, кто даже залил страну кровью во имя этой свободы... Пролетариат, в самом себе носящий зачатки свободы и освобождения, кучкой узурпаторов наряженный в позорную мантию палачей, и покорно ее носит, и душит, и давит исстрадавшееся и измучившееся во имя освобождения этого же пролетариата свободное слово».

Статья заканчивается большим объявлением-призывом: «Граждане! Протестуйте против гонений на печать. Протестуйте против нарушений свободы слова».

12 ноября 1917 г., когда выборы в Учредительное собрание, считавшееся последним оплотом порядка в стране, были отложены, в № 246 «Московского листка» во всю четвертую полосу было помещено воззвание: «Выборы в учредительное собрание отложены. Граждане! Только полномочный хозяин Земли Русской – Учредительное собрание сможет спасти русский народ. Когда будут выборы, все идите к избирательным урнам. Голосуйте за партии, стоящие на точке зрения государственного порядка». В последующих номерах следовали многочисленные заметки о выборах и борьбе вокруг Учредительного собрания.

В 1918 г. газета успела выпустить только 10 номеров – выпуски выходили очень нерегулярно. А на первой полосе уже стало значиться: «Открыта подписка на 1918 г. на большую политическую внепартийную газету “Московский листок”».

Н.С. Егорова

В первом номере 1918 г. на первой полосе газета писала: «После вынужденного перерыва (предыдущий номер «Московского листка» вышел 19 декабря 1917 г., этот – 3 января. – *Н. Е.*), наша газета снова увидела свет. За эти дни события развивались в том же направлении, что и все последнее время. Попросту говоря, положение в стране все время ухудшалось. И теперь в первые дни нового года, слово печати должно так же громко и решительно, как и раньше, звучать для обличения тех, кто ведет нашу родину в бездну, и для призыва граждан к поведению на спасение родины.

Единственный маяк, который светит нам в тумане и тьме нашей политической ночи, – это Учредительное собрание. Ему одному принадлежит и право распоряжаться судьбами России»⁶.

Но, судя по следующему, второму номеру «Московского листка», вышедшему 11 января 1918 г., когда состоялся разгон Учредительного собрания, редакция потеряла и эту надежду: «Свершилось... Революция наша вступила в новый и – страшно сказать – ужасный фазис. Для тех, кто не стоит на точке зрения большевиков, кто видит ясно всё будущее и всю призрачность попытки сделать Россию социалистической, для тех ясно, что гибель революции и ее завоеваний – следствие разгона Учредительного собрания. Только одно оно еще могло вернуть Россию на путь планомерного развития. Только одно оно могло закрепить хотя отчасти завоевания революции.

И вот эта последняя надежда уничтожена. Примирение не состоялось, демократия расколота окончательно, и судьба страны – быть окончательно ввергнутой в пучину анархии и гражданской войны. Теперь надо надеяться только на то, что велик Бог земли русской. Остановить же ход истории никто не властен»⁷.

В последующих номерах «Московский листок» пишет о гонениях на печать, о мире, подписанном большевиками, называя его «антинародным»⁸.

Последние попытки призвать к примирению перед лицом войны «Московский листок» сделал на страницах своего предпоследнего номера. В заметке, где сообщалось, что германские войска заняли громадную территорию России, было помещено следующее воззвание: «Граждане! Пусть каждый из вас вдумается хоть немного в тот ужас, который нам грозит в случае порабощения нас немцами, и вы тогда, как один человек, встанете на защиту поруганной родины.

Бросьте междоусобную войну!

В такие великие моменты все должны сплотиться и грудью отстаивать отечество от ликоющего врага.

Буржуазия и пролетариат, протяните в этот грозный час руки, и родина будет спасена!»⁹.

Однако призыв не был услышан... Газета была закрыта, и последний номер «Московского листка» вышел 3 марта 1918 г. А всего с октября 1917 до августа 1918 г. в России было закрыто свыше 460 газет: 226 буржуазных, 235 эсеровских и меньшевистских.

Революции 1917 года в России на страницах газеты «Московский листок»

В немногих библиографических указателях периодической печати, изданных в советское время, есть упоминания о «Московском листке». Видимо, потому, что, как писалось в одном справочнике по периодической печати в России дооктябрьского периода, «описание всей периодики не вызывается необходимостью, поскольку многие издания не играли сколько-нибудь значительной роли в общественно-политической жизни своего времени»¹⁰. Издание, из которого взята эта цитата, представляло собой справочное пособие по русской периодической печати 1895–1917 годов; следует ли сказать, что в нем «Московский листок» не упомянут вообще. В тех немногочисленных случаях, когда в советских работах о дореволюционной печати «Московский листок» упоминался, газета иначе как реакционной не называлась. Например: «“Московский листок”, основанный в период жестокой политической реакции, свидетельствовал о стремлении буржуазной прессы отвлечь читателя от злободневных вопросов общественно-политической жизни»¹¹. Там же говорилось, что газета клеветала на революционных рабочих, после буржуазно-демократической революции поддерживала Керенского и Временное правительство, Великую Октябрьскую революцию вовсе встретила враждебно и в связи с непрекращающейся «контрреволюционной деятельностью» была закрыта.

Примечания

- 1 См.: *Кривенко С.М.* Газетное дело и газетные люди // Русская мысль. 1905. № 10. С. 1(197). См. подробнее: *Егорова Н.С.* «Московский листок» – бульварное издание конца XIX в. // Вестник РГГУ. 2007. № 9. Серия «Журналистика. Литературная критика». С. 79–98.
- 2 Московский листок. № 225. 5 октября 1917.
- 3 Московский листок. № 256. 25 ноября 1917.
- 4 Московский листок. № 162. 19 июля 1917.
- 5 Московский листок. № 246. 12 ноября 1917.
- 6 Московский листок. № 1. 3 января 1918.
- 7 Московский листок. № 2. 11 января 1918.
- 8 Московский листок. № 6. 16 января 1918.
- 9 Московский листок. № 9. 2 марта (17 февраля) 1918.
- 10 Русская периодическая печать (1895 – октябрь 1917): Справочник. М., 1957. С. 4.
- 11 Русская периодическая печать (1702–1894 гг.): Справочник. М., 1959. С. 386.

М.Л. Спивак

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛКОНОСТ»:
К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ
СИМВОЛИСТСКОГО КНИГОИЗДАНИЯ

В статье показано, что последнее частное символистское издательство «Алконост» (1918–1923), основанное С.М. Алянским, вступило на российский книжный рынок как наследник традиций символистского издательства «Сирин» (1912–1915), основанного М.И. Терещенко. Сопоставляются издательские программы «Сирина» и «Алконоста», круг авторов, семантика названий.

Ключевые слова: частные издательства, издательство «Алконост», издательство «Сирин», С.М. Алянский, А.А. Блок, Андрей Белый, символизм, мемуары, русский лубок.

В мемуарах С.М. Алянского, основателя и владельца последнего символистского издательства «Алконост», кратко рассказано об истории возникновения этого весьма удачного предприятия, выпустившего за пять лет своего существования (1918–1923) 58 книг и в том числе 6 номеров знаменитого альманаха «Записки мечтателей» (1919–1923). Эти мемуары и являются до сих пор основным источником при изучении деятельности «Алконоста»¹. Однако о целом ряде вопросов Алянский-мемуарист сознательно умолчал: ведь его книга «Встречи с Александром Блоком» выходила в советское время (первое издание – 1969 г., второе – 1972 г.)², да к тому же в издательстве «Детская литература», ориентированном не на специалистов-филологов, а на школьников. Как кажется, среди вопросов, которые Алянский обошел в воспоминаниях, и вопрос о традиции символистского книгоиздания.

Нам представляется, что основным ориентиром для начинающего предпринимателя Алянского было петербургское издательство «Сирин», прекратившее свое существование в 1915 г.

Основанное в 1912 г. крупным промышленником и чиновником особых поручений при директоре императорских театров М.И. Терещенко и двумя его сестрами (Пелагеей и Елизаветой), издательство «Сирин» также сделало ставку на символистов и громко заявило о себе показательной «объединительной» акцией, собрав в альманахах «Сирин» (1913–1914) произведения крупнейших представителей этого литературного направления: Андрея Белого (роман «Петербург»),

Александра Блока (драма «Роза и Крест»), а также А.М. Ремизова, Федора Сологуба, Вячеслава Иванова, Валерия Брюсова, Зинаиды Гиппиус. Кроме того, «Сирин» мощно вышел на издательский рынок программой выпуска многотомных «репрезентативных» собраний сочинений, дарующих авторам как материальное благополучие (гонорары были щедры), так и статус классиков. Планировались двадцатитомное собрание сочинений Ф. Сологуба, двадцатипяти томное – В.Я. Брюсова, обсуждался вопрос о тридцатитомнике Андрея Белого, а также о его собрании стихотворений³. «Терещенко собирался, разумеется, издать и собрание сочинений Блока, но тут вышла неудача: издательство “Сирин” прекратило свою деятельность по случаю войны, и сочинения Блока остались под спудом»⁴.

К огромному огорчению сгруппировавшихся вокруг «Сирина» литераторов, в 1915 г. Терещенко вынужден был издательство закрыть, предпочтя вложить деньги в военную промышленность, организацию сети госпиталей и прочие мероприятия, более актуальные во время Мировой войны, нежели пропаганда русского символизма. Собрания сочинений Брюсова и Сологуба оказались незавершенными, «Собрание стихотворений» Блока было «начато набором и приостановлено (сохранились корректурные листы), “Собрание стихотворений” Андрея Белого осталось в виде издательского макета»⁵.

Следует отметить, что Блок и Терещенко испытывали друг к другу чувства взаимной симпатии и уважения. В основе их дружбы лежала вера поэта в успех издательского предприятия, начатого Терещенко. И не просто вера: Блок стоял у самых истоков деятельности «Сирина»⁶ и принимал в его работе активнейшее участие (например, всемерно содействовал публикации романа «Петербург» и установлению личных отношений Терещенко с Андреем Белым). «Издательство помещалось на Пушкинской. Каждую субботу в редакции собирались ближайшие сотрудники альманахов, выходящих по мере накопления материала. Ал. Ал. не пропускал почти ни одного собрания. <...> Отношения с Терещенко становились все задушевнее. Ал. Ал. познакомился с матерью и сестрами Мих. Ив. еще прошлую зиму и теперь продолжал бывать в его доме на Английской набережной. <...> При выборе того, что печаталось как в альманахе, так и в отдельных изданиях, он руководствовался советами Ал. Ал.», – вспоминала М.А. Бекетова⁷.

Нетрудно заметить, что издательская программа Алянского, состоявшая, прежде всего, в стремлении объединить писателей символистского лагеря, напрямую наследовала программе Терещенко. Аналогом альманахов «Сирин» стали у Алянского альманахи «Записки мечтателей». В значительной степени пересекался и круг авторов обоих издательств. И похожей была роль Блока при Терещенко и при Алянском: роль авторитетного советчика, духовного наставника и старшего товарища. Даже организационная деятельность Блока в «Сирине» и в «Алконосте» строилась по сходной схеме: первым делом Блок сводил издателей с плодовитым и легко втягивающимся в издательские проекты Андреем Белым.

Впрочем, очевидны и серьезные отличия. Например, то, что Терещенко был богат, а Алянский беден, но для голодающих писателей благом были и те гонорары, на которые они могли рассчитывать у Алянского. Или – то, что Алянский, в отличие от Терещенко, не объявлял громкогласно о планах по изданию масштабных собраний сочинений символистов. Последнее, конечно, очень существенно, но, на наш взгляд, объясняется условиями послереволюционной России: нестабильность, дефицит бумаги, цензура и проч. Однако не объявлял – не значит, что не задумывал, не планировал. Ведь на деле он выпустил шесть книг Андрея Белого, более двадцати книг Блока... Фактически это и были собрания их сочинений, правда, без серийного оформления и без сквозной нумерации.

Конечно, ориентацию Алянского на Блока и на Белого можно списать на его вкусовые пристрастия. Но дело, как кажется, только этим не исчерпывается. Не может не обратить на себя внимания тот факт, что «Алконост» начал массированно издавать именно тех двух авторов, собрания сочинений (или стихотворений) которых собирался, но не успел выпустить закрывшийся «Сирин» – т. е. Белого и Блока.

Вряд ли это могло быть чистой случайностью. О том, что Алянский изначально мыслил многотомными собраниями сочинений, косвенно свидетельствует описанный им в воспоминаниях первый разговор с Белым. Издатель (как и в случае с блоковским «Соловьиным садом») попросил дать для выпуска отдельной книгой недавнюю газетную публикацию поэмы «Христос воскрес», но этой программой-минимум не ограничился. Выслушав рассказ писателя о жизни в Дорнахе, Алянский сразу же предложил ему долгосрочный проект: «... когда вы напишете об этом книгу, ее нужно издать в “Алконосте”, и обо всех кризисах нужно написать книгу или ряд книг для “Алконоста”»⁸. С Вяч. Ивановым Алянский тоже сразу договорился об издании двух книг: «Песен смутного времени» и поэмы «Младенчество»⁹, а потом выпустил еще и трагедию «Прометей».

Что же касается издания собрания сочинений Блока, то этой мечты Алянский не скрывал, к ней стремился и в конце концов смог ее осуществить, хоть и не в самом полном, не в самом идеальном варианте. За право закончить незавершенное издательством «Земля»¹⁰ трехтомное собрание стихотворений Блока¹¹ он начал отчаянно биться с Госиздатом еще в 1918 г. и победил, выпустив в 1921 г. заветный третий том¹². А после кончины поэта он напечатал семь томов уже настоящего, уже им подготовленного блоковского собрания сочинений¹³. И, что символично, это были последние книги «Алконоста»...

Думается, что именно ориентацией на издательство «Сирин» обусловлен и выбор Алянским названия для своего предприятия. «Алконост», как отмечено в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, «сказочная райская птица, с человеческим лицом, изображавшаяся на наших лубочных картинах». Но и птица Сирин в русской народной традиции – тоже райская птица-дева, чарующая людей райским пением. Она еще чаще, чем Алконост, становилась пер-

сонажем рисованного лубка. Появлялись Сириин и Алконост и на почтовых открытках, выходявших огромными по тем временам тиражами.

Здесь принципиально значимо то, что четко закрепленных иконографических различий между обеими лубочными райскими птицами девами не было. Правда, иногда специалистами отмечается различие в головных уборах Сирина и Алконоста, иногда указывается, что Алконост имеет руки, а Сириин не имеет... Но нередко встречаются изображения и с безруким Алконостом, и с рукастым Сирином, так что при отсутствии подписи на картинке определить, кто из райских птиц кто, весьма затруднительно. Вместе – как зеркально симметричные двойники – они весьма часто и изображались, что, кстати, отмечено в качестве общего места даже у Даля (в словарной статье о Сириине): «... есть лубочные картины, изображающие райских птиц сирина и алконоста (сирена?), с женскими лицами и грудью».

В русской народной традиции не было не только иконографического, но и функционального противопоставления птицы Сириин и птицы Алконост: «У некоторых исследователей, – пишет Е.И. Иткина, – а также в обыденном сознании сложилось довольно устойчивое представление, что в народном искусстве Сириин – птица радости, а Алконост – птица печали. Это противопоставление неверно, оно не опирается на реальную символику этих образов. Анализ литературных источников, где фигурируют птицедевы, а также многочисленных памятников народного искусства (росписи по дереву, изразцов, вышивок) свидетельствует, что нигде Алконост не трактуется как птица печали. Вероятно, это противопоставление имеет своим истоком картину В. М. Васнецова “Сириин и Алконост. Песня радости и печали” (1896), на которой художник изобразил двух птиц: одну – черную, другую – светлую, одну – радостную, другую – печальную. Более ранних образцов противопоставления символики Сирина и Алконоста нам не встречалось, и следовательно, можно считать, что оно пошло не от народного, а от профессионального искусства, которое в своем обращении к русской старине использовало образцы народного искусства, не всегда достаточно верно понимая их содержание»¹⁴.

Можно сказать, что Сириин и Алконост традиционно выступают как близнецы-братья или, точнее, как близнецы-сестры. На этом неразличении, видимо, и сыграл Алянский, сигнализируя названием нового издательства о продолжении им дела издательства «Сириин». Это, во-первых, отражало реальные намерения Алянского, а, во-вторых, было умно и дальновидно с точки зрения привлечения будущих авторов, в недавнем прошлом печатавшихся в «Сириине» или «Сириину» симпатизировавших.

В этом плане показательна реакция А.М. Ремизова, тесно сотрудничавшего и с «Сирином», и с «Алконостом». В 1912 г., по случаю организации издательства Терещенко, он завел специальную тетрадь (так называемую «сириновскую» тетрадь), в которой рассказал, как придумывалось название, как заключались договоры на собрания сочинений и проч. В качестве преамбулы к собственно дневниковым записям Ремизов в свойственной ему декоративной манере сделал выписки о Сириине из известных

М.Л. Спивак

источников, в том числе – из так называемого Русского Хронографа 1512 г. и из «Русских народных картинок» Д.А. Ровинского:

«Птица райская Сири́н, глас ея в пении зело силен; на востоце в раю пребывает, непрестанно пение красно воспеваает; праведным будущую радость возвещает, – которую Бог святым своим обещает.

Временем вылетает и на землю к нам, сладкопесниво поет, якоже и там всяк человек во плоти живя, не может слышати песни ея; аще и услышит – то себе забывает и, слушая пение, так умирает»¹⁵.

В 1919 году в рукописном альбоме, заведенном Алянским в связи с юбилеем «Алконоста», Ремизов выступил в аналогичном жанре – сделал записи, всесторонне поясняющие и обыгрывающие смысл названия издательства. И примечательно, что в одной из них он обратился к тем же источникам, что и в «сириновской тетради»:

«Птица райская алконост близь рая пребывает, некогда и на Эфрате реце бывает. Егда же в пении глас испущает, тогда и сама себя не ощущает. А кто во близости ея будет, тот все в мире сем забудет. Тогда ум от него отходит и душа его из тела исходит. Таковыми песнями святых утешает и будущую им радость возвещает...»¹⁶.

Получилось почти одно и то же: и Сири́н – райская птица, и Алконост – райская птица...

Думается, что, назвав издательство именем райской птицы Алконост, Алянский открыто декларировал преемственность по отношению к издательству Терещенко, объявлял в понятной для писателей и читателей символистского круга форме о своем намерении продолжить дело «Сирина». Подводя итог сказанному, можно, обыгрывая известные строки Маяковского, сформулировать изначальную мысль Алянского следующим образом: говорю Алконост – подразумеваю Сири́н.

Примечания

- 1 См.: Белов С.В. Мастер книги: Очерк жизни и деятельности С.М. Алянского. Л., 1979; Чернов И.А. А. Блок и книгоиздательство «Алконост» // Блоковский сборник. [П]. Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А.А. Блока, май 1962. Тарту, 1964. С. 530–538; Глейзер М.М. Издательство «Алконост». 1918–1923. Краткий историко-книговедческий очерк. Издательский библиографический каталог. Л., 1990 и др.
- 2 Алянский С.М. Встречи с Александром Блоком / Предисл. К. Федина. М., 1969; Алянский С.М. Встречи с Александром Блоком / Предисл. К. Федина. М., 1972.
- 3 Лавров А.В. Андрей Белый: Разыскания и этюды. М., 2007. С. 70–71.
- 4 Бекетова М.А. Александр Блок: Биографический очерк // Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке / Сост. В.П. Енишерлов, С.С. Лесневский, вст. статья С.С. Лесневского, послесл. А.В. Лаврова, прим. Н.А. Богомолова. М., 1990. С. 137.
- 5 Лавров А.В. Андрей Белый: Разыскания и этюды. С. 75.
- 6 Главным редактором издательства был Иванов-Разумник.

- ⁷ Бекетова М.А. Александр Блок: Биографический очерк. С. 125.
- ⁸ Алянский С.М. Встречи с Александром Блоком. М., 1969. С. 52.
- ⁹ Глейзер М.М. Издательство «Алконост». С. 14.
- ¹⁰ См. запись, сделанную З.Г. Минц со слов Алянского и предваряющую ее публикацию письма Блока к Луначарскому от 18 октября 1918 г.: «В 1918 году, после ареста <...> владельца книгоиздательства “Земля”, деятельность этого издательства прекратилась. В связи с этим приостановилось и предпринятое “Землей” издание Собрания сочинений А.А. Блока. Блок, считая себя связанным с этим издательством, примерно в течение полугода не предпринимал никаких попыток продолжить печатание своих книг. Однако в октябре 1918 года к Блоку обратился И. Ионов <...>, в то время возглавлявший Петроградский Госиздат. Ионов обнаружил в 1-ой Государственной типографии (ныне типография Печатный двор) набранный и сверстаный III том стихотворений А. Блока и попросил у поэта разрешение выпустить его под маркой Петроградского Госиздата. Однако Блок, связанный в эти годы обязательствами и дружбой с издательством “Алконост”, просил передать III том “Алконосту”. Ионов в разговоре с С.М. Алянским вначале категорически отказал. Тогда Блок и обратился с письмом к А.В. Луначарскому...» (Неизданные письма А.А. Блока / Публ. и комм. З.Г. Минц // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1962. Вып. 119: Тр. по рус. и слав. филологии. 5. С. 394–398). Как следует из мемуаров Алянского, Блок, прежде чем вручить поэму «Соловьиный сад», «подробно рассказал, в каком положении находится дело с новым изданием его сочинений» в издательстве «Земля», с которым он «связан договором», а потому, несмотря на задержки, «должен ждать» (Алянский С.М. Встречи с Александром Блоком. С. 39). Так что, возможно, вопрос об издании «Алконостом» собрания сочинений Блока затрагивался с самого начала.
- ¹¹ Блок Александр. Стихотворения. 1918-1921. Кн. 1 (1898–1904), Кн. 2 (1904–1907). Изд. 4-е. Пг.: «Земля», 1918.
- ¹² Блок Александр. Стихотворения. Кн. 3 (1907–1916). Изд. 3-е, доп., Пб.: «Алконост», 1921. Подробно об этом см.: Чернов И.А. А. Блок и книгоиздательство «Алконост». С. 534–536.
- ¹³ Блок Александр. Собрание сочинений: [В 7 т.]. Пб. [Берлин]: «Алконост», 1923.
- ¹⁴ Русский рисованный лубок конца XVIII – начала XX века: Из собрания Государственного Исторического музея / Сост. и автор текста Е.И. Иткина. М., 1992. С. 19.
- ¹⁵ «Сири» – дневниковая тетрадь А. Ремизова / Вст. статья, публ. и прим. А.В. Лаврова // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А.М. Грачева, А. д’Амелия. СПб.; Салерно, 2003. Europa Orientalis. 4. С. 233–234.
- ¹⁶ Альбом С.М. Алянского хранится в Государственном историко-литературном и природном музее-заповеднике А.А. Блока в Шахматово. Ср.: Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Кн. 1. СПб., 1881. С. 495–496.

М.П. Одесский

АБСУРДИЗМ ДАНИИЛА ХАРМСА И ОФИЦИАЛЬНАЯ ПРЕССА (1936 ГОД)

Автор анализирует рассказ Даниила Хармса «Случай» в контексте материалов «Правды» о повседневной жизни и о сталинских процессах. Хармс, почти буквально воспроизводя газетные штампы, создает образ абсурдной сверхреальности.

Ключевые слова: Даниил Хармс, «Правда», тоталитаризм, литература абсурда.

Авангардную прозу Даниила Хармса продуктивно рассматривали как выражение логико-языкового абсурда, мистико-философских исканий, жанровых особенностей «смеховой» поэтики и т. п. Однако, как представляется, столь же оправдан ее анализ в контексте официальной периодики, хотя Хармс не скрывал враждебности ни к советскому обществу, ни собственно к навязчивому газетному дискурсу. В письме актрисе Клавдии Пугачевой (от 16 октября 1933 г.) он декларировал: «...слова могут быть беспомощны и жалки! Я никогда не читаю газет. Это вымышленный, а не созданный мир. Это только жалкий, сбитый типографский шрифт на плохой, занозистой бумаге»¹.

Декларацию Хармса можно понимать буквально – в ряду заявлений разных писателей разных времен, которые дистанцировались от газетной пошлости. Но для советского гражданина эта декларация имеет скорее метафорический смысл. В условиях тоталитарного социума газеты – носитель официального послания всемогущей и всепроникающей власти, которое транслируется в центральной «Правде», вслед за ней – в других СМИ, которое обязательно повторяется в частных разговорах и т. д. Американский славист Джеффри Брукс, обозначая этот идеологический комплекс термином «публичная культура», включавшим «искусство, музыку, литературу, кино, драму, публичные чтения, радио и многое другое», выделял в качестве наиболее показательной формы именно прессу, «партийную газету “Правду”, которую коммунисты 1920-х годов уподобляли по влиянию и авторитету Библии, правительственную газету “Известия”»² и т. п. При таком толковании советской ситуации «не читать газет» – социологически невозможно. Как говорил Остап Бендер в «Великом комбинаторе» – первом варианте «Золотого тельца» (1929 г.): «Людей, которые не читают га-

зет, надо морально убивать на месте. Они никому не нужны»³. И разъяснил экипажу «Антилопы» свое политкорректное мнение: «Теперь я ясно вижу, что попал в общество некультурных людей. Начинаю думать, что никто из вас не получил высшего образования. Во всяком случае, газет вы не читаете. Между тем газеты читать нужно. Кроме общего развития, газеты часто подают гражданам идеи!»⁴.

Другими словами, в советском социуме не-чтение газет – не бытовой факт, но культурный манифест. Формула «не читаю газет» значит «читаю», однако «читаю критически», «читаю, но не принимаю ни в плане содержания, ни в плане выражения»⁵. Именно с этой точки зрения соблазнительно попытаться интерпретировать некоторые поздние авангардные опусы Хармса как критическое чтение газетного текста⁶.

Рассказ «Случаи» датирован автором 22 августа 1936 г. Заглавие вполне прозрачно и подразумевает описание ошеломительной череды «несчастных случаев»:

«Однажды Орлов объелся толченым горохом и умер. А Крылов, узнав об этом, тоже умер. А Спиридонов умер сам собой. А жена Спиридонова упала с буфета и тоже умерла. А дети Спиридонова утонули в пруду. А бабушка Спиридонова спилась и пошла по дорогам. А Михайлов перестал причесываться и заболел паршой. А Круглов нарисовал даму с кнутом и сошел с ума. А Перехрестов получил телеграфом чetyреста рублей и так заважничал, что его вытолкали со службы.

«Хорошие люди и не умеют поставить себя на твердую ногу»⁷.

При имманентном чтении рассказ производит впечатление, свойственное поздней прозе Хармса: сотворен мрачный абсурдный мир, населенный стремительно мелькающими марионетками, которые наделены двумя признаками – фамилией-ярлыком и способностью стать жертвой «несчастливого случая».

Однако, обратившись к газетам, нетрудно обнаружить хронологически близкий аналог хармсовского авангарда, притом совершенно официальный. В номере «Правды» от 15 августа 1936 г., на последней информационной полосе, в рубрике «Происшествия» помещена анонимная статья, озаглавленная «Жертвы неосторожности»:

«Москвичи плохо соблюдают правила дорожного движения. <...> В ночь на 13 августа на пл<ощади> Прямикова при попытке сесть на ходу в трамвай сорвалась, попала под вагон и была убита работница шарикоподшипникового завода О.Д. Зацепина. Прыгая в трамвай на Вальной ул<ице>, упала на мостовую, получив сотрясение мозга и ушибы тела, Е.С. Фомина. На Ленинградском шоссе, при попытке сесть на ходу в трамвай, отрезало ногу В.С. Белову, на Zubовском бульваре – И.В. Печникову. В этот день с ушибами головы, переломами и различными ранениями доставлены в больницы прыгавшие в трамвай С.И. Кобрин, И.С. Алексеев, А.А. Генералов, Н.И. Байков, Г.Т. Листкин, А.И. Гвоздев и Х. Ибрагимов».

Сходство – разительное: то же убыстренное чередование «несчастливых случаев», которые происходят с персонажами, презентированными

фамилией. Кажется, что Хармс, законспектировав газетное сообщение, придал ему авангардный характер при помощи жанрового переключения – снятия информационной рубрики и превращения в самодостаточный текст.

Для интерпретации «Случаев» принципиальна также дата, поставленная автором: с 19 по 23 августа 1936 г. в Москве проходил грандиозный судебный процесс над Г.Е. Зиновьевым, Л.Б. Каменевым и другими бывшими руководителями государства⁸. Процесс освещался в прессе и заранее ею готовился. В частности, первая полоса того же номера «Правды» от 15 августа, где обсуждались «жертвы неосторожности», содержала передовицу «Враги народа пойманы с поличным»:

«Количественно они ничтожны, – успокаивал читателей аноним, чтобы потом не давать спуска отщепенцам. – Это в полном смысле слова мразь. <...> Социальное обличье было потеряно давно. Утрачивалось и человеческое подобие. Осталась ненасытная остервенелая злоба фашистских гадов. Они охотно размазывали грязь на себе и на своих сообщниках, принимали на себя “моральную”, “политическую ответственность” за преступление. Но это была всё та же маскировка...».

Стратегия официальной периодики в дни суда заключалась в контрастном монтаже: позитивная жизнь большинства/отвратительные преступления злокозненного меньшинства. По словам Роберта Конквеста, «газеты вели зловонную обвинительную кампанию против подсудимых, в то же время публикуя материалы, так сказать, противоположного свойства – например, почти ежедневно давая фотографии знаменитых летчиков. <...> Таким путем симулировалась атмосфера молодости и прогресса, победа молодого сталинского поколения, а в то же время создавалось впечатление, что рассеивались темные силы, представленные на суде старыми большевиками»⁹. Дж. Брукс отмечает эту же установку медийного нарратива 1930-х гг. Реальное настоящее подменяется утопическим будущим: «Провалы между прошлым, настоящим и будущим испаряются в новом мистическом рассказе журналистов о советской жизни. Время становится путем сквозь настоящее, а не к настоящему, чем объясняется официальная одержимость мемориальными датами и “историческим”. Полеты, побивающие рекорды, были “историческими”; сталинская конституция была “историческим фактом”; советское вторжение в Польшу было “историческим решением” старой проблемы»¹⁰. В «вечной» перспективе зримы лишь достижения, недостатки же либо призрачны, либо сводимы к проискам врагов. Враги демонизируются: это не люди, имеющие определенные убеждения, но хтонические чудовища, нечисть, нарушающая «гигиеническую» стерильность социума.

Идиллический вариант оппозиции «сталинское большинство/вражье меньшинство» реализован в статье «Казачи-колхозники требуют расстрела убийц» («Правда», 21 августа): «Кубань поднялась. Кубань расцветает. <...> За один только год мы удвоили урожайность по всем колосовым культурам. <...> Полны колхозные амбары. Зерна столько, что ссыпать некуда. <...> Верите ли, птицы так много, что по улицам

проехать нельзя. <...> И как после этих побед мы можем отнестись к гнусным замыслам подлой шайки убийц...».

Вместе с тем именно на вторую половину августа 1936 г. приходится лихорадочный подъем творческой активности Хармса. Кроме «Случаев» в эти дни созданы такие хрестоматийные рассказы, как «Что теперь продают в магазинах» (19 августа), «Судьба жены профессора» (21 августа), «Сон» (22 августа) и т. д. Августовская проза – своего рода дневник, фиксация впечатлений автора о московском процессе и медийном дискурсе. При подобном подходе финальное предложение рассказа «Случаи» – «Хорошие люди и не умеют поставить себя на твердую ногу» – может толковаться как отклик на упомянутую пропагандистскую оппозицию «сталинское большинство/вражье меньшинство»: хармсовские персонажи фатально оступились и сошли с пути к всенародному счастью¹¹.

В конце 1930-х гг. автор включил рассказ «Случаи» в одноименный цикл. Дневниковая функция была теперь совершенно отменена тем, что Хармс, реализуя новый обобщающий замысел, отказался от расположения рассказов в хронологической последовательности. Соответственно, эстетическая функция стала доминирующей. Цикл «Случаи» оказался, по словам исследователя, «своеобразной попыткой воссоздания картины мира с помощью особой логики искусства»¹². Он имеет собственную структуру, подчиненную выражению сквозных тем «обезличивания человека, автоматизированности бытия, замкнутости и ограниченности пространства и времени и др.»¹³

Это – с одной стороны. С другой стороны, именно рассказ «Случаи» мотивировал заглавие всего цикла. А значит, к указывавшимся в научной литературе значениям заглавного слова¹⁴ – (1) «случившееся» (т. е. происшедшее, бывшее), (2) «случайное» (т. е. произвольно взятый срез жизни), (3) манифестация «хармсовской концепции времени, определяющей оккультными воззрениями» – стоит добавить (4) газетное: «несчастный случай» (вкупе со скрытыми политическими аллюзиями)¹⁵.

Примечания

- 1 Хармс Д. Неизданный Хармс: Полн. собр. соч.: Трактаты и статьи. Письма. Дополнения / Сост., примеч. В.Н. Сажина. СПб., 2001. С. 80.
- 2 Brooks J. Thank you, comrade Stalin!: Soviet public culture from Revolution to Cold War. Princeton, New Jersey, 2000. P. XIII–XIV. См. анализ концепции: Одесский М.П. Рец. на: <Brooks J. Thank you, comrade Stalin!: Soviet public culture from Revolution to Cold War.> // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 470–473.
- 3 Ильф И., Петров Е. Золотой теленок / Подгот. текста М. Одесский, Д. Фельдман. М., 2006. С. 412.
- 4 Там же. С. 416–417.
- 5 Ср. утверждение А.А. Кобринского: «...известное высказывание Я.С. Друскина о том, что Хармс Канта не читал, – совершенно неверно», и доказа-

М.П. Одесский

- тельство противного тезиса (Кобринский А. Поэтика «ОБЭРИУ» в контексте русского литературного авангарда. М., 1999. Ч. I. С. 91).
- 6 *Одесский М.П.* Абсурдизм Даниила Хармса в политико-судебном контексте // *Russian Literature*. 2006. LX (III/IV). С. 441–449.
 - 7 *Хармс Д.И.* Полн. собр. соч. СПб., 1997. Т. 2: Проза. Драматические произведения. Авторские сборники. Незавершенное / Сост., примеч. В.Н. Сажина. С. 330.
 - 8 О связи рассказа «Случай» с общественной ситуацией репрессий 1930-х гг. см.: *Weststejn W.G.* Daniil Charms: Absurdistisch schrijven voor de bureaula // *Weststejn W.G.* Russische literatuur. Amsterdam, 2004. P. 312.
 - 9 *Конквест Р.* Большой террор. Firenze, 1974. С. 208.
 - 10 *Brooks J.* Op. cit. P. 79.
 - 11 См. анализ лингвистического аспекта эпитета «хороший» в стихотворении Хармса «Некий Пантелей...»: по наблюдению Т.В. Цивьян, персонажи «парадоксальным способом-дракой» объединяются в «коллектив» *хороших людей* и слово «хороший» «играет роль определенного артикля» (*Цивьян Т.В.* Фольклорный текст и стихотворение Хармса: к поэтике именных цепей // *Антропология культуры*. М., 2004. Вып. 2. С. 141).
 - 12 *Кобринский А.А.* «Я участвую в сумрачной жизни» // Хармс Д. Горло бредит бритвою: Случай, рассказы, дневниковые записи. М., 1991. С. 13.
 - 13 Там же.
 - 14 *Кобринский А.А.* «Я участвую в сумрачной жизни». С. 13; *Хармс Д.И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 477.
 - 15 Также, возможно, присутствует «медицинское» значение, принятое в специальной литературе, – «случай такого-то».

Л.Ф. Кацис

БОРИС НИКОЛАЕВСКИЙ
О СУДЬБЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА.
К ПРОБЛЕМЕ АУТЕНТИЧНОСТИ
ИНФОРМАЦИИ ЖУРНАЛА
«СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» (1946 г.)

Работа посвящена анализу достоверности информации о судьбе и смерти О.Э. Мандельштама, опубликованной Б.И. Николаевским в парижском журнале «Социалистический вестник».

Ключевые слова: эмигрантская журналистика, журнал «Социалистический вестник», Б.И. Николаевский, советская литература, О.Э. Мандельштам, И.В. Сталин, Б.Л. Пастернак.

Знаменитый эмигрантский журнал русских меньшевиков «Социалистический вестник», выходивший в Париже на протяжении почти 40 лет, всегда был и остается источником неординарной информации о политической и культурной жизни СССР. Ко многим его материалам исследователи относятся с большим вниманием, устанавливая при помощи непростых аналитических процедур, например, информаторов журнала и его редактора Б. Николаевского о жизни советской политической верхушки. Важным достижением на этом пути является статья Л. Флейшмана о подобном «нераскрытом преступлении» Исаака Бабеля¹. Однако она относится к анализу сведений, которые и сообщались, и, соответственно, публиковались в «Социалистическом вестнике» практически синхронно. Мы же коснемся более сложного случая, когда сведения о взаимоотношениях О. Мандельштама с советской верхушкой были получены редакцией частично в середине 1930-х гг., а опубликованы через 10 лет в сопровождении сведений о смерти поэта, полученных явно позже.

Мы имеем в виду статью Б. Николаевского «Из летописи советской литературы», опубликованную в № 1 за 1946 г.

Довольно подробный анализ этого текста находится в книге Л. Флейшмана². Однако исследователя, в основном, интересует нестыковка хронологии и сведений о судьбе Пастернака и Мандельштама, а также отсутствие в статье Б. Николаевского какой-либо информации о разговоре Пастернака со Сталиным, посвященном судьбе опального поэта. Текст этот автор книги оценивает как «полный (иногда анекдотических) ошибок». В декабре 2007 г. этого же материала коснулся на XV

Л.Ф. Кацис

Лотмановских чтениях в РГГУ Н.А. Богомолов в докладе об отзывах эмигрантской печати о судьбе О. Мандельштама. Н.А. Богомолов резонно отметил, что большинство сведений «Социалистического вестника» восходят к беседам Б. Николаевского с Н.И. Бухариным во время переговоров с последним в 1930-х гг. по поводу покупки рукописей Маркса. Это замечание заставляет отнестись со всем вниманием именно к «анекдотическим ошибкам» интересующей нас статьи, ведь перед нами первые сведения, исходящие не от Б. Пастернака или Н. Мандельштам³, а из высших политических кругов тогдашнего СССР и от человека, имевшего прямое отношение ко всей этой истории. Кроме того, даже будучи опубликованы почти через 10 лет после ареста Мандельштама, сведения Николаевского оказываются наиболее ранними из известных нам сегодня, что отмечает и Л. Флейшман. А это значит, что если мы пытаемся понять диалог Мандельштама и его современников с верхушкой советского руководства и лично со Сталиным, то именно текст Николаевского дает нам возможность при соответствующем источниковедческом анализе реконструировать позицию противоположной стороны и понять, как виделись вождям их корреспонденты, а не наоборот.

В отличие от наших предшественников, мы отнесемся к тексту Б. Николаевского с презумпцией доверия и выделим из него как раз те сведения, которые соответствуют тому, что стало известно сегодня; и лишь затем мы проанализируем причины тех или иных кажущихся или реальных неточностей.

Начнем с условий публикации текста в «Социалистическом вестнике» в контексте 1946 г., а не 1936–38 гг.

Первое сообщение, что из СССР редакцией получено письмо о судьбе советских писателей, и о том, что оно будет напечатано в следующем номере, появилось 10 ноября 1945 г. в № 19/20 на с. 223. Однако публикация уже не анонимного письма, а статьи Б. Николаевского последовала в № 1 за 1946 г. (с. 21–23). Если бы Б. Николаевский действительно воспользовался сведениями, полученными от Бухарина в конце 1930-х гг., это могло бы тогда быть понятно, а вот анонимное «письмо» 1946 г. со сведениями десятилетней давности выглядело бы неубедительной подделкой. Да и цель публикации этого «письма» или в реальности статьи была далека от чисто литературной. Поэтому Б. Николаевский и не ограничился лишь (пусть и неточными, как мы теперь знаем) сведениями о смерти Мандельштама, а дал своего рода портрет тирана.

В 1946 г. «Социалистический вестник» вел активную борьбу с про-сталинской эйфорией, охватившей европейскую интеллигенцию после окончания Второй мировой войны. Об этом важно помнить, потому что всё, о чем мы здесь ведем речь, было напечатано до Фултонской речи У. Черчилля, положившей начало холодной войне. Отсюда и некоторые вызванные именно этой целью сознательные сдвиги сюжета, хронологии и фактуры, которые мы попробуем продемонстрировать.

Читаем Николаевского: «О. Мандельштам пал жертвой похода власти против “потанной литературы”. Подлинный поэт “божьей милостью”,

он никогда не проявлял большого интереса к политике, – но очень дорожил правом на внутреннюю свободу творчества поэта. Именно на этой почве он с самого начала был не ладах с советской диктатурой.

Эти нелады обострились, когда диктатура, не довольствуясь внешней цензурой, перешла к осуществлению планов организации литературного творчества.

В Союз Советских писателей он не мог не пойти: от этого зависело не просто благополучие, а вообще возможность существования каждого писателя».

До этого момента все соответствует общепринятым взглядам. А вот следующее сообщение поражает. И не столько тем, что в нем сказано о позиции покойного уже для «Социалистического вестника» Мандельштама, сколько тем, что сказано о вполне живом Пастернаке, который еще только собирается на волне эйфории от некоторого кажущегося отпущения идеологических вожжей писать «Доктора Живаго».

«Но внутри Союза он (О.М. – Л. К.) вместе с Пастернаком и другими писателями того же склада вел неустанную борьбу против всех попыток расширения контроля. На этой почве и взросло его преступление».

Трудно тогда здесь не увидеть следов первых строк знаменитой эпиграммы О. Мандельштама:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца...

Читаем дальше: «Принадлежавший к отборной “элите” литературного мира, Мандельштам бывал на вечеринках у Горького, где происходили попытки сближения Сталина с литературой, – и правильно понимал действительную роль Сталина во всех попытках ущемления последней (курсив наш. – Л. К.)».

Если нам ничего не известно о посиделках у Горького с участием Мандельштама, то лишь потому, что была подробно записана (и эти записи уже в наше время опубликованы) только та встреча, на которой Мандельштама точно не было. Однако не так уж важно, был ли поэт на подобных посиделках именно с участием конкретно Сталина или нет. Куда важнее, что имя поэта фигурировало в первом варианте списка Правления ССП.

Здесь же наиболее интересно слово «элита», которое по отношению к Мандельштаму, даже входящему в противостоящие диктатуре группировки, употреблять как-то не принято. Однако если Мандельштам не «ходил» к Сталину, то уж с Бухариным он встречался вне всяких сомнений...

А сам список возможных членов правления ССП, опубликованный В. Максименковым, восходит к личному архиву И. Сталина: «В апреле 1932 года при формировании ОК ССП он (Сталин. – Л. К.) вычеркнул из списка имен Александра Афиногенова, Михаила Шолохова, Бориса

Л.Ф. Кацис

Лавренева и вписал вместо них Всеволода Иванова, Александра Безыменского и Лидию Сейфуллину. Он оставил нетронутым имя Березовского... Мандельштам был номенклатурным поэтом⁴. Его имя было включено в список-реестр, который был подан Сталину в момент создания оргкомитета ССП в апреле 1932 года и который вождь со вкусом главного кадровика огромной страны исчеркал характерными цифрами, стрелками, фамилиями кандидатов»⁵.

Следующие рассуждения Николаевского многократно цитировались в литературе. Они касаются того сдвига в статье, когда время написания эпитафии было в ней отнесено ко времени некоего пленума Союза Писателей, где травле был подвергнут Пастернак, т. е. примерно к февралю 1936 г.⁶ Здесь, по-видимому, наложились два события: Минский пленум ССП и дискуссия о формализме 1936 г.

Затем Б. Николаевский сообщает о том, что кто-то из слушавших эпитафию в небольшой группе друзей Мандельштама из писателей с первыми именами донес о ней главному контролеру за литературой Я. Агранову, а тот уже – Сталину.

Сведения эти действительно странны. Они не соответствуют тому, что известно из дела О. Мандельштама и мемуаров ряда друзей поэта, слышавших эпитафию. Однако в ставшем недавно известном письме Сталину Бухарин сообщал адресату о том, что справлялся по поводу истории с Мандельштамом у Агранова, но тот толком ничего не знал. Впрочем, в этом письме сам Бухарин утверждал, что ему неизвестно, в чем «наблудил» Мандельштам⁷.

Еще один эпизод статьи Николаевского (о том, что следствие по делу эпитафии вел сам Сталин, допрашивавший не только поэта, но и всех, слышавших эпитафию) приведен Л. Флейшманом. Разумеется, теперь мы знаем и имя следователя, и многое другое. В частности, то, что Мандельштам записал на допросе своей рукой и «Мы живем, под собою не чуя страны...», и стихотворение о голоде в Крыму. А в статье Николаевского говорится, что Мандельштам сначала хотели приговорить к расстрелу за смелое поведение на допросе у Сталина. Кстати, по воспоминаниям Эммы Герштейн⁸, читая ей свое стихотворение, поэт предположил именно такую кару. И вновь, хотя сам Сталин не вел дело Мандельштама, но резолюцию на письме Н.И. Бухарина о Мандельштаме: «Кто дал им право арестовать Мандельштама? Безобразие...», – Сталин наложил. А в оправдательном письме членам Политбюро от 27 августа 1936 г. (Так!) сам Бухарин уже ссылаясь на решение Вождя: «Ко мне, например, приходили в свое время просить за Мандельштама (Б. Пастернак. Дело решил тов. Сталин)»⁹.

Таким образом, в тексте Николаевского даже наложение 1933–1934 гг. на 1936 г. выглядит вполне объяснимо. Особенно если верно, что источником «Социалистического вестника» был Бухарин, рассказывавший об этом после всех событий начала 1936 г. и незадолго до своей смерти (с учетом приведенного покаянного письма Бухарина и стихов Пастернака 1936 г., обращенных к Сталину в связи со всей этой историей и написанных по просьбе Бухарина¹⁰), то либо он сам, либо

его собеседник мог (вольно или невольно) совместить эти события. Мог через столько лет после рассказа сделать это из разных соображений и сам Николаевский. Это же объясняет и прямое упоминание имени живого Пастернака в статье в «Вестнике». Николаевский мог быть уверен, что Сталину и всем остальным, кого это касается, роль Пастернака в истории с эпиграммой известна.

О том, насколько все это соответствует реальным фактам или общей обстановке в стране, можно спорить. А вот относительно той легенды, что Мандельштам был посажен в Курский централ, где выбросился из окна (хотя этот факт в реальности имел место не в Курске и не в центре, а в Чердыни на Каме и в ссылке), а в итоге поэт будто бы был сослан в Елец, где работал в районной газете с подозрительным названием «Известия» (напомним, что именно «Известиями», разумеется, московскими, руководил Бухарин) под псевдонимом и где ему было запрещено печатать стихи, заставляет задуматься. Ведь ни для кого в литературной Москве не было секретом, где находится место ссылки поэта. К нему туда ездили А. Ахматова, М. Юдина и др. Встречался с Н.Я. Мандельштам в воронежские годы, получая новые стихи, Б. Пастернак, и т. д. Да и рецензии О. Мандельштама печатались в воронежском журнале «Подъем», что можно было в Париже легко узнать из «Журнальной летописи». Не говоря уже о том, что о пребывании Мандельштама в их городе знали и воронежские писатели, и даже слушатели воронежского радио. Кроме того, Мандельштам приезжал в Москву из поселения в Савелово после окончания воронежской ссылки и настолько «надоел» своему куратору Ставскому, что тот просил власти избавить его от Мандельштама. Это чуть позже и было сделано. С этого начался крестный путь поэта. Всё это заставляет счесть приведенные неточности сознательными и указать, что многие сведения «Социалистического вестника» о Мандельштаме превышали по точности всё, что стало известно едва ли не через десятилетие.

Еще одной из важных особенностей текста Николаевского, позволившей счесть его сведения не заслуживающими доверия, является, по мнению Л. Флейшмана, отсутствие в статье сведений о разговоре Б. Пастернака со Сталиным о Мандельштаме. Разговоре, широко известном в Москве 1930-х гг. Нам представляется, что даже если Бухарин и рассказывал об этом Николаевскому во время поездки в Париж, то публикация таких сведений в 1946 г. могла быть своей демонстрацией близости Сталину просто опасной уже для репутации Пастернака-оппозиционера. В свою очередь, для Бухарина, который общался со Сталиным напрямую, этот эпизод мог быть не столь важен, как для современных исследователей, которым разговор был как раз известен, а вот многие партийные документы, включая бухаринские, нет.

Все сказанное заставляет счесть ряд «анекдотических» подробностей о жизни Мандельштама едва ли не преднамеренными. По крайней мере, так называемый «Елец» свидетельствует об этом неопровержимо. Это же касается и сведений о смерти Мандельштама, будто бы дожившего в Ельце до начала войны, не успевшего эвакуировать-

Л.Ф. Кацис

ся и расстрелянного там НКВДистами в рамках избавления от врагов народа перед приходом гитлеровцев. Кстати отметим, что жизнь многих знаменитых ученых и писателей закончилась именно так, хотя и в других местах.

Совершенно очевидно, что к Бухарину, вернувшемуся из Парижа незадолго до 1 мая 1936 г. и арестованному после обвинений в авторстве «рютинской платформы» 27 февраля 1937 г.¹¹, сведения об аресте Мандельштама 2 мая 1938 г. отношения иметь не могут.

Вообще говоря, изучать текст Николаевского 1946 г. необходимо на фоне его публикаций в «Социалистическом вестнике» 1937 г., связанных с Бухариным, которые уже анализировались, в том числе и в интересующих нас аспектах¹².

Вернемся к статье Николаевского 1946 г. Буквально через несколько месяцев после ее выхода в № 1 «Социалистического вестника» в № 6 того же журнала за 1946 г. на с. 157 публикуется заметка «Еще о гибели поэта Мандельштама». Она, в отличие от статьи Николаевского и в полном соответствии с первым извещением, действительно имитирует как бы отрывок письма в редакцию по поводу предыдущей публикации. «Письмо» начинается все теми же «анекдотическими» сведениями о ссылке в Елец, а вот кончается оно настолько точными сведениями о конце жизни Мандельштама, что им стоит только поразиться: «... после нескольких месяцев тюрьмы был отправлен на Колыму. До Магадана он не доехал: в пути схватил тиф и умер где-то на Дальнем Востоке».

Момент освобождения Мандельштама из ссылки и его повторный арест отнесены здесь к 1939 г. и, соответственно, к концу 1940-го. Похоже, что за шесть месяцев с момента напечатания статьи Николаевского кто-то (если не он сам) «заметил» неточность с расстрелом Мандельштама, но сознательно не «проверил» очевидное (для экспертов, столь информированных о точных, как мы сегодня знаем, обстоятельствах смерти Мандельштама) место ссылки поэта.

Так или иначе, вся эта трагическая история подтверждает то, что, с одной стороны, Мандельштам в самом начале 1930-х гг. действительно входил в советскую писательскую «элику» и что, с другой, – «просвистать скворцом» и «заесть» всё это «ореховым пирогом» он смог и не захотел. И этому статья в «Социалистическом вестнике» никак не противоречит. Что же касается Б. Николаевского, то источниковедческое изучение истории его «журналистской» деятельности таит еще немало сюрпризов. А наш случай показывает, что иногда стоит прежде довериться тексту кажущегося заведомо недостоверным источника и лишь затем относить его к курьезам истории на основании прежней научной и мемуарной традиции, которая существенно корректируется новыми, порой сенсационными документами.

- 1 *Флейшман Л.* Об одном нераскрытом «преступлении» Бабеля // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку: Избр. работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006. С. 269–297.
- 2 *Флейшман Л.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб., 2005. С. 236–237.
- 3 Подробнее см.: *Кацис Л.* К поэтическим взаимоотношениям Б. Пастернака и О. Мандельштама // Пастернаковский сборник. П. М, 1998. С. 267–287.
- 4 Эта формулировка вызвала критику Л. Флейшмана во введении к цитированной монографии.
- 5 Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1936): Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие // Вопросы литературы. 2003. № 4. С. 222, 250.
- 6 *Флейшман Л.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов.
- 7 Там же. С. 225.
- 8 *Герштейн Э.* Вблизи поэта // Герштейн Э. Мемуары. СПб., 1998. С. 51.
- 9 *Флейшман Л.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 231.
- 10 Об этом подробно см.: *Кацис Л.* К творческой истории цикла Б. Пастернака «Несколько стихотворений» // Быть знаменитым некрасиво... Пастернаковский сборник. I. М., 1996. С. 213–224, и в цитированной монографии Л. Флейшмана.
- 11 *Ларина (Бухарина) А.* Незабываемое. М., 1989. С. 264.
- 12 *Коэн С.* Бухарин: Политическая биография. 1888–1938. М., 1988. Гл. 7, 10.

Н.П. Быстров

ГАЗЕТА «ПРАВДА» И ЗАКРЕПЛЕНИЕ ИДЕОЛОГЕМЫ
«ФАШИЗМ» В МАССОВОМ СОЗНАНИИ
(ПРОПАГАНДИСТСКАЯ КАМПАНИЯ
ПРОТИВ И. БРОЗ ТИТО 1948–1953 ГГ.)

В статье слово «фашизм» рассматривается как идеологема, а не политический термин. Смысл и значение данного понятия формировались советской пропагандой и неоднократно менялись. Лучше всего данные изменения прослеживаются на страницах советской периодической печати, прежде всего газеты «Правда». В статье показано, как советские пропагандисты использовали идеологему «фашизм» для создания негативного образа югославского лидера Иосипа Броз Тито.

Ключевые слова: советская пропаганда, идеологема, «фашизм», периодика, газета «Правда», советско-югославские отношения, И. Броз Тито.

В последнее время термин «фашизм» все чаще и чаще появляется в российских СМИ. Причем воспринимается оно «напрямую», без размышлений о смысле и значении этого слова. У людей сразу же возникают ассоциации со зверствами нацистов на советской территории, концлагерями, геноцидом. Даже если и задуматься над тем, каковы смысл и значение термина «фашизм», то вряд ли можно прийти к единому мнению. Всё это указывает на то, что «фашизм» – не столько термин, сколько идеологема.

Генезис данной идеологемы проходил в несколько этапов. Изначально «фашистами» именовались те, кто себя так и называл, – сторонники Б. Муссолини в Италии, с оружием в руках боровшиеся против социалистов и коммунистов и в октябре 1922 г. фактически захватившие власть в стране. В силу того, что у самих итальянских фашистов в тот момент не было четкого понятия о том, что такое «фашистская идеология», а основополагающим их тезисом был антикоммунизм, термин оказался очень удобным для использования в советской пропаганде. Уже в 1924 г. на 5-м Конгрессе Коминтерна «фашизм» был определен как «орудие борьбы крупной буржуазии против пролетариата» и «боевая организация буржуазии». Такая формулировка позволила советским пропагандистам называть «фашистскими» любые диктаторские политические режимы антикоммунистической направленности, к примеру, режим Пилсудского в Польше или Антонеску в Румынии. Эти режимы

Газета «Правда» и закрепление идеологемы «фашизм» в массовом сознании...

ставили перед собой разные задачи, и идеологически с Муссолини их объединял только антикоммунизм. Показательно, что в то время «фашизм» ассоциировался не с национализмом и шовинизмом, а именно с антикоммунизмом.

В 1933 г. в Германии к власти пришел Адольф Гитлер и возглавляемая им НСДАП. Идеология НСДАП, в отличие от идеологии итальянских фашистов, к моменту прихода к власти была уже оформлена. Ее отличительной чертой был крайний национализм, расизм и антисемитизм, чего не было в идеологии Муссолини. В советской пропаганде сторонники Гитлера изначально именовались «нацистами». Однако термин «фашизм» уже был внедрен в массовое сознание как негативный. И когда на европейской карте появился еще один антикоммунистический режим, он был немедленно назван не «нацистским», а именно «национал-фашистским».

В 1936 г. началась гражданская война в Испании. Коммунистам, социалистам и прочим левым партиям в ней противостояли сторонники Франко – «франкисты». Первых поддержал СССР, вторых – «фашистские» Италия и Германия. Идеология Франко, опять же, была далека от идеологии Муссолини и тем более Гитлера. Ее основой было «национальное объединение» всех проживающих на территории Испании, формирование некоей новой общности и подавление регионального сепаратизма. Однако в советской пропаганде «франкисты» очень быстро превратились в «фашистов».

Таким образом, на первом этапе значение термина «фашизм» – «враждебно настроенные к СССР иностранные политические режимы (партии), физически уничтожающие коммунистов», а смысл – «внешние враги СССР».

В 1937–1938 гг. в Москве прошли судебные процессы, по результатам которых были расстреляны крупные партийные руководители, признанные «троцкистами». Задача перед пропагандистами стояла непростая. Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков – так называемые «старые большевики», некогда очень популярные фигуры, принимавшие непосредственное участие в революции. Для их дискредитации необходимо было использовать наиболее негативно окрашенные идеологемы. Тут снова пригодился «фашизм», уже ассоциировавшийся со всем «злбно-антисоветским». Термин «фашизм» в рамках данной пропагандистской кампании использовался чрезвычайно активно и в совокупности с экспрессивными определениями: «национал-фашистские гады», «национал-фашистские бандиты», «национал-фашистские шпионы и диверсанты», «национал-фашистская мразь», «фашистские мерзавцы», «бешеные псы фашизма», «банда продажных псов фашизма» (встречались даже такие обороты, как «звериная троцкистско-бухаринская, фашистско-шпионская гадина»).

Стоит отметить, что для советской пропаганды конца 1930-х гг. «главный фашист» – Гитлер, а «фашизм» – это прежде всего Германия, а потом уже остальные страны. Таким образом, произошла подмена значения. То, что изначально именовалось «национал-фашизмом» (то есть

Н.П. Быстров

«фашизмом» с националистическим уклоном), превратилось просто в «фашизм». Соответственно, изменились смысл и значение термина. Значение – «нацистский политический режим в гитлеровской Германии и его союзники, как внутри, так и вне СССР», смысл – «внешние и внутренние враги СССР».

Во время Великой Отечественной войны все те негативные свойства, которые советские пропагандисты вкладывали в слово «фашизм», получили «материальное подтверждение». Советские люди своими глазами увидели зверства оккупантов, а точнее, как называла их советская пропаганда, «фашистские зверства». «Фашизм» после войны стал самым негативно окрашенным советским пропагандистским термином. Немного скорректированы были значение и смысл термина. Значение – «бесчеловечная, жестокая политика истребления народов по расовому или идеологическому признаку», а смысл – «немецкая оккупация СССР и Европы».

В первые послевоенные годы этот термин употреблялся для характеристики гитлеровцев и их пособников. Однако после речи Черчилля в Фултоне и начавшегося вслед за этим обострения отношений между СССР и Западом термин «фашизм» был снова востребован советскими пропагандистами. Уже во время гражданской войны в Греции (1946–1949 гг.) противостоящие коммунистическим партизанам монархисты, пользовавшиеся поддержкой Англии и США, стали в советской пропаганде именоваться «монархо-фашистами». То есть эта идеологема оказалась применима и к тем, кто во время второй мировой войны боролся против гитлеровской Германии – к «антифашистам», но только к «антикоммунистическим антифашистам».

В 1948 г. обострились отношения между СССР и Югославией. В рамках данной статьи не имеет смысла подробно останавливаться на причинах конфликта, поэтому рассмотрим пропагандистские схемы, использовавшиеся советским руководством для дискредитации главы Югославии Иосипа Броз Тито в массовом сознании советских людей. Фактически за год советским пропагандистам удалось «превратить» «лучшего друга СССР», «партизана-героя», «антифашиста и коммуниста» в «фашиста». Ход кампании наилучшим образом можно проследить по публикациям в газете «Правда» – центральном органе ЦК ВКП(б), служившим образцом для всех местных изданий. Кроме того, пропагандистские штампы, формулировавшиеся в «Правде», использовались во всех периодических изданиях коммунистических партий всех стран.

Итак, с началом пропагандистской кампании перед ее организаторами встала трудная задача – сменить позитивный образ Тито на резко отрицательный. В связи с этим кампания начиналась очень плавно.

Первым пропагандистским материалом против Тито стала опубликованная в «Правде» 29 июня 1948 г. резолюция Информационного бюро коммунистических партий (Коминформа) «О положении в Коммунистической партии Югославии». В ней использовались манипулятивные схемы, применявшиеся ранее к различным «уклонистам», но не

Газета «Правда» и закрепление идеологемы «фашизм» в массовом сознании...

к «врагам СССР». Если имеет место «недружелюбная по отношению к Советскому Союзу политика», то это – проявление «троцкизма» и «национализма». «Троцкизм» и «национализм» – это «ревизия марксизма-ленинизма», что ведет к реставрации капитализма.

Используются пропагандистские штампы с негативной эмоциональной окраской: «мелкобуржуазные националисты», «оппортунисты типа Бухарина», «ликвидаторские тенденции», «сектантско-бюрократическая организация», «зазнайство», «левацкие мероприятия», «демагогические декларации» и т. д. Из этого делается вывод, что руководители партии противопоставили себя рядовым партийцам и установили в КПЮ «чисто турецкий, террористический режим».

Как мы видим, в этой публикации нет критики Тито, хотя из подтекста вполне ясно, о ком идет речь. Резолюция получила широкую огласку. Советское руководство делало ставку на то, что у Тито в Югославии есть мощная оппозиция, которая сместит его с поста Генерального секретаря КПЮ. Однако эта цель не была достигнута. Тито отверг все обвинения и начал чистку партии от просоветских элементов – «информбюровцев».

Ответом на политику Тито стала новая статья в «Правде», опубликованная 8 сентября 1948 г., – «Куда ведет национализм группы Тито в Югославии».

Здесь уже имеет место прямое указание персонально на югославского лидера. Если в резолюции Информбюро Тито именовался «т. Тито» (именно «т.», а не «товарищ». – *Н. Б.*), то здесь постоянно повторяются словосочетания «группа Тито», «национализм группы Тито», «националистическая группа Тито» и, в конце концов, «фракция Тито». Всего эти словосочетания повторяются в статье 52 раза. В советском массовом сознании того времени стереотип «группа» носил негативный характер и был связан с понятием «антипартийная группа». «Национализм» же в советской пропаганде – негативно окрашенный термин, тесно связанный с «фашизмом». То есть это еще не «фашизм», но уже что-то близкое к нему.

Суть «национализма группы Тито» в статье аргументирована слабо. «Национализмом» названо нежелание прислать делегацию на совещание Информбюро, нежелание «признать свои ошибки» на 5-м съезде КПЮ и критика в адрес «братских компартий» («поход против стран народной демократии»). Пропагандистский эффект и здесь достигается постоянным повторением слов «национализм» или «буржуазный национализм» как противопоставление «социализму и интернационализму».

Четко просматривается образ «врага»: «группа Тито», «политические акробаты из газеты “Борба”», «палач Ранкович». Режим Тито уже прямо назван «террористическим» с «массовыми репрессиями». Вновь, как и в резолюции Информбюро, подчеркивается, что «группа Тито» представляет интересы меньшинства партии. Протест против Тито приписывается самому югославскому народу. Здесь показательна фраза: «В Югославии открыто говорят, что “группа Тито вырождается в клику политических убийц”».

Н.П. Быстров

Не называя пока Тито «фашистом», советская пропаганда готовит к этому общественное мнение. «Националист» в окружении «палачей», проводящий «террористическую» политику с «массовыми репрессиями» – это и есть, в советской трактовке, «фашист». Но назвать Тито «фашистом» еще нельзя, поскольку в массовом сознании он пока еще «партизан-антифашист».

На разрушение героического образа «партизана-антифашиста» направлена статья в том же номере «Правды» под заголовком «Арсо Иованович (биографическая справка)».

В статье, в частности, говорится, что «недавно был злодейски убит» «любимый герой югославского народа», известный как «выдающийся и признанный руководитель всех важнейших военных операций в период народно-освободительной борьбы». «Арсо Иованович был поистине душой, мозгом всех важнейших стратегических и тактических операций в борьбе против оккупантов». Более того, он «учился в Москве с конца 1946 по май 1948 года в Высшей военной академии им. Ворошилова и окончил ее с оценкой отлично». «В 1948 году, когда нынешние югославские руководители открыто встали на путь национализма, Арсо Иованович, осуждая националистическую позицию югославских руководителей, солидаризировался с известным решением Информбюро». «Арсо Иованович был верным другом Советского Союза, воспитывал кадры Югославской армии в духе любви к великой стране социализма». Ответственность за его смерть «целиком ложится на нынешних руководителей Югославской компартии»¹.

Это первая попытка советских пропагандистов пересмотреть военные заслуги самого Тито. Как известно, до этого именно и только ему приписывалось руководство народно-освободительной борьбой в Югославии. Теперь же заместитель Тито, «палач Ранкович», «злодейски убил» главного «любимого народного героя» югославского народа. Таким образом, место «главного партизана» оказывается свободным. К характеристике Тито добавляется еще один элемент, приближающий его к «фашизму» – «убийца коммунистов».

После этих пропагандистских «ударов» по Тито и его режиму советская пропаганда замолчала вплоть до мая 1949 г., когда кампания продолжилась с новой силой.

Началом пропагандистской кампании против Тито в мае 1949 г. стало небольшое информационное сообщение в «Правде» на последней полосе. В нем говорилось, что в свет вышел первый номер газеты «За социалистическую Югославию», «издаваемой на сербском языке югославскими коммунистами-политэмигрантами, находящимися в СССР». Газета объявлялась органом учрежденного в СССР «Союза югославских патриотов за освобождение Югославии от фашистского ига клики Тито–Ранковича и империалистического рабства»². Так впервые в советской пропаганде появилась формула «клик Тито», которая была квалифицирована как «фашистская». Однако окончательно в «фашиста» Тито превратился лишь через несколько месяцев.

Газета «Правда» и закрепление идеологемы «фашизм» в массовом сознании...

Пока же Тито квалифицировался как «троцкист», «агент империализма» и т. п. Таким образом дополнялся образ «фашиста». В конце 1930-х гг. Сталин выдвинул формулу: «Фашизм – это разновидность империализма, а троцкизм – разновидность фашизма». То есть «троцкист» и «фашист» в массовом сознании советских людей – родственные термины.

Пропагандистская кампания идет по нарастающей. Эпитеты в адрес Тито становятся всё более экспрессивными и «ругательными». Создается эффект нагнетания эмоционального напряжения за счет употребления ряда синонимов. «Однако со злобой и ненавистью, как отъявленный враг СССР и международного коммунистического движения, он пытался оклеветать Советский Союз – главный оплот мира во всём мире, страны народной демократии и коммунистические партии, которые входят в Информбюро. Своими собственными руками он сорвал с себя маску, которой прикрывал подлинное лицо агента англо-американского империализма и смертельного врага социализма. Указав на Советский союз как на главного врага и обойдя молчанием грабительские планы своих союзников – англо-американских империалистов, он выдал себя с головой, так как такую позицию может занять только провокатор, находящийся на службе у поджигателей войны»³. Здесь мы опять видим намеки на «фашизм» – «отъявленный враг СССР», «смертельный враг социализма».

Намеки становятся всё более откровенными. «Клика Тито зашла так далеко, что заключила чудовищную сделку с Западной Германией, с этим военным арсеналом англо-американского империализма в Европе. Тито будет посылать фашистам, которых американские монополисты заботливо сохраняют и готовят для новой мировой бойни, главным образом хлеб и фасоль, отрывая их от рта югославского народа, которому не хватает продуктов. Эсэсовские войска, залившие кровью Югославию, нуждаются в калориях!»⁴ То есть оказывается, что Тито помогает бывшим гитлеровцам – «фашистам» и эсэсовцам.

«Тито и его банда по логике событий вынуждены всё больше разоблачать себя как палачи коммунистов и провокаторы на службе у империалистов. В тюрьмах Ранковича пытают и убивают деятелей коммунистической партии»⁵. Странники Тито – «палачи коммунистов», использующие пытки, – это еще одна аналогия с «фашизмом». Подобные материалы публикуются едва ли не еженедельно.

На данном этапе советские пропагандисты готовили общественное мнение к объявлению Тито «фашистом». Приводились в пример многочисленные признаки «фашизма», соответствовавшие созданным ранее установкам: «троцкизм», «террор», «уничтожение коммунистов», «национализм», «гестаповские методы», «геббельсовская пропаганда». Основным пропагандистским приемом было использование штампов с постоянным усилением их экспрессивно-негативной окраски.

В августе 1949 г. началась самая активная фаза пропагандистской кампании. Статьи и заметки, направленные против Тито и его режима, публиковались практически ежедневно. Одним из поводов для такой

Н.П. Быстров

стремительной активизации кампании стало поражение коммунистического партизанского движения в гражданской войне в Греции. На протяжении нескольких лет советской пропагандой формировался образ «героев-партизан», противостоящих «монархо-фашистам». Когда же стало очевидно поражение коммунистов в Греции, нужно было как-то объяснить людям, почему это произошло. Проще всего было найти виновника, «шпиона», на которого «свалить» все неудачи партизан. Таким виновником и решено было сделать Тито, одновременно окончательно объявив его «фашистом».

«Тито систематически плел свою интригу за спиной греческого народа. Сегодня он скатился до роли прямого прислужника агрессивных планов империалистов. И вот мы видим, как афинские монархо-фашистские войска проходят через территорию Югославии, клочок которой, граничащий с греческим районом Вици, Тито уступил наемникам Трумэна. Эта территория послужила исходной базой для империалистического наступления летом 1949 года, преследующего цель окружить и задушить героических защитников свободы и независимости греческого народа»⁶.

Тем временем и титовский режим уже открыто объявляется «фашистско-гестаповским», это определение становится доминирующим и превращается в штамп. «Тяжкие лишения испытывают ныне народы Югославии. Предательская клика Тито, Карделя, Джиласа, Ранковича, перебежавшая из лагеря социализма и демократии в лагерь иностранного капитала и реакции, ликвидировала в стране народно-демократический строй и установила жестокий, террористический, антинародный, фашистско-гестаповского типа полицейский режим»⁷. «О каком демократическом характере власти может идти речь, когда во всей Югославии царят гестаповские методы управления, когда попирается всякое свободное выражение мысли, попираются все человеческие права, когда югославские тюрьмы переполнены сторонниками социалистического лагеря, когда коммунистическая партия Югославии превращена в отделение политической полиции, подчиненной шефу полиции Ранковичу? Ясно, что заявления югославского правительства о якобы ведущемся в Югославии социалистическом строительстве стоят не больше, чем стоили подобные заявления, которые делали в свое время Гитлер и Муссолини»⁸. Тито уже сравнивается с «главным фашистом» – Гитлером.

Подобные характеристики титовского режима постоянно повторяются с ссылками и на печатные органы «стран народной демократии». За каждой антититовской статьей в «Правде» на протяжении нескольких дней публикуются отклики на них в зарубежной коммунистической печати. «Польские трудящиеся массы, как и все настоящие демократы во всём мире, видят в фашистско-гестаповской диктатуре титовских князьков из Белграда пример того, до чего доводит предательство и ренегатство империалистических слуг. Все честные люди во всём мире и вместе с ними и все польские патриоты клеймят предательство титовской клики и солидаризируются с борьбой честных югославских демократов за освобождение из-под ига предательской диктатуры и за возвращение народно-демократического строя»⁹.

Газета «Правда» и закрепление идеологемы «фашизм» в массовом сознании...

Таким образом, все употреблявшиеся ранее характеристики Тито – «буржуазный националист», «троцкист», «подлый предатель», «великосербский шовинист», «агент империализма» и т. п. – либо заменяются словом «фашист», либо к ним добавляются соответствующие определения – «фашистско-гестаповский режим», «фашистский убийца», «фашистский предатель». Кроме того, делаются намеки на то, что Тито и во время войны был, оказывается, не «партизан», а, наоборот, вполне возможно, помогал гитлеровцам.

Основным методом внедрения такой установки в массовое сознание было систематическое повторение в публикациях термина «фашизм», причем с использованием определений с нарастающей экспрессивностью.

«Нота Советского правительства открывает миру истину, которую не может заглушить бешеный лай цепных собак империализма в Белграде. Нота помогает югославскому народу еще лучше увидеть истинное лицо своих наблюдателей – титовских бандитов. Чем бешеней лают разоблаченные дезертиры, тем больше признают они свою собственную слабость»¹⁰. «Напрасно воет свора Тито. Неумолимо и неотвратимо близится день, когда югославские патриоты обезвредят белградских бешеных собак»¹¹.

Фактически режим Тито в Югославии приравнивается к гитлеровскому режиму в Германии – такому же кровавому, бесчеловечному, террористическому, уничтожавшему коммунистов и вообще всех демократов.

«Фашистские палачи Ранковича жестоко избивают заключенных в тюрьмах и лагерях противников титовского режима, пытаются их электрическим током, морят голодом, садистски убивают. Террор проводится по всей стране. Развернулась настоящая охота на людей. Всех, заподозренных в нелояльности к фашистскому режиму, тайно убивают на улицах городов и сёл»¹².

К концу данного этапа пропагандистской кампании, т. е. к первой половине сентября 1949 г., советские пропагандисты фактически поставили знак равенства между титовским и гитлеровским режимом. Тито ставится в один ряд с самыми ненавистными советскому человеку фигурами – Гитлером, Геббельсом и Гиммлером. На карикатурах Тито изображается с кровавым топором и со свастикой на руке.

«Видя, что им терять уже нечего, что они скатились в самое болото фашизма, титовцы засучили рукава и начали мрачную работу палачей, руководствуясь извлеченными из архива инструкциями на этот счет Гиммлера и Гитлера, а тошнотворные писания Геббельса, по-видимому, сделав своей настольной книгой»¹³.

Итоги пропагандистской кампании были подведены на втором заседании Коминформа в начале декабря 1949 г. На нем была принята новая резолюция по титовскому режиму – «Югославская компартия во власти убийц и шпионов». В резолюции суммировались все штампы, которые надлежало употреблять в средствах массовой информации в отношении «титовцев». Режим Тито однозначно был охарактеризован как «фашистский».

«Тито и Ранкович осуществляют бешеный террор в стране. Всякое свободное выражение прогрессивных, демократических мыслей ставит под угрозу свободу и жизнь, все человеческие права жестоко попираются. Тюрмы полны коммунистов, бастующих рабочих, крестьян, отказывающихся от принудительного так называемого “добровольного” труда. Камеры пыток, побои и избиения, ослепление и голодный режим в тюрьмах наводят ужас по всей стране. Убийствам и расстрелам нет конца. Югославия сегодня – это страна кровавого истребления и тюрьма народов»¹⁴.

В декабре 1949 г. активная фаза пропагандистской кампании против Тито и его режима закончилась. Однако вплоть до смерти Сталина в марте 1953 г. в «Правде» регулярно, с периодичностью 1–2 статьи в месяц, появлялись антититовские публикации. Они выполняли роль поддержания в массовом сознании советских людей негативного образа Тито и его режима.

Задача, поставленная перед советскими пропагандистами, была выполнена. Тито из «партизана-коммуниста», «героя», «преданного друга СССР» превратился в «фашистского убийцу», политический режим в Югославии был объявлен «фашистско-гестаповским».

Во время данной пропагандистской кампании значение и смысл термина «фашизм» вновь были скорректированы советскими пропагандистами и оставались таковыми на протяжении всей «холодной войны» и во многом сохраняются в неизменном виде по сей день. Причем значение расширилось настолько, что термин превратился просто в ругательство. Ведь «фашистами» в разное время называли приверженцев абсолютно разных идеологических направлений: социал-демократов, троцкистов, националистов, монархистов, гитлеровцев и, наконец, «титовцев» – сторонников независимой от СССР политики построения социализма. «Фашизм» или «не фашизм» существует в той или иной стране – этот вопрос решало советское руководство. Однако «записать» в «фашисты» могли при наличии нескольких определяющих качеств. Это, во-первых, физическое уничтожение лояльных СССР деятелей, во-вторых, милитаризм и, в-третьих, не совпадающая с интересами СССР внешняя политика. Таким образом, значение термина «фашизм» – «любой политический режим (или политическое движение) антисоветской направленности, физически уничтожающий лояльных СССР общественных деятелей, открыто проповедующий антикоммунизм и проводящий враждебную СССР политику на международной арене». Смысл термина – «очень плохой политический режим (политическое движение)».

Можно с уверенностью сказать, что на сегодняшний день значение термина «фашизм» так и не определено, а вот смысл остался прежним (тем же, что и в советские времена) – «очень плохая политика, связанная с насилием над инакомыслящими».

- 1 См.: *Арсо Иванович*: (биографическая справка) // Правда. 1948. 8 сентября. С. 2.
- 2 Вышел в свет первый номер газеты «За социалистическую Югославию» // Правда. 1949. 1 мая. С. 4.
- 3 *Георгиу-Деж Г.* Клика Тито – злейший враг социализма // Правда. 1949. 3 мая. С. 2.
- 4 Там же.
- 5 *Дюкло Ж.* Югославские националисты – агенты империализма // Правда. 1949. 3 июля. С. 4.
- 6 Тито помогает греческим монархо-фашистам // Правда. 1949. 15 августа. С. 4.
- 7 Страны народной демократии на подъеме // Правда. 1949. 16 августа. С. 1.
- 8 Там же.
- 9 Иностранские отклики на ответ Советского правительства югославскому правительству // Правда. 1949. 23 августа. С. 4.
- 10 Иностранские отклики на ноту Советского Правительства югославскому правительству // Правда. 1949. 2 сентября. С. 3.
- 11 Там же.
- 12 *Голубович Р.* Клика Тито превратила КПЮ в полицейский аппарат // Правда. 1949. 5 сентября. С. 3.
- 13 *Тихонов Н.* Фашистская банда Тито-Ранковича // Правда. 1949. 11 сентября. С. 3.
- 14 *Георгиу-Деж Г.* Югославская компартия во власти убийц и шпионов // Правда. 1949. 6 декабря. С. 3.

Е.Н. Басовская

ПРОБЛЕМА «ЧИСТОТЫ ЯЗЫКА»
НА СТРАНИЦАХ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»
В ГОДЫ ОТТЕПЕЛИ

Статья посвящена представлениям о так называемой «чистоте языка», отражавшимся на страницах «Литературной газеты» в 1953–1963 гг. Если ранее, в сталинские годы, статьи на лингвистические темы нередко становились одной из форм политической пропаганды, то в годы оттепели произошел всплеск общественного интереса именно к вопросам развития языка. Автор рассматривает различные точки зрения советских журналистов, писателей и филологов на основные законы языковой эволюции.

Ключевые слова: русский язык, языковая эволюция, чистота языка, культура речи, советская журналистика, пропаганда, «Литературная газета», К. Чуковский.

Проблема «чистоты языка» занимала и продолжает занимать значительное место в публикациях «Литературной газеты» на протяжении всего периода существования издания. При этом трактовка самого понятия «чистота языка», перечень «сорных», т. е. вредных, явлений, направления борьбы за повышение речевой культуры не раз существенно изменялись, в том числе под влиянием политической конъюнктуры¹.

В данной статье рассматриваются материалы «Литературной газеты», посвященные языковым вопросам и появившиеся в печати с 1953 по 1963 г. – в период так называемой оттепели. Изучение этого комплекса текстов дает исследователю возможность проанализировать одно из направлений редакционной политики в контексте широко известных, подробно описанных в научной литературе социально-политических и культурных трансформаций и сделать некоторые выводы относительно того, как советская пресса использовала общегуманитарную тематику для достижения пропагандистских целей.

Отрезок советской истории, метафорически определяемый как «оттепель», ограничивается смертью И.В. Сталина в 1953 г. и смещением Н.С. Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС в 1964 г. Несмотря на свою историческую краткосрочность, период характеризуется рядом важнейших социально-политических и духовных процессов: разоблачением культа личности, относительной демократизацией обществен-

ной жизни, возвращением и реабилитацией значительной части репрессированных, расширением культурного пространства благодаря возвращению части отвергнутого наследия и активизации контактов с западным миром и т. д.

Уже в первые годы «оттепели» советские люди, по выражению израильского исследователя Д.Р. Спешлер, «впервые за многие годы почувствовали, что высказываться в пользу перемен может быть продуктивно и безопасно»². Появившаяся у писателей, журналистов, ученых и других творческих людей возможность публично высказывать собственное мнение повлекла за собой глубокие изменения в общественном сознании.

По словам С.И. Чупринина, «историческое, общесоциальное и общекультурное значение оттепели состоит прежде всего в том, что она разрушила насаждавшийся десятилетиями миф о духовной монолитности, об идеологической, мировоззренческой однородности советского общества... “Дети” вступили в конфликт с “отцами”, “антисталинисты” схватились врукопашную с “неосталинистами”, “новаторы” заявили о своем принципиальном несогласии с “консерваторами”, люди культуры дали понять, что они не желают иметь ничего общего с идеологами и поэтами бескультурия»³.

Полемичность как ключевая черта эпохи отмечена и авторами мемуарно-публицистической книги «60-е. Мир советского человека» П. Вайлем и А. Генисом: «Хрущев приглашал всю страну участвовать в поисках истины... Разъяснение правды стало общенародным делом. Диспут – формой общественной жизни»⁴. Как указывает Э.Р. Френкел, из политики, прежде всего из выступлений Хрущева, в публицистику приходит «дух критицизма и прямолинейности»⁵.

Безусловно, ни плюрализм, ни стилевое разнообразие оттепельной прессы не следует преувеличивать. Ее многоголосие ярко обнаруживается в сравнении с абсолютным официальным единомыслием предшествующих десятилетий, но тем не менее разнообразие мнений очевидно лишь в отношении узкого круга тем, разрешенных для публичного дискутирования. Кроме того, существует принципиальная разница между редакционной политикой «толстых» журналов, адресованных преимущественно интеллигенции, и массовых изданий. Газеты, обращенные к миллионной аудитории, в отличие от журналов «Новый мир» и «Октябрь», не вели между собой резкой полемики и в целом сохраняли образ единой советской печати.

Сдержанный тон, невыявленность общественной позиции характерны и для «Литературной газеты», даже вопреки тому, что в 1953–1959 гг. ее редактировали просталинистски настроенные Б.С. Рюриков, а затем В.А. Кочетов. Показательно, что дальнейшие смены главных редакторов (в 1959–1960 гг. газету возглавляет С.С. Смирнов, в 1960–1962 гг. – В.А. Косолапов, с 1962 г. – А.Б. Чаковский) не очень значительно сказывались на основном содержании и тоне издания.

Но при внешней стабильности и стандартности образа (от верстки до словоупотребления) советские газеты периода оттепели постепенно

Е.Н. Басовская

и незаметно менялись по существу. Последовательный анализ публикаций «Литературной газеты», посвященных одной теме, позволит проследить за процессом такой глубинной эволюции.

В первых вышедших после смерти Сталина номерах «Литературной газеты» проблема «чистоты языка» толковалась вполне традиционно как по существу, так и по форме: привычные призывы к повышению культуры речи содержались в подборке читательских писем, спор велся с неизвестным и весьма абстрактным оппонентом, а в качестве аргументов использовались самые общие идеологические постулаты. Так, пенсионер Л. Пискунов и журналист Т. Филин из Богородского-на-Амуре писали: «Борьба за чистоту и культуру речи является долгом каждого культурного человека. Советский человек, любящий свою Родину, не может не любить своего родного языка» (1953, № 57, с. 1).

Еще одна узнаваемая черта советской газетной кампании – высокая активность непрофессионалов, чьи высказывания наиболее ярко символизируют «мнение простого народа». Так, в том же номере «Литературной газеты» кандидат технических наук В. Щеглов требовал «поднять в печати и по радио широкую кампанию за повышение культуры языка в повседневной жизни. Сделать так, чтобы некультурность речи была поставлена под огонь острой критики» (1953, № 57, с. 1).

В качестве примеров засорения языка газета приводила бесспорные грубые ошибки, такие как ударение на первом слоге в слове *портфель* и на втором – в слове *магазин*, произношение *пионер*, словосочетание *мое фамилие* и тому подобные.

При этом нельзя не обратить внимания на сосредоточение внимания читателей (а в дальнейшем и журналистов) на одном из недостатков современной русской речи – канцелярском жаргоне. В майском номере 1953 г. констатировалось, что это «суконный», «дубовый», «тяжеловесный» язык. А уже в июне «Литературная газета» напечатала фельетон А. Одинцова «На участке языка», направленный против бездушной и неестественной казенной речи. Вымышленный персонаж этой публикации – Михаил Потапович – «хороший человек», неспособный, однако, изъясняться по-человечески. Он говорит «на участке питания», «в деле самостоятельности», «на участке сушки белья» и спрашивает у ребенка: «По какому вопросу плачешь?» (1953, № 70, с. 2). Журналист задается вопросом: что делать с Михаилом Потаповичем? Обучать его? Штрафовать? И констатирует, что найти ответ так и не удалось.

Показательно, что после острого, но лишнего позитивного содержания фельетона А. Одинцова «Литературная газета» более года не обращалась к вопросам культуры речи. Если в июне–декабре 1953 г. данная проблематика еще затрагивается в ряде материалов, касающихся стиля художественных произведений, то в 1954 г. проблема качества языка вообще ни разу не упоминается.

В апреле 1955 г. газета опубликовала на первой странице очерк К.Г. Паустовского «Алмазный язык», пронизанный пафосом любви к русскому языку и завершающийся словами: «Тот народ, которому дан

такой язык, – поистине великий и счастливый народ» (1955, № 43, с. 1). То, что для очерка было выбрано место на первой странице газеты, должно было, казалось, продемонстрировать программный характер публикации. В соответствии с традициями советской журналистики за большой «первополосной» проблемной статьей должен был последовать ряд более конкретных материалов. Но этого не произошло. «Литературная газета» вернулась к языковой теме лишь в ноябре, причем лишь в одной специальной публикации – письме Н. Бурлакова, заведующего кафедрой русского языка Химико-технологического института. Преподаватель писал о крайне низком уровне вступительных сочинений и ставил задачу интенсифицировать изучение русского языка в средней школе: «Надо воспитать культуру устной и особенно письменной речи, научить школьников писать, понимать и чувствовать живое слово, отвечать за написанное и исправлять стилистические ошибки» (1955, № 136, с. 3).

Лингвистическая проблематика оставалась на периферии интересов «Литературной газеты» и на протяжении последующих лет. Издание упоминало лишь о трудностях, связанных с созданием нового словаря русского литературного языка, словаря языка Пушкина и работой над сводом правил орфографии и пунктуации (1956, № 40, с. 2; № 49, с. 3; 1957, № 7, с. 2; № 82, с. 3).

В 1958 г. «Литературная газета» возобновила обращение к вопросам языка и стиля писателя, но это по-прежнему делалось нечасто и бессистемно. Весьма широкие заголовки материалов Л. Никулина «Культура писателя» и И. Козлова «За высокую взыскательность!» точно соответствовали содержащимся в текстах общим призывам – писать живо и доступно, повышать требования к языку (1958, № 138, с. 3; № 144, с. 3).

Ситуация принципиально изменилась в 1959 г. Вероятно, это было связано с тем, что редакцию возглавил писатель С.С. Смирнов, придававший вопросам языка гораздо большее значение, чем его предшественники Б.С. Рюриков и В.А. Кочетов.

Без преувеличения знаменательной следует назвать публикацию в двух номерах 1959 г. проблемной статьи А. Югова «Эпоха и языковой “пятак”». Алексей Югов – автор исторических романов, переводчик и исследователь «Слова о полку Игореве», немало писал о русском языке⁶. В 1951 г. «Литературная газета» уже помещала его материал «Заметки о языке», направленный на защиту скомпрометированных средствами массовой информации устаревших и местных слов. Югов писал тогда, что язык един, его развитие поступательно, то, что им накоплено за столетия, есть его богатство – и нельзя пытаться улучшить этот сложный живой организм путем строгих запретов: «Только овладев всей мощью всенародного океана языка, мы сможем создать произведения, достойные великой сталинской эпохи!» (1951, № 15, с. 2–3).

На первый взгляд, выступление А. Югова в 1951 г. кажется удивительно смелым: писатель выступает против давно утвердившегося стереотипа советской пропаганды, вслед за М. Горьким решительно осу-

Е.Н. Басовская

дившей использование в художественной литературе малопонятных архаизмов и вульгарных провинциализмов. В действительности же А. Югов продемонстрировал безупречное политическое чутье: выступление в защиту всего исконно русского, народного было вполне в духе позднего сталинизма. В связи с этим закономерно, что редакция «Литературной газеты», подводя итоги дискуссии, развернувшейся после публикации статьи «Заметки о языке», не осудила Югова, а, напротив, указала, что он во многом прав.

Через восемь лет он еще более решительно высказался против обезличивания языка, лишения его национальной специфики. Сравняя два высказывания: «Слово к человеку примеряйте!» и «Ориентируйтесь на интеллектуальный горизонт, на сферу интересов аудитории», А. Югов так оценивает второе: «Ведь ни одного же русского словечушка!».

Впервые за десять лет со страниц «Литературной газеты» зазвучали обвинения «вредных» иностранных слов: «И житейская наша речь, и художественная русская литература невероятно засорены иностранными словами и синтаксическими оборотами, при этом без всякой надобности, а просто в силу некоей умственной лени, небрежения к родному языку, чем кичились в былые времена “гулящие” по заграницам дворянчики... Именно от дворянского сословия исходила зараза безнародности, сиречь космополитизма...» (1959, № 7, с. 3)⁷.

В отличие практически от всех материалов лингвистической проблематики, помещенных в «Литературной газете» начиная с середины 1953 г., статья А. Югова предельно конкретна, причем не только в критической, но и в позитивной, программной части. Автор требует, чтобы редакторы перестали мешать ему писать «народным языком», то есть свободно использовать просторечие и диалектизмы. Кроме того, он осуждает «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова за сокращение словника по сравнению со словарем В.И. Даля, а также за «неодобрительные» стилистические пометы «разг.», «прост.», «обл.», «спец.», «уст.». Югов возлагает надежды на принятый в 1958 г. «Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», утверждая, что после трудовой перестройки школы дети новых поколений лишь посмеются над стилистическими пометами, поскольку будут носителями истинно народного языка.

«Литературная газета» не только предоставила слово А. Югову, но и развернула кампанию в поддержку его точки зрения. Через полтора месяца в очередном номере газеты появилась тематическая полоса «Бережь русский язык», составленная из читательских писем. Редакция указывала: «Большинство читателей, откликнувшихся на статью «Эпоха и языковая “пяточка”», расценивают ее как своевременный призыв к борьбе за чистоту русского языка». В редакционном комментарии специально подчеркивалось, что заступаться за общеупотребительные заимствованные слова нет необходимости и что их защитники просто неправильно поняли А. Югова. При этом в опубликованных письмах отрицательно оценивались даже такие русские производные от иност-

ранных корней, как *декларативный, конструктивный, негативный, эпохальный*.

Своеобразный ренессанс позднего сталинизма в подходе к языку продолжился и в следующих публикациях «Литературной газеты» 1959 г. Так, писатель Г.Ф. Шолохов-Синяевский в статье «Учиться у народа-языкотворца» переосмыслил казавшиеся незыблемыми положения М. Горького, который в середине 1930-х гг. поставил перед литераторами задачу «организации языка, очищения его от паразитарного хлама» (1934, № 33). Теперь, почти через четверть века, Г.Ф. Шолохов-Синяевский заявил, что Горького поняли неправильно и бороться стали не за «чистый», а за «чистенький», «приглаженный», «выхолощенный», «зализанный» русский язык (1959, № 32, с. 3).

Ту же мысль почти дословно повторил писатель В.А. Закруткин: редакторы, по его утверждению, около десяти лет назад «объявили какую-то странную “холодную войну” русскому народному языку... под флагом “защиты” литературного русского языка, который представляется как нечто полностью отрешенное от народа». Обращает на себя внимание предложенная В.А. Закруткиным датировка. «Около десяти лет назад» – значит в конце 1940-х гг. В реальности это никак не было временем борьбы против живого русского языка. Писателей тогда действительно могли хвалить за чистоту стиля, но подразумевая под этим прежде всего отсутствие иностранных, а вовсе не просторечных слов. Явления же, о которых говорит В.А. Закруткин, характерны не для конца 1940-х, а для первой половины – середины 1930-х гг. Трудно представить себе, чтобы сам писатель, а также работавшие с ним сотрудники «Литературной газеты» могли об этом не помнить. Думается, здесь мы имеем дело вовсе не с искренним заблуждением, а с намеренным искажением фактов.

В конце 1950-х гг., в период набиравшей силу оттепели, между XX съездом партии, разоблачившим культ личности Сталина, и XXI, предельно радикализировавшим его критику, действовала жесткая пропагандистская схема: всё плохое, подлежащее уничтожению, связывалось в сознании аудитории с деяниями сталинского руководства. События первой половины 1930-х гг. ассоциировались с образом Сталина в значительно меньшей степени, нежели относительно недавние, послевоенные.

Помимо этого, дискредитируемую идею категорически недопустимо было соотносить с именами тех, кто остался вне критики и подозрений, в том числе Ленина и Горького. В этом смысле дискуссия о языке, развернувшаяся в начале 1959 г., в высшей степени характерна для оттепельной прессы в целом. Поскольку «разрешенное сопротивление» не затрагивало ни мировоззренческих, ни экономических, ни политических основ социалистического общества, ни ключевых мифологизированных фигур российской и советской истории, – критические высказывания приобретали почти пародийно карнавальный характер. Те, кто осуждал социалистическое хозяйство, на словах непременно превозносили его; те, кому была чужда политическая практика больше-

Е.Н. Басовская

виков, отзывались о них восторженно. Вполне закономерно, что Г.Ф. Шолохов-Синявский и В.А. Закруткин, выступая против основополагающих принципов М. Горького, начинали свои статьи с того, что Горький был, безусловно, прав.

Можно предположить, что редакция «Литературной газеты» в конце концов все-таки обратила внимание на вопиющие противоречия, содержащиеся в статьях 1959 г. о языке, и, как уже не раз бывало в истории этого печатного органа, завершила дискуссию без расстановки четких акцентов. Почти через четыре месяца после статьи А. Югова газета опубликовала два читательских отзыва – доцента Львовского пединститута С. Цаланчук и преподавателя Шахтинского пединститута Л. Барлас (1959, № 51, с. 3). В обоих письмах взгляды Югова довольно резко оценивались как ошибочные, дезориентирующие читателя и зовущие не вперед (следовало читать: к победе коммунизма), а назад. В полном соответствии с традицией советских идеологических компаний возражения, адресованные оппоненту, были превращены в политические обвинения. На этом обсуждение статьи Югова завершилось.

Еще приблизительно через месяц «Литературная газета» вновь обратилась к проблеме культуры речи. В статье Л. Раковского «Чувство языка» (1959, № 61, с. 3–4) говорилось о «словесном мусоре», порождаемом канцелярскими работниками; о просторечии и распространенных ошибках в ударении. Показательно, что, по мнению автора, важнее всего бороться с канцелярскими штампами. Что касается неправильного произношения, то оно может со временем утвердиться в качестве нормативного, а новому противостоять бесполезно.

Пафос защиты нового характерен и для эссе Г. Гулия «Личное мнение. Язык». Здесь подчеркивается, что слова, кажущиеся сегодня излишне сложными, такие как «параметры» или «перигей», обогащают язык (1959, № 87, с. 2–3). Таким образом, не упоминая А. Югова, Л. Раковский и Г. Гулия недвусмысленно высказались против его лингвистического консерватизма.

Наконец, в начале 1960 г. Б. Тимофеев в статье «Язык и география» совершенно определенно сформулировал принцип, звучавший, казалось бы, как подтверждение идей Югова: «Хранителем чистоты русского языка выступают не радио, не солидные издания, а живой “просторечный” язык» (1960, № 25, с. 3). Однако по сути это было совершенно иное понимание критериев хорошей речи. Если Югов, говоря о «народном языке», оглядывался назад и искал высокие образцы в деревенском просторечии, то Тимофеев, напротив, заявлял о необходимости доверять современной речевой практике.

Следует помнить, что в момент опубликования статьи Б. Тимофеева оттепель приближалась к своему пику. Странное, на первый взгляд, утверждение, будто язык очищается не «сверху», а «снизу», точно соответствовало духу эпохи. Официальная пропаганда утверждала, что время «винтиков» кончилось, настал черед энергичных, независимых, исполненных самоуважения сознательных граждан.

Но при всей привлекательности подобных демократических деклараций они были категорически неприменимы на практике. Заявив словами Б. Тимофеева о приоритете народного языкового чутья и вкуса, «Литературная газета» продолжала помещать материалы, направленные против распространенных речевых ошибок. Более того – именно с начала 1960-х гг. «борьба за чистоту языка» на страницах «Литературной газеты» постепенно профессионализировалась. Еще в октябре 1959 г. была напечатана остроумная заметка писателя Л.В. Успенского «Граждане, ючайте...» (1959, № 134, с. 3)⁸. Успенский не имел систематического лингвистического образования, но учился в аспирантуре Государственного института речевой культуры и много лет преподавал русский язык. Его многочисленные публикации, посвященные культуре речи, отражали не народную, а профессионально-филологическую точку зрения.

В начале 1961 г. вновь заявил о себе доктор филологических наук К.И. Чуковский, чья последняя публикация на тему культуры речи появилась в «Литературной газете» ровно за десять лет до этого⁹. На сей раз он поддержал высказанную одним из читателей идею организовать «центр консультации для всех граждан по вопросам культуры речи» (1961, № 2, с. 1). Учитывая, что к этому моменту «Справочная служба русского языка» академического Института русского языка, созданная по инициативе С.И. Ожегова, существовала уже третий год, можно предположить, что Чуковский имел в виду консультативный центр на базе одного из средств массовой информации.

Этот замысел не был воплощен в жизнь буквально, однако редакция «Литературной газеты» действительно начала искать новые формы воздействия на речевое поведение читателей. В 1960 г. возникла рубрика «Язык мой – враг мой», под которой перепечатывались анекдотически неправильные выражения из современных художественных произведений.

А в июле 1964 г., на излете оттепели, после годичного перерыва в обсуждении вопросов культуры речи, редакция объявила об открытии новой рубрики – «Служба русского языка». Материалы этой рубрики нерегулярно печатались в газете на протяжении нескольких лет, выполняя прежде всего просветительскую функцию.

Собственные публикации К.И. Чуковского, появившиеся в последние годы оттепели, также отличались от большей части предшествующих материалов «Литературной газеты», связанных с культурой речи, основательностью, глубиной анализа проблем, очевидным стремлением автора к объективности оценок.

В августе 1961 г. К. Чуковский, работавший в это время над книгой «Живой как жизнь», поместил в «Литературной газете» статью «Нечто о лабуде». Отвечая на письма читателей, возмущенных обилием жаргонизмов в повести В. Аксенова «Звездный билет», Чуковский объяснял тоном терпеливого учителя: жаргон возникает «в противовес той лакированной, слащаво-фальшивой, ханжески-благонамеренной речи, которую разные люди в футлярах все еще продолжают культивировать

Е.Н. Басовская

в школах... Дети как бы сказали себе:

– Уж лучше *мура* и *потрясно*, чем *типичный представитель, показ и наличие*» (1961, № 96, с. 4).

В сентябрьских номерах «Литературной газеты» была напечатана еще одна статья, вошедшая в дальнейшем в книгу «Живой как жизнь», – «Канцелярит».

В октябре К. Чуковский вновь обратился к анализу читательских писем. И опять позиция ученого оказалась значительно более толерантной, нежели та, которую отстаивали энтузиасты «борьбы за чистоту языка». Читатели с возмущением говорили о «протоестественных словосочетаниях» *ужасно весело* и *страшно красиво*. Чуковский возразил на это, что язык полон алогизмов, таких как *убивать друг друга* и *красные чернила*. Не согласился ученый и с теми, кто выступал за строго экономное отношение к языку. По словам Чуковского, «если бы русский народ только и заботился, что об этой грошовой экономии речи, неужели он создал бы огромное множество таких расточительных выражений, как *век вековать, делать дело, рыдать навзрыд, лежмя лежать, белым бела, полным полна* и т. д., и т. д., и т. д.» (1962, № 120, с. 3–4).

Очевидна переключка с положениями, которые в конце 1930-х гг. защищал на страницах той же газеты редактор «Толкового словаря русского языка» Д.Н. Ушаков. Тогда произошло аналогичное столкновение идеологизированного дилетантского пуризма и научной объективности. Критики нового словаря К. Казимирский и М. Аптекарь с сарказмом писали о «нелепостях», допущенных составителями, например, о включении в словарные статьи «несуществующих» форм *беременный* и *женатая*. Отвечая оппонентам, Д.Н. Ушаков продемонстрировал случаи употребления якобы искусственных словоформ: *старое общество беременно новым, женатая жизнь* (1935, № 58, с. 4; № 63, с. 6). К.И. Чуковский, как и Д.Н. Ушаков, отстаивал право языка на противоречия, видя в них признак нормального развития.

В одном из следующих номеров «Литературной газеты» в статье «Образ и слово» Чуковский рассмотрел несколько распространенных речевых ошибок, объяснил их природу и закончил большим историческим обобщением: «Чем культурнее становится наша страна, чем больше образованных людей выдвигает из своих недр советский народ, тем больше хорошо вооруженных борцов за подлинную, а не мнимую чистоту языка возникает и в литературе, и в жизни, тем громче и авторитетнее их голоса» (1962, № 123, с. 4).

Фактически Чуковский повторил, хотя и в менее категоричной форме, концепцию А. Югова, призывавшего доверять «народу-языко-творцу». Правда, в рассуждениях ученого обнаруживается логический сбой, которого не было в текстах его предшественника. Утверждая, что языком владеет только народ и выбор народа не может быть ошибочным, Чуковский не раз решительно отвергает идеи, которые представители этого самого народа высказывают в письмах в редакцию. Если Югов отождествлял народ прежде всего с малограмотным крестьянством, то Чуковский маскировал с помощью частично десемантизированной

ного позитивизма «народ»¹⁰ политически сомнительное понятие «интеллигенция».

В целом публикации «Литературной газеты» периода оттепели, посвященные языку, подтверждают предположение о том, что в подцензурной советской прессе любая тема могла стать формой скрытого идеологического воздействия. Власть использовала лозунг «борьбы за чистоту языка» для установления единомыслия и уничтожительной критики подлинных и мнимых противников. Интеллигенция же, говоря о вопросах культуры речи, по существу спорила о собственных взаимоотношениях с народом, о том, следует ли доверять его выбору или, напротив, стремиться оказать на него облагораживающее влияние.

Закономерно, что в годы относительной либерализации «Литературная газета» отказалась от пропагандистских кампаний, направленных на защиту языка от разного рода «сорняков», и пришла к идее систематического профессионального анализа трудных и общезначимых лингвистических вопросов: публикации о языке на некоторое время перестали быть лишь средством идейной борьбы, вернув себе изначальное культурно-просветительское назначение.

Примечания

- 1 См. об этом: *Басовская Е.Н.* Поиск врага: «Литературная газета» о русском языке (Аналитический обзор материалов 1929–1940 гг.) // Вестник РГГУ. 2007. № 9. Серия «Журналистика. Литературная критика». С. 99–113.
- 2 *Spechler D.R.* Permitted dissent in the USSR: Novy Mir and the Soviet Regime. N.Y., 1982. P. XV.
- 3 *Чупринин С.И.* Оттепель: время больших ожиданий // Оттепель. 1953–1956: Страницы русской советской литературы. М., 1989. С. 10.
- 4 *Вайль П., Генис А.* 60-е: Мир советского человека. М., 1996. С. 160.
- 5 *Frankel E.R.* Novy Mir: A case study in the politics of literature 1952–1958. Cambridge, 1981. P. 28.
- 6 См., в частности: *Югов А.К.* Судьба родного слова. М., 1962; *Югов А.К.* Думы о русском слове. М., 1972.
- 7 В стилистике А. Югова узнаваемы приемы периода борьбы с «низкопоклонством перед западом» и с «космополитизмом» 1947–1949 гг. Для позднесталинистской пропаганды типичны, в частности, статьи Б. Агапова и К. Зелинского «Нет, это – не русский язык!» (1947, № 59); А. Добрянского «Сорняки низкопоклонства» (1948, № 94); Л. Гумилевского и Я. Рыкачева «Словесные сорняки иностранщины» (1949, № 92). Интересно, однако, что по резкости тона статья А. Югова, напечатанная в 1959 г., превосходит аналогичные материалы конца 40-х гг.
- 8 Заголовок статьи представляет собой комическое объявление, которое автор видел под Ленинградом: часть текста была стерта, и вместо «Граждане. Заключайте договоры индивидуального страхования. Этим вы принесете пользу себе и государству» читалось «Граждане, ючайте...». По мнению

Е.Н. Басовская

Л.В. Успенского, данный казус – символ того, что объявления и этикетки представляют собой «заброшенный участок письменности».

- 9 Чуковский К.И. О чувстве соразмерности и сообразности // Литературная газета. 1951. № 26.
- 10 Слово «народ» претерпело в советский период ряд семантических трансформаций, в результате которых была ослаблена национальная и усилена социальная составляющая понятия. О функционировании лексемы «народ» в советском новоязе см.: Басовская Е.Н. Изменения использования слов с основой «народ-» как показатель эволюции русского общественного сознания (на материале литературно-критических публикаций журнала «Новый мир» 1952–1992 гг. // Вестник Московского университета. Сер. «Журналистика». 1995. № 2–3; Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998. С. 356–357.

Т.Н. Тазеева-Гриценко

ЖУРНАЛ «НОВЫЙ МИР»
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЕГО ТИРАЖА
(1960-е гг.)

В 1960-х гг. вся советская печать подлежала цензурному контролю, который осуществлял Главлит. Особое внимание цензуры постоянно уделялось журналу «Новый мир». Постоянная борьба редакции с цензурой приводила к тому, что подписчики часто получали номера с опозданием. Подписка на журнал в некоторых регионах СССР, в армии и в учебных заведениях жестко лимитировалась. Тем не менее в годы «оттепели» и раннего «застоя» тираж «Нового мира» неуклонно увеличивался.

Ключевые слова: периодика, журнал «Новый мир», тираж, подписка, цензура, Главлит, «оттепель», «застой», А.Т. Твардовский.

Разоблачение культа личности Сталина породило в отечественной журналистике особый период. «Толстые» журналы стремились занять положение посредника между государством и мыслящим читателем. Одним из самых популярных среди таких журналов в шестидесятые стал «Новый мир» под редакторством А.Т. Твардовского. Эстетические и духовные искания журнала в 1960-е гг. нашли поддержку у вдумчивого респондента. Об этом свидетельствуют тиражи «Нового мира», а также число подписчиков. В период «оттепели» и раннего «застоя» они росли, несмотря на то, что партийная власть широко использовала такой рычаг борьбы с журналом, как цензура, из-за которой к читателям очередная книжка «Нового мира» нередко приходила с двух-трехмесячным опозданием.

Если в 1946 г. тираж журнала равнялся 25 тыс. экземпляров, то к моменту, когда А.Т. Твардовский второй раз становится редактором «Нового мира» (в 1954 г. он был первый раз снят с этого поста), средний тираж журнала составлял 105 тыс. В 1961–1963 гг. тиражи «Нового мира» достигают уже 167 тыс. экземпляров в месяц. На его страницах появляются произведения самого актуального характера: повести С. Залыгина, Ч. Айтматова, мемуары И. Эренбурга, эмигрантские стихи М. Цветаевой, деревенские очерки Е. Дороша, философские эссе И. Кона, социологические исследования А. Гулыги.

Журнал «Новый мир» в основном распространялся по подписке. Теоретически, оформить ее можно было в любом почтовом отделении, и

Т.Н. Тазеева-Гриценко

сделать это, по воспоминаниям литератора И. Дедкова, стремился каждый думающий читатель. Работавший в те годы заведующим отделом культуры и заместителем главного редактора костромской газеты «Северная правда», он приводит в пример услышанное от одного приятеля, молодого преподавателя философии: «Для меня подписка на “Новый мир” как партийный взнос... Несуществующая, но партия...»¹. Однако несмотря на большие тиражи, подписаться было нелегко из-за лимитированности подписки, устанавливаемой директивами высших инстанций.

Всплеск читательского интереса к «Новому миру» обострился с появлением в № 11 журнала за 1962 г. повести никому тогда еще неизвестного учителя из Рязани А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

В декабре 1961 г. на стол Твардовского легла тетрадка с названием «Щ-854. Один день одного зека»². Автор, даже не подписавший рукопись, рассказывал о 24 часах жизни рядового заключенного, бывшего колхозника. Между редакцией и автором был заключен договор³. А.Т. Твардовский, предвидя борьбу с цензурой, напрямую передал рукопись «Ивана Денисовича» (так с согласия А. Солженицына в редакции переименовали повесть) В. Лебедеву, помощнику первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР Хрущева. К рукописи Твардовский приложил письмо Хрущеву с краткой оценкой произведения: «Имя этого автора до сих пор никому не было известно, но завтра может стать одним из замечательных имен нашей литературы»⁴.

С личного согласия Н.С. Хрущева повесть появляется 17 ноября 1962 г.

По воспоминаниям современников, розничный тираж журнала был полностью распродан за неделю. В библиотеках записывались в очередь на журнал. Публикуются первые положительные рецензии⁵.

Спустя три дня после выхода журнала, 19 ноября, в Кремле начинается очередной Пленум ЦК КПСС. К его открытию комитет затребовал у типографии «Известий», печатавшей «Новый мир», дополнительно 2200 экземпляров журнала с повестью. Его распространяли в киосках на Пленуме. 24 ноября в типографию пришел заказ уже от редакции журнала на 25 тыс. дополнительных экземпляров № 11 «Нового мира».

Однако ажиотаж вокруг повести, разрешенной «самим Хрущевым», продолжался недолго.

17 декабря 1962 г. на Воробьевых горах проходит первая из встреч Н.С. Хрущева с деятелями культуры и писателями. Разносу подвергаются авторы «Нового мира» И. Эренбург за первые опубликованные части мемуаров «Люди, годы, жизнь», В. Некрасова, Е. Евтушенко.

Спустя всего два месяца после восхваления «Одного дня...» цензура становится всё внимательней к заявляемым «Новым миром» произведениям и материалам, все чаще направляя их на рассмотрение Секретариата ЦК. В архиве ЦК партии сохранилось немало документов, относящихся к «Новому миру» 1960-х гг. По большей части это доносы цензуры и докладные отделов ЦК КПСС, адресованные в Секретариат ЦК. Они – о задержанных Главлитом (Главное управление по охране

государственных тайн в печати) критических материалах и рукописях авторов «Нового мира», права на публикацию которых журнал отстаивал перед «руководителями партии и правительства»⁶.

Первый номер за 1963 г., по сути, становится последним на ближайшие 7 лет номером журнала, подписание которого происходит в срок, а рассылка читателям – по графику. Просьбу редакции о разрешении напечатать дополнительно 2500 экземпляров журнала для нескольких сибирских библиотек ЦК уже оставляет без удовлетворения⁷. В числе прочего, в журнале напечатаны два рассказа А. Солженицына («Матренин двор» и «Случай на станции Кречетовка»), пятая книга мемуаров И. Эренбурга «Люди, года, жизнь», лирика Анны Ахматовой.

Начиная со второго номера, журнал начинает выходить с запозданием. Цензура всё чаще применяет практику полного вычеркивания заявленных материалов из текущей книжки «Нового мира». Внушительный перечень этих «состоявшихся и несостоявшихся публикаций» приведен в статье Ю. Буртина «О сталинисте Твардовском, который терпел и молчал». При этом Ю. Буртин оговаривается, что перечень этот – неполный⁸.

Из второго номера (подписан к печати 20 февраля 1963 г.) и третьего (сдан в набор 25 января 1963 г., подписан в печать 29 марта 1963 г.) цензура вновь несколько раз пытается снять продолжение мемуаров И. Эренбурга. Автор заявил, что не намерен больше идти ни на какие исправления «вплоть до международного скандала», и с некоторыми уступками цензуре мемуары были напечатаны. Перед самым выпуском из третьего номера снята «Трибуна читателя», которую должна была составить подборка писем в поддержку А. Яшина и его рассказа «Вологодская свадьба» (был напечатан в № 12 1962 г.).

Четвертый номер «Нового мира» за 1963 г. стал едва ли не первым в истории советской печати журналом, запрещенным цензурой почти полностью⁹.

Борьба между редколлегией и Главлитом шла три месяца. Номер сдан в набор 8 февраля 1963 г., подписан в печать 3 мая 1963 г. После длительного спора редакции пришлось заменить задержанные произведения другими и внести изменения в передовую редакционную статью. Сняты роман А. Камю «Чума» рубрика, «Трибуна читателя» с письмами по «Вологодской свадьбе», рассказ Е. Ржевской «Второй эшелон» и воспоминания Е. Габриловича.

Все последующие книжки «Нового мира» продолжили выходить с задержкой от месяца до двух. Так, № 6 сдан в набор 26 апреля 1963 г., подписан в печать 26 июня 1963 г. Из него по настоянию цензуры убрана повесть В. Тендрякова «Находка». Восьмой номер сдан в набор 14 июня 1963 г., подписан в печать 25 августа 1963 г., лишившись «Театрального романа» М. Булгакова. Задержка девятого номера была связана с работой цензуры и редакции над повестью Е. Герасимова «Семья Алешиных». Номер сдан в набор 20 июля 1963 г., подписан в печать 17 сентября.

Одним из причин задержания десятого номера стала правка цензорами сообщения «От редакции» – «“Новый мир” в 1964 году». Пред-

Т.Н. Тазеева-Гриценко

ставленный Главлиту вариант статьи заставил Идеологический отдел ЦК КПСС обратиться за дальнейшими указаниями и разъяснениями в Секретариат ЦК¹⁰.

Цензуру не устроил программный тезис редакции, провозглашающий основным достоинством произведения «непосредственную правду жизни». В перечне писателей, которых журнал собирался печатать и далее, начальника Главлита П. Романова возмутили имена В. Дудинцева, К. Паустовского, А. Ахматовой, Е. Евтушенко, И. Эренбурга, В. Некрасова, А. Яшина, произведения которых к тому времени неоднократно осуждались Н.С. Хрущевым. Руководители идеологического отдела (В. Снастин, В. Кухарский) добавили к списку нежелательных авторов А. Солженицына и В. Войновича и настояли на исключении из статьи абзаца, где давалась редакционная оценка произведений этих авторов¹¹. Номер был сдан в набор 6 сентября 1963 г., подписан в печать 21 октября.

Несмотря на то, что практически все номера журнала (за исключением первого) в 1963 г. выходили с опозданием, число желающих получить журнал в 1964 г. увеличивается более чем на 50 тыс. В среднем в выходных данных журнала за 1963 г. указывался тираж от 113 до 120 тыс. Уже в первом номере за 1964 г. он составлял 167 тыс.

В 1964 г. нарушения периодичности выхода опального «Нового мира» продолжаются. По воспоминаниям сотрудников, журнал оказывается на грани закрытия. Из апрельского номера по указанию Отдела культуры ЦК были изъяты «Деревенский дневник» Е. Дороша, рассказ В. Некрасова «Дедушка и внучек», заметка К. Чуковского о повести И. Грековой «На испытаниях» (опубликована в «Новом мире»), полемизировавшая с ее критиками, письма читателей в защиту этой повести, а также рецензии Ю. Буртина и Г. Березкина, и номер был заново сформирован лишь 19 мая. Подписчикам он рассылался уже в июне¹².

В начале 1965 г. «Новому миру» должно было исполниться 40 лет. Для юбилейного номера А.Т. Твардовским была написана статья «По случаю юбилея». По «традиции» верстка была задержана. Д. Поликарпов вместе с другим работником ЦК А. Галановым отмечали, что «в статье содержатся неправильные положения, которые могут дезориентировать литературную общественность, направить развитие литературы по ошибочному пути... “Новый мир” считает по-прежнему актуальным и важным освещением в литературе тюремно-лагерных тем, злоупотреблений властью в прошлом... Нечеткие, двусмысленные положения статьи о пользе правдивых произведений могут быть истолкованы как призыв к активизации литературы “критического” направления, к размашистому изображению недостатков и трудностей нашей жизни»¹³.

Разрешение на опубликование статьи А.Т. Твардовский получил лишь после встречи редактора «Нового мира» с секретарем ЦК по идеологии М.А. Сусловым и внесения в текст некоторых поправок.

«Мы приветствуем споры, – писал Твардовский, – дискуссии, как бы остры они ни были, принимаем самую суровую и придирчивую в пределах литературных понятий критику. Мы считаем это нормальной жизнью в литературе. И сами не намерены уклоняться от постановки

острых вопросов и прямоты в своих суждениях и оценках. На том стоим»¹⁴.

Отзыв на эту статью, озаглавленный «Внесем ясность» и подписанный известным скульптором Е. Вучетичем, стал фактически первым адресным выпадом, направленным против редактора журнала. До того спорить с А.Т. Твардовским как руководителем «Нового мира» никто не решался.

В обширном ответе Е. Вучетич настаивал на том, что утверждение «за что стоять» важнее, чем «на чем стоять». Автор, отстаивая принципы партийности как доминанту в литературе и искусстве, выступает против выдвинутых А.Т. Твардовским требований художественности и правдивости в искусстве: «Это, я думаю, и должно быть основой спора. Именно в том, что мы хотим защищать, что отстоять. В этом суть. Эту статью я и написал во имя утверждения истины, нашей партийной истины, которая для всех нас превыше всего»¹⁵.

Уже в майской книжке «Новый мир» намеревался опубликовать подборку читательских откликов на статью Е. Вучетича. Однако верстка с читательскими письмами для № 5 «Нового мира» («О статьях “По случаю юбилея” и “Внесем ясность”») была отправлена цензурой в ЦК. Разрешения на ее публикацию получено так и не было. Пятый номер, подписанный в печать 13 апреля 1965 г., вышел в середине июня без этого материала¹⁶.

В 1965 г. дважды набирается, но изымается роман А. Бека (первоначальные авторские названия «Онисимов», «Сшибка») как произведение, дающее «искаженную оценку эпохи индустриализации», «сосредоточенное лишь на отрицательных явлениях того времени»¹⁷.

В сентябре 1965 г. А.Т. Твардовский впервые ставит на Секретариате ЦК вопрос о своем уходе с поста главного редактора. Однако согласие не было получено¹⁸.

В течение 1965 и 1966 гг. критическая атака на «Новый мир» усиливалась. На XXIII съезде КПСС, куда А.Т. Твардовский уже не был выбран делегатом, очередным публикациям журнала негативную оценку дают Первый секретарь ЦК Компартии Молдавии и другие видные представители номенклатуры¹⁹. Еще резче заговорили о «Новом мире» на Всесоюзном идеологическом совещании, состоявшемся после съезда. Особенно резкой критике подверглись военные повести В. Быкова, «Семеро в одном доме» В. Семина, «На Иртыше» С. Зальгина, «Из жизни Федора Кузькина» Б. Можаяева, а также статьи В. Лакшина и статья В. Кардина «Легенды и факты».

«Дела плохи, журнал как в блокаде», – записал А.Т. Твардовский 19 июня 1965 г.²⁰, комментируя тяжелые цензурные условия. Но тираж «Нового мира» продолжает расти. По выходным данным из двенадцатого номера тираж журнала за 1965 г. составлял 113 тыс. экземпляров, а за 1966 г. – уже 141 600.

В рабочих записях А.Т. Твардовский отметил²¹, что в журнале уже редко появляется произведения, к которым Главлит не имеет претензий. Каждый планируемый редколлегией в печать материал рассматри-

вался цензурой по несколько недель. Сомнению в благонадежности подвергаются даже малозначительные, на взгляд редактора, произведения. «Сомнительные материалы» цензура продолжает просто снимать: «Вчера цензура сняла заметку Венжера – статью, невиннейшую – Бирмана. Делают что хотят, ни малейшего смущения тем, что журнал и без того в трясине запоздания, наоборот – что хуже журналу, то лучше»²².

Упоминаемые Твардовским материалы – это статьи В. Венжера «Хозяйственный расчет и социализм» (из № 3) и А. Бирмана «Продолжение разговора. Мысли после съезда». Статья В. Венжера «Хозяйственный расчет и социализм», согласно цензурному заключению, ставила «под сомнение генеральную линию партии по кооперированию сельского хозяйства». Цензура сняла утверждение экономиста, что «Сталин свел кооперативный план Ленина только к коллективизации, выхолостив из него главную сущность – новую концепцию Ленина о социализме»²³. Статья А. Бирмана «Продолжение разговора. Мысли после съезда» с учетом цензурных замечаний появилась в № 5 «Нового мира» за 1966 г.

9 марта А.Т. Твардовский вновь направляет в Политбюро ЦК КПСС письмо с просьбой освободить его от должности главного редактора «Нового мира». Он заявляет о том, что решительно не согласен с «оргвыводами» ЦК, которые, по мнению редактора «Нового мира», были сделаны «взамен обсуждения»²⁴ проблемы.

Твардовский признает такое положение оскорбительным: получается, что он лишь подписывает журнал, «а делают его другие люди». Пленум ЦК, который, по мнению поэта, должен был стать последним для него в должности редактора, тем не менее не принял решение о снятии А.Т. Твардовского.

Следующим поводом для обращения редактора в ЦК стало распространение в середине августа 1966 г. (накануне начала подписного года) в военных частях и учебных заведениях директивы Политического Управления армии об исключении «Нового мира» из рекомендательных списков для бюджетной подписки на 1967 г. Директива была подписана начальником Главного политического управления (ГлавПУР) СА и ВМФ СССР генералом А. Епишевым. Как следует из рабочих записей А.Т. Твардовского за этот год, в редакцию стали приходиться десятки писем читателей. Одно из них – письмо полковника запаса и литератора С.С. Дорошенко – А.Т. Твардовский отправляет секретарю ЦК КПСС П.Н. Демичеву как «документальное подтверждение» сведений об «особых санкциях» в отношении «Нового мира»²⁵.

В октябре 1966 г. А.Т. Твардовский сообщал в ЦК об убытках, понесенных журналом в связи с приостановлением печатания тиража десятого номера, ранее подписанного Главлитом. Номер был своего рода юбилейным – сотым номером «Нового мира» под редакцией А.Т. Твардовского. Поводом для жестких действий ЦК стали дневники К. Симонова «Сто суток войны»²⁶. Записки Симонова будут опубликованы лишь в 1974–1975 гг. в журнале «Дружба народов» под другим заглавием и с очень существенными изъятиями цензурного характера. Был остановлен и уже наполовину отпечатанный роман А. Бека «Новое

назначение». Типография понесла убытки, пустив готовые листы «под нож», а А.Т. Твардовский назвал положение журнала катастрофическим: «Октябрьский номер, и без того опаздывающий по не зависящим от редакции причинам более чем на месяц, теперь сможет выйти в лучшем случае в декабре, отодвигая таким образом выход №№ 11 и 12 на 1967 год»²⁷. Подводя итоги 1967 г., следует отметить, что тираж журнала вновь вырос. В записках А.Т. Твардовский объяснял, что заметная убыль армейских подписчиков покрылась новыми читателями: только по одной Москве число подписавшихся увеличилось на 3000. Официальные данные о тираже в двенадцатом номере за 1967 г. – 128 700.

В 1967 г. цензура стала всё чаще придирается к подборкам писем читателей. С трудом проходит в печать отклик на записки летчика-испытателя, Героя Советского Союза М. Галлая «Первый бой мы выиграла», опубликованные в № 9 «Нового мира» за 1966 г. Рассуждения военного по поводу первых дней Великой Отечественной войны получили резкую оценку в № 1 журнала «Авиация и космонавтика» за 1967 г., где был помещен отрицательный отзыв, подписанный генералами А. Катричем, Н. Сбытовым, Н. Кобяшовым и П. Стефановским, – «Когда память не в ладу с историей». При обсуждении на парткоме Московской писательской организации записок М. Галлая генеральский отзыв был признан недобросовестным и недопустимым по тону. Однако письмо в редакцию (за подписью «Ваш читатель, инженер-полковник В. Розанов»), доказывавшее некомпетентность генералов-рецензентов и отмечавшее их оскорбительный тон в споре с героем-летчиком, цензура задерживала. Статья В. Розанова «В споре нужны аргументы» выходит лишь в седьмом номере.

Восьмой номер «Нового мира» сдан в набор 15 июня, подписан в печать 17 августа, рассылался подписчикам после 20 сентября. Этот номер отставал от графика выхода в печать из-за рассказа М. Рощина «С утра до ночи» и очерка В. Некрасова «Дом Турбиных» (о киевском доме семьи Булгаковых). Девятый номер сдан в набор 22 июля, подписан в печать лишь 2 октября. С 1 сентября в СССР была открыта подписка на журналы и газеты. Редакция «Нового мира» намеревалась анонсировать на следующий год произведения Ф. Абрамова, А. Солженицына, Т. Дабкиной. Редакцией были подготовлены 100 тыс. экземпляров плана-проспекта и сводный проспект издательства «Известия» по трем журналам, в том числе «Новому миру». Однако цензура воспротивилась. Твардовский вновь обратился в ЦК с сообщением о ситуации, сложившейся вокруг журнала: «Ставлю Секретариат в известность о нынешнем критическом положении журнала. Сегодня, 1 сентября открывается подписка на газеты и журналы, но редакция лишена возможности опубликовать проспект на 1968 год. С одной стороны, она не может указать в проспекте произведения, уже объявленные в прошлом (Бек, Дабкина, Симонов, не говоря уже о «Раковом корпусе» Солженицына, в основном одобренном редакцией и нуждающемся лишь в некоторой дополнительной работе). С другой – умолчание об этих произведениях в нынешнем проспекте означало бы, что они запре-

Т.Н. Тазеева-Гриценко

щены, тогда как (и Секретариату об этом известно) они никем не запрещены. Таким образом, редакция, по независящим от нее причинам не выполнившая своих обязательств перед читателем, не может даже подтвердить их в перспективе нового журнального года, что ставит журнал в крайне фальшивое положение и будет способствовать распространению вредных для советской литературы догадок и слухов»²⁸.

Но в 1967 г. план-проспект в журнале опубликован так и не был. Вместо него в девятом номере появился анонс новых рубрик журнала «Вопросы литературы».

Содержание десятого номера, вышедшего к 50-летию Октябрьской революции, после вмешательства цензуры пришлось поменять практически полностью. Из номера сняты работа Т. Драбкиной, вновь – К. Симонов и А. Бек. В итоге в разделе прозы вышли лишь продолжение повести Р. Гамзатова «Мой Дагестан» (начало было напечатано в № 9 того же года) и переводная повесть А. Зегерс «Тот самый голубой цвет». Именно в это время политика КПСС по отношению к журналу дает результаты, к которым стремятся запрещающие органы. В «Октябре» В. Кочетова и «Знамени» В. Кожевникова появляются интересные для читателей произведения, в то время как новомирские цензоры продолжают задерживать каждую книжку «Нового мира». Число подписчиков журнала падает до 113 тыс. Читатели, далекие от литературной жизни, обвиняют журнал и его главного редактора в «пренебрежительном отношении к человеку». В частности, в Секретариат СП приходит письмо от подписчика «Нового мира» из Барнаула М.С. Безматерных, который жалуется на постоянное опоздание журнала на 2–3 месяца²⁹.

В середине 1968 г. цензура задержала четвертый и пятый номера «Нового мира». На происходящее с журналом обращает внимание иностранная пресса. Из апрельской книжки «Нового мира» вновь сняли главы «Деревенского дневника» Ефима Дороша, ни один из материалов не остался без вымарок. Майская книжка журнала была получена подписчиками с четырехмесячным опозданием. Она была сдана в набор 25 марта, подписана в печать 25 июля. Из номера сняли повесть Василя Быкова, в типографии были уничтожены уже отпечатанные листы с разоблачительной биографией Гитлера – статья Д. Мельникова и Л. Черной «Преступник № 1 Адольф Гитлер и его хозяйка».

По недосмотру Эмилии Проскуриной (одного из цензоров, работавших с «Новым миром») в журнал попали сведения, из которых было видно, что номер находился в производстве 4 месяца. Позже за рубежом эта статистика характеризовалась как «продолжающаяся героическая борьба с цензурой», а начальником Главлита П.К. Романовым был сделан выговор Проскуриной³⁰.

Неприятности с номером продолжились и после выпуска тиража. Из-за нарушения нормального хода производства в части тиража оказалась вшитой половина публикаций о П.Л. Лаврове без заглавия, несколько книжек появились с перевернутым вниз головой портретом Маркса. Редакцией было обнаружено до 4000 экземпляров таких журналов.

Кроме того, пятый номер вышел необычайно «тощим»: он потерял почти треть объема и содержал 208 страниц вместо обычных 288. Шестой номер хоть и опоздал на три месяца, но, по настоянию редакции, оказался «толстяком»: 368 страниц как бы восполняли недобор предыдущей книжки.

Реально оценивая положение с подпиской и спадающим читательским интересом к журналу, А.Т. Твардовский решает просить встречи у первого секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Однако встреча, назначенная на август, не состоялась. 20 августа 1968 г. советские танки вошли в Прагу. Осенью 1968 г. редакция продолжает получать недоуменные и возмущенные письма подписчиков. Читатели интересуются: что случилось с журналом, почему он так опаздывает, будет ли подписка или журнал уже закрыт? Резонанс усилился тем, что в некоторых областях СССР, усилиями местных руководителей, подписка на «Новый мир» была запрещена. Так, не разрешили индивидуальной подписки на новый 1969 год на родине Л.И. Брежнева в Днепропетровской области³¹.

Из-за опозданий тираж журнала теряет и на розничной продаже. В августе 1968 г. в Союзпечати отказались брать на реализацию задержанные номера (около 20 тыс. экземпляров) майского выпуска, несмотря на то, что киоски готовы были брать и продавать «Новый мир» с любым запозданием³². Редакция журнала готова отказаться от номеров розницы, однако ЦК настаивает на выпуске указанных заранее тиражей. За опоздания редакция расплачивалась штрафами до 2 тыс. рублей за каждую книжку. Убыточную розницу прекратили публиковать лишь в декабре.

Двенадцатый номер 1968 г. подписчики получили лишь в феврале следующего года. В нем печаталось окончание романа Н. Воронова «Юность в Железнодорожье». Первая его часть появилась в № 11. Вторую часть романа цензура остановила и направила в ЦК КПСС письмо с обвинениями автора романа в дегероизации, очернительстве советского образа жизни и т. п. Руководство ЦК поручило рассмотреть письмо отделам пропаганды и культуры. Выступая в очередной раз в Секретариате СП, Твардовский отмечал: «Если вы хотите смерти журнала, то вы на правильном пути»³³.

Но были в жизни редакции и радостные новости. Сдав позиции в 1967 г., в 1968 г. журнал хорошо стартовал в подписной компании. Учитывая, что в армии и вузах всё еще действовал запрет на получение сотрудниками и библиотеками «Нового мира», журнал радовался приросту и в шесть тысяч подписчиков. В конце 1968 г. «Новый мир» выходит тиражом 119 тыс. экземпляров.

В апреле 1969 г. журнал публикует, пожалуй, последний резонансный материал эпохи А.Т. Твардовского – критическую статью «О традициях и народности» А. Дементьева, бывшего заместителя главного редактора «Нового мира» (в декабре 1966 г., вместе с ответственным секретарем редакции Б. Заксом, решением Секретариата ЦК КПСС выведен из состава редколлегии). Как обычно, из-за особого внимания цензуры статья вышла с опозданием: номер, сданный в набор 4 марта, подписан в

Т.Н. Тазеева-Гриценко

печать 19 мая, а подписчикам рассылался в июне. Еще раньше из февральской книжки журнала были сняты очерки Ефима Дороша, члена редколлегии, и стихи самого А.Т. Твардовского, вошедшие позднее в поэму «По праву памяти». Однако в отличие от № 4 февральский журнал подписчики получили лишь с двухнедельным опозданием.

Согласно официальным документам, задержка четвертого номера была вызвана придирами Главлита к «Письмам Марины Цветаевой» и статье М. Гефтера «Из истории ленинской мысли». К А. Дементьеву претензий не было³⁴. В своей статье критик выступал против журнала «Молодая гвардия», обвинив редакцию и его авторов в неправильном понимании некоторых позиций «марксизма-ленинизма», а именно в обращении к идеям «славянофильства». Дементьев иронизировал над «любовью к истокам и земле, к памятникам и святыням старины», противоречащей пролетарскому интернационализму, и над «мужиковствующими» поэтами.

Ответ критику, подписанный одиннадцатью деятелями литературы и искусства (отчего и получил название «Письмо 11-и»), был опубликован в журнале «Огонек» спустя всего две недели после рассылки № 4 «Нового мира» подписчикам. В отличие от журнала А.Т. Твардовского, «Огонек» под редакцией А. Софронова с выходом не опоздал: тридцатый номер с «Письмом 11-ти» был сдан в набор 8 июля, подписан в печать 22 июля и вышел в свет 26 июля. Тираж «Огонька» также значительно отличался от «Нового мира». На начало 1969 г. журнал А.Т. Твардовского имел тираж около 130 тыс. Письмо «Против чего выступает “Новый мир”?» в № 30 «Огонька» было напечатано стабильным для журнала тиражом – 2 125 000 экземпляров³⁵.

В середине мая 1969 г. секретарь Союза писателей К. Воронков предложил А.Т. Твардовскому подать заявление об уходе из «Нового мира» и перейти на штатную работу в Секретариат Союза писателей СССР. Но А.Т. Твардовский решил продолжать работать над журналом, тем более что в редакцию «Нового мира» в августе–сентябре 1969 г. приходят письма читателей в поддержку статьи Дементьева. Всего их, по подсчетам «новомирцев», пришло в журнал и другие печатные СМИ около 1500. Некоторые копии откликов в защиту Дементьева, отправляемые в «Огонек», присылаются также А.Т. Твардовскому, В. Лакшину и самому автору статьи «О традициях и народности». В письмах назывались имена любимых писателей, одобрялась публицистика журнала, отмечался «хороший язык» публикаций, словом, содержалась общая положительная оценка. Однако опубликовать их сразу же А.Т. Твардовский возможности не получил. Июльская книжка журнала (№ 7 за 1969 г.), содержащая ответ «От редакции» на «Письмо 11-ти», была подписана в печать лишь 4 августа. Сигнальный экземпляр «Нового мира» появился 19 августа, подписчикам журнал начали рассылать лишь в сентябре.

Разгоревшаяся полемика, между тем, привлекла внимание к журналу новых подписчиков. Переводчик и писатель А. Эйсер, публиковавший в «Новом мире» воспоминания³⁶, поделился с редакцией получен-

ными от знакомой сведениями о подписке на журналы по почтовому отделению «Москва, В-296»:

Октябрь — 17.

Знамя — 26.

Новый мир — 276³⁷.

К концу года подписка журнала, по сравнению с 1968 г., увеличивается почти на 15 тыс. и достигает 127 тыс. экземпляров. На начало года журнал продолжает набирать подписчиков: №1 за 1970 г. вышел 156 000 экземплярами. Эта книжка «Нового мира» стала последней, сделанной А.Т. Твардовским. Ее подписание и прохождение в печать цензура оформляет быстро и в сроки.

9 февраля 1970 г. решением Секретариата Союза писателей РСФСР в редколлегию «Нового мира» ввели в качестве первого заместителя главного редактора Д.Г. Большова, а также О.П. Смирнова, А.Е. Рекемчука, А.И. Овчаренко. Ведущие критики «Нового мира» В. Лакшин, А. Кондратович, И. Виноградов, И. Сац были освобождены от своих обязанностей. Твардовский в знак протеста пишет заявление об уходе с должности редактора журнала. На этот раз просьбу удовлетворили — на место Твардовского пришел В.А. Косолапов.

Стоит отметить, что в первые месяцы после смены почти всего состава редколлегии журнала тираж «Нового мира» продолжал расти. Однако, учитывая, что после ухода А.Т. Твардовского были сразу же сняты ограничения на подписку в армии и учебных заведениях, увеличение тиража произошло незначительное: второй номер за 1970 г. выходит 163 000 экземплярами. К тому же в первые месяцы 1970 г. в журнале продолжают анонсироваться только авторы из «портфеля» А.Т. Твардовского и уволенной редколлегии: Ф. Абрамов, Б. Можаяев, В. Катаев и другие. Читателей как бы уверяли, что внутренние перемены в жизни «Нового мира» не отразятся на общих идейно-эстетических позициях, провозглашаемых журналом на протяжении десятилетия.

Из журнала уходят — после отставки Твардовского — М. Хитров, А. Марьямов и Е. Дорош. Секретариат ЦК удовлетворяет их заявление лишь после того, как А. Марьямов и Е. Дорош отказались участвовать в деятельности редколлегии и получать зарплату. В журнале прекратили печататься знаменитые критики и публицисты, бывшие знаменем «Нового мира» в 1960-е гг. Ухудшается качество прозы. Журнал становится издательским органом, что приводит к ослаблению интереса читателей и внимания мировой общественности к деятельности журнала в 1970-х гг.³⁸

Примечания

¹ Дедков И. Возвращение к себе: Из опыта советской прозы 60–70 гг.: Герои, конфликты, нравственные искания. М., 1978. С. 25.

² Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущева. М., 1991. С. 49–53.

³ Солженицын А. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. Париж, 1975. С. 25.

Т.Н. Тазеева-Гриценко

- 4 Документы из архива ЦК КПСС по делу И.А. Солженицына // *Континент*. 1993. № 75 (январь–февраль–март). С. 162.
- 5 *Лакшин В.Я.* «Новый мир» во времена Хрущева. С. 84–86.
- 6 *Буртин Ю.* О сталинисте Твардовском, который терпел и молчал: (Полемика с Викторией Шохиной) // *Независимая газета*. 2000. 8 апреля. С. 11.
- 7 *Лакшин В.Я.* «Новый мир» во времена Хрущева. С. 97–100.
- 8 *Буртин Ю.* Указ. соч. С. 11.
- 9 *Твардовский А.* Рабочие тетради 60-х годов: 1964 год // *Знамя*. 2001. № 9. С. 47.
- 10 Там же. С. 55.
- 11 Там же. С. 55.
- 12 *Кондратович А.И.* Новомирский дневник 1967–1970 г.: (Журнал «Новый мир») / Вступ. ст. и общ. ред. И.А. Дедкова. М., 1991. С. 232–236.
- 13 *Дикущина Н.* «...Не отступая – быть самим собой»: (По страницам книги Р. Романовой «Александр Твардовский. Труды и дни») // *Вопросы литературы*. 2007. № 1. С. 24.
- 14 *Новый мир*. 1965. № 1. С. 3.
- 15 *Известия*. 1965. 14 апреля. С. 3.
- 16 *Твардовский А.* Рабочие тетради 60-х годов: 1965 г., январь, апрель–май // *Знамя*. 2001. № 12. С. 143.
- 17 *История советской политической цензуры*. М., 1997. С. 558.
- 18 *Знамя*. 2002. № 2. С. 116.
- 19 *История советской политической цензуры*. С. 558.
- 20 *Твардовский А.* Рабочие тетради 60-х годов // *Знамя*. 2002. № 2. С. 116.
- 21 Там же. С. 117.
- 22 *Твардовский А.* Рабочие тетради 60-х годов // *Знамя*. 2002. № 4. С. 107.
- 23 *История советской политической цензуры*. С. 557.
- 24 *Твардовский А.* Рабочие тетради 60-х годов // *Знамя*. 2002. № 9. С. 97.
- 25 *Твардовский А.* Рабочие тетради 60-х годов // *Знамя*. 2002. № 5. С. 109.
- 26 *Беляев А.* На старой площади // *Вопросы литературы*. 2002. № 5.
- 27 Там же. С. 110.
- 28 *Твардовский А.* Рабочие тетради 60-х годов // *Знамя*. 2003. № 10. С. 123.
- 29 Там же. С. 155.
- 30 Там же. С. 135.
- 31 *Лакшин В.* Твардовский в «Новом мире». С. 164.
- 32 Там же. С. 178.
- 33 Там же. С. 214.
- 34 *Твардовская В.* А.Г. Дементьев против «Молодой гвардии»: (Эпизод из идейной борьбы 60-х годов) // *Вопросы литературы*. 2005. № 1. С. 214.
- 35 Там же. С. 233.
- 36 *Эйснер А.* Двенадцатая, интернациональная // *Новый мир*. 1968. № 6.
- 37 *Ясный В.К.* Год рождения – девятьсот семнадцатый. М., 1997. С. 126.
- 38 *Буртин Ю.* Указ. соч. С. 11.

В.Л. Гопман

ПОВЕСТЬ ДЖ. ЧЕСНИ «БИТВА ПРИ ДОРКИНГЕ»
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
«БЛЭКВУДС МЭГЭЗИН»

Статья посвящена исследованию так называемой «литературы о войнах в будущем», возникшей в последней четверти XIX в. в литературе Великобритании. Поэтика и эстетика этой литературы рассматриваются на материале повести английского прозаика Дж. Чесни «Битва при Доркинге». «Литературу о войнах в будущем» можно считать одним из видов «литературы предвидений» (или научной фантастики).

Ключевые слова: научная фантастика; литература предвидений; литература о войнах в будущем; английская литература; Дж. Чесни.

Мы, англичане, должны винить только себя за то унижение, которому подверглась наша родина... Мы стали мудры, когда было слишком поздно...

Дж.Чесни. Битва при Доркинге¹

Во второй половине XIX в. журнал «Блэквудс мэгэзин» считался одним из самых популярных периодических изданий в Великобритании. Журнал начал издавать Уильям Блэквудс с апреля 1817 г. в Эдинбурге под названием «Эдинбург мансли мэгэзин». В октябре этого же года издание было переименовано в «Блэквудс Эдинбург мэгэзин» и под таким названием выходило по декабрь 1905 г. И хотя оно стало называться «Блэквудс мэгэзин» только с января 1906 г., в литературе это название принято относить и к XIX в.

Пик популярности журнала пришелся на 1860–1880-е гг., когда во главе его стоял сын Уильяма Блэквуда – Джон. Он сумел добиться успеха благодаря тому, что уловил потребности и вкусы среднего класса – опоры империи. С одной стороны, в журнале постоянно печаталась художественная литература – этот раздел был представлен именами таких значительных шотландских и английских поэтов и прозаиков, как Вальтер Скотт, Джеймс Хогг, известный своими стихами и романом «Воспоминания и признания оправданного грешника», Томас Де Куинси, автор наделавшей много шума «Исповеди англичанина, курильщи-

В.Л. Гопман

ка опиума». С другой стороны, в журнале регулярно появлялись статьи об экономике, внешней и внутренней политике Великобритании, в частности, выступления генералов и адмиралов о различных проблемах развития военно-морских сил Великобритании.

С конца 1870 г. количество подобных публикаций, впрочем, как и во всей английской печати, стало расти, и всё чаще в них начинают звучать тревожные нотки. Чтобы понять причины подобных настроений в английском обществе, необходимо отступление историко-политического характера. В середине XIX века Европа вступила в полосу драматических событий. Началось возвышение Пруссии, особо усилившейся при Отто фон Бисмарке. В 1862 г. он был назначен на два ключевых поста: министра-президента и министра иностранных дел. И в одном из первых выступлений в этом качестве Бисмарк произнес знаменательную фразу, ставшую девизом внешней политики государства: «...не речами и постановлениями большинства решаются великие вопросы времени... но железом и кровью»².

В 1864 г. Пруссия начала войну с Данией за земли Шлезвиг–Гольштейн и быстро одержала победу. В 1866 г. Пруссия развязала войну с Австрией и заставила ее капитулировать через пять недель. А в июле 1870 г. началась франко-прусская война, начатая Наполеоном III, но спровоцированная Бисмарком. И эта война также продлилась недолго – уже 10 мая 1871 г. во Франкфурте-на-Майне Франция подписала капитуляцию. Произошло немыслимое: доселе самая мощная держава континентальной Европы потерпела поражение, потеряла важные территории и была вынуждена выплачивать победоносным пруссакам гигантскую контрибуцию. Франко-прусская война стала самой постыдной в истории вооруженных сил страны, еще недавно, при Наполеоне, владевшей половиной мира.

18 января 1871 года в Берлине была провозглашена Германская империя. Это событие ознаменовало не просто появление на карте Европы нового государства (впервые за свою тысячелетнюю историю Германия стала единой и суверенной державой), но изменение всей геополитической ситуации в Европе. Отныне на континенте была только одна страна, обладавшая столь полным военным превосходством над ближайшими соседями. Правда, на европейском пространстве были еще два государства, самим фактом своего существования словно бросающие вызов Германской империи – Англия и Россия. Но если в России появление немецкого государства не вызвало особого волнения (страна в то время переживала весьма сложный период своей истории: недавно было отменено крепостное право, начались думская, судебная и военная реформы), то на Британских островах это событие породило тревогу. Почему же? Ведь в последней четверти XIX века Англии, казалось бы, некого было опасаться – великая колониальная империя владела в то время почти четвертой частью земного шара, на этой территории проживала примерно одна четвертая населения планеты.

В Англии боязнь грядущих бедствий носила особый характер, поскольку была следствием катастрофичности национального сознания.

Возникновение у англичан самой мысли о трагической вероятности гибели мира есть результат живущего в их психологии (пусть глубоко, на бессознательном уровне) страха перед вторжением возможного врага в Великобританию. Повторим известное: Британские острова пережили четыре волны вторжений. В середине I тысячелетия до н. э. здесь высадились кельты, в I в. н. э. – римляне, в IV–V вв. – племена англов, саксов и ютов и, наконец, в 1066 г. произошло норманнское вторжение. И хотя с XI века на территорию Британских островов больше не ступала нога завоевателя, ощущение возможного вторжения с континента осталось в генетической памяти англичан, чувство «незащищенной спины» присутствовало в душе жителей острова. Подпитывалось это чувство еще и тем, что Англия на протяжении веков оставалась государством, меньшим по размеру и населению, чем ее соседи через Ла-Манш, и в первую очередь Франция, главный исторический противник. Ведь в начале XIX в. в Англии проживало народу втрое меньше, чем во Франции, и население этих стран сравнивалось только в XX веке.

Потому чаще, чем в литературах других стран мира, тема возможных катастроф возникает в английской литературе. Об этом не раз писали исследователи. Например, К. Эби говорит об «островобоязни», «островофилии» (islephilia)³, используя этот термин для определения особого типа национальной психологии англичан, в основе которой ощущение незащищенности. Об этом же писали такие авторитетные специалисты по английской фантастике, как Б. Олдисс⁴, П. Николлс⁵, Дэвид Прингл и Брайан Стэблфорд⁶, Н. Раддик⁷, Р. Герберт⁸, Д. Сувин⁹, П. Парриндер¹⁰, К. Мэнлав¹¹ и другие.

По словам известного журналиста В. Овчинникова, много лет жившего в Великобритании и опубликовавшего книгу «Корни дуба», одну из лучших работ о жизни и психологии ее обитателей, «призрак заморской угрозы веками тревожил англичан»¹². Это ощущение усилилось во время наполеоновских войн и затем, казалось, стало исчезать во время правления королевы Виктории – ведь при ней завершилось формирование величайшей в XIX столетии Британской империи, «над которой никогда не заходит солнце». Чувство страха, угрозы – и не метафизической, зловеще-загадочной, как в готическом романе, а вполне реальной – англичане начали ощущать во второй половине XIX века. И страх этот был именно перед вооруженным вторжением.

Своеобразным ответом на эту тревогу разных слоев общества стал материал, напечатанный анонимно в мае 1871 г. в журнале «Блэквудс мэгэзин» и озаглавленный «Битва при Доркинге».

Повесть – такое жанровое определение можно дать «Битве при Доркинге» – вышла в июле отдельной книгой, на титуле которой уже значилось имя автора: Джордж Томкинс Чесни. Джордж Чесни (1830–1895) – кадровый офицер, подполковник инженерных войск. Он прослужил четверть века в Индии, в 1857 г. участвовал в подавлении восстания сипаев (о чем впоследствии написал роман «Дилемма»), а в 1869 г. был направлен в Англию для организации и последующего руководства Королевским индийским инженерным колледжем.

В сущности, Чесни был одним из тех строителей империи, о которых так много писал Киплинг – например, в стихотворении «Саперы» с примечательным подзаголовком «Королевские инженеры». Служба в инженерных войсках была гарантией высокого уровня профессиональной подготовки – недаром из их рядов вышли многие известные в Англии геологи, астрономы, топографы, строители мостов, геодезисты. И именно инженерные войска, по мнению Киплинга, были наиболее эффективно действующим подразделением английской армии, внесшим весомый вклад в успех колониальных завоеваний Великобритании: «Спору нет, за других и понюшки не дашь // («Так точно!» – сказал Сапер), // И один только корпус хорош – это наш, // Нас зовут – господа инженеры // Инженерных ее величества Войск // С содержанием и в чине Сапера»¹³.

Чесни был не только блестящим военным, он также интересовался литературой, несколько лет сотрудничал с журналом «Blackwood's Magazine», печатая там очерки и рецензии (неизменно вызывавшие одобрение главного редактора). Следует добавить, что по возвращении в Англию Чесни в 1870–1880-е гг. опубликовал также несколько романов, успех которых, по сравнению с первой повестью автора, был минимальным.

Чесни был среди тех английских военных и политиков, кто выражал опасение по поводу готовности вооруженных сил Соединенного Королевства к предполагаемой войне. 8 февраля 1871 г. Чесни послал Джону Блэквуду письмо, в котором написал, что «убедить общество в необходимости произвести полную реорганизацию армии можно было бы с помощью рассказа... в котором описывалось бы успешно завершившееся вторжение в Англию, крушение нашего могущества и, как следствие этого, экономики»¹⁴. Судя по тому, что Блэквуд ответил сразу, его привлекло это предложение: «Мне чрезвычайно нравится идея с рассказом о предполагаемом успешном вторжении в Англию. Такая вещь поможет встряхнуть людей. Ее будет очень трудно написать, но если вам удастся сделать ее столь же живой, как и ваши рецензии, вас ждет успех»¹⁵.

Чесни ответил, что принимается за работу, и меньше через два месяца прислал Блэквуду рукопись. Вскоре Блэквуд отправил Чесни корректуру повести и письмо: «После того, как вещь была набрана, я перечел ее и мне чрезвычайно приятно сообщить вам, что, на мой взгляд, получилось просто отлично – в сущности, это то, что надо»¹⁶.

«Битва при Доркинге» – повесть объемом в три с небольшим авторских листа – представляет собой хронику вымышленных событий, будто бы произошедших в Англии в августе 1871 г. Рассказчик, бывший их участником, обращаясь к своим внукам в 1921 г., говорит о «горькой странице нашей истории»¹⁷.

Вспоминая о том, что случилось 50 лет назад, рассказчик винит в национальной трагедии только самих англичан: «Для нас понимание происходящего пришло слишком поздно. И всё же у нас было достаточно предупреждений – если бы только мы прислушались к ним... Нель-

зя сказать, что мы не подозревали об опасности, грозящей нам. Да, все произошло так внезапно, но так многое предвещало беду, если бы мы упрямо не закрывали на это глаза»¹⁸.

К началу 1870-х гг., по словам рассказчика, Англия находилась на вершине могущества. Но если она главенствовала в мировой экономике, то самым сильным в военном отношении государством считалась Франция. Примечательно, что для подтверждения могущества этой страны рассказчик приводит следующее доказательство: в годы правления Наполеона она победила Австрию, Пруссию – и Россию! Безусловно, Чесни – профессиональный военный – не мог не знать об исходе русской кампании Наполеона. В чем же причина искажения им исторических фактов? Ответ, на наш взгляд, очевиден. «Битва при Доркинге» – не военно-исторический трактат, а художественное произведение. И действие его происходит в иных координатах пространства и времени, в вымышленном мире – по сравнению с тем, в каком жили и автор повести, и его читатели. Это фантастическое по своей сути допущение позволяет Чесни создать такую сюжетную ситуацию, чтобы у читателя возникло ощущение одновременно и реальности, и ирреальности происходящего, чтобы он понимал: события повести вымышлены, но вполне возможны.

Далее рассказчик сообщает о некоей европейской стране (пока не называя ее), мощь которой можно представить по тому, что она победила Францию. После этого, казалось бы, считает рассказчик, настало для англичан время задуматься над тем, что происходит на континенте. Но в стране царил благодушие. Хотя в парламенте и был поставлен вопрос о реформе армии, но его спустили на тормозах. Более того, некоторые члены парламента выступили даже с требованием сократить вооруженные силы Великобритании. В сущности, эти политики нашли поддержку у правительства, заявившего, что флот и Ла-Манш – достаточная защита для страны. Реформа была отложена, а добровольцы и милиционная армия из-за недостатка средств, выделяемых государством, остались без тренировок и сборов.

В то время (повествует рассказчик) армия Великобритании оказалась в достаточно сложном положении. В Индии произошло восстание, для подавления которого потребовались немалые силы. Армейский корпус в составе 10 000 человек был отправлен для защиты Канады, отношения которой с США серьезно осложнились. Наконец, около половины армии Великобритании необходимо было срочно перебросить в Ирландию для подавления восстания фениев. Не только сухопутные войска страны были существенно ослаблены, но и национальный флот оказался рассеян – большая его часть была направлена для защиты колоний Великобритании, прежде всего в Карибском море.

Тем временем Голландия и Дания были аннексированы врагом – и 9 августа 1871 г. Англия выступила на защиту этих государств, объявив противнику войну (важную роль в повести играет точная датировка событий – таким образом Чесни создает у читателей ощущение документальности происходящего). Английские посольства и представи-

В.Л. Гопман

тельства стали высылаться из некоторых европейских государств, а в самой Англии поднялась волна патриотизма – за несколько дней записалось добровольцами свыше полумиллиона человек. Началось строительство военных кораблей – и ситуация в стране стала напоминать Англию 1586–1588 гг., в период подготовки к отражению Непобедимой Армады.

11 августа в лондонских газетах появились тревожные новости: вражеский флот показался у берегов Англии. Затем последовали сообщения о том, что произошло морское сражение, в ходе которого флагманский корабль англичан был подбит торпедами и затонул. Бой закончился оскорбительно быстро для «владычицы морей», итогом его стало уничтожение английских судов. Потом поступили сообщения, что враг высадился на побережье Великобритании.

Что делать в этой ситуации – такой проблемы для рассказчика не возникло: он записывается добровольцем. Со сборного пункта его отряд отправляют по железной дороге в район предполагаемой высадки врага. Предполагаемой потому, что рассказчик вскоре с тягостным удивлением понял: мало кто знал, что же в действительности происходило в стране. Первое столкновение с реальностью, когда отряд прибыл на позиции: нет ни оружия, ни еды – и ее люди не получали более суток. Потому-то солдаты, проходя через деревушку на юге Англии, начали грабить продовольственные магазины. Хотя мародерство удалось с трудом остановить, это был тревожный симптом.

Прибыв на позиции недалеко от Доркинга, рассказчик восторгается видами окрестностей – «это один из самых чудесных пейзажей в Англии»¹⁹ – и понимает, что на фоне красот природы сама мысль о войне кажется еще более чудовищной. Меж тем неразбериха и суэта продолжают продолжаться. Прибывают поезда, привозящие новые отряды ополченцев, но, судя по всему, никто по-прежнему не знает, где их размещать, чем кормить и вооружать.

Вдалеке рассказчик различает передовые отряды вражеской армии. Начинается артобстрел, стреляют с той и другой стороны. Английский генерал – рассказчик восхищается его бравым видом, мужественностью облика окружающих его офицеров – отдает приказ о наступлении. Атаки, предваряемые молодецкими призывами командиров: «Вперед, джентльмены, зададим им жару!»²⁰, «Ополченцы, грянем британское ура – и вперед!»²¹.

Первые раненые среди англичан – рассказчик выносит с поля боя друга. В ходе рукопашной герой вонзает штык во вражеского солдата, оказавшегося прямо перед ним. Несчастный падает, его глаза буквально вылезают из орбит – и, хотя это был враг, зрелище для рассказчика оказалось тягостным. В пылу боя он не замечает, что ранен в ногу и руку, но решает не покидать позиции.

Во время наступившего затишья их отряд вновь куда-то переводят – и вновь никто не объясняет, что это: отступление? передислокация? Они оказываются в какой-то деревушке, прошел уже почти день, как им не выдавали пайка. Показывается подвода с ящиками, раздаются крики:

«Еда!». И вновь, как несколько дней назад, все бросаются на подводу, стакивают с козел возницу, хватают коробки и банки. Ополченцы по-прежнему не получают указаний, что им делать, не видно ни одного офицера, не от кого узнать, чем закончилась битва при Доркинге, какова ситуация в других районах страны. Рассказчик, ощущая растущую слабость от полученных ран, не найдя лазарета и не видя ни одной подводы, решает отправиться пешком до Лондона (в наши дни до Доркинга из центра Лондона на автобусе можно доехать минут за сорок).

После нескольких часов ходьбы герой с толпой таких же, как и он, измученных и растерянных людей, добирается до предместья Лондона; в этом районе находился дом его друга – того, которого он вынес с поля боя. Рассказчик заходит в дом и с облегчением видит в гостиной невредимого сына друга, Артура. Поднимается на второй этаж – и находит друга в постели, бледного, в повязках, но живого, рядом с ним жена. Спускается вниз – и видит мертвого Артура, только что убитого шальной пулей. От пережитого потрясения лишается чувств, когда же приходит в себя, слышит звуки чужой речи. В столовой расположились люди в иностранной военной форме, говорящие по-немецки (наконец враг назван открыто). Они смеются, шумно поглощая еду. Вместе с рассказчиком мы ощущаем трагическую парадоксальность ситуации: дом англичанина отныне не его крепость, он захвачен грубыми и бесцеремонными пришельцами – и гибель подростка словно знаменует начало бедствий, которые ожидают страну...

Рассказчик выходит на улицу: полно немцев, проезжают экипажи и подводы, проводят пленных англичан. Герой понимает, что война проиграна. Драматичны для страны последствия этого поражения: потеряны все колонии, Канада и острова Карибского моря отошли к США, Австралия, Индия и Ирландия стали независимыми странами, причем Ирландия превратилась в рассадник анархизма и разрушительных революционных идей (разумеется, язвительно замечает автор, потому что лишилась благотворного влияния Англии); наконец, Гибралтар и Мальта захвачены Германией.

Примечательно, что описанные в повести события происходят вблизи Доркинга (человеку, интересующемуся английской культурой, он знаком потому, что здесь родились знаменитый экономист XIX столетия Т. Мальтус и великий артист XX столетия Лоуренс Оливье, а также жила мачеха Сэма Уэллера из романа Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба»). Этот городок в графстве Суррей не просто «удобен» в географическом отношении, будучи расположенным на побережье, – он типично английский, небольшой, уютный, такой же, как десятки других в Южной Англии. Поэтому Доркинг становится символом Великобритании, всего английского, и то, что трагические события разворачиваются около него, создает впечатление гибели страны – и придает происходящему дополнительную убедительность. Фантастика соседствует в повести с реальностью; на фоне реалистически запечатленных пейзажей Южной Англии разворачиваются фантастические события: враг на английской земле, здесь происходит то, чего

для подданного великой Империи не могло быть в принципе. И оттого реальность воспринимается столь пугающей.

Повесть Чесни можно было бы назвать своего рода беллетристически оформленной «докладной запиской» руководству вооруженными силами Соединенного Королевства. «Битва при Доркинге» стала первым звонком о неблагоприятном состоянии английской армии. По мнению Чесни, одна из причин произошедшего в том, что власть в стране перешла от правящего класса, находившегося у власти долгое время, к представителям более низких социальных слоев, людям недостаточно образованным, не имевшим опыта политической деятельности. Потому-то, как считал Чесни, изменилось отношение к армии и правительства, и общества, следствием чего стали показанные в повести неразбериха, сумятица в армии, а ополченцы в начале военных действий оказались без вооружения и еды; их, в сущности, просто использовали как пушечное мясо, чтобы сдерживать грозного противника – и вчерашние клерки и учителя превратились в беспомощную толпу, в которой каждый ожесточенно пытается выжить. Наконец, немалую роль в поражении Великобритании в повести сыграло и то, что немцы были гораздо лучше вооружены и обучены, чем англичане.

Мы постоянно ощущаем горькую насмешку Чесни – в патриотизме которого, разумеется, можно было не сомневаться, – над существовавшей в обществе убежденностью в непобедимости английской армии, в могуществе английского оружия, боеспособности промышленности страны. Чесни высмеял самоуверенность англичан, их непоколебимую веру в то, что, поскольку они защищены Ла-Маншем (хотя защита эта относительная – ведь ширина пролива в самом узком месте, между Дувром и Кале, составляет всего тридцать два километра), то их никогда не смогут постичь те же беды, что и другие страны.

Повесть Чесни имела поразительный успех. Майский номер журнала «Блэквудс мэгэзин» был переиздан 17 раз, в июле повесть вышла отдельным изданием, тираж которой к концу этого месяца дошел почти до ста тысяч экземпляров. И.Ф. Кларк в статье «“Битва при Доркинге”: пересмотр мнения» приводит отзыв современника Чесни, высказанный в июле 1871 г. Перечислив приметы успеха – многочисленные переиздания, все читают повесть и обсуждают ее, в том числе и те, кого никогда не интересовала литература, анонимный автор приходит к выводу, что причины столь неожиданной (в том числе для самого автора) популярности – в актуальности этой вещи, в том, что Чесни материализовал страхи тысяч и тысяч англичан, и «Битва при Доркинге» оказалась поразительно созвучной общественным настроениям Англии последней трети XIX в. Повесть должна была, заключает критик, показать англичанам возможные последствия их преступной беспечности, стать для всей страны уроком²².

Аналогичной точки зрения придерживается и современный исследователь. По словам Эби, не Чесни придумал страхи, мучившие его соотечественников, но именно он нашел в себе мужество заговорить о том, о чем думала страна уже со времен наполеоновских войн, нанеся удар по благодушию (complacency) англичан²³.

Пожалуй, здесь стоило бы заметить, что успех этот был обусловлен не художественными достоинствами повести, достаточно скромными. Трудно припомнить в истории английской литературы случай, когда на долю книги выпал успех благодаря прежде всего ее политической злободневности.

У Чесни не было достаточного литературного опыта, но его с лихвой возмещал патриотический пафос, стремление предупредить публику об опасности, грозящей стране – о возможной войне, к которой Англия, по его мнению, была не готова. По замыслу автора – профессионального военного, обеспокоенного состоянием национальной армии, – повесть должна быть донести до читателей мысль о том, что необходимо полностью реорганизовать британскую военную систему. Потому Чесни и не стремился к созданию полноценного художественного произведения, ставя перед собой совсем иные задачи.

Повесть Чесни вскоре была переведена на немецкий, датский, итальянский, португальский, шведский языки, опубликована в США, Канаде, Австралии. Французский перевод вышел под названием «Вторжение пруссаков в Англию», причем на фронтисписе был изображен немецкий орел, который, сидя на поверженном английском льве, вырывал у него сердце. Примечателен и такой факт. В 1940 г., когда немецкий генштаб рассматривал план вторжения на Британские острова, книга Чесни была переиздана в Германии под названием «Was England erwartet» («То, что может ожидать Англию»).

Признаком популярности повести может служить и то обстоятельство, что до конца 1871 г. вышли, одно за другим, девять подражаний ей²⁴.

Все эти книги объединяют два обстоятельства. Во-первых, в каждой из них англичане все-таки побеждают ненавистного врага, хотя и захватившего значительную часть территории острова Великобритания. Во-вторых, все продолжения словно скроены по одному лекалу – в них много патриотического, но мало эстетического, о чем говорит уже скудная поэтика названий: «После битвы при Доркинге, или Что случилось с захватчиками», «Битва при Доркинге: взгляд из немецких окопов», «Что случилось после битвы при Доркинге» и т. п. Вероятно, чувствуя, что они совершают не самое достойное дело, спекулируя на «горячей» теме, авторы этих книг выпускали их анонимно либо под псевдонимами.

Постепенно топоним превращался в своего рода мифологему, которую начали употреблять иронически. В конце XIX в. в Англии была популярна шутка, обращенная к любому человеку в военной форме, если у него была рука на перевязи или он прихрамывал, опираясь на тросточку (пусть и вследствие подагры): «Послушай, дружище, тебя не в битве ли при Доркинге ранило?..»²⁵.

Общественный резонанс повести был такой, что в сентябре премьер-министр Англии У. Гладстон, раздраженный поднявшейся вокруг «Битвы при Доркинге» шумихой, выступил со специальным заявлением. Он осудил книгу и подобные ей как «пораженческие» (defeatist), призвав англичан не поддаваться алармистским настроениям, и заявил, что «подобные истории превращают нас в посмешище перед всем миром»²⁶.

В наше время повесть оценивают достаточно высоко. И.Ф. Кларк, один из крупнейших в Великобритании специалистов по «литературе о будущей войне», называет двумя наиболее значительными явлениями в фантастике до Уэллса романы Жюль Верна и повесть Чесни²⁷. А по словам канадского литературоведа Дарко Сувина, английская фантастика начинается с 1871 г., когда почти одновременно вышли повесть Чесни и роман Бульвер-Литтона «Грядущая раса», а несколько позже роман С. Батлера «Эрево́н»²⁸.

О повести Чесни можно говорить и как об очень важном этапе в развитии так называемой «альтернативной истории» – поджанре фантастики, для которого в качестве сюжетообразующей основы произведения характерно изображение новой реальности, возникающей в результате изменения хода истории²⁹. В сущности, в альтернативной истории мы имеем дело с реализацией одного из основных эстетических принципов фантастики: что было бы, если. В книгах «альтернативной истории» меняется – по сравнению с известными нам событиями – то или иное историческое событие, в результате чего возникает гипотетический вариант развития земной цивилизации. Например, Наполеон выиграл битву при Ватерлоо, в гражданской войне в США победили южане, а «Непобедимая Армада» в 1588 г. одержала победу над Англией. В английской литературе произведения «альтернативной истории» появляются с XVII в., когда в 1644 г. вышел памфлет Фрэнсиса Чейнела, в котором рассказывалась гипотетическая история победы Карла I над войсками парламента, ведомыми Оливером Кромвелем. Большой популярностью в XX в. в Англии пользовался вышедший в 1931 г. сборник эссе на эту тему под названием «Если бы это случилось иначе»³⁰, среди авторов – Честертон, Беллок, У. Черчилль, А. Моруа.

Хотя повесть «Битва при Доркинге» принято считать первым значительным произведением в английской литературе о вторжениях – называемой также «литература о будущих войнах» (future-war fiction), отчет этой традиции следует вести с романа Альфреда Ричардса «Вторжение в Англию. Вероятная история будущего»³¹, вышедшего в 1870 г. Но эта книга осталась незамеченной, тогда как к моменту выхода повести Чесни страх перед немцами усилился.

Подсчитано, что с 1871 г. до начала первой мировой войны в Англии вышло свыше 60 фантастических «сценариев» вторжения на Британские острова³². Некоторые из этих работ собраны в книге «Битва при Доркинге. Сборник памфлетов»³³, другие – в сборниках, вышедших в 1970-е гг.: «До Армагеддона. Антология викторианской и эдвардианской прозы, опубликованной до 1914 года»³⁴ и «Захваченная Англия»³⁵.

Примечательно, какие страны, по мнению англичан, могли выступать в роли гипотетических захватчиков их родины. Первое место в этом списке занимает Германия – она вторгалась на Британские острова 41 раз, далее идет Франция – 18, затем Россия (обычно выступавшая в альянсе с Германией или Францией) – 8; Китай, Япония, США и планета Марс в этом ряду представлены по разу.

Рассмотрим несколько примеров «антивторженческой» прозы английских авторов.

Традицию Чесни продолжил популярный в конце XIX века прозаик Уильям Ле Ке (1864–1927). Француз по происхождению, он был автором более 100 книг различных жанров. Для нас наиболее интересны романы «Великая война в Англии в 1897 году»³⁶ и «Вторжение в 1910 году. С полным описанием осады Лондона»³⁷. В первом описана история захвата Англии объединенным флотом России и Франции, во втором – войсками Германии. Ле Ке писал альтернативные истории будущего, причем будущего совсем недалекого. Эти книги не только пользовались неизменным успехом, но и вызывали большой общественный резонанс. Антинемецкие взгляды Ле Ке полностью разделял лорд Робертс, известный политик, в недавнем прошлом командующий британскими войсками в англо-бурской войне; он даже написал с Ле Ке в соавторстве две документальные книги на близкую соавторам тему: «Великая война» (1908) и «Шпионы кайзера» (1909). По словам современного исследователя, в то время желтая пресса сеяла панику буквально с религиозным иступлением, и Ле Ке по праву считался ее «верховным жрецом»³⁸.

В 1895 г. вышел роман Фреда Джейн «Блейк с корабля “Гремучая змея”, или Человек, который спас Англию»³⁹. С помощью современных торпед герои спасают страну от русских и французов.

Мэтью Шил, писатель, в чьем творчестве ощутимы националистические мотивы, выступил в 1898 г. с романом «Желтая опасность»⁴⁰. В нем – и последовавшем в 1913 г. романе «Дракон»⁴¹ – М. Шил писал, что опасность грозила Англии и всему западному миру с Востока, конкретнее – из Китая. Орды китайцев захлестывают мир, стремясь победить количеством. К счастью для Европы и США, путь им преграждают англичане – единственные, кто, по убеждению автора, мог спасти мир. В этом же ключе написана книга «Желтая волна»⁴² – фантастики в ней нет, поскольку она основана на событиях русско-японской войны 1904–1905 гг., но идеологическая основа – та же.

Интересную закономерность можно выделить, говоря об авторах, писавших о вторжении в Великобританию. Хотя они отличались по происхождению, социальному положению и образованию, многие из них не были профессиональными литераторами и получили военное или техническое образование. В качестве одного из самых показательных примеров можно назвать генерала Уильяма Батлера. Кадровый военный, сражавшийся в Афганистане и Южной Африке, он вошел в историю «литературы о войнах в будущем» романом «Вторжение в Англию»⁴³, в определенной степени развивавшим идеи Дж. Чесни. В конце XIX в. не менее известна была его жена, художница леди Батлер; она создала много полотен, воспевавших славу английского оружия, отвагу английских солдат, проявленное ими мужество и стойкость.

Особо надо здесь упомянуть романы Г.Дж. Уэллса «Война миров» и Б. Стокера «Дракула». Чесни обозначил один вариант вторжения – когда оно производится людьми. Прошло немногим более пятнадцати лет, и

эта модель вторжения была достроена с помощью романов «Война миров», в котором вторжение осуществляют негуманоиды, марсиане, и Стокера «Дракула», в котором вторжение не осуществляется (к счастью!), но готовится негуманоидами земного происхождения, вампирами.

Действие романа Роберта Коула «Битва за империю»⁴⁴ – одного из первых в истории фантастики примеров «космической оперы» – происходит в отдаленном будущем. В это время Великобритания – не объект вторжения, напротив, она сумела создать мощную англосаксонскую федерацию, захватившую власть на Земле, и распространила свое влияние на другие звездные системы. Основа сюжета – «звездные войны» между галактическими империями Земли и Сириуса.

Роберт Чилдерс в 1903 г. выпустил роман «Загадка песков»⁴⁵. Хотя вторжения как такового в книге нет, но есть его угроза со стороны немцев. Герои обнаруживают секретный план зловещей военной операции, в результате которой немцы предполагали захватить Англию.

Интересный вариант вторжения мы видим в романе Аллена Апворда «Четвертое завоевание Англии»⁴⁶: страна захвачена римско-католической церковью, произошло то, что не смогла осуществить испанская Непобедимая Армада в 1588 г. Английские писатели не раз создавали вымышленную модель Англии, находящейся под властью католицизма. Например, в романе Кейта Робертса «Павана»⁴⁷ Елизавета I убиты и Непобедимая Армада побеждает, а в романе Кингсли Эмиса «Изменение»⁴⁸ рассказывается об Англии, в которой никогда не было Реформации, и страной на протяжении веков фактически управляла католическая церковь.

О вторжении на Британские острова немцев писали в Англии много – и не только прозу. Чарлз Доти выпускает в 1909 и 1912 гг. две пространные поэмы: «Скалы»⁴⁹ и «Облака»⁵⁰. В них немцы вторгаются в Великобританию с воздуха.

Хорэс Ньют в 1907 г. выступил с романом «Повелитель животных. Подлинная история безжалостной тирании социализма, от которого английский народ страдал в 1888–2020 годах». В книге описаны ужасы социализма, который воцарился в стране после завоевания ее Германией.

На рубеже XIX–XX вв. в Великобритании появляется немало книг, в которых англичане одерживают быстрые и легкие победы над немцами, и книги эти пользовались большим успехом. Как правило, авторами этих сочинений были литераторы, чьи имена мало что говорили широкому читателю. Исключений было немного, из них назовем, прежде всего, двух прозаиков, известных своими работами в области юмористической литературы: это П.Г. Вудхауз и Г. Монро, выступавший под псевдонимом Саки.

Повесть Вудхауза «Ура, вперед! Или как Кларенс спас Англию. История великого вторжения»⁵¹ – остроумная пародия на весьма популярные в то время в Англии рассказы и повести о подростках, печатавшиеся в специализированных журналах⁵². Герой повести Вудхауза 14-летний бойскаут Кларенс Чагуотер спасает Великобританию от разноплеменной орды захватчиков, вторгающихся на Британские острова

практически одновременно: это немцы, русские, китайцы, турки, шведы, марокканцы... Как всегда, Вудхауз достигает комического эффекта за счет лаконично-остраненного описания происходящего. Например, глава, в которой описана бомбардировка немцами столицы Великобритании, состоит из трех фраз: «Так бомбили Лондон. К счастью, стоял август, и в городе никого не было. Иначе больших жертв было бы не избежать»⁵³.

Вудхауз подвергает насмешке косность и консерватизм английской жизни и быта. И, как это нередко бывает у писателя, комедия нравов переходит в социальную комедию. Например, за совершенный подвиг Кларенс награжден 1000 фунтов стерлингов в неделю – сатирическая аллюзия на награду, полученную лордом Робертсом, командующим войсками Великобритании в англо-бурской войне: после «победоносного» окончания кампании он получил миллион фунтов стерлингов.

В отличие от Вудхауза, с иронией рассказывавшего об очередном вторжении, Саки в повести «Когда пришел Уильям: история Лондона под властью Гогенцоллернов»⁵⁴ удручающе или, как говорят дети, «позвериному» серьезен. Удивительно, но в книге нет знакомых нашему читателю тонкости и изящества стиля, остроумия и художественного вкуса, всегда отличавших рассказы Саки. Повесть написана уныло-дидактически, переполнена ура-патриотической риторикой (недаром повестью восхищался упоминаемый выше лорд Робертс), замешанной на национализме.

Роман Уэллса «Война в воздухе» (1908) представляет собой историю гибели цивилизации в результате глобальной воздушной войны. Действие романа разворачивается во второй половине XX в. По мнению Уэллса, основу воздушного флота будущего составят преимущественно дирижабли, а не самолеты, выполняющие вспомогательную функцию. Война, как не раз уже происходило в английской фантастике, развязывает Германия, располагавшая самым большим флотом – в нем насчитывалось восемьдесят крупных судов длиной от 60 до 250 метров, способных развивать скорость почти 150 километров в час. Каждому судну были приданы несколько самолетов, предназначенных для бомбометания, нападения на вражеские дирижабли и поддержания связи.

События в романе развиваются стремительно. Немецкая воздушная армада уничтожает Нью-Йорк. Англия, Франция и Италия объявляют войну Германии. Бомбовые удары уничтожают Берлин, Лондон и Париж. Пока европейские страны заняты самоистреблением, вступает в дело объединенный китайско-японский флот и превращает континент в руины. Цивилизации больше не существует, нет ни городов, ни промышленности, люди живут в сельской местности небольшими общинами. Именно это ожидает человечество, убежден Уэллс, если оно и дальше будет идти по пути вооружения.

Действие романа Уэллса об атомной войне «Освобожденный мир» (1914) также происходит во второй половине XX в. В это время, как считал Уэллс, человечество овладело секретом получения самого дешевого и самого эффективного источника энергии – атомной. Главный

В.Л. Гопман

«участник» военных действий – самолеты-бомбардировщики с грузом атомных бомб. В результате сражений буквально всех со всеми рушится мир, цивилизация оказывается на краю гибели. И вот, когда человечество оказалось у последней черты, за которой начинается варварство и одичание, возникло так называемое мировое правительство, куда вошли бывшие короли, президенты и те, кто извлек урок из случившегося. Именно это правительство сумело спасти цивилизацию, создав единое мировое государство. Такая – принципиально новая форма человеческого существования – была организована на социалистических принципах, потому что, по мнению Уэллса, человечество обязано прийти к пониманию того, что только социализм – магистральный путь исторического развития.

Важно, что в обоих романах война – вопреки тому, как она изображалась в большинстве книг того времени, – показана не как кошмарный сон, о котором хочется скорее забыть, но как результат развития конкретной социально-исторической ситуации. В чем-то обе вещи близки скорее творческой манере Ж. Верна, нежели самого Уэллса – того, который уже был известен по фантастическим романам начиная с «Машины времени».

В конце XIX века Германия превратилась для Англии во врага номер один. Германофобия охватила разные слои английского общества. Кампания по дискредитации Германии в английской прессе шла с 1870-х гг. до начала первой мировой войны. Заметим, что так же вела себя с 1871 г. и немецкая периодическая печать⁵⁵.

В сущности, в обеих странах шла поразительная по размаху кампания по созданию образа врага, который был нужен обеим странам. Собственно, именно об этом точно написал американский писатель и публицист Сэмюэл Кин в книге «Лица врага. Размышления о враждебном воображении»: «Первое, что мы делаем, – это придумываем себе врага, его образ возникает раньше, чем мы изготавливаем оружие. Сначала мы расправляемся с теми, кто нам ненавистен, в воображении, и лишь потом изобретаем для этого боевой топор или баллистическую ракету. Пропаганда опережает технологию»⁵⁶. Далее Кин говорит о том, что как на протяжении всей истории человечества люди находили разные поводы, чтобы ненавидеть друг друга, оправдывая свою жестокость соображениями психологической и социальной необходимости. Между тем, утверждает социолог, настало время взглянуть в глаза фактам: определение людей как *homo sapiens* устарело, и сейчас надо называть их *homo hostilis* – не разумный человек, но человек враждующий, потому что это единственный биологический вид на Земле, представители которого создают себе врагов на протяжении тысячелетий.

В 1995 и 1997 гг. вышли составленные известным английским исследователем фантастики И.Ф. Кларком два сборника: «История следующей великой войны: 1871–1914»⁵⁷ и «Литература о будущей великой войне с Германией, 1890–1914»⁵⁸. В них были собраны рассказы и повести о Грядущей Великой Войне – или, как она называется на языке трех главных участников фантастических войн гипотетического

будущего, *The Next Great War, der nachte Krieg, La Guerre de demain*. Куказанным выше сборникам следует добавить литературоведческую работу Кларка «Литература о войне в будущем: первая главная фаза, 1871–1900»⁵⁹. Повести и рассказы писателей Великобритании отражают собой страх, существовавший в английском обществе перед вторжением немцев. Этот страх – по словам исследователя, «нервический ответ островной нации»⁶⁰, – усилился в конце столетия. Тогда, в 1898 г. рейхстаг принял закон о развитии военно-морского флота Германской империи (того мощного флота, о котором писал Чесни в своей повести, у немцев в 1871 г. не было). После этого в Англии стали выходить книги, повествующие о нападении на Великобританию с моря. В Германии, словно в ответ, увеличивается поток литературы о вторжении немецкого флота с моря на Британские острова. Один из самых известных немецких авторов, прозаик Фердинанд Граутофф, выпустил в 1905 г. роман «Армагеддон 190... года»⁶¹ – в нем в ходе войны действия Германии оказываются губительны для всей Европы, но приносят пользу России и США. Более интересен роман Граутоффа «Банзай!»⁶² (опубликованный под «говорящим» псевдонимом Парабеллум), в котором США воют с Японией, и война эта становится губительна для Америки. Исследователи обращают внимание на следующий факт. Между английской и немецкой «литературами о будущей войне» существовало весьма ощутимое сходство: барабанная риторика, скудный набор художественных средств, агрессивно-патриотическая фразеология.

И, наверное, не случайно, когда 2 сентября 1914 г. во многих периодических изданиях Англии было опубликовано стихотворение Р. Киплинга «За всё, что мы с тобой», оно было воспринято как призыв к защите отечества от немецкого вторжения. Благодаря строке «В ворота Гунн стучится!»⁶³ в повседневную жизнь Англии и Франции вошло слово «гунн» как оскорбительное и пренебрежительное обозначение немцев. Безусловно, Киплинг не мог не читать повесть Чесни, который сам был во многом киплинговской фигурой – по биографии, характеру, убеждениям, профессиональным качествам, готовности и умению служить родине. Популярность Чесни в последней четверти XIX века была велика, и в немалой степени благодаря ей в 1892 г. он – ставший к тому времени генералом – был избран в парламент. Его цитировали, им восхищались, ему подражали. Но – лишь до 1914 г., когда фантазия повести стала трагической реальностью...

Второй после Германии страной, откуда англичане со страхом ожидали вторжения, была Франция. Уже в начале Великой Французской революции во французском обществе возникает неприязнь к англичанам, выступавшим против революции. В 1793 г. во Франции публикуются и ставятся пьесы о свержении английской монархии и установлении в Англии республики. И в Англии также ставятся пьесы о том, как страна захватывается врагами: «Вторжение в Англию» (1803), «Вооруженный бритт» (1806). В начале XIX столетия страх англичан перед вторжением Наполеона был столь велик, что стали появляться гравюры, запечатлевшие эти настроения в английском обществе. Описание

В.Л. Гопман

одной из них поможет представить общественную ситуацию. На громадном плоту, примерно 640 метров в длину и 320 в ширину, установлены по краям две мельницы, с помощью которых перемещается это плавсредство, в центре которого – башня с орудиями. Таким образом, по мнению карикатуриста, французы собирались перебраться через Ла-Манш⁶⁴... Этот и подобные ему рисунки распространялись по всей Европе и пользовались большим успехом. Наиболее популярны были работы Джеймса Гиллрея, считавшегося вторым по значимости и известности рисовальщиком в стране после Хогарта⁶⁵.

В последней четверти XIX века в английском обществе начинают обсуждать вопрос о прокладке туннеля под Ла-Маншем между Англией и Францией (технически, очевидно, это можно было осуществить – ведь в 1863 г. в Лондоне была пущена первая линия метро). Однако в обществе это намерение вызвало резкое неприятие (так называемая «паника вокруг туннеля» – The Channel Tunnel panic) – известен случай, когда в 1882 г. толпа разъяренных лондонцев начала бить стекла в окнах офиса компании, занимавшейся разработкой проекта. Против проекта выступили также такие известные в стране люди, как Альфред Теннисон, Роберт Браунинг, архиепископ Кентерберийский, многие члены палаты лордов, наконец, свыше пятидесяти адмиралов и генералов – все они подписали петицию на высочайшее имя с просьбой отказаться от задуманного. Причина – в той же боязни вторжения, потери Великобританией территориальной автономности. (Как известно, туннель был проложен в конце XX века – и его эксплуатация началась 6 мая 1994 г.)

На общественное мнение Великобритании влияли и книги английских писателей под следующими «говорящими» заголовками: «Как Джон Буль потерял Лондон, или Захват туннеля под Каналом» (1882), «Сюрприз туннеля под Каналом» (1883), «Захват Лондона» (1887). Среди таких сочинений выделялся роман Макса Помбертона «Pro Patria»⁶⁶, в котором описывается попытка французов прорыть туннель под Ла-Маншем, чтобы напасть на Англию. В 1901 году Помбертон выпускает также роман «Врата гиганта», в котором вновь Франция пытается напасть на Великобританию, используя гигантские подводные лодки. Наконец, чувство страха перед вторжением усиливали книги, в которых изобличались шпионы, работавшие на Францию и Россию и стремившиеся погубить Великобританию.

Хотя больше всего книг о гипотетических вторжениях на территорию своего государства создано английскими авторами, мимо темы войн в будущем не проходили и писатели других стран. Например, шведские авторы писали о вторжении на территорию своей страны не только России, но и СССР – вплоть до 80-х гг. XX в.⁶⁷ Примечательно, как эта тема трактовалась в японской литературе. В романе японского писателя Шунро Ошикава «Боевая субмарина» (1900) говорится о войне между Японией и Россией.

Фантастика о войнах в будущем (так называемый «военно-утопический роман») выходила и в России. Как показал Е. Харитонов, автор

обзора «Без войны они скучают...», воображаемые войны в русской фантастике»⁶⁸, книги такого рода стали выходить в России позже, чем в Англии или Франции; существенно, что нередко в них говорилось о неизбежной войне с Германией. Примечательно также, что в основном их писали люди военно-технических профессий, преимущественно морские офицеры (в числе этих авторов был и знаменитый адмирал С.О. Макаров); впрочем, к этой теме обращались и профессиональные литераторы, например, известный журналист В.М. Дорошевич.

Перед началом первой мировой войны, названной Томасом Манном «исторической вехой, отметившей конец одного мира и начало чего-то совершенно нового»⁶⁹, настроения грядущего ужаса возникли в разных странах Европы, особенно – в Англии. Предчувствие наступающего конца существующей жизни появилось раньше – в конце XIX века. Тогда десятки тысяч людей охватывало ощущение, что надвигается нечто чудовищное, неопишное, что принесет конец всему. Наверное, для описания этого чувства лучше всего подошла бы известная фраза из «Макбета», использованная Рэем Брэдбери в названии своего романа 1962 г. «Что-то страшное грядет» (Something Wicked This Way Comes).

Это было предощущением и будущего распада Британской империи – и возникших в то время общественных настроений, названных российскими учеными комплексом «маленькой Англии»⁷⁰, что выражалось в «ощущениях уязвимости своей страны перед внешними опасностями и одновременно в стремлении во что бы то ни стало отгородиться от них. Признаками такой трансформации стали также нарастание враждебности к иностранцам, особенно цветным, появление в стране националистических, шовинистических настроений»⁷¹.

Первая мировая война стала и первой вселенской катастрофой нового времени, показавшей миру упадок человечества, абсурдность организованного им жизнеустройства. После войны Великобритания, хотя и была среди стран-победителей, начинает терять положение ведущей мировой державы. Чувство национальной трагедии, разрушения великой империи всё острее начинает присутствовать в английской культуре, литературе⁷². И тема вторжения становится все более популярной в английской литературе. Тема вторжения на Британские острова используется английскими писателями очень активно в период между мировыми войнами, а также после окончания второй мировой войны, с наступлением эры «холодной войны». К 1980-м гг., когда наступает потепление, разрядка в международных отношениях, тема заметно теряет актуальность, к ней обращается всё меньше авторов по обе стороны Атлантики, о чем говорится в исследовании, использующем современный материал⁷³.

Литература XX века, как никогда до этого, активно использует фантастику в размышлениях о будущем человечества. Известному американскому социологу Олвину Тоффлеру принадлежит примечательное высказывание (интерес этих слов – не в субъективной оценке эстетического значения фантастики): «С точки зрения литературной научная фантастика не пользуется уважением, и, возможно, она заслуживает

В.Л. Гопман

критического отношения. Но если научную фантастику рассматривать скорее как своего рода социологию будущего, чем как литературу, то она приобретает огромную ценность... Научную фантастику следует сделать обязательным чтением для самоориентации в будущем»⁷⁴.

Наверное, едва ли корректно утверждать с полной определенностью, что именно небольшая повесть Чесни стала родоначальником гигантского пласта литературы, контуры которого мы обозначили выше.

И в том, что в XX веке эта литература столь обширна и популярна, конечно же, нет прямой «заслуги» Чесни – десятки и десятки авторов из разных стран черпали вдохновение в реальности XX века, самого страшного и кровавого в истории человечества. В XX веке человечество оказалось на грани уничтожения – две мировые войны, унесшие свыше семидесяти миллионов людских жизней, чудовищные средства массового уничтожения, противостоящие человеческой природе политические системы фашизма и коммунизма, геноцид, лагеря смерти – вот что стало причиной катастрофичности сознания людей. Оттого-то столь катастрофичным стало сознание людей, готовых к восприятию не только реальных, но и вымышленных ужасов.

...И все же не будем забывать, что лавина в горах может сойти от небольшого камушка.

Примечания

- 1 *Chesney G.T.* The Battle of Dorking. Edinburgh, 1871. P. 1, 9.
- 2 Цит. по: *Чубинский В.В.* Бисмарк: Политическая биография. М., 1988. С. 117.
- 3 *Eby C.D.* The Road to Armageddon: The Martial Spirit in English Popular Literature. 1870–1914. Durham (NC), 1987. P. 21.
- 4 *Aldiss B.W.* Trillion Year Spree: The History of Science Fiction / With D. Wingrove. N.Y., 1986.
- 5 *Nicholls P.* An ABC of British Science Fiction – Apocalypse, Bleakness, Catastrophe // Beyond This Horizon / Ed. by C.Carrell. Sunderland, 1973. P. 18–25.
- 6 The Encyclopedia of Science Fiction / Ed. by J. Clute and P. Nicholls. N.Y., 1993. P. 623–625.
- 7 *Ruddick N.* Ultimate Island: On the Nature of British Science Fiction. Westport (CN) and London, 1993.
- 8 *Gerbert R.* The english island myth – Remarks on the englishness of utopian fiction // Critical Quarterly. 1953. № 1. P. 36–43.
- 9 *Suvin D.* Victorian Science Fiction in the UK: The Discourse of Knowledge and Power. Boston, 1983.
- 10 *Parrinder P.* H.G. Wells and the Fiction of Catastrophe // Renaissance and Modern Studies. 1984. № 28. P. 40–58.
- 11 *Manlove C.* The Fantasy Literature of England. London, 1999.
- 12 *Овчинников В.* Сакура и дуб: Впечатления и размышления о японцах и англичанах. М., 1983. С. 267.

- 13 *Kipling P.* Саперы // Киплинг Р. Заветные острова: Стихи и проза. М., 2001. С. 133.
- 14 «...a useful way of bringing home to the country the necessity for thorough reorganization might be a tale... describing a successful invasion of England, and the collapse of our power and commerce in consequence» (*Clarke I.F.* «The Battle of Dorking»: second thoughts // *Extrapolation*. Winter 1999. V. 40. № 4. P. 279–280).
- 15 «I like uncommonly your idea of a tale ...of a supposed successful invasion of England. It may help to awaken people. It will be a very difficult thing to do, but if you can tell a story with as much vivacity as you can review, you will succeed» (*Clarke I.F.* *Op. cit.* P. 280).
- 16 «...after reading the whole thing over again in type, I am most happy to say that I think it is extremely good, in fact a success» (*Clarke I.F.* *Op. cit.* P. 280).
- 17 «...bitter page in our history» (*Chesney G.T.* *The Battle of Dorking*. P. 3).
- 18 «For us in England it came too late. And yet we had plenty of warnings, if we had only made use of them. The danger did not come on us unawares. It burst on us suddenly, 'tis true; but its coming was foreshadowed plainly enough to open our eyes, if we had not been willfully blind» (*Ibid.* P. 3).
- 19 «One of the most beautiful scenes in England» (*Ibid.* P. 28).
- 20 «Now, gentlemen, give it them hot!» (*Ibid.* P. 42).
- 21 «Now then, volunteers! Give a British cheer, and go at them – charge!» (*Ibid.* P. 45).
- 22 *Clarke I.F.* «The Battle of Dorking»: Second Thoughts. P. 281.
- 23 *Eby C.D.* *The Road to Armageddon*. P. 15.
- 24 *Ibid.* P. 14.
- 25 «I say, weren't you wounded at the Battle of Dorking?» (*Eby C.D.* *The Road to Armageddon*. P. 15).
- 26 *Eby C.D.* *The Road to Armageddon*. P. 15.
- 27 *Clarke I.F.* «The Battle of Dorking»: Second Thoughts.
- 28 *Savin D.* *Victorian Science Fiction in the UK: The Discourse of Knowledge and of Power*. Boston, 1983. P. 147.
- 29 *The Encyclopedia of Science Fiction*. P. 23–25; *The Visual Encyclopedia of Science Fiction* / Ed. by B. Ash. N.Y., 1977. P. 116–124.
- 30 *If It Had Happened Otherwise* / Ed. by S.C. Squire. London, 1931.
- 31 *Richards A.B.* *The Invasion of England: (A Possible Tale of Future Times)*. London, 1870.
- 32 *Eby C.D.* *The Road to Armageddon*. P. 11.
- 33 *Battle of Dorking: A Collection of Pamphlets*. London, 1972.
- 34 *Before Armageddon: An Anthology of Victorian and Edwardian Fiction Published Before 1914* / Ed. by M. Moorcock. London, 1976.
- 35 *England Invaded* / Ed. by M. Moorcock. London, 1977.
- 36 *Le Queux W.* *The Great War in England in 1897*. London, 1894.
- 37 *Le Queux W.* *The Invasion of 1910. With a Full Account of the Siege of London*. London, 1906.
- 38 «Scaremongering had been a regular feature of the yellow press for many years, but Le Queux became its high priest» (*Eby C.D.* *The Road to Armageddon*. P. 35).
- 39 *Jane F.T.* *Blake of the «Rattlesnake», or The Man Who Saved England*. London, 1895.
- 40 *Shiel M.P.* *The Yellow Danger*. London, 1898.

В.Л. Гопман

- 41 *Shiel M.P.* The Dragon. London, 1913.
- 42 *Shiel M.P.* The Yellow Wave. London, 1905.
- 43 *Butler W.* The Invasion to England. London, 1882.
- 44 *Cole R.W.* The Struggle for Empire: A Story of the Year 2236. London, 1900.
- 45 *Childers R.E.* The Riddle of the Sands. London, 1903.
- 46 *Upword A.* The Fourth Conquest of England. London, 1904.
- 47 *Roberts K.* Pavane. London, 1968.
- 48 *Amis K.* The Alteration. London, 1976.
- 49 *Doughty C.M.* The Cliffs. London, 1909.
- 50 *Doughty C.M.* The Clouds. London, 1912.
- 51 *Wodehouse P.G.* The Swoop! Or How Clarence Saved England: A Tale of the Great Invasion. London, 1909.
- 52 Об этом см.: *Eby C.D.* The Road to Armageddon. P. 76–127.
- 53 «Thus was London bombarded. Fortunately it was August, and there was nobody in town. Otherwise there might be loss of life» (*Wodehouse P.G.* The Swoop! How Clarence Saved England. P. 49).
- 54 *Saki.* When William Came: A Story of London under the Hohenzollerns. London, 1914.
- 55 Напр.: *Улановская И.* Борьба за Восточную Африку и пресса. М., 1969; *Вороненкова Г.Ф.* Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества: Национальное своеобразие средств массовой информации Германии: (Исторические предпосылки, особенности становления и эволюция, типологические характеристики, структура, состояние на рубеже столетий). М., 1999.
- 56 «In the beginning we create the enemy. Before the weapon comes the image. We think others to death and then invent the battle-axe or the ballistic missiles with which to actually kill them. Propaganda precedes technology» (*Keen S.* Faces of the enemy: Reflections on the hostile imagination. San-Francisco, 1986).
- 57 The Tale of the Next Great War. 1871–1914: Fictions of Future Warfare and Battles Still-to-Come / Ed. by I.F. Clarke. Liverpool, 1995.
- 58 The Next Great War with Germany, 1890–1914: Fictions and Fantasies of the War to Come. Liverpool, 1997.
- 59 *Clarke I.F.* Future-War Fiction: The First Main Phase, 1871–1900 // Science-Fiction Studies.-November 1997. V. 24. P. 3. № 73. P. 387–412.
- 60 «...a nervous island-nation's response» (Ibid. P. 509).
- 61 *Grautoff F.H.* Armageddon 190... London, 1907 (первое – оригинальное – издание вышло в 1905 г.).
- 62 *Parabellum.* Bansai! London, 1908.
- 63 *Киплинг Р.* За все, что мы с тобой // Киплинг Р. Стихотворения. СПб., 1994. С. 119.
- 64 Этот рисунок – и другие, довольно комично воспринимаемые сегодня, – можно увидеть в статье И.Ф. Кларка «До и после “Битвы при Доркинге”» (*Clarke I.F.* Before and after «The Battle of Dorking» // Science-Fiction Studies.-March 1997. V. 24. P. 1. № 71. P. 33–46).
- 65 О Гиллрее см.: *Шестаков В.Л.* Гиллрей и другие...: Золотой век английской карикатуры. М., 2004.
- 66 *Pomberton M.* Pro Patria. London, 1901.

Повесть Дж. Чесни «Битва при Доркинге»...

- 67 *Энгхольм А.* Литературная война // Урал. следопыт. 1991. № 3. С. 53–55.
- 68 *Харитонов Е.* «Без войны они скучают...»: Воображаемые войны в русской фантастике // Библиография. 1995. № 4. С. 50–64.
- 69 Цит. по: Зарубежная литература XX века. М., 1996. С. 5.
- 70 Великобритания: Эпоха реформ / Под ред. Ал.А. Громько. М., 2007. С. 18.
- 71 Там же. С. 18–19. Кроме того, сходная оценка ситуации в стране содержится в сборнике работ: Англия на постимперском пространстве: Уроки для России и Европы. М., 2003.
- 72 См.: *Green M.* The English novel in the twentieth century: (The doom of the empire). London, 1984.
- 73 *Gray C.H.* «There Will Be War!»: future war fantasies and militaristic fiction in the 1980s // Science-Fiction Studies. November 1994. V. 21. P. 3. № 64. P. 315–336.
- 74 *Хашотин Ю.* Реальность фантастического мира: Проблемы западной кинофантастики. М., 1977. С. 12.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА СКАЗАНИЙ ПОЛИКАРПА В КИЕВО-ПЕЧЕРСКОМ ПАТЕРИКЕ

Основу Киево-Печерского Патерика составляют легенды, зафиксированные в эпистолярной форме двумя монахами (Симоном и Поликарпом). В статье предпринята попытка реконструировать авторский замысел Поликарпа, в котором угадывается полемика с «соавтором» – Симоном.

Ключевые слова: древнерусская литература, жанр посланий, Киево-Печерский Патерик, оппозиции, «свое», «чужое».

Отличительная черта Киево-Печерского Патерика, древнейшего произведения древнерусской словесности патерикового жанра, – это использование его авторами эпистолярной формы в качестве главного структурообразующего композиционного приема. Основу Патерика составляют десять сказаний Симона и одиннадцать Поликарпа, оформленные в виде посланий.

В сказаниях Симона выступает личность конкретного адресата – инока Печерской обители, Поликарпа. Так, во всех рассказах Симона (за исключением слова о Евстратии Постнике) мы находим непосредственное обращение автора к своему адресату, основной смысл которого можно выразить следующими словами: посмотри и задумайся, хочешь ли ты быть похожим на них? Отмеченные обращения всегда имеют личную форму: «Ты же, брате и сыну, сим не въследуй, не тех бо ради пишу се, но да тебе приобрящу. Советъ ти даю...» (Слово о святом Афанасии Затворнике); «Обращу к тебе слово... Си вся навыкох от усть твоих... Въспряни, брате, и разумей опасно о своемъ житии...» (Слово о преподобном святоше, князе Черниговском); «Да се ведый, брате, слышав, не мни... Понеже сам ми еси рекль...» (Слово о Еразме); «Се же, брате, всяцеми наказании наказах тя» (Слово о Арефе); «От нея же ты, брате, блюдиися...» (Слово о Тите и Евагрии).

Общие особенности поэтики древнерусского произведения – структурная открытость и дидактичность – позволяют трактовать их шире и как обращение к широкой аудитории¹. Неслучайно, что изучение истории функционирования Патерика свидетельствует о стремлении переписчиков акцентировать обобщающее начало в дидактической

направленности сказаний и «усилить мысль о глубоком религиозно-философском и социально политическом звучании произведений Симона и Поликарпа, подчинить частное начало “переписки” между ними главной задаче сборника – прославлению общерусского значения Киево-Печерской лавры»². Эта тенденция проявилась, например, в реорганизации частей сборника по хронологическому принципу.

В той части Патерика, которая была создана Поликарпом, сохраняется эпистолярная форма в общей организации сказаний: свои сочинения монах адресует архимандриту Киево-Печерской обители – Анкудину. В послании к игумену Поликарп пишет, что причина, побудившая его взяться за перо, кроется в неспособности связно и бесстрашно вести беседу с начальником, пожелавшим узнать об известных Поликарпу деяниях печерских подвижников. Обращает на себя внимание тот факт, что требование письменного изложения материала не влечет за собой обязательной эпистолярной его организации, тем более не соответствующей традиционной патерикографической жанровой форме. Следует также заметить, что форма страха и личного самоуничтожения, к которым прибегает Поликарп, по верному замечанию Л.А. Ольшевской, «нельзя толковать в биографическом смысле, это типичный случай самоуничтожения древнерусского писателя, традиционный прием»³. Поэтому всё вышесказанное, на наш взгляд, позволяет предположить некую внешнехудожественную необходимость организации материала подобным образом.

В сказаниях Поликарпа происходит инверсия прежней схемы: в первой части Патерика форма обращения носила характер от старшего (как в социальном, так и нравственно-духовном отношении) к младшему (Поликарп – рядовой монах), здесь же, наоборот, – от младшего к старшему (игумену монастыря). Выделенная структурная особенность, несомненно, отразилась как в тематике, так и в форме подачи материала.

Дидактическая составляющая сказаний претерпевает коренные изменения. Если Симон в полной мере мог позволить себе делать различного рода критические замечания своему адресату, открыто высказывать недовольство, поучать и наставлять монаха, то Поликарп в этом отношении более скован. Сложившаяся ситуация и занимаемое Поликарпом положение существенным образом ограничивают его возможности ведения полемики со своим адресатом. Тем не менее было бы неправомерно говорить об отсутствии в его сказаниях дидактической составляющей: она становится менее явной и уходит, так сказать, в подтекст, «прикрывается» более значимыми «позитивными» художественными элементами – фигурами праведных монахов и их богоугодными деяниями.

Если в сказаниях Симона поучение и наставление доминировали над повествованием, превращая рассказы в иллюстрации, то у Поликарпа на первый план выходит повествовательная составляющая: «Понудихся писанием известити, еже о святей и блаженей братии нашей, да и сущии по нас черноризци уведят...»⁴. Действительно, Поликарп так открыто, как Симон, вроде бы никого не наставляет, но установка на иллюстрирование собственной идеологической позиции, выраженной в завуалированной форме, сохраняется и у него.

Ряд фактов позволяет говорить о том, что сам Поликарп (как и Симон) понимал свою авторскую задачу гораздо шире, нежели простой пересказ известных ему преданий одному человеку. Свидетельствами этого расширения служат следующие слова монаха: «Сего ради вписях ти, господине Анкудине, да не покрываются тмою невидения дивна чюдеса блаженных и преподобных отецъ знаменна, и деяния, и исправления» (Слово о Лаврентии Затворнике); «...да сущим по нас ползы ради оставим... Но паче речении чернци ясно, а не втайне, якоже и преже: и кому не помянутся имена их, аще аз премолчу, от мене и до конца забвена будутъ, якоже было и до сего дъне» (Слово об Агапите Целителе); «...еже токмо въспомяну слышанаа, и творю, яко от мене изискану быти чюдотворию техъ» (Слово о Григории Чудотворце).

Стремление сделать явным то, что ранее было скрыто, свидетельствует об ориентации Поликарпа на расширение круга читателей своих сказаний. Об этом говорит и особая форма обращения Поликарпа к аудитории, в ряде случаев данная во множественном числе: «Да и прочии уведятъ святое житие братии наша...» (Слово о Лаврентии Затворнике); «Разумейте опасно обидящий, что рече Господь во Евангелии...» (Слово о Григории Чудотворце); «Да отселе, братие, мнит ми ся разумети...» (Слово о Пимене).

Изменение идеологической составляющей влечет за собой и ряд характерных изменений в тематике «слов». Центральной темой сказаний Симона было прославление «целого» – Киево-Печерского монастыря. В сказаниях доминировало объединяющее начало, что привело к появлению гиперболизированного ключевого образа – «своего» Печерского локуса. Здесь религиозные качества и нравственные нормы находились в прямой зависимости от территориальной компоненты: все здешнее/свое – хорошо, все остальное/чужое – плохо.

Можно обозначить центральную идею сказаний Симона как идею «святости места», в то время как центр тяжести в сказаниях Поликарпа перенесен на идею «святости отдельной личности». Так, в послании к архимандриту Анкудину Поликарп пишет: «...возглаголю дивных и блаженных муж житиа, и деяния, и знаменна...».

Соответственно отмеченной авторской установке изменяется и характер взаимодействия отдельной личности со «святым местом». Если деятельность персонажей сказаний Симона, в конечном счете, подчинена требованиям места, то герои Поликарпа более «автономны». Точнее говоря, религиозно-философская норма и нравственный критерий в максимально широком общехристианском значении, которые, без сомнения, играют важную роль и в сказаниях Симона, здесь выступают на первый план и становятся основой конфликтных ситуаций большинства сказаний.

Тем не менее было бы неверно говорить о том, что в сказаниях Поликарпа полностью отсутствует идея «святости места», столь ярко проявившаяся у Симона. Например, Лаврентий Затворник, обладавший даром изгнания бесов, столкнулся с «трудным случаем» в своей богоугодной «практике»: бес, вселившийся в человека, был очень лют; оказалось, что победить столь грозную силу способны лишь в Киево-Печерском монас-

тыре. Здесь перед нами, пожалуй, самый яркий пример противопоставления духовных возможностей святости и мощи одного локального места другому (осложненное участием в нем отдельной личности – Лаврентий, на момент происходящих событий, был послушником другого монастыря). Но и в «Слове о Лаврентии Затворнике», как и в других эпизодах, когда у Поликарпа появляется тема «святости места», описание происходящего осложняется введением ряда подробностей, не позволяющих отнести получение конечного победного результата к разряду ситуаций, про которые принято говорить, «что здесь сами стены помогают».

Во-первых, изгнание беса было возможно только при активном включении в данный процесс человеческого фактора, т. е. целенаправленной деятельности одного или нескольких монахов монастыря, что коренным образом отличает сложившуюся ситуацию от тех, в которых исцеление наступает вследствие одного факта пересечения границы и тем самым автоматического подпадания под воздействие целительной силы «святого места» (ср. «Глаголаша бесному: “Мы хоцемъ в печере затворити тя”. Бесный же рече: “Кая польза мне съ мертвыми боротися? Ти бо ныне большее дръзновение имут к Богу о своих чернцах и о приходящих к ним”»⁵).

Во-вторых, очень важно, что бесноватый исцелился до того, как вошел в монастырь: по дороге к монастырю чудесным образом явились печерские монахи с иконой Богородицы.

В-третьих, лишь 30 монахов способны были изгнать лютого беса, в то время как общее число послушников монастыря достигало 180 человек. Упоминание Поликарпом подобных фактов приводит к усложнению структуры образа «святого места» и, в первую очередь, разрушению «монолитности» Киево-Печерского локуса: здесь есть плохое и хорошее, доброе и злое, праведное и грешное и т. д.

Образы недостаточно «идеальной» братии играют важную роль и в сказаниях Симона, но там они несут на себе иную смысловую нагрузку. Агиограф изображает «отклонение от нормы» отдельной личности или группы лиц, но лишь для того, чтобы показать: это «отклонение» неспособно пробить «брешь» в «защитном поле» монастыря. В присутствующей в слове о Лаврентии Затворнике авторской точке зрения на сообщение о 30 печерских подвижниках, способных одним словом изгнать беса, звучит «негативная тональность». Первоначально количественный показатель не совпадает с качественным. Неслучайно, что упоминание об общем числе монастырской братии имеет характер авторской ремарки (действительно 30, но 30 из 180!). Усложнение данного мотива происходит в завершающем сказание авторском замечании: «Да и прочии уведят святое житие братии наша, еже бытии тацем во едино время, яко 30, могущим словом изгонити беса»⁶. Поликарп отодвигает победу над злом в прошлое, и количественный показатель получает качественное значение: было время, т. е. сейчас уже и этого нет (и 30 не наберется).

В сказаниях Симона всё, что соприкасается с Печерским локусом – исправляется. «Внешнее/чужое» неспособно причинить вред – как

только оно попадает в поле действия «святого места», оно сразу же начинает трансформироваться и видоизменяться. Так, Василия (боярин Георгия Шимоновича) в начале рассказа мы видим занимающим позицию «чужого» по отношению к Киево-Печерскому локусу. Отправляясь в монастырь с поручением передать деньги на украшение гроба святого, он размышляет: «Что смыслил старейшина нашъ толико богатство погубити? Каа мзда сего ради будет, еже мертваго гроб оковати? Но яко туне добыто, туне же и повръжено! Люте же мне ради единому, не смевшу ся преслушати! Во что дом мой оставлю и кого ради шествую пут есь горкый? От кого ли паки честь прииму: ко князю есмь не посланъ, ни ко иному вельможи. Что ли рку или что възглаголю ко оной корсте каменной, кто ми дасть ответ? Кто ли не посмеется моему безумному приходу?»⁷. Факт владения человеком чем бы то ни было, предназначенным или принадлежащим монастырю, обуславливает образование определенной связи между ними. Воздействие «святого места» на Василия начинается еще в дороге и усиливается по мере приближения к нему: боярину во сне являются святые с предупреждением о неподобающем его поведении, в дороге начинают происходить различного рода злоключения и, наконец, Василий тяжело заболевает. Процесс «перевоспитания», начавшийся еще до вступления в «святое место», заканчивается успешным преображением: Василий, испытав на себе силу монастыря, покаялся, был прощен и исцелен на гробе Феодосия.

В сказаниях Симона трагическое разрешение конфликтной ситуации возможно лишь за пределами монастыря – внутри же всем дан шанс к спасению.

В сказаниях Поликарпа идея святости места трансформируется – она не причина, но следствие святости отдельных подвижников. Здесь Киево-Печерский локус имеет «мозаичский» характер. Поликарп создает галерею образов праведников, личный богоугодный подвиг которых доминирует над коллективным. Ядром конфликтной ситуации становится индивидуальное противостояние злу. Зло же проникает и активно действует и в стенах монастыря.

Так, появляются монахи-обманщики, совершенно нехарактерные для сказаний Симона. В сказании об Алимпии-иконописце действуют два чернеца монастыря. Представившись одному богатому киевлянину в качестве посредников между ним и Алимпием, они взяли заказ на семь икон и много денег серебром (три цены). Сами же не только ничего не сказали иконописцу, но, когда обман вскрылся, продолжали уверять, что Алимпий деньги взял сам, а иконы писать не хотел. Сложившаяся конфликтная ситуация разрешается у Поликарпа иным способом, чем она бы закончилась у Симона. Проявление божественной силы – нерукотворного создания икон – не только не «перерождает» обманщиков, но, наоборот, еще больше озлобляет их против Алимпия. Монахи продолжают клеветать на иконописца и распространяют слух, что сами написали иконы. Здесь же появляется мотив пересечения границы Киево-Печерского локуса в обратном направлении: «Си же чернеца, обличена бывша, крадша манастырь, и вещей всех отпада-

ша, и изгнана от Печеры»⁸. В сказаниях Симона нет примеров «отторжения» от монастыря, но у Поликарпа, как мы видим, они появляются.

Смещение центра тяжести в сферу личных качеств отдельного представителя монашеской братии приводит к изменению структуры центральных образов сказаний Поликарпа. Личная святость становится доминирующим залогом духовной победы в борьбе со злом.

Отмеченная установка приводит к тому, что всё отрицательное, в той или иной мере имеющее отношение к центральным персонажам сказаний, выносится Поликарпом «вовне». Организация конфликтной ситуации подобным образом исключает отмеченное нами в сказаниях Симона «отклонение от нормы», которое напрямую связано с «внутренним нравственным» состоянием героя. Если герои Поликарпа непрерывно ведут борьбу со злом «внешним», то у Симона – с «внутренним».

В связи с этим первое, что обращает на себя внимание в сказаниях Симона, – это отсутствие образов персонафицированных бесовских сил. Их проникновение и активную деятельность сдерживают границы монастыря. Мотив, внешне напоминающий деятельность врага/чужого в границах «своего» локуса, сохраняется, но он получает у Симона совершенно иную трактовку.

Инок Сергей утаил не принадлежащие ему деньги, так как «уязвен быв от диавола, мнев приобрести богатство». Инок Еразм, став бедным, начал сожалеть о растроченных на церковные нужды деньгах: «...сия диавол вложшу ему въ сердце». Не обошелся без вмешательства дьявольской силы и конфликт между Титом и Евагрием: «Ненавидяй же добра бесъ, иже всегда рикает, ища кого поглотити, и сътвори има вражду; и тако ненависть вложи има...»⁹. В послании к Поликарпу Симон называет его желание занять должность игумена монастыря дьявольским желанием, а жалобы на неудовлетворенность своим положением в монастыре – дьявольскими начинаниями.

Симон не стремится идеализировать своих героев, переложить ответственность за их проступки и просчеты на плечи «универсального носителя зла». Наоборот, он делает акцент на несовершенстве человеческой природы и невозможности ее преодоления без активизации личностных духовных ресурсов человека. Одного «механистического облачения» в монашеские ризы недостаточно для совершения внутреннего нравственного перерождения. Поэтому можно утверждать, что его герои не статичны, мы можем наблюдать их движение и процесс нравственного перерождения.

Героев Поликарпа отличает стабильность их нравственного облика. Свидетельством этого являются особенности функционирования в данной части Патерика той группы образов, которые представляют собой дьявольское начало.

Главная особенность этой группы заключается в появлении персонафицированных сил зла, которые, по точному замечанию Л.А. Ольшевской, «обрастают плотью». Так, Никита-затворник вначале слышал бесовской голос, а позднее увидел беса в образе ангела; бес, вселившийся в мирянина в слове о Лаврентии Затворнике, разговаривал с людьми

от своего имени; обладают человеческой речью и бесы в слове о Григории Чудотворце (Григорий «взя победу на бесы, еже и далече сущим вопити: «О, Григорие, изгониши ны молитвою своею!»); бес из сказания о Федоре и Василии способен был принимать человеческий облик.

Бес-персонаж становится обязательным «атрибутом» конфликтной ситуации: только в постоянном противостоянии ему раскрывается вся сила и мощь героя. Т.Ф. Волкова охарактеризовала такую функцию беса-персонажа как «функцию контраста»: «Главный акцент повествования переносится на героя, а бес... превращается в “подстрекателя”, введение которого в ткань повествования создает сюжетную канву для очередного назидательного чуда»¹⁰.

В сказаниях Поликарпа Киево-Печерский монастырь превращается в арену «военных» действий, где добро вступает в открытую борьбу со злом. Добро, как правило, облечено в традиционную для агиографии форму христианского благочестия, смирения и аскетизма. Зло же многолико.

Тема затворничества, практически полностью отсутствующая у Симона, занимает особое место в сказаниях Поликарпа: 6 из 12 его героев подвизались в этом виде монашеской добродетели, а печерские пещеры становятся местом действия многих сказаний.

В сказаниях Поликарпа реализуется идея противопоставления активного и неактивного монашеского образа жизни: на 6 затворников (которые, кстати, также не всегда бездействуют) – 6 монахов, ведущих деятельный образ жизни, тем или иным образом активно помогающих другим (игумен говорит Никите, желающему уйти в затвор: «О чадо, несть ти пользы празду сидети»).

Активная модель поведения дается через однотипную, вполне традиционную для древнерусской агиографии сюжетную схему: монах за свой праведный образ жизни наделяется божественным даром, с помощью которого он помогает другим: Агапит – даром исцеления больных; Григорий – даром изгнания бесов; дар Прохора, который способен был превращать лебеду в хлеб, а пепел (сор) в соль, помогал другим во времена голода; Алимпий обладал даром исцеления и создания чудотворных икон. Во всех случаях способности монаха реализуются через его молитву и делают его известным – «И промчеса слово о нем по всей земли Руской». Сюжетным ядром слов становится конфликт с антагонистом. В слове об Агапите в роли главного «антагониста» монаха выступает лекарь-армянин Атанаисин. В остальных случаях конфликтная ситуация имеет более сложную, дробную структуру: противостояние одному человеку замещается столкновением с рядом противников.

Таким образом, мы можем констатировать наличие некой внутренней связи, существующей между сказаниями Симона и Поликарпа. Две части Киево-Печерского Патерика – это полемический «диалог», две точки зрения на проблему «правильного» богоугодного поведения и на представление о «святости». Поликарп вступает в полемику с точкой зрения Симона. Неслучайно адресатом его сказаний становится игумен монастыря – по своему статусу активный монастырский «чиновник»,

наделенный определенными властными полномочиями и способный повлиять на «профессиональную» судьбу монаха, его «карьерный рост». Невозможность высказать свою мысль открыто приводит к завуалированному ее изложению в виде сказаний-иллюстраций.

Главная мысль Поликарпа раскрывается через созданные в его сказаниях образы монахов, святость которых становится в первую очередь результатом их личной праведной богоугодной деятельности и напрямую не зависит от внешних факторов, таких, например, как пребывание в «святом месте». Симоновской формуле правильного подвижничества: **«святое место» + внутренняя духовная работа над собой** (т. е. пассивная модель поведения по отношению к окружающему миру) – Поликарп противопоставляет свою: **активная борьба со злом (дьявольским) во внешнем мире + «святое место»**. Характерно, что Поликарп не отказывается полностью от помощи «святого места» в преодолении соблазнов и нравственном совершенствовании монаха, но отводит ему второстепенную роль. Для него важнее утвердить самоценность духовных устремлений отдельной личности. Симоновской модели послушничества: тихой, незаметной жизни в обители и направлению всех сил инока «во внутрь», на свое нравственное и духовное самосовершенствование – Поликарп противопоставляет свою, основанную на активном служении Богу, которое может реализовываться в двух направлениях: как в стенах монастыря, так и за его пределами.

Следует отметить, что, хотя Поликарп открыто не проецирует созданную им модель богоугодного поведения на себя (в отличие от Симона, который открыто проводит параллели между своими героями и адресатом), его первоочередной задачей было все-таки изложить свои представления об образе жизни и поведении монаха, которым он хотел бы соответствовать.

Примечания

- 1 Подобная трактовка правомерна в первую очередь по отношению к «Слову о создании церкви Печерской», где эпическое начало выражено более сильно, отсутствуют признаки эпистолярного жанра и указание на конкретного адресата.
- 2 *Ольшевская Л.А.* Типолого-текстологический анализ списков и редакций Киево-Печерского патерики // *Древнерусские патерики*. М., 1999. С. 265.
- 3 *Ольшевская Л.А.* Поликарп // *Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI – первая половина XIV в)*. Вып. I. Л., 1987. С. 370.
- 4 *Киево-Печерский патерик* // *Древнерусские патерики*. М., 1999. С. 36.
- 5 Там же. С. 38.
- 6 Там же. С. 39.
- 7 Там же. С. 10.
- 8 Там же. С. 70.
- 9 Там же. С. 35.
- 10 *Волкова Т.Ф.* Художественная структура и функции образа беса в Киево-Печерском патерике // *ТОДРЛ*. Т. 33. Л., 1979. С. 236.

А.Г. Евстратов

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
КОМЕДИОГРАФИИ ЕКАТЕРИНЫ II:
ИЗ КОММЕНТАРИЯ К ПЬЕСЕ
«О ВРЕМЯ!» (1772)

В работе реконструируется политический подтекст комедии Екатерины II «О время!» (1772). Выбор места действия (Москва) и хронологическая привязка пьесы указывают на ее полемическую адресацию, связанную с событиями московской чумы 1770–1772 гг. По версии российского двора, ответственность за ужасы эпидемии лежит на суеверии москвичей. Отсюда – выбор темы для драматического дебюта императрицы.

Ключевые слова: комедия, Екатерина II, московская чума, А.П. Сумароков, Вольтер, Москва, место действия, «О время!», суеверие.

Выбор Москвы в качестве места действия в комедии Екатерины II «О время!» может рассматриваться как обычный прием адаптации иностранной театральной пьесы к российской сцене. И.-Х. Готшед, а вслед за ним В.И. Лукин, настаивали на необходимости замены реалий оригинального текста реалиями страны, для которой пьеса переводится¹. В предисловии к пьесе «Награжденное постоянство», опубликованной в 1765 г., Лукин пишет: «Но я <...> буду все шуточные Театральныя сочинения всевозможно склонять на наши обычаи, потому что многие зрители от Комедии в чужих нравах, не получают никакого поправления. Они мыслят, то не их, а Чужестранцов осмеивают. Тому причиною, что они слышат, как уже выше сказано, Париж, Версалию, Тюльлерию и протчие, для многих, из них, не знакомые речения; да и то им приметно, что осмеиваемые образцы, не только не свойственно нашим нравам изъясняются, но что они и одеты в незнакомые им одежды»². Иначе говоря, адаптация к местным реалиям – условие реализации дидактической функции комедии: зрители должны узнавать себя в персонажах, чтобы затем приняться за исправление осмеянных на сцене пороков. В комедии К.Ф. Геллерта «Богомолка (Die Betschwester)» (1745), которая послужила основой для пьесы Екатерины³, место действия на странице со списком действующих лиц не указано; однако реплики в первой сцене позволяют понять, что оно разворачивается не в столице, откуда приехал жених⁴. События пьесы Екатерины разворачиваются в Москве – в доме госпожи Ханжахиной, к внучке которой сва-

тается приехавший из Петербурга Молокососов. В логике оппозиции «столичный город (резиденция двора) – нестоличный город» Москва была одним вариантом из многих.

Вместе с тем, обстоятельства публикации пьесы заставляют думать, что первая пьеса императрицы имела политический подтекст, полемическую адресацию, для реконструкции которой место действия имеет ключевое значение. Комедия Екатерины II «О время!» была опубликована анонимно не позднее начала июля 1772 г.⁵ На титульном листе кроме названия и обозначения жанра пьесы фигурировала надпись «Сочинена в Ярославле во время чумы⁶. 1772 года». Это указание, которое было само по себе мистификацией⁷, наделяло пьесу публицистической актуальностью: время написания отсылало к событиям 1770–1772 гг., когда в Московской губернии и ближайших к ней губерниях (в том числе в Ярославской⁸) разразилась эпидемия чумы.

Екатерина была в Москве несколько раз в елизаветинское царствование и дважды после переворота 28 июня 1762 г. В сентябре 1762 г. двор приехал в первопрестольную на церемонию коронации новой императрицы и пробыл здесь до июня 1763 г. В 1767–1768 гг. Екатерина посетила Москву по случаю собрания Законодательной комиссии⁹. К моменту публикации «О время!» у Екатерины сложился ряд устойчивых представлений о допетровской столице. Дж. Александер, реконструируя отношение Екатерины к Москве накануне эпидемии чумы, констатирует, что императрица этот город не любила. Исследователь называет две основные причины пренебрежительного отношения императрицы к Москве: 1) дурные воспоминания, связанные с поездками в Москву в елизаветинское царствование (биографическая интерпретация), и 2) критическое отношение к слишком большим городам с развитой промышленностью, навеянное чтением европейских экономических трактатов (политическая интерпретация)¹⁰. Мы обратимся к политическому контексту представлений императрицы о Москве.

Работы Я.Ф. Билфельда и И.Х.Г. фон Юсти, которые упоминает Александер, действительно, были важными источниками политической рефлексии императрицы¹¹. Оба теоретика ссылаются на метафору Ш.-Л. Монтескье, согласно которой государство с разросшейся столицей и маленькими провинциальными городами подобно «Уроду с огромной головой и истощенным телом и чахлыми членами»¹². Иначе говоря, столица не должна быть одновременно резиденцией двора и торговым и промышленным центром с фабриками и мануфактурами. Высокая концентрация людей и ресурсов в одном городе вредит экономике, препятствует денежному обороту внутри страны¹³. Кроме того, скопление в городе рабочих угрожает общественному порядку. Москва, допетровская столица, была для Екатерины наглядным примером такого «урода». С начала своего царствования Екатерина пыталась сократить число фабрик и заводов в городе. Московская эпидемия и особенно «чумной бунт» 15–17 сентября 1771 г. стали для императрицы подтверждением срочной необходимости этих мер¹⁴. В недатированном отрывке¹⁵, напечатанном в собрании сочинений Екатерины

под названием «Réflexions sur Pétersbourg et sur Moscow (Размышления о Петербурге и Москве)», Екатерина объясняет, почему Москва не должна быть столицей империи. И здесь она упоминает о многочисленности мануфактур и рабочих, усугубляющих московский беспорядок. Существенная часть ее аргументации отведена, однако, не проблемам административного управления городом, а описанию нравов московского дворянства: «Moscow est le siège de la fainéantise, et c'est sa grandeur démesurée qui y aura toujours la première part. <...> La noblesse, rassemblée dans ce lieu, s'y plaît: cela n'est pas étonnant; mais dès sa plus tendre jeunesse elle y prend le ton et les allures de l'oisiveté, du luxe; elle s'y effémine, toujours traînée en carrosse à six chevaux, et elle n'y voit que des pauvretés, capables à ralentir le génie le plus marqué. Outre cela, jamais peuple n'eut devant les yeux plus d'objets de fanatisme, que d'images miraculeuses à chaque pas, que d'églises, que de prêtraille, que de couvents, que de dévots, que de gueux, que de voleurs, que de domestiques inutiles dans les maisons, – quelles maisons, quelle malpropreté dans les maisons dont les terrains sont immenses et les cours des bourbiers. <...> Voilà donc un amas de populace de toute espèce, toujours prête à s'opposer au bon ordre, et qui s'ameute pour la moindre bagatelle depuis un tems immémorial, qui chérie même les contes de ses émeutes et s'en nourrit l'esprit»¹⁶. В этой заметке с неясным статусом (черновик письма?) уже намечается связь между фанатичной религиозностью москвичей и их традиционной предрасположенностью к бунту. В свете известных обстоятельств «чумного бунта» 1771 г. связь эта стала для императрицы очевидной. Екатерина подробно передает события «чумного бунта» в письме Вольтеру от 6 (17) октября 1771 г., в котором излагалась официальная версия московских волнений, в центре которых оказывается расправа над архиепископом московским Амвросием. Весь эпизод императрица представляет как дополнение к статьям «Фанатизм» и «Противоречия» для вольтеровских «Questions sur l'Encyclopédie (Вопросов об “Энциклопедии”, 1770–1772)». При этом Екатерина не упоминает о чуме (хоть и употребляет слово «эпидемия») ¹⁷. В своем ответе от 12 ноября 1771 г. ¹⁸ Вольтер, ссылаясь на слухи, выводит парадокс, согласно которому чумой (peste) Екатерина обязана своим победам над турками: иначе говоря, русская армия принесла (с останками нескольких турков, пытается смягчить Вольтер) эпидемию в Москву ¹⁹. Однако уже 18 ноября он пишет новое письмо, где спешит исправиться, воздавая хвалу природе за то, что эпидемия оказалась не чумой. Начало письма задает тему монархини-просветительницы, важную для проблематики комедии Екатерины и цитируемой ниже оды А.П. Сумарокова: «...vous êtes née pour instruire les hommes autant que pour les gouverner. La populace sera difficilement instruite; mais tous ceux qui auront reçu une éducation seulement tolérable, profiteront de plus en plus des lumières que vous répandez» ²⁰.

Победа над чумой – тема оды А.П. Сумарокова на день восшествия Екатерины на престол 1772 г. Рассказ о бедствиях москвичей во время эпидемии здесь, как и в письме императрицы Вольтеру, сводятся к эпизо-

ду с архиепископом Амвросием (в третьей строфе): «Ко вящу суеврства сраму, / Касалась Алектона²¹ храму, / Куда святой нисходит дух: / Святителище ломать дерзала, / Первосвященника терзала: / И разносился страшный слух»²². Вся вторая половина оды (пять строф) посвящена изображению суеврия и ханжества. Спутники чумы, они должны быть истреблены вместе с недугом с наступлением Золотого Века: «Исчезнут мерзки лицемеры, / И все их с ними чудеса. / И слабоумны суевры! / Возрите только в небеса! / Сего пространства Обладатель, / И мира нашего Создатель, / Не выше ль разума всево? / А вы наполнены отравы, / Не зря Ево огромной славы, / Во баснях ищите Ево. // Вам басня басню производит, / И мысли здравыя мрачит: / Сим ложь за ложью происходит, / Святая истина молчит. / Не раздражается ль Содетель, / Когда почтенна добродетель / Преобращенна в ханжество, / Творяще злобныя привязки, / Приемлюще святыней сказки, / Творца забыв и естество?»²³. Поэт призывает императрицу поразить суеврие и невежество, а «тщетенныя народы» – перестать пить из грязного болота, источника суеврий. Эта последняя метафора возвращает к эпидемиологическим ассоциациям: чума распространяется вместе с суевриями²⁴.

Источник аналогии, вокруг которой строится вторая часть оды Сумарокова, указан в письме Екатерины Вольтеру от 6 (17) октября. Статья «Фанатизм» опубликована в 6-й части «Вопросов об “Энциклопедии”» в 1771 г. В ней невежество и суеврие приравниваются к чуме, от которой человечество может спасти только просвещение и философия: «On entend aujourd'hui par *fanatisme* une folie religieuse, sombre & cruelle. C'est une maladie de l'esprit qui se gagne comme la petite vérole. <...> / Le fanatisme est à l'entousiasme <sic> du superstitieux ce que le transport est à la fièvre. / Celui qui a des extases, des visions, qui prend des songes pour des réalités, & ses imaginations pour des prophéties, est un fanatique novice qui donne de grandes espérances; il pourra <sic> bientôt tuer pour l'amour de DIEU. / <...> Il n'est d'autre remède à cette maladie épidémique que l'esprit philosophique, qui répandu de proche en proche adoucit enfin les mœurs des hommes, & qui prévient les accès du mal; car dès que ce mal fait des progrès, il faut fuir, & attendre que l'air soit purifié. Les loix & la religion ne suffisent pas contre la peste des ames: la religion loin d'être pour elles un aliment salutaire, se tourne en poison dans les cerveaux infectés»²⁵.

Статью Вольтера о фанатизме, суммирующую многие другие печатные выступления французского писателя²⁶, следует рассматривать как один из важнейших источников модели описания московской эпидемии в современной ей официальной литературе. Эпидемия чумы предстает в ней как повод для демонстрации не только администраторского, но и просветительского дара Екатерины²⁷. Именно в этом контексте имеет смысл рассматривать представление и публикацию комедии «О время!», а также, разумеется, посылку переводов первых пьес императрицы Вольтеру осенью 1772 г. Иначе говоря, подзаголовок первого издания комедии «О время!» указывает на природу конфликта в пьесе и ее основные темы – суеврие и просвещение, которые в целом можно считать центральными для драматургии Екатерины II.

- 1 См., напр.: Deutsche Schaubühne nach der Regeln und Mustern der Alten... Leipzig, 1741. Т. 2. S. 35–36.
- 2 Сочинении и переводы Владимира Лукина. Ч. 2. СПб., 1765. С. XV–XVI.
- 3 См.: *Prochazka D.* Die Vorlage zur Komödie «О, время!» von Katharina II // Archiv für Slavische Philologie. 1905. Bd. XXVII. S. 563–577; *Чебышев А.* Источник комедии Императрицы Екатерины: «О, время!» // Русская старина. 1907. Февраль. С. 389–409.
- 4 [*Gellert C.F.*] Die Betschwester... // Theater der Deutschen. Bd. 4. Berlin; Leipzig, 1767. S. 222.
- 5 *Костина Е.Л.* К истории ранних комедий Екатерины II // XVIII век. Вып. 18. СПб., 1993. С. 303.
- 6 В изданиях комедий «Имянины госпожи Варчалкиной» и «Госпожа Вестникова с семьею» указано, что они сочинены в Ярославле, но без указания времени сочинения. То есть «чума» появляется только на титуле «О время!» (*O'Malley L.D.* The Dramatic Works of Catherine the Great: Theatre and Politics in Eighteenth-Century Russia. Aldershot; Burlington, 2006. P. 28).
- 7 Последнее посещение Ярославля Екатериной относится к 1767 г. (*O'Malley L.D.* Op. cit. P. 29).
- 8 *Alexander J.* Bubonic Plague in Early Modern Russia: Public Health and Urban Disaster. Baltimore, 1980. P. 238–245.
- 9 Ibid. P. 62.
- 10 Op. cit. P. 62–63.
- 11 Об этом свидетельствует, напр., ее конспект «Политических установлений (Institutions politiques)» Бильфельда (Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII. СПб., 1907. С. 636–637), которые использовались также при подготовке «Наказа»; а также указанные Александром переводы трактатов Бильфельда и Юсти, опубликованные в конце 1760-х – 1770-х гг. (*Alexander J.* Op. cit. P. 320).
- 12 Institutions politiques. Par Monsieur Le Baron de Bielfeld. T. I. La Haye, 1760. P. 259. Ср.: Die Grunfeste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten; oder ausführliche Vorstellung der gesamten Policen-Wissenschaft. T. I. Königsberg u. Leipzig, 1760. S. 342–343.
- 13 См.: Die Grunfeste zu der Macht... Bd. I. S. 315–316, 341–343; Institutions politiques... V. I. P. 259.
- 14 Подробнее о проблеме московских мануфактур см.: *Alexander J.* Catherine II, bubonic plague, and the problem of industry in Moscow // The American Historical Review. 1974. V. 79. №. 3 (Jun.). P. 637–671, а также в цитированной монографии того же автора.
- 15 Дж. Александр относит его к осени 1771 г. (*Alexander J.* Catherine II, bubonic plague, and the problem of industry in Moscow. P. 659).
- 16 Сочинения императрицы Екатерины II. Т. XII... С. 642. «Москва – это оплот праздности, и ее непомерная величина всегда будет тому первой причиной. Знать, собранная в этом месте, вполне им довольна – это не удивительно; но с самой ранней юности она берет тон и манеры праздно-

сти и роскоши; она здесь изнеживается, не вылезая из кареты в шесть лошадей, она видит здесь убожества, способные ослабить самое замечательное дарование. Сверх того, никогда народ не имел перед глазами более предметов фанатизма, сплошные чудотворные образа, сплошные церкви, повсюду одни попы, монастыри, ханжи, нищие, воры, ненужные в доме слуги, а какие дома, какая нечистоплотность в домах, хозяйство которых огромно, а во дворах – болота. Вот скопление черни всех сортов, всегда готовой воспротивиться порядку и восстающей из-за любой безделицы с незапамятных времен; она даже холит сказки о своих бунтах и воспитывается на них». Ср. с отзывом о Петербурге: «...le peuple y est plus docile, plus poli, moins superstitieux, plus accoutumé aux étrangers, avec lesquels il gagne continuellement de façon où d'autre, etc., etc., etc.» (Там же. С. 643). «...народ здесь более послушный, более воспитанный, менее суеверный, более привычный к иностранцам, благодаря которым он постоянно имеет достаток – тем или иным способом, и т. д., и т. д., и т. д.».

- 17 Les œuvres complètes de Voltaire. V. 122. Correspondance. V. XXXVIII. Bunbury, 1975. P. 106. Рус. пер. см. в кн.: Переписка Российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера... 2 ч. Ч. 2. М., 1803. С. 39–41.
- 18 Даты писем Вольтера указаны по новому стилю.
- 19 Les œuvres complètes de Voltaire. V. 122. P. 133; Переписка Российской императрицы... С. 47–48.
- 20 Les œuvres complètes de Voltaire. V. 122. P. 141–142. «...вы рождены для наставления людей в той же мере, что и для управления ими. Образовать чернь будет сложно; но все, кто получил хотя бы сносное воспитание, будут все больше и больше пользоваться просвещением, которое Вы распространяете». Ср. с пер. в: Переписка Российской императрицы... С. 51–52.
- 21 Одна из трех адских фурий.
- 22 *Сумароков А.П.* Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе... Изд. 2-е. Ч. 2. М., 1787. С. 109–110.
- 23 Там же. С. 110–112.
- 24 Ср. в 8-й строфе: «А вы тщетою заражены, / Котору глупость вам дала» (Там же. С. 113).
- 25 [*Voltaire.*] Questions sur l'Encyclopédie, par des amateurs. Sixième partie. [Genève,] 1771. P. 18–21. (Курсив источника. – А. Е.) «Под *фанатизмом* мы сегодня понимаем религиозное безумие, мрачное и жестокое. Это болезнь рассудка, которая передается как оспа. <...> Фанатизм для энтузиазма суеверного то же, что приступ для лихорадки. Тот, кто находится в исступлении, кому являются видения, кто принимает сон за явь, а собственные фантазии за пророчества, - это новоиспеченный фанатик, подающий большие надежды; скоро он сможет убивать из любви к Богу. <...> От этой эпидемии не существует другого лекарства, кроме философского ума, который, распространившись от одного к другому, смягчает, наконец, нравы людей и который предупреждает приступы болезни; ибо как только эта болезнь начинает распозаться, нужно спасаться бегством и ждать, пока воздух снова очистится. Законы и религия не могут справиться с чумой в душах: религия, вместо того, чтобы быть для них спасительной пищей, превращается в яд в зараженных умах».

А.Г. Евстратов

- 26 В приведенных нами фрагментах статью «Фанатизм», опубликованная в «Вопросах об “Энциклопедии”», почти дословно повторяет одноименную статью из «Философского словаря (Dictionnaire philosophique, 1764)» (см.: Les œuvres complètes de Voltaire. V. 36. Dictionnaire philosophique. II. Oxford, 1994. P. 105–111).
- 27 Не случайно, послав Вольтеру короткий отчет об усмирившейся эпидемии с предварительными наблюдениями медицинского и статистического свойства (в письме от 8 (19) декабря 1771 г.), в следующем письме Екатерина пишет о театральных представлениях в Обществе благородных девиц (Les œuvres complètes de Voltaire. V. 122. P. 191–192, 251–252).

М.М. Одесская

БЫЛИ ЛИ ИДЕАЛЫ У ГОСПОДИНА ЧЕХОВА?

Творчество Чехова приходится на тот период, когда рушилось старое здание идеализма, и критерии «правда», «красота», «добро», составлявшие основу европейской эстетической мысли XIX века, перестали существовать как триединство. Антиидеализм русского писателя переходной эпохи был воспринят народнической критикой как беспринципность и вызов традиции. Напротив того, Лев Шестов, характеризуя особенность таланта Чехова как «творчество из ничего», показал драматизм и внутренний конфликт писателя, оказавшегося лицом к лицу перед пустотой.

Ключевые слова: антиидеализм, народническая критика, реализм, модернизм, идеалы, слом эпох, идейный индифферентизм.

Заглавие известной статьи о Чехове критика-народника А.М. Скабичевского «Есть ли у г-на Чехова идеалы?» (1892)¹ симптоматично. Оно было адресовано не только молодому таланту, мастерство которого к 90-м годам XIX века начали признавать, но и целому поколению литераторов этого периода. Именно вопрос об идеалах стал той самой «одежкой», по которой народническая критика, занимавшая ведущие позиции в «толстых» журналах, встречала, а затем определяла место писателя в литературе. Критиков не могло не беспокоить то, что идеалистическое здание литературы XIX века, которое держалось триадой – правда, красота, добро, – с уходом Некрасова, Достоевского, Тургенева начало рушиться. Серьезным ударом по оплоту идеологии в литературе было закрытие в 1884 г. журнала «Отечественные записки», имевшего огромное влияние на читателя.

Новое поколение литераторов вызывало тревогу оттого, что в их сочинениях не было главного – идеалов. Отсутствие идеалов воспринималось как беспринципность, безнравственность, даже святотатство. Буквально крик отчаяния слышится в словах М.А. Протопопова, вставшего на защиту идеалов: «Смена поколений всегда сопровождается сменой идеалов... Но идеалы уступают место идеалам же, а не отрицанию идеалов»². А Скабичевский прямо, без обиняков говорит, что готов был бы простить недостаток таланта, но не отсутствие идеалов: «Вы мо-

М.М. Одесская

жете отрицать в писателе талант.. Но отрицание идеалов – шутка ли сказать: ведь это равносильно отрицанию святого святых человека, всего его внутреннего содержания, отрицание самого человека!..»³.

Эти и другие аналогичные им высказывания критиков показывают, насколько прочно утвердилась идеалистическая концепция в умах и как болезненно переживалось ее крушение. А удары по идеализму приходилось отражать с разных сторон – со стороны дарвинизма, неопозитивизма, атеизма, агностицизма, марксизма, натурализма, эстетизма. Михайловский, как вспоминает Ясинский, работая в публицистическом отделе «Отечественных записок», делал, как и другие сотрудники, вылазки против Спенсера, Дарвина, Маркса⁴. И ведь речь шла не о смене поколений, борьбе «отцов» и «детей», что отлично понимали сами «отцы». Неслучайно Михайловский иронизирует в статье «Об отцах и детях и о г-не Чехове» (1890) над великовозрастными, «старообразными» детьми.

Народнический идеализм принял формы дидактизма и морализирования. Литераторы 80-х годов почувствовали, что прежние идеалы не удовлетворяют, они стали восприниматься как некие химеры, своего рода фетиши. И потому напрасны призывы к ним «отцов»-идеалистов соорудить «другой, лучший храм» на месте опустошенного, чтобы повести за собой людей (Протопопов)⁵.

Первой манифестацией идей «детей» в печати принято считать дискуссию, развернувшуюся на страницах киевской газеты «Заря» в 1884 г. А поводом для литературных дебатов, в которых обнаружилось разные эстетические позиции, послужили два крупных выступления. Это речь, произнесенная Достоевским на открытии памятника Пушкину (1880), и «Исповедь» (1882) Толстого.

Выступление Н.М. Минского на страницах «Зари» предвосхитило знаменитую декларацию нового искусства, изложенную в лекции Д.С. Мережковского «О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы» (1892). В статье «Старинный спор» (1884) Н.М. Минский, начинавший как поэт-народник и коренным образом изменивший свои взгляды, отстаивал принципы чистого искусства. Полемизируя с шестидесятилетней позицией, сближающей науку и искусство, он настаивал на том, что нужно различать назначение и задачи науки и искусства, так как они полностью противоположны. Минский обожествлял роль искусства и художника. Он спорил и с шестидесятилетним взглядом на искусство как подражанием действительности. И, наконец, морализаторство в искусстве автор статьи назвал «временным» и «суетным» и противопоставил его подлинному искусству – «чистому» и «вечному». Заглавие статьи – «Старинный спор» – подчеркивало связь нового поколения поэтов с пушкинской традицией в литературе, которую «дети» отождествляли с принципами свободного искусства.

В программной статье «О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы» Д.С. Мережковский не только представил в обобщенном виде картину русской литературы, критики и

журналистики XIX века, но и, что значимо, рассмотрел русскую литературу в контексте западной. Сравнивая русскую литературу с западноевропейской, Мережковский определяет отечественную литературу как литературу гениев-одиночек. Поэтому 1880–90-е годы, период, когда гении, за исключением Толстого, ушли со сцены, Мережковский называет периодом упадка и веком «литературных эпигонов».

Проблемы журналистики и литературной критики занимают существенное место в статье. Поднимая актуальный и острый вопрос об отношениях между массовыми изданиями, «толстыми» журналами и культурным уровнем российской аудитории, Мережковский говорит о господствующей в литературно-журналистском мире иерархии, о безусловном авторитете «толстых» журналов и о губительности такой вертикали для культурного самосознания в целом. По его мнению, в России, в отличие от Запада, писатель зависит от редактора, а редакторы «в своих литературных вкусах – неизлечимые моралисты и боязливые педагоги невзрослой толпы»⁶.

Вопросы, над которыми бьется народническая критика, – «искусство для жизни, или жизнь для искусства», – в равной степени, как и вопрос о красоте и нравственности, представляются Мережковскому схоластическими, существующими только для «мертвых людей». Для него все компоненты триады едины, и нет сомнений в том, что «искусство – для жизни и <...> жизнь – для искусства»⁷ и что справедливое – прекрасно, а прекрасное – справедливо⁸.

О неустойчивости позиции Мережковского, его идеологических колебаниях пишет в интересной монографии, посвященной этому периоду литературы, Елена Толстая. На примере разбираемого Мережковским рассказа Чехова «На пути» исследовательница показала двойственность его позиции. Стараясь продемонстрировать свободу Чехова от тенденциозности, критик, по существу, обвиняет писателя в имморализме. Именно это, по мнению исследовательницы, вызвало раздраженную реакцию Чехова на статью Мережковского⁹.

Свое время Мережковский определяет как время двух противоположных тенденций – крайнего материализма и «самых страстных идеальных порывов духа»¹⁰. Рассматривая идеализм в искусстве главным образом как антитезу натурализму, Мережковский называет Чехова верным учеником Тургенева «на пути к новому грядущему идеализму» и так же, как и Тургенева, считает импрессионистом. Стоит напомнить, что еще ранее, в первой статье о Чехове «Старый вопрос по поводу нового таланта» (1888), молодой критик определял писателя как мистика, отмечая его музыкальность, ставил в один ряд с такими знаковыми для нового искусства именами романтиков, как Гофман и Эдгар По. Ясно, что мистицизм и «эстетический идеализм»¹¹ в устах Мережковского – это высокая похвала писателю¹². Знаменательно, что, несмотря на свои колебания, Мережковский всё же против тенденциозности, хотя и с оговорками. Он отвергает публицистическую тенденцию, которая неорганична художественному произведению. Характерно, что статью «Старый вопрос по поводу нового таланта» критик заканчивал ссылкой на

Шиллера, которого, по его словам, «трудно заподозрить в общественном индифферентизме <...> а между тем и он определяет творческий акт как что-то произвольное, стихийное, над чем не властны никакие внешние предписания, теоретические формулы и рассудочные требования»¹³. Этой ссылкой на Шиллера как заключительным аккордом статьи Мережковский подтверждает приверженность идеализму.

Интересно, что и Чехов обратил внимание на конец статьи и в письме к Суворину (3 ноября 1888 г.) назвал его характерным – только в другом смысле. Чехова заинтересовало, по-видимому, то, что Мережковский называет творческий акт бессознательным, произвольным и стихийным и для разъяснения своих идей обращается к примерам из естественных наук, биологии. Можно предположить, что Чехова привлекли вопросы психологии творчества, но смутили не только естественно-научные параллели в устах критика, но и сам тезис о стихийности творчества. Ранее (27 октября 1888 г.) в письме Суворину он иронизировал над творчеством по вдохновению, не подчиненным воле автора. Как естествоиспытатель по образованию, Чехов, очевидно, предпочитал разделять науку и творчество и с недоверием относился к критике, пытающейся встать «на научную почву». По всей вероятности, Чехов не находил в критике, в отличие от философии творчества, черт научности¹⁴. Эти замечания Чехова, скорее всего, – реакция на обсуждавшиеся в прессе проблемы психологии творчества и на новое модное направление в литературе – натурализм. Несмотря на довольно скептический отзыв о внедрении научного метода в искусство, сам Чехов, как известно, использовал не только знания, полученные на медицинском факультете, но и научный подход в целом к явлениям жизни, характерам людей. Позднее он всё более настойчиво обсуждает в письмах вопрос о необходимости для писателя естественнонаучных знаний.

Научную объективность и точность изображения поставили во главу угла натуралисты. Для художника-натуралиста уродливое явление жизни – самоценный объект пристального внимания, в то время как для идеалиста прекрасное всегда присутствует или мыслится как антипод безобразного. Натурализм наносил сокрушительный удар по идеализму, по триединству – правда, красота, добро. Золя, основатель теории экспериментального романа, провозгласил свободу искусства от политики и религии. По его мнению, литература должна ставить чисто научные задачи, стать частью физиологии в изучении организации человека, «механизма» его чувств и страстей. Эти принципы, несомненно, шли вразрез с социолого-политической установкой народников. И в этом смысле натурализм сближался с принципами чистого искусства.

Очень точный анализ «экспериментального романа» и верные наблюдения над отличиями французского натурализма от русского сделал Н.М. Минский в работе «Золя и экспериментальный роман». Ссылаясь на европейскую критику, которая давно установила, что «натуралистический роман во Франции вызван к жизни соображениями эстетического характера», в то время как русский роман «проникнут идеалом нравственным»¹⁵, Минский углубляет и развивает в статье это

сравнение. Учительский характер русской литературы – неотъемлемая ее часть. Причем, как пишет критик, «со времен Гоголя все великие наши писатели смотрят на себя как на учителей не только нравственности, но и религиозной истины». Напротив, главная заповедь художника для Флобера, Гонкуров, Золя – «не поучай»¹⁶.

Отсутствие учительской направленности в произведениях Чехова, его идейный индифферентизм ставили критику в тупик. Михайловский почувствовал новые тенденции в том, что разрушилась прежняя модель взаимодействия писателя с читателем. Критик сожалеет о времени, когда между писателями и читателями была постоянная живая связь и когда писатель возвышался над действительностью, а его талант «светил и грел». Теперь же «г-н Чехов с холодной кровью пописывает, а читатель с холодной кровью почитывает»¹⁷. Михайловский проницательно отметил и другую важную особенность «детей», их новый подход к действительности, «пропагандистом» которого явился Чехов. «Дети», по словам Михайловского, заявляют: «для нас существует только действительность, в которой нам суждено жить, и которую мы потому и признали»¹⁸. И понятно, что реакция критика-народника однозначна: «как может быть талантлива идеализация отсутствия идеалов?»¹⁹.

Знать, что жизнь такова, как она есть, и не отшатнуться от нее в ужасе, обнаружив ее ничтожность и пустоту, как это сделал Гоголь, и не призывать к всенародному братству по примеру Толстого или к безусловному принятию Бога по Достоевскому, а трезво констатировать этот факт и уметь жить в предлагаемых условиях (*amor fati* по Ницше) – это то знание, которое открылось на сломе эпох, когда здание идеализма разрушилось. И не в том дело, что эпоха сменилась эпохой, поколение – поколением, реализм – модернизмом, но коренным образом изменилось мировоззрение, отношение к идеалам. Процесс этот проходил постепенно и медленно. На протяжении второй половины XIX века менялись приоритеты. Это период жизни литературы без «литературных генералов», без «мундирности», когда процесс развития шел не по вертикали, а по горизонтали. Оттого большое значение и популярность вновь, как и в начале века, получили литературные салоны и кружки²⁰ и множество мелких, различной направленности журналов и газет, в которых формировалось творчество «обыкновенных талантов». И одним из таких талантов был начинающий писатель Чехов. Важно отметить, что не только критика рассматривала Чехова в контексте писателей-восьмидесятников, но и сам он в тот период считал себя частью «артели», о чем свидетельствует, например, его известное высказывание в письме В.А. Тихонову от 7 марта 1889 г.

Более того, он даже «не хотел оригинальности, он делал нечеловеческие напряжения, чтобы быть, как все»²¹, – проницательно отметил Лев Шестов в знаменитой статье «Творчество из ничего». И сам Чехов подтверждал это в частном общении. Он словно испытывал комплекс неполноценности, сравнивая себя и свое «рыхлое», «скучное», больное поколение с «отцами», писателями «вечными или просто хоро-

шими», которые, признается он Суворину, «пьянят нас», «куда-то идут и Вас зовут туда же, и Вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель»²². Исповедуясь Суворину, Чехов прямо заявлял, что у него нет такой высшей цели, общей идеи, и ему некуда вести читателей, а критики под обаянием таланта, не найдя идеалов, выраженных открыто, принялись погружаться в глубины текста, досказывать недосказанное, желая «улучшить» писателя и подогнать под классический канон²³. Чехов ниспровергал литературные авторитеты и в то же время на них оглядывался, долгое время чувствовал себя неофитом в литературе и как писатель, начавший карьеру в развлекательных журналах, дорожил успехом у публики. О зависимости писателя от мнения публики говорит его герой Тригорин, которому, как известно, достаются мысли и автора пьесы. И если у самого писателя хватило сил «поднять подол» своей музе только перед Сувориным, то Лев Шестов заявил публично о том, что у Чехова не просто отсутствуют идеалы, но более того, «идеализм во всех видах, явный и тайный, вызывал <...> чувство невыносимой горечи»²⁴.

Похоже, то, что оттолкнуло от Чехова Михайловского, привлекло Шестова. Строки из стихотворения Бодлера, выбранные Шестовым в качестве эпиграфа, определяют дискурсивный вектор всей статьи «Творчество из ничего». Несомненно, Шестов, характеризуя особенность таланта Чехова как «творчество из ничего», не давал ему негативной оценки²⁵. Отсылая читателей к поэзии Бодлера, автор статьи дает понять, что для русского писателя, как и для французского поэта, категории добра и зла не столь абсолютные антиподы, резко противостоящие друг другу, они едины между собой и одно переходит в другое. В художественном мире Чехова, как показывает критик, не работает деление людей на лишних и нелишних, полезных и вредных, добрых и злых. Шестов доказывает, что Чехов не просто не приемлет и отвергает готовые формулы добра, идеалы, он – мастер изображения «гниющего, разлагающегося существования», к которому он заставляет читателя испытывать «вместо естественного и законного чувства негодования» «ненужные и опасные симпатии»²⁶.

Шестов прозрел и произнес во всеуслышание то, в чем Чехов сам боялся себе признаться, но не мог не выразить как художник. Писатель показал человека, столкнувшегося с ничто как внутри самого себя, так и в окружающей жизни. Идеалы, сформированные в сознании человека под влиянием воспитания, которые создавались на протяжении веков, чтобы объяснить смысл существования мира, обветшали и исчерпали себя. Философ также обратил внимание на очень важную особенность: «В рассказах Чехова много героев-материалистов, но с оттенком скрытого идеализма, по выработанному в 60-х годах шаблону»²⁷. Это значит, что антиидеализм Чехова – не противопоставление материализма идеализму, что традиционно могло бы определить драматургию и конфликт отношений героев-антиподов, например, фон Корена и Лаевского. Материалист по образованию и убеждению, фон Корен – идеалист по мировоззрению, он проповедует идеалы 60-х годов. Напрашивается

вывод о том, что можно говорить об идеалистическом позитивизме и материалистическом позитивизме как двух конфликтующих системах XIX века. У Чехова нет позитива. Заслуга Льва Шестова состоит в том, что он показал драматизм и внутренний конфликт писателя, оказавшегося лицом к лицу перед пустотой.

Как известно, первым, кто провозгласил ничто как данность существующую в мире, и то, что человек заполняет это ничто им самим воздвигаемыми идолами и таким образом создает мир, существующий в его представлении, был Ницше. Столкновение человека с ничто как своим *alter ego* – тема, которую воплотил в художественных образах старший современник Чехова норвежский драматург Г. Ибсен. К сердцевине своего «Я» отправляется в путешествие Пер Гюнт и обнаруживает в конце пути, что сердцевины нет, он устроен, как луковица. В статье «Победы и поражения (Жизнь Генриха Ибсена)» Шестов показал, что норвежский драматург утверждает в своих драмах временность, недолговечность идеалов. Их жизнь длится, по словам Стокмана, не более 20 лет («Враг народа»). Идеалы и ложь – это одно и то же, считает доктор Роллинг («Дикая утка»). Более жизнеспособными оказываются те, у кого нет идеалов – посредственность («Гедда Габлер»).

Как и Ибсен, Чехов – прекрасный пример для изучения генеалогии модернизма. Оба писателя развенчивали идеалы и одновременно понимали, как пуста без них жизнь. Выходец с «задворков» литературы, из бульварной прессы, воспитанный в традициях русской купеческой религиозной морали, врач по образованию и дарвинист по убеждениям, Чехов, как никто другой, умел трезво смотреть в лицо судьбе и жить в предлагаемых обстоятельствах. И он прошел путь преодоления (выдавливал из себя по капле раба) и восхождения, и понял закон вечного возвращения, и привел своих героев к осознанию *amor fati* – «Умей нести свой крест и верить», «Будем жить!». Эти слова, выстраданные героинями пьес «Чайка» и «Три сестры», – знание, а не оптимистический призыв, знание, которое можно приобрести после разочарования в идеалах, воспринятых готовыми, на веру.

Думается, что современные Чехову критики не то что не поняли писателя, – напротив, многие из них очень проникательно прочитали его произведения. Отклики на творчество Чехова интересны сегодня еще и потому, что в оценках современников писателя проявился весь спектр существовавших на рубеже веков мнений об искусстве. Творчество Чехова пришлось на тот период, когда рушилось старое здание идеализма и критерии «правда», «красота», «добро», составлявшие основу эстетики XIX века, перестали существовать как триединство. Диссонанс между стремлением героев служить идеалам и их несостоятельностью в жизни и запечатлел Чехов, осознавший недолговечность любых идеалов и бесконечно повторяющийся процесс их поиска.

- 1 *Скабичевский А.М.* Есть ли у г-на Чехова идеалы? // А.П. Чехов: pro et contra. СПб., 2002. С. 144–179.
- 2 *Протопопов М.А.* Жертва безвременья // А.П. Чехов: pro et contra. С. 129.
- 3 *Скабичевский А.М.* Указ. соч. С. 144.
- 4 *Ясинский И.И.* Роман моей жизни // Среди великих: Литературные встречи. М., 2001. С. 358.
- 5 *Протопопов М.А.* Жертва безвременья. С. 129.
- 6 *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 530.
- 7 Там же. С. 531.
- 8 Там же. С. 534.
- 9 *Толстая Е.* Поэтика раздражения: Чехов в конце 1880-х – начале 1890-х годов. М., 1994. С. 163.
- 10 *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. С. 536.
- 11 *Мережковский Д.С.* Старый вопрос по поводу нового таланта // А.П. Чехов: pro et contra. С. 59.
- 12 В полемической статье «Отражение французского символизма» Н.К. Михайловский отрицает мистицизм в творчестве Чехова. Он также не согласен и с тем, что критик причисляет его собственные работы к идеалистическим. Михайловский считает, что они по-разному понимают идеализм. См.: *Михайловский Н.К.* Отражение французского символизма // Михайловский Н.К. Литературная критика: Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. М., 1989.
- 13 *Мережковский Д.С.* Старый вопрос по поводу нового таланта. С. 79.
- 14 Интересно, что в полемической статье «Красота, жизнь и творчество», пересматривающей положения диссертации Чернышевского, П.Д. Боборыкин ставит в упрек русской критике недостаточный интерес к «научно-философской обработке явлений художественного творчества», вместо этого объектами исследования стали «идеи морали и общественности», а критика, по его мнению, приобрела в последние сорок лет исключительно «публицистическое направление». См.: *Боборыкин П.Д.* Красота, жизнь и творчество // Вопросы философии. 1893. № 1. С. 82.
- 15 *Минский Н.М.* Зола и экспериментальный роман // Мир искусства. 1902. № 9–10. С. 249.
- 16 Там же. С. 250.
- 17 *Михайловский Н.К.* Об отцах и детях и о г-не Чехове // Михайловский Н.К. Литературная критика. С. 86.
- 18 Там же.
- 19 Там же.
- 20 См.: *Сапожков С.В.* К.М. Фофанов и репинский кружок писателей // Новое литературное обозрение. 2001. № 48, 52. См. также мою

Были ли идеалы у господина Чехова?

- публикацию: *Опочинин Е.Н.* Яков Петрович Полонский и его пятницы // Среди великих. С. 319–334.
- 21 *Шестов Л.* Творчество из ничего // А.П. Чехов: pro et contra. С. 572.
- 22 *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем. Письма: в 12 т. М., 1974–1983. Т. 2. С. 133.
- 23 Характерный пример – критика Скабичевского. В статье «Есть ли у г-на Чехова идеалы?» читаем: «... ему приходится скрывать свои идеалы, подразумевать их, выставляя явления, стоящие в полном противоречии с ними» (*Скабичевский А.М.* Есть ли у г-на Чехова идеалы? С. 145).
- 24 *Шестов Л.* Творчество из ничего. С. 590.
- 25 Об этом пишет в своих комментариях к антологии «А.П. Чехов: pro et contra» и ранее в статье «Лев Шестов о Чехове» Андрей Степанов. См.: *Степанов А.Д.* Лев Шестов о Чехове // Чеховиана: Чехов и Серебряный век. М., 1996. С. 75–79.
- 26 *Шестов Л.* Творчество из ничего. С. 575.
- 27 Там же. С. 590.

И.Н. Агейкина

ИДЕОЛОГЕМЫ «НАРОД» И «НАРОДНОСТЬ» В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XIX В.

В статье история формирования терминов «народ» и «национальность» описана на материале изданий XIX века. В качестве источников были использованы публикации в журналах «Сын Отечества», «Полярная звезда», «Москвитянин», «Отечественные записки», «Современник» и газете «Неделя».

Ключевые слова: идеологема, политический термин, периодика, журнал «Сын Отечества», журнал «Полярная звезда», журнал «Москвитянин», журнал «Отечественные записки», журнал «Современник», газета «Неделя».

В словаре русского языка XI–XVII веков зафиксировано восемь значений слова «народ». Это дает право утверждать, что в XVIII веке оно широко использовалось. Об этом свидетельствует и языковая практика.

В.К. Тредиаковский использовал этот термин в «Речи о чистоте российского языка» (1735): «Сие дело не меньше полезное, чем трудное, главный в сей Императорской Академии командир, остроумный и мудрый муж, на вас налагает, вам вверяет, и всего к тому возможного прилежания к вящему прославлению Российского народа и его слова, от вас ожидает»¹. В данном контексте слово «народ» имеет значение – «население страны». А в другом сочинении «Новый и краткий способ к стихосложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний» есть еще одна любопытная цитата: «Наш народ столь склонен к рифмам, что в простых присловиях, не стихами сочиненных, часто, не знаю по какой влекущей к ним приятности, слух любит ими услаждаться»². Значение термина «народ» можно трактовать двумя разными способами: возможно, поэт называл народом этническую общность, а возможно, низшие слои общества. Поскольку автор использует слово «народ» без пояснений, можно сделать вывод, что оно было хорошо знакомо читателям XVIII века.

Тем не менее, в первом российском толковом словаре, изданном Академией (1789–1794), оно зафиксировано не было. Почему же академики не включили в словарь это довольно часто используемое слово? Ответ можно найти в сочинениях того же Тредиаковского. «Ода не тер-

пит обыкновенных народных речений, она совсем от тех удаляется и приемлет в себя токмо высокие и великолепные», – писал он, разбирая оду Сумарокова. С точки зрения классициста, язык следовало очистить от «подлых» народных речений. Можно предположить, что и члены Академии, составляя справочник, руководствовались этими соображениями и не стали включать в него «подлые» слова.

Однако авторы второго издания (1814) словаря Академии наук зафиксировали несколько значений термина «народ»:

- язык, племя, жители государства, страны какой, состоящие под одними законами и говорящие одним природным языком;
- особенно берется за множество людей;
- чернь, простолюдины.

В первом значении слова «народ» объединены «политический» (жители государства, страны; один из принципов – общий закон) и «культурный» (племя; один из признаков – общий язык) смыслы. Второе значение – синоним слова «люди», а третье отражает социальный смысл слова.

Источники свидетельствуют о том, что составители словаря верно отразили все значения слова «народ». Давая показания по делу декабристов, М.П. Бестужев-Рюмин использовал его, чтобы обозначить политическую общность: «Министр внешних сношений должен был все способы давать народам европейским для введения у них представительства и поощрять народы к перемене правления»³. В проекте П.П. Пестеля «Русская правда» это понятие используется и для обозначения разных этносов. Например, «нет возможности окончательно усмирить хищные Горские Народы Кавказские пока будут иметь они средство через Анапу и всю вообще приморскую часть лежащую получать от Турок военные припасы и все средства к беспрестанной войне»⁴. Нередко термин «народ» используется и в «социальном» значении. Например, «обратил также мысли и внимание на положение народа, причем рабство крестьян всегда сильно на меня действовало, а равно и большие преимущества аристократии, которую я считал, так сказать, стеною между монархом и народом»⁵.

Два следующих издания (1847 и 1867 гг.) академического словаря⁶ и Справочный словарь русского языка (1901)⁷ повторяют толкование слова «народ», данное первым изданием словаря Академии наук.

Аналогичное толкование дают оба издания словаря Даля: «Люди, народившийся на известном пространстве; люди вообще; язык, племя; жители страны, говорящие одним языком; обыватели государства, страны, состоящей под одним управлением; чернь, простолюдыне, низшие, податные сословия; множество людей, толпа»⁸.

Однако словари не могут отразить всех оттенков смыслов, которые вкладывались в это слово в разные периоды, всего разнообразия идей, связанных с этим термином. Для этого следует обратиться к текстам русской периодики XIX века.

Термин «народ» в русских журналах XVIII–XIX вв.

Одной из самых важных вех в истории бытования термина «народ» стала Отечественная война 1812 года. Наиболее яркое отражение идеи, сформулированные в тот период, нашли в статьях журнала «Сын Отечества».

Первый номер журнала открывался воззванием немецкого публициста Э.М. Арндта. В статье «Глас истины» он создает образ русских как идеальной нации, консолидирующейся перед лицом внешней угрозы. По его словам, русским принадлежит великая роль в истории – они должны «подвизаться за свободу и честь всей Европы»⁹.

Авторы издания последовательно выстраивают образ смелого и прекрасного русского народа, который борется против почти всей Европы. Русским принадлежит великая миссия – спасти другие государства, освободить их от власти тирана. «Кто есть враги наши? – Народ корыстолюбивый и надменный, не внемлющий ни великой мысли, ни глубокого чувства, народ с развращенным воображением, хладным сердцем, гибкое оружие в руках тирана, легкомысленный виновник всех бед наших. Но что я говорю. Не французский народ вторгнулся в пределы Отечества Нашего; вся Европа собралась под знамена Наполеона... Теперь остаются только две нации: народ Наполеона и народ противоборствующий», – писал неизвестный автор статьи «Глас Русского», опубликованной во втором номере журнала «Сын Отечества»¹⁰.

Французов он именуется еретиками («Кто есть французы, повинующиеся Наполеону? – Бывшие христиане, нынешние еретики»¹¹), Наполеона – антихристом. В то время как русские, по его словам, – это «народ великодушный, благочестивый, храбрый»¹². На них Богом возложена великая миссия – освобождение Европы, захваченной Сатаной-Наполеоном.

Эти идеи вызвали горячее сочувствие у современников, о чем свидетельствуют слова декабриста Бестужева-Рюмина: «Неужели русские, ознаменовавшие себя столь блистательными подвигами в войне истинно отечественной – русские, исторгшие Европу из-под ига Наполеона, не свергнут собственного ярма и не отличат себя благородной ревностью, когда дело пойдет о спасении Отечества?.. Порывы всех народов удерживает русская армия – коль скоро она провозгласит свободу – все народы восторжествуют. – Великое дело свершится, и нас провозгласят Героями века»¹³.

Авторы журнала не делали различия между высшими и низшими классами русского общества и всячески подчеркивали роль простых крестьян в деле освобождения Отечества. Рассказами о подвигах таких героев наполнялся отдел «Смесь»¹⁴.

В шестом номере за 1812 г. опубликован рассказ о героической гибели русских крестьян. Французы, заняв Москву, регулярно ездили за провиантом в окрестные деревни. Крестьяне убивали их. Тогда французы для устрашения взяли нескольких человек в плен и объявили им,

что казнят. Враги ожидали, что русские будут просить о пощаде, но крестьяне с достоинством приняли смерть. Статья заканчивается следующим пассажем: «Такое мужество привело врага в трепет, он узнал, что никогда не покорит и не развратит сего геройского народа»¹⁵.

В третьем номере журнала за 1812 г. опубликовано «Письмо к издателям», написанное помещиком с просьбой опубликовать послание, которое он получил от «служителей наших», сопровождавших его сыновей во время Бородинского сражения. Автор письма считает, что вольная – это слишком малая награда для крестьян и нужно, чтобы все узнали об их геройском поведении. Далее следует письмо крестьян¹⁶. Не так важно, подлинный ли документ публиковался в «Сыне Отечества». Эта публикация отражает концепцию «народной войны», созданную авторами журнала. В ее основе – образ народа, все сословия которого объединились для борьбы с иноземным нашествием.

Несмотря на то, что уже в 1813 г. пропагандистская кампания, начатая по инициативе правительства, была свернута, представление о русском народе как об органическом внесословном единстве, носителе христианской веры и спасителе Европы осталось в общественном сознании.

Народность: от литературы к политике

Важной вехой в формировании понятия «народ» было появление в начале XIX в. термина «народность».

Впервые это слово было зафиксировано в третьем издании толкового словаря Академии наук (1847). Термин «народность» получил такое определение: «совокупность свойств, отличающих один народ от другого»¹⁷. Словарь Даля и Справочный словарь русского языка 1901 года издания¹⁸ в точности повторяют это определение.

Однако источники свидетельствуют, что этот термин появился в русском языке задолго до 1847 года, а идеи, связанные с ним, расширили его значение. Изначально термин «народность» использовался только в литературно-критических статьях, но потом перешел в политическую сферу.

Американский славист Х.Ц. Виттекер считает, что «после победы над Наполеоном у русских интеллектуалов впервые после целого века подражания Западной Европе возникло чувство национальной гордости»¹⁹. Одним из проявлений этого чувства стал интерес к русской старине, к национальным корням и традициям. Это понятие русские романтики и обозначили словом «народность».

Одной из наиболее значимых задач они считали создание оригинальной, самобытной русской литературы. Если во времена Третьяковского хорошим тоном считалось подражать западноевропейским писателям (в основном французским), то русская критика 1820-х гг. требует национальной, народной литературы. «Не довольно... присвоить себе сокровища иноплеменников: да создается для славы России поэзия

И.Н. Агейкина

истинно русская; да будет святая Русь не только в гражданском, но и в нравственном мире первую державою во вселенной», – писал В.К. Кюхельбекер в 1824 г.²⁰

В.А. Недзвецкий считает, что впервые это требование было сформулировано в трактате О.М. Сомова «О романтической поэзии» (1823): «Намерение мое было показать, что народу русскому славному воинскими и гражданскими доблестями... необходимо было иметь народную поэзию, неподражательную и независимую от преданий чуждых»²¹.

Интересна в этом отношении статья А.А. Бестужева (Марлинского) «Взгляд на старую и новую словесность в России», опубликованная в первом номере литературного альманаха «Полярная звезда». Фактически Бестужев написал историю русской литературы: от «Слова о полку Игореве» до произведений современников. Причем, основным критерием для оценки тех или иных произведений является для него их принадлежность к русской национальной культуре. Например, о Карамзине, которого высоко ценит, Бестужев пишет так: «...он двинул счастливою новизною ржавые колеса его (русского языка. – И. А.), отбросил чуждую пестроту в словах, в словосочетании и дал ему народное лицо»²². Бестужев хвалит Крылова за «народность языка»²³.

Кюхельбекер в статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие», опубликованной в июне 1824 г. в альманахе «Мнемозина», сожалеет о том, что «печатью народности ознаменованы только какие-нибудь 80 стихов в “Светлане” и “Послании к Воейкову” Жуковского, некоторые мелкие стихотворения Катенина, два или три места в “Руслане и Людмиле” Пушкина», в то время как «лучше всего иметь поэзию народную»²⁴.

Благодаря русским критикам романтической школы в 20-е гг. XIX века термин «народность» приобрел популярность. Свидетельство тому – попытка А. С. Пушкина обобщить рассуждения современников в незаконченной статье под названием «О народности в литературе». Исследователи связывают тему этого неопубликованного черновика наброска со спорами о народности в русской критике.

Пушкин так комментирует ситуацию, сложившуюся в литературе: «С некоторых пор у нас вошло в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы, но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность»²⁵. По его словам, есть несколько точек зрения на это понятие. Возможно, народность – это «выбор предметов для литературных произведений из отечественной истории, возможно, это язык». Сам же Пушкин дает такое определение народности: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу»²⁶.

Таким образом, термин «народность» утвердился в русском языке к 1820-м гг. и получил распространение благодаря русским критикам романтической школы. Основным требованием публицистов той поры

было создание русской национальной литературы, эта идея нашла отклик в образованных кругах русского общества, поскольку после войны 1812 года патриотические настроения были еще сильны.

В 1830–1840-е гг. активным, но далеко не единственным продолжателем традиции русских критиков-романтиков стал В.Г. Белинский. Однако вскоре понятие «народность» перешло из области литературы в область политики. Кульминацией этого процесса можно считать появление уваровской формулы «православие, самодержавие, народность».

Православие, самодержавие, народность

«Золотым веком» для понятия «народность» были 1830–1840-е гг. «Термин “народность”, который для мыслителей всех направлений олицетворял прошлое, настоящее и будущее России, содержал множество значений: здесь было и тупое охранительство с грубой ксенофобией, и мессианские мифы, основанные на вере в “исконно-русское” религиозное, общественное или политическое совершенство, и местная разновидность европейского либерализма, и революционное учение», – пишет Виттекер²⁷. Она выделяет несколько точек зрения, которые были сформулированы в 1830-е гг.

Самая авторитетная точка зрения принадлежала группе, которую исследователь называет «династическими националистами». В нее входили Ф.В. Булгарин, Н.И. Греч, О.И. Сенковский, которые понимали «народность как патриотизм, охранительную доктрину, направленную на укрепление существующего строя и великодержавного статуса России».

Другую группу, также тесно связанную с властью, называют «романтическими националистами». К ним относится М.П. Погодин и С.П. Шевырев. Издатели журнала «Москвитянин» воспевали русский народ, на который, по их мнению, возложена миссия спасения человечества. Как и «династические националисты», они считали самодержавие единственно возможной формой управления империей.

Третья группа – это славянофилы (К. и И. Аксаковы, А.С. Хомяков, И. и П. Киреевские, Ю. Самарин). Они видели ключ к русской народности скорее в православии, чем в государстве. Хомяков ввел понятие «соборности» в противовес западному индивидуализму. Славянофилы считали, что общество, подобно церковному собору, должно в дискуссии принять решение, узнав о котором, царь поступит согласно «всеобщей воле».

И, наконец, четвертая, самая пестрая группа, – западники. В нее входили и умеренные (Грановский) и радикалы (Герцен, Огарев, Бакунин, Белинский). Их взгляды отражали два журнала: «Отечественные записки» и «Современник». Воззрения западников Виттекер суммирует так: «...хотя путь России может отличаться от западных образцов, своих целей она должна достигнуть в рамках европейских конституционных и юридических норм, гражданских и политических прав, а не благодаря какому-нибудь русскому чуду»²⁸.

И.Н. Агейкина

Для каждой из этих групп термин «народность» имел «свое» значение. Однако в основе каждой из них – идея о святости и мессианской роли русского народа, впервые высказанная авторами журнала «Сын Отечества». Неудивительно, что представителей оппозиционных групп объединяет почтительное отношение к терминам «народ» и «народность». Этим и воспользовался граф С.С. Уваров, создавая триединую формулу «православие, самодержавие, народность». Впервые она прозвучала в 1832 г. в докладе «С представлением отчета тайного советника Уварова по обозрению им Московского университета и гимназий»²⁹. По словам Виттекера, министр просвещения пытался «идеями народности цементировать империю, поставить эту идею на службу государству и сделать синонимом преданности трону и алтарю»³⁰.

Необходимо также отметить, что в триаде «православие, самодержавие, народность» нет места аристократии, которая в течение многих веков была надежной опорой российскому самодержавию. После восстания декабристов правительство выстраивает новую концепцию, согласно которой основной опорой царя всегда был и будет народ. «Не в свойствах, не во нравах Русских был сей умысел... Сердце России для него всегда было и будет неприступно», – гласил манифест, в котором сообщалось о завершении суда над декабристами³¹. Бунт в общественном сознании связывался с влиянием западной культуры, которому и подверглись восставшие дворяне. Таким образом, уже в 1825–1826 гг. рождалась концепция, которая потом станет основой уваровской триады: опора для самодержавия – это народ.

Долг интеллигенции народу

Следующей важной вехой в истории бытования термина «народ» в XIX веке можно назвать концепцию «критически мыслящей личности», созданную П.Л. Лавровым, которая была подробно изложена в «Исторических письмах», впервые опубликованных петербургской газетой «Неделя» в 1868–1869 гг. В основе этой концепции – идеи Т. Карлейля, высказанные в книге «Герои, культ героев и героические истории», вышедшей в 1841 г.

Согласно концепции, созданной Лавровым, индивиды делятся на мыслящих пассивно и мыслящих критически. Пассивно мыслящие – инертная масса, народ, толпа. Они всего лишь материал истории. Критически мыслящие личности – движущая сила прогресса. Однако для развития каждой критически мыслящей личности необходим труд многих поколений. Народ, терпя лишения, создает почву для развития критически мыслящих личностей. Отсюда – идея долга народу, который должна возратить каждая критически мыслящая личность³².

Социологические и политические теории Лаврова популяризировал, а также полемически интерпретировал Н.К. Михайловский, который наряду с Лавровым признается идеологом народничества. Широкую известность Михайловскому принесла статья «Что такое прогресс?».

опубликованная журналом «Отечественные записки» в 1869 г., а также работа «Герои и толпа», изданная тем же журналом в 1883 г.

Если Лавров умерял пафос романтического индивидуализма идеей долга критически мыслящей личности перед народом, то Михайловский вообще стремился лишить этот образ привлекательности. «Героем мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело», – писал он в статье «Герои и толпа»³³. Михайловский полемизировал со сторонниками Карлейля, обвиняя их в индивидуализме, который противоречит идее социального равенства³⁴.

Тем не менее карлейлевская концепция героя была весьма привлекательной для русских радикалов. Применительно к русским условиям она трансформировалась в концепцию героической личности, увлекающей народ на борьбу за социальные преобразования. Эта концепция стала теоретической основой тактики «индивидуального террора», практиковавшейся партией «Народная воля» на рубеже 1870–1880-х гг. Партия социалистов-революционеров, провозгласившая себя преемницей «Народной воли», а террор – одним из важнейших средств политической борьбы, в значительной мере унаследовала соответствующие идеологические установки народовольцев. Прежде всего – концепцию героической личности³⁵.

Когда представители другого социалистического течения – русские сторонники К. Маркса, социал-демократы, – вели полемику с народниками (а затем и с эсерами), они обвиняли народников в индивидуализме, тем самым дискредитируя оппонентов как социалистов. Практически каждый претендент на роль идейного лидера социал-демократов дал полемическую оценку концепции героической личности и народа. Известны работы на эту тему Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, Н.А. Бердяева, И.В. Сталина.

Тем не менее, термин «народ» положительно маркирован и для социал-демократов, и для их оппонентов, с которыми они яростно воюют. И те, и другие борются за благо народа, спор всегда идет о методах. Таким образом, в начале XX века, независимо от принадлежности к той или иной партии, любой политический деятель заявляет основной целью благо народа.

Примечания

- 1 *Тредиаковский В.К.* Речь, которую в Санкт-Петербургской императорской академии наук к членам бывшего российского собрания во время первого их заседания 14 марта 1735 года о чистоте Российского языка говорил Василий Тредиаковский // Тредиаковский В.К. Соч. СПб., 1849. Т. 1. С. 256.
- 2 *Тредиаковский В.К.* Новый и краткий способ к стихосложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний // Тредиаковский В.К. Избр. произ. М.; Л., 1963. С. 409.
- 3 Восстание декабристов: Документы и материалы. М., 1950. Т. 9. С. 59.

И.Н. Агейкина

- 4 Восстание декабристов. Документы и материалы. М., 1950. Т. 9. С. 124.
- 5 Восстание декабристов. Документы и материалы. М.; Л., 1927. Т. 4. С. 90.
- 6 Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1847. Т. 2. С. 398; Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1867. Т. 1. С. 835.
- 7 Справочный словарь орфографический, этимологический, толковый русского литературного языка / Под ред. А.Н. Чудинова. СПб., 1901. С. 1082.
- 8 *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. СПб., 1881. Т. 2. С. 461.
- 9 Глас Истины // Сын Отечества. 1812. Часть 1. С. 10–11.
- 10 Глас Русского // Сын Отечества. 1812. Часть 2. С. 44.
- 11 Гражданский катехизис // Сын Отечества. 1812. Часть 2. С. 67.
- 12 Глас Русского. С. 46.
- 13 Восстание декабристов. Документы и материалы. Т. 9. С. 59.
- 14 См., напр.: Смесь // Сын Отечества. 1812. Часть 4. С. 164; Смесь // Сын Отечества. 1812. Часть 5. С. 212; Смесь // Сын Отечества. 1813. Часть 9. С. 133–134; Смесь // Сын Отечества. 1813. Часть 10. С. 182–183.
- 15 Смесь // Сын Отечества. 1812. Часть 6. С. 261–262.
- 16 Письмо к издателям // Сын Отечества. 1812. Часть 3. С. 156–161.
- 17 Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1867. Т. 1. С. 835.
- 18 *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. СПб. 1881. Т. 2. С. 93. Справочный словарь орфографический, этимологический, толковый русского литературного языка. С. 107.
- 19 *Виттекер Ц.Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. С. 111.
- 20 *Кюхельбекер В.К.* О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие // Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 458.
- 21 Цит. по: *Недзвецкий В.А.* Русская литературная критика XVIII–XIX веков. М., 1995. С. 29.
- 22 *Бестужев (Марлинский) А.А.* Взгляд на старую и новую словесность в России // Полярная звезда. М.; Л., 1960. С. 17.
- 23 *Бестужев (Марлинский) А.А.* Указ. соч. С. 20.
- 24 *Кюхельбекер В.К.* Указ. соч. С. 457–458.
- 25 *Пушкин А.С.* О народности в литературе // Пушкин А.С. Собр. соч. М., 1981. Т. 6. С. 26.
- 26 Там же. С. 27.
- 27 *Виттекер Ц.Х.* Указ. соч. С. 123.
- 28 Там же. С. 121–123.
- 29 Там же. С. 110.
- 30 Там же. С. 128.
- 31 Санкт-Петербургские ведомости. 1826. 20 июля.

Идеологемы «народ» и «народность» в русской публицистике XIX в.

- 32 *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Поэтика «оттепели»: Материалы к изучению пропагандистской модели XX съезда КПСС. Идеологема «культ личности» // *Нестор*. СПб., 2005. № 7. С. 381.
- 33 *Михайловский Н.К.* Герои и толпа // Михайловский Н.К. Избранные статьи по социологии. СПб., 1998. Т. 2. С. 6.
- 34 Подробнее об этом см.: *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Поэтика «оттепели»: Материалы к изучению пропагандистской модели XX съезда КПСС. Идеологема «культ личности». С. 389.
- 35 Там же. С. 390.

Е.А. Иконникова, Л.Н. Колюхова

РЕКЛАМНЫЙ СЛОГАН
КАК ФОРМАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ
ИНВАРИАНТ МОНОСТИХА

В статье анализируется сходство и различие близких по формально-содержательным критериям жанров – моностиха и рекламного слогана. Авторы противопоставляют рекламный слоган, художественная образность которого направлена на достижение коммерческого результата, моностиху, служащему средством передачи лирического содержания с доминантой экспрессивного, эмоционального и импульсивного начал.

Ключевые слова: слоган, моностих, реклама, заглавие.

Рубеж XX–XXI столетий диктует новые формы высказываний. Наиболее распространенными в силу необходимой экономии времени становятся лаконичные словесные конструкции, содержащие допустимый максимум информации. Такого рода высказывания популярны прежде всего в рекламе, рассчитанной на визуальное или слуховое восприятие того или иного словесного ряда. Наличие краткой, но весомой формулы становится практически обязательным требованием современного менеджмента.

При этом содержательно-стилевая природа рекламных слоганов, с одной стороны, может быть сопоставима со структурой известных литературоведению однострочков (афоризмов, пословиц, моностихов и др.), с другой – может рассматриваться как вторичное (производное) явление от лаконичных литературно-художественных определений (от заглавия того или иного текста до афористического высказывания). Именно поэтому форма и содержание многих рекламных слоганов поддаются сугубо филологическому анализу.

Доказательством такой близости рекламных слоганов и однострочков, одним из образцов которого является моностих, становится утверждение Владимира Маркова, посвятившего свои исследования одностишным конструкциям поэзии авангарда: «...лирический моностих – это дорога к искусству заглавия»¹. Как моностишное высказывание в теории литературы определяются и заглавия произведений ряда русских писателей: «Война и мир» и «Живой труп» Льва Толстого, «Темные аллеи» Ивана Бунина, «В тихом омуте» Дмитрия Мережковского и многие другие².

Рекламный слоган как формально-содержательный инвариант моностиха

Как известно, в заглавии того или иного произведения, подобно лаконичному рекламному блоку, сконцентрирована основная идея, максимально сжатая информация (иногда исключительно номинативного уровня). При этом и моностих нередко концентрирует в себе сходные с литературным заглавием признаки. По словам лингвиста Льва Успенского, моностих есть «обобщенная, законченная и глубокая мысль <...>, выраженная в лаконичной, отточенной форме»³.

Следуя за Львом Успенским, к моностиху можно причислить и существующие афоризмы:

Величие человека – в его способности мыслить (Блез Паскаль).

Голодная собака верит только в мясо (Антон Чехов).

Пословицы или изречения в синтаксической и смысловой организации считаются законченными произведениями.

В чем же сходство и различие близких по формально-содержательным критериям моностихов и рекламных слоганов, в определенной степени составляющих конкуренцию еще менее лаконичному заголовку литературного произведения?

Минимальный объем лексических средств моностиха и рекламного слогана – крайне востребованное сегодняшним динамичным временем явление. Моностих демонстрирует свои возможности в области нового поэтического искусства, рекламный слоган – в сфере искусства информационных технологий, направленных на решение практических задач.

Рекламный слоган – это продукт мыслительной деятельности человека и тоже своего рода завершенное произведение. От того, насколько удачен рекламный слоган, зависит и успех рекламы, и в целом благополучие предприятия, которое заявляет о себе через то или иное речевое высказывание. Поэтому вполне целесообразно рассматривать рекламный слоган как отдельный, вполне законченный текст, сжатая формулировка которого нередко подобна заглавию литературного произведения. Подобной мысли придерживается теоретик и практик отечественной рекламной продукции О.А. Феофанов, утверждавший, что «слоган – это спрессованная до формулы суть рекламной концепции, доведенная до лингвистического совершенства запоминающаяся мысль <...> слоган может быть самодостаточен, он может выступать как самостоятельная форма обращения, обходясь и без развернутого текста, и без визуального ряда»⁴.

Как известно, понятие «слоган» (slogairn) восходит к галльскому языку и означает «боевой клич». Согласно В.В. Кеворкову, «в 1880 году этот термин впервые был использован в современном значении. Первоначальное значение слова очень точно отражает сущность этой рекламной константы: пленить потребителя и уничтожить конкурентов»⁵.

Обычно рекламный слоган бывает достаточно кратким для того, чтобы восприниматься с первого взгляда и достаточно емким, чтобы суметь донести до читателя (зрителя, слушателя) основную мысль той или иной рекламной акции. Лучше всего читаются и воспринимаются на аналитическом уровне сообщения объемом не более 6–8 слов.

Быстрее... Мощнее... Надежнее... (рекламный слоган).

Е.А. Иконникова, Л.Н. Конюхова

Банк – думаем глобально, действуем локально (рекламный слоган).
Близкие к рекламному слогану требования (лаконичности и максимальной художественной выразительности) предъявляются и к моностиху.
Осознал. Содрогнулся. Привык (Кирилл Ковальджи).
Я сохраню вам верность под проценты... (Майя Четвертова).
Любовь нужна, как деньги: ежедневно (Майя Четвертова).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что и в рекламном слогане, и в собственно моностишном высказывании количество лексем не превышает шести-восьми слов. Причем в моностихах нередко используются слова, не обладающие традиционной поэтической репутацией, не имеющие закрепленного поэтического статуса. Так, связь слов «верность» и «проценты» в процитированном выше стихотворении Майи Четвертовой весьма условна, а на смысловом уровне устанавливает ассоциацию верности как категории душевного плана с коммерческой выгодой вкладов современного банка. Слово «проценты» в стихотворении Майи Четвертовой может восприниматься как явление, чуждое для поэтической лексики, но вполне закономерное для рекламного слогана какого-либо банка. И в этом случае уместно считать, что моностих превращается в саркастическое высказывание.

Еще одним полемическим свойством моностихов и рекламных слоганов становится их прозаическая или стихотворная природа.

Развей тоску – попей кваску! (рекламный слоган).

Твой Дом. Формула вашего уюта (рекламный слоган).

С точки зрения теории литературы, моностих представляет собой парадоксальное явление, поскольку многие определения стиха явно или неявно требуют наличия в стихотворном тексте более чем одной строчки лирического описания. Стремление к научной последовательности заставило поэта и теоретика стиха Владимира Бурича объявить, что однострочные тексты нельзя рассматривать ни как стихотворные, ни как прозаические. Владимир Бурич предложил выделить их в особый, третий класс текстов, и назвал такие тексты «удетеронами» (от греческого «ни тот, ни другой»)⁶, не относящимися ни к поэзии, ни к прозе. По этому поводу С.И. Кормилов сделал существенное уточнение, определив удетерон как «и то, и другое», т. е. и стихотворный, и прозаический текст⁷. Но еще раньше Владимир Марков в «Трактате об однострочке» замечал, что «в книжке стихов-однострочков строка, не подходящая ни под один из известных размеров или типов, будет ощущаться как однострочный верлибр»⁸.

С теми или иными дополнениями позицию ученого поддержали такие отечественные теоретики литературы, как М.Л. Гаспаров и Ю.Б. Орлицкий. Однако эта теоретическая направленность иногда вступает в критическое противоречие с читательской интуицией. Трудно поверить, что однострочный текст Владимира Вишневского «И долго буду тем любезен я и этим...», мгновенно опознаваемый в качестве шестистопного ямба и представляющий собой ироническую трансформацию строки из знаменитого стихотворения Пушкина «Памятник», вопреки очевидности сам по себе стихотворным не является.

Рекламный слоган как формально-содержательный инвариант моностиха

А в одностишиях Владимира Вишневого стихотворный размер прослеживается практически во всех из его лаконичных высказываний, как то:

Боюсь, что я с тобою просто счастлив... (ямб).

Везет же Вам – Вы хоть своею смертью!.. (ямб).

В противном случае я стану с Вами жить!.. (ямб с пиррихием после 2-го слога).

Все больше людей нашу тайну хранит... (амфибрахий).

Впрочем, определение размера в моностихах не всегда возможно. Для абсолютной точности требуется, как известно, контекст, который естественным образом отсутствует в моностихах. Так, А.А. Илюшин заметил, что даже в хрестоматийном одностишном высказывании Николая Карамзина: «Покойся, милый прах, до радостного утра» – шестистопный ямб может быть похож на «силлабический трехсложник, совпавший <...> с ямбическим метром»⁹.

Но если в моностихах ритмика так или иначе безусловна, то в рекламных слоганах ситуация иная. Даже в тех образцах, в которых присутствует рифма, ритмическая мелодия не всегда уловима и чаще всего, со значительными исключениями, приближается к тонической модели. Например, в слогане о детском питании – «Для здоровья малышам – А-ГУ-ША». В первой части рекламного высказывания можно выявить четырехстопный хорей по ритму, задаваемому в рекламе голосом за кадром. Однако вторая часть слогана состоит из одного слова, которое тоже читается диктором по слогам, что и создает впечатление стихотворного единства.

Примечательная особенность некоторых рекламных слоганов состоит в том, что они, несмотря на предельный лаконизм, могут обладать как внутренней, так и внешней рифмой. Но если в традиционном стихотворном тексте рифма выполняет художественные функции, то в рекламном слогане рифмические созвучия обладают практической значимостью (способствуют быстрейшему запоминанию высказывания, глубоко отпечатываются в памяти и т. д.).

Vanish – розовый цвет, доверься ему и пятен нет. (рекламный слоган).

Определенная ритмическая организация моностихов и слоганов достигается также нестандартным использованием знаков препинания. Причем в рекламных слоганах это, как правило, точка или восклицательный знак, а в моностихах – многоточие. И это не случайно. Точка или восклицательный знак свидетельствуют о некоторой однозначности высказывания, фиксируют его абсолютную смысловую и синтаксическую законченность. Многоточие, напротив, позволяет оставаться высказыванию открытым в смысловой плоскости; эта открытость подчеркивается и интонационно (если моностих декламируется для аудитории):

...уподобляемся женской ноге старого Китая... (Михаил Нилин).

Любви моей не опошляй согласьем... (Владимир Вишневецкий).

Забудь о прошлом, наживем другое... (Майя Четвертова).

Кальмар «Боцман». Всё дело во вкусе (рекламный слоган).

Quadratisch. Praktisch. Gut (рекламный слоган).

К тому же содержание моностиха, как и в близком ему собственно афористическом утверждении, не исчерпывается буквальным высказыванием, но «его истинный смысл раскрывается в результате размышления»¹⁰.

Кроме наличия ритмических сообразий, сходство моностишных высказываний и рекламных слоганов основывается и на ряде содержательных показателей, например, на тематической общности. Допустимо выделение следующих общих тем.

Гастрономическая тема:

Чай «Беседа» – беседуйте на здоровье (рекламный слоган).

«Эрмигурт» – вкус с отличием! (рекламный слоган).

Помехи счастью – ты и лишний вес (Майя Четвертова).

Лишь изредка я привстаю с диеты... (Майя Четвертова).

Как много в жизни съедено впустую!.. (Владимир Вишневский).

Тема алкогольных и безалкогольных напитков:

Где наслаждение, там – «Я» (рекламный слоган).

«Rich» – признайтесь себе в любви (рекламный слоган).

«Туборг» – пиво с твоим характером (рекламный слоган).

И мама, и Минздрав предупреждали... (Майя Четвертова)

А удовольствия должны быть дорогими... (Владимир Вишневский).

...И кофе – для оставшихся в живых!.. (Владимир Вишневский).

А чай такой, что если бы не сахар...(Владимир Вишневский).

Тема внешнего вида человека:

Все в восторге от тебя, а ты от «Maybelline» (рекламный слоган).

«Дива» – красота побеждает (рекламный слоган).

«L'Oreal Paris» – ведь вы этого достойны (рекламный слоган).

Сравни ее характер и мой бюст! Мой круче! (Майя Четвертова).

Ты прав, я умница, но шубка мне как раз... (Майя Четвертова).

Как горько потерять товарный вид... (Владимир Вишневский).

Тематическое совпадение присутствует, однако в функциональном отношении рекламный слоган и моностих расходятся.

Перечислим наиболее важные функции рекламного слогана.

1. Привлечение внимания потенциального потребителя: если рекламный слоган не прочитан или не озвучен, то обращение не достигнет цели.

2. Ориентация на заинтересованность определенной аудитории: например, рекламный слоган «Для сильных духом мужчин!» определяет основного адресата рекламируемого товара или услуги.

3. Обращение через рекламный слоган к основному содержанию, устанавливающему достоинства рекламируемого товара или услуги: «Он так мал, что изменит Ваши представления о пространстве».

4. Определение конкретной практической выгоды: «Избавление от веснушек», «Меньше литров бензина на километр пути».

Художественная образность рекламного слогана направлена на достижение коммерческого результата, практической выгоды, в то время как возможный арсенал художественно-изобразительных средств мо-

Рекламный слоган как формально-содержательный инвариант моностиха

ностиха используется для передачи лирического содержания. При этом содержательная близость рекламного слогана и моностиха обусловлена обращением к общему материалу, каковым становится повседневная жизнь человека.

Примечательно, что рекламные слоганы чаще всего пишутся от второго лица, так как их содержание посвящено конкретному адресату – слушателю, читателю, зрителю.

Билайн. Живи на яркой стороне (рекламный слоган).

МТС. Ты лучше (рекламный слоган).

В моностишных высказываниях действующим лицом является лирический герой, поэтому эти произведения написаны либо от первого лица, либо в безличной или обобщенно-личной формах.

Мы легко забываем свои ошибки, когда они известны лишь нам одним (Франсуа де Ларошфуко).

Мы боимся старости, хотя не уверены, что доживем до нее (Жан де Лабрюйер).

А незнакомок я целую робко... (Владимир Вишневский).

Ах, Вы не спонсор?! Положите вилку!.. (Владимир Вишневский).

Медленно длань переходит в ладонь (Вячеслав Куприянов).

Таким образом, рекламный слоган в некоторых случаях допустимо считать моностихом, в котором основная мысль заключена в лаконичную форму. Кроме того, некоторые слоганы имеют рифму и ритм. Моностихи и большинство рекламных слоганов, рассчитанных на визуальное восприятие (в средствах массовой информации или же на специальных афишах, в буклетах и т. д.), обладают одинаковым графическим видом – размещение текста в одну строку и использование знаков препинания, нередко противоречащее правилам русской пунктуации. Однако эти явления имеют принципиальные различия.

В моностихе содержание излагается преимущественно от первого и третьего лица, в рекламном слогане – от второго. Более того, в широком смысле рекламный слоган можно признать одностишной конструкцией, в то время как не всякое одностишие может считаться текстом рекламного содержания. Моностих не является рекламным слоганом, поскольку не имеет цели привлечь внимание с коммерческим умыслом. Иными словами, основная задача моностиха – эстетическая, а слогана – практическая, нередко отвечающая критериям художественного вкуса.

Примечания

- 1 *Марков В.Ф.* Одностроки // Марков В.Ф. О свободе в поэзии. СПб., 1994. С. 243.
- 2 *Быстрова О.В.* Одностроки // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М., 2001. С. 685–686.
- 3 *Успенский Л.* Коротко об афоризмах // Афоризмы / Сост. Е.С. Райзе. Л., 1964. С. 24.
- 4 *Феофанов О.А.* Реклама: новые технологии в России. СПб., 2000. С. 225.

Е.А. Иконникова, Л.Н. Конохова

- 5 *Кеворков В.В.* Слоган: Практическое руководство. М., 2003. С. 51.
- 6 *Бурич В.П.* Стихи. Удгероны: Проза. М., 1974. С. 123.
- 7 *Кормилов С.И.* Маргинальные системы русского стихосложения. М., 1995. С. 78.
- 8 *Марков В.* Одностроки. Трактат об одностроке. Антология однострочков // Воздушные пути: Альманах. Нью-Йорк, 1963. С. 243.
- 9 *Илюшин А.А.* Стих // Введение в литературоведение: Литературное произведение: основные термины и понятия / Под ред. Л.В. Чернец. М., 2000. С. 371–372.
- 10 *Борев Ю.Б.* Афоризм // Борев Ю.Б. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М., 2003. С. 53.

УЛИЦА ДЕКАБРИСТОВ (РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ)

Статья посвящена многочисленным переименованиям топографических объектов, которые сопровождали политические изменения в России в начале и в конце XX в. Преимущественное внимание уделено переименованиям, связанным с декабристами – первым поколением российских революционеров.

Ключевые слова: переименования, политические изменения, топографические объекты, декабристы, электронные СМИ, Интернет.

Топонимика, помимо прочего, выполняет важную идеологическую функцию. Она рутинно воскрешает номенклатуру священной истории нации. Упоминая все имена городских улиц, обыватель держит в памяти действующий пантеон. Здесь уместна аналогия с храмовыми росписями, одна из главных функций которых – вдалбливать профанам средствами мнемотехники «выбранные места» священных книг.

Смена политических режимов в России в начале и конце XX века сопровождалась многочисленными переименованиями топографических объектов, в том числе и улиц. Если в годы большевистского «топонимического террора» общественное мнение учитывалось незначительно, то в новейшей истории России правила лингвистических игр изменились. Демократически избранные власти были вынуждены убедить «электорат» в необходимости переименований улиц. В этом процессе СМИ выступали не просто медиатором, доносящим «массам» аргументы различных политических сил, но инструментом формирования общественного сознания.

Идейные трансформации не могли не отразиться на топографических объектах, носящих имена «первого поколения» русских революционеров – декабристов. Согласно данным сайта «Большая телефонная книга», в их честь были названы площади, проспекты, улицы, переулки в 429 населенных пунктах Российской Федерации¹. Обращает внимание, что в России декабристская топонимика достаточно равномерно распределена по Европейской части, Уралу и Сибири². Разумеется, что в честь декабристов улицы были названы еще в советскую эпоху. В этих

наименованиях отражена память о «священных предках» большевиков. Но если учесть волну возвращения старых наименований или очередных переименований топографических объектов, то можно предположить, что память о декабристах имеет «положительное» значение не только в советском идеологическом контексте.

В среде современных «антисоветчиков» порой раздаются дерзкие голоса, «предлагающие разрушать памятники декабристам, переименовывать улицы, носящие их имена, так как, по их мнению, декабристы стали той искрой, от которой вспыхнул пожар революции 1917 года, и Россия потеряла все, что имела, пошла путем духовного беззакония»³. Однако это мнение не является преобладающим. И.В. Бестужев-Лада объясняет, почему «при любой власти вряд ли у кого поднимется рука на переименование» улиц, названных в честь декабристов: «Настолько почитаемы в истории России декабристы за их *самоотверженный подвиг*. И есть за что: почти всё *мыслящее и благородное*, что было в России после Отечественной войны 1812 года, так или иначе, тянулось к декабристам. Или, по меньшей мере, сочувствовало им. До Александра Сергеевича Пушкина включительно. И это несмотря на вопиющую, чисто российскую, организацию, точнее, дезорганизацию восстания. Несмотря на его провал. Независимо от поведения каждого из арестованных перед судом»⁴.

С утратой значимости советской («ленинской») идеологемы «трех поколений» на первый план выходит интеллигентский («герценовский») символ веры — «герои-мученики». Декабристы — «святые предки», почти два века вдохновляющие «мыслящее и благородное» сословие русских интеллигентов.

Доказательством этого утверждения может служить ситуация в Санкт-Петербурге, где в 1992 г. улицам Халтурина (Миллионная), Софьи Перовской (Малая Конюшенная) и Желябова (Большая Конюшенная) были возвращены «старорежимные» названия. В то же время в старой части города до сих пор существуют площадь Декабристов (Сенатская), улицы Декабристов (Офицерская), Пестеля (Пантелеймоновская), Кондратия Рылеева (Спасская), Якубовича (Ново-Исаакиевская). На острове Декабристов (Гоноропуло, Голодай) сохранился переулок Каховского (Голодаевский переулок), улица Одоевского (Сазоновская). Можно предположить, что «разночинские революционеры» были признаны городскими властями, во главе с одним из лидеров перестроечной интеллигенции А.В. Собчаком, «плохими», а «дворянские» — «хорошими»⁵.

«10 лет спустя» сходная история с переименованием случилась в Твери. Широкое распространение Интернета к началу 2000-х гг. позволяет рассмотреть не только ход событий в старинном русском городе, но и проанализировать аргументацию заинтересованных сторон.

4 июня 2002 г. представители регионального движения «Народная монархия» и Союза православных мирян направили обращение к депутатам городской думы с предложением о переименовании некоторых улиц Твери. Под текстом обращения поставили подписи более тысячи

граждан. Проект предполагал «возвратить улице Софьи Перовской название 1-й Никольской, а улице Желябова — Козьмодемьяновской. Главе города и депутатам предложено подготовить переименование улицы Халтурина»⁶. Согласно уставу города подобное обращение рассматривается как «правотворческая инициатива граждан», а потому подлежит обязательному рассмотрению на открытом заседании городского парламента. 15 октября 2002 г. депутаты Тверской городской думы рассмотрели «правотворческую инициативу». Лишь пять депутатов поддержали тогда предложение социально озабоченных горожан. Остальные просто отказались принять участие в голосовании, в результате чего решение по данному вопросу вынесено не было. В качестве одного из главных аргументов некоторых депутатов звучали слова, что «еще не пришло время»⁷. Но общественность не желала утомиться. 21 октября 2004 г. председатель Тверского регионального отделения Всероссийской политической партии «За Русь Святую» Ю.А. Охлобыстин и председатель Тверского союза православных мирян иерей С.Ю. Дмитриев направили открытое письмо городскому главе и депутатам городской Думы, в котором от имени всех жителей Твери заявляли о недопустимости того, «чтобы улицы древнего города по-прежнему осквернялись именами террористов С. Перовской, А. Желябова, С. Халтурина, З. Коноплянниковой, А. Ульянова»⁸. Почти год спустя, 7 сентября 2005 г., группа из 1048 жителей внесла в городскую Думу проект о переименовании улиц, носящих имена уже упомянутых «террористов»⁹. 11 января 2006 г. постоянная комиссия Тверской городской думы по вопросам местного самоуправления рассмотрела проект переименования перечисленных улиц. После бурного обсуждения члены комиссии единогласно проголосовали за создание рабочей группы с включением в нее представителей депутатов, администрации и общественности. Комиссия также предложила обсудить эту проблему на страницах печати, на «круглых столах» и публичных слушаниях¹⁰. 10 октября 2006 г. состоялось заседание Тверской городской думы, где среди прочих опять обсуждался вопрос переименования. В результате обсуждения, с перевесом в два голоса, решение о переименовании улиц принято не было¹¹.

Рассмотрим аргументацию сторонников переименования. Судя по названиям организаций («*Народная монархия*», «*За Русь святую*»), продвигавших «правотворческую инициативу граждан», это – современные сторонники архаической триады: «*Православие, Самодержавие, Народность*».

Уже упомянутые Ю.А. Охлобыстин и С.Ю. Дмитриев в открытом письме городскому главе и депутатам городской Думы от 21 октября 2004 г. исходят из разгула «политического терроризма» в современной России. Перечисляя теракты последних лет (Дубровка, Беслан и др.) они утверждают, что «победить это зло возможно, дав решительный отпор любым проявлениям терроризма, и, прежде всего, в сознании людей». В качестве главного аргумента авторы открытого письма ссылаются на президента РФ: «В.В. Путин не раз отмечал в своих выступ-

С.Е. Эрлих

лениях, что все, кто пытаются добиться решения своих политических целей путем развязывания террора, являются террористами и убийцами. Здесь недопустимы никакие двойные стандарты. Террористов нельзя делить на “плохих” и “хороших”. На их совести кровь убитых людей. Поэтому мы считаем недопустимым, чтобы улицы нашего древнего города по-прежнему осквернялись именами террористов С. Перовской, А. Желябова, С. Халтурина, З. Коноплянниковой, А. Ульянова»¹².

Видимо монархическим («патерналистским») типом сознания сторонников переименования следует объяснить вопрос жительницы Твери, направленный по электронной почте президенту Путину накануне его интернет-конференции 6 июля 2006 г.: «В России тысячи улиц городов носят имена убийц-террористов. У нас в Твери жители не раз ставили вопрос о возвращении исторических названий улицам, носящим имена террористов — Перовской, Желябова, Халтурина и т. д. А власти никак не реагируют. Многие воспринимают это как пропаганду терроризма¹³. Может, есть возможность решить эту проблему на федеральном уровне при Вашей поддержке?»¹⁴

Резкую отповедь монархистам представили сторонники левых сил. 16 апреля 2006 г. на сайте российских коммунистов появилось обращение «Гражданам Твери (Калининграда (так! – С. Э.))»: «Софья Перовская, Желябов и другие народовольцы сделали для нашей Родины многое, чтобы приблизить Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Без их самопожертвования не было бы первого в мире советского государства диктатуры пролетариата. 1000 жителей Твери подписавшие по указке Буша и его сателлитов этот пасквильный листок о переименовании улиц, порочащий нашу историю, или совсем зомбированы телевидением темой терроризма, или относятся к той категории граждан, которая получила в личное пользование от этой власти что-то большое и прибыльное, за что можно продать совесть. Мы верим, что в Твери найдутся здоровые силы, способные противостоять попыткам крупного капитала обосновать свою версию терроризма и фашизма, и вести народ на веревочке в любую сторону куда заблагорассудится»¹⁵.

Депутат Тверской городской думы Александр Жгутов (член фракции «Единой России») ¹⁶ тоже поддержал левую идею. Выступая 11 января 2006 г. на заседании постоянной комиссии Думы по вопросам местного самоуправления, он отметил, что «на недавно прошедших выборах в ЗС левым партиям отдала свое предпочтение треть участвовавших в голосовании». Кроме того, подчеркнул Жгутов, «глава города поддержал “Народную волю”¹⁷. Между тем, эти улицы носят имена народовольцев». Риторически вопрошая: «Мы что, хотим гражданской войны?», — депутат Жгутов напоминал коллегам об угрозе раскола общества¹⁸.

Однако большинство оппонентов, облеченных властными полномочиями, вообще не рассматривало ситуацию с идейных позиций: «Противники переименования в качестве аргумента приводили мнение жителей этих улиц, которые считают, что средства, необходимые для

переименования, следует направить на ремонт фасадов их домов, подъездов и дорог»¹⁹.

Так, председатель Федерации тверских профсоюзов Валерий Корешков, высказывая свое мнение 8 сентября 2005 г., прежде всего отметил, что «в принципе, не против возвращения улицам нашего города их исторических названий». Но ему «хотелось бы знать, есть ли среди тех, кто поставил свои подписи под обращением о переименовании своих улиц, их жители. А если есть, то осознают ли они, сколько проблем создаст им очередное переименование? Ведь этим людям придется менять прописку в паспортах, выстаивать очереди к нотариусам, чтобы внести изменения в свои завещания и свидетельства о регистрации их жилья. Словом, потратить массу времени, сил и денег, для того, чтобы “восторжествовала историческая справедливость”. Поэтому, я считаю, что для того, чтобы объективно рассмотреть этот вопрос, взвесить все “за” и “против”, надо, чтобы в общем гласе народа были услышаны и голоса тех, кого все эти преобразования коснутся в первую очередь. И только после этого следует выносить этот вопрос на рассмотрение в городскую Думу»²⁰.

На заседании 10 октября 2006 г. Контрольно-счетная палата Думы дала свою оценку гражданской инициативе, назвав сумму, необходимую для финансирования из городского бюджета работ, связанных с переименованием названных улиц. Она составила 500 тысяч рублей: «Но в заключении КСП <...> не были учтены и затраты самих горожан на переоформление прав собственности, если такое переименование произойдет. Тут необходимые суммы даже не подлежат оценке. Но наверняка они выше бюджетных 500 тысяч раз в несколько»²¹.

Неудавшаяся попытка переименовать «революционные» улицы в Твери демонстрирует сдвиг общественного сознания, происшедший за 15 лет бурной истории новой России.

Прежде всего, обращает внимание, что в путинской РФ прагматические соображения оказываются более весомым аргументом, чем апелляция к идеологии. В том числе и к официально поддерживаемому православию. Даже активная поддержка проекта переименования архиепископом Тверским и Кашинским Виктором не повлияла на решение городской Думы²². Этот факт можно расценивать и как торжество глумливой «бездуховности», и как победу «здорового смысла».

Другой вывод – смена доминанты на правом фланге «идейно продвинутой» части общества. Являясь идеологическими противниками, правые – как западники, так и почвенники – выступают единым фронтом против революционной традиции России. Не случайно на сайте СПС «*Правое дело*» появилась сочувственная заметка, посвященная «правотворческой инициативе граждан» Твери²³. Тем не менее, деморализованные либеральные «правые силы» оказались в стороне от инициаторов «контрреволюционного» проекта. Произошла «смена вех»: в начале 1990-х годов борьбу с революционным прошлым возглавляли радикальные либералы-«западники»; в середине 2000-х знамя борьбы с «пламенными революционерами» подняли консерваторы-«почвенники», ориентированные на Россию, «которую мы потеряли» в 1917 г.

Третий примечательный момент связан с тем, что «почвенная» общественность внесла в «проскрипционные списки» только так называемых «революционных народников» и их духовную наследницу, члена партии эсеров Зинаиду Коноплянникову. Тверские «православные монархисты», так же как в свое время либеральные власти экс-Ленинграда, не подвергают мемориальному остракизму ни декабристов-цареубийц, ни душегубов-большевиков. Первое и третье «поколения революционеров» имеют многочисленных почитателей как среди интеллигентных (декабристы), так и неинтеллигентных (большевики) пенсионеров. Сосредоточившись на «террористах» «второго поколения», инициаторы переименования вынужденно сделали уступку общественному мнению. Журналист газеты «Вече Твери» Игорь Мангазеев обнажает непоследовательность авторов проекта, задавая риторические вопросы:

«Почему нужно возвращать названия именно этих пяти улиц? Ведь, скажем, тот же Радищев был признан государственным преступником. <...> О всем роде Бакуниных, по логике инициаторов, надо забыть; помнить только об офицере-артиллеристе Илье Модестовиче, расстрелявшем декабристов на Сенатской площади. Да и *улицу Декабристов* тогда нужно переименовать. Не говоря уже о проспекте Калинина. А чем Владимир Ульянов лучше Александра Ульянова?»²⁴

Вернемся в Санкт-Петербург. Здесь далеко не всем нравится топографическая преемственность с «ленинградским» периодом. 29 октября 2002 г. в «Ленинградской правде» опубликована статья «Мемориальный террор», автор которой объясняет гражданам, что улицы града святого Петра все еще носят имена «бесов» «трех поколений»²⁵. В числе «выдающихся террористов», которые «позорят наш город», названы: Якубович — «отстрелил у Грибоедова фалангу пальца» и «предложил <...> убить Александра I»; Павел Пестель — «теоретик цареубийства»; Каховский — «во время бунта <...> стрелял в безоружных людей»; Кондратий Рылеев — «у него на квартире накануне путча <...>, перепившись, молодые офицеры решили прийти к власти». Улица же Декабристов по сей день увековечивает всех перечисленных «государственных преступников», которые вместе с другими сообщниками «организовали антиправительственный военный путч»²⁶. Незвестный автор забыл упомянуть площадь Декабристов. Газета «Русский вестник» ликвидирует этот пробел. Она рассказывает о «церемонии поминовения Государя (Николая I. — С. Э.) в связи с печальной датой масонского бунта декабристов», состоявшейся 26 декабря 2003 г.: «Православные люди совершили также первый покаянный крестный ход вокруг бывшей Сенатской площади, *до сих пор* носящей имя бунтовщиков (площадь Декабристов)»²⁷.

От общего возмущения питерские монархисты переходят к конкретным действиям по стиранию имен декабристов с карты города. В декабре 2006 г. группа прихожан нескольких храмов Санкт-Петербурга «выступила с инициативой переименования переулка Каховского на Васильевском острове, получившего это название в советское

время, когда строился массив новых домов в западной части острова. По их мнению, выраженному в обращении в Топонимическую комиссию городской администрации, время «прославления убийц, поправших все Божии и человеческие законы, прошло, и на карте бывшей имперской столицы не должно быть их имен»²⁸.

В приведенных случаях критика современного «олигархического режима» «безумных либералистов» ведется с позавчерашних (монархических) позиций. Если же «олигархи» решаются на переименование, в «уличную войну» за память декабристов вступают сторонники вчерашних («рабоче-крестьянских») подходов. Их «просоветская» позиция заявлена в статье Валерия Кислякова «Декабристы в чем виноваты?» в газете «Вечерний Котлас», вышедшей в памятный день 26 декабря (14 декабря по старому стилю) 2002 г.: «На прошедшей сессии депутаты дали “добро” на увековечение памяти бывшего директора деревообрабатывающего комбината Е.В. Ермакова. <...> Предприятие возместит затраты на смену табличек на улице Декабристов, которая будет носить имя директора Ермакова. Последнее обстоятельство заинтересовало депутата Н. Козицына. “Почему выбрана именно эта, а не другая улица?” — спросил он у помощника главы администрации по связям с общественностью В. Титова, представлявшего проект. Вопрос вызвал у кое-кого из присутствующих в зале ироническую улыбку. А, по-моему, интерес Николая Валентиновича вполне закономерен. Ведь можно назвать именем уважаемого человека школу в микрорайоне, другой какой объект или улицу с *нейтральным* названием. Зачем же, увековечивая память одного, предавать забвению пошедших на плаху, на сибирскую каторгу ради того, чтобы народ русский получил свободу от царской тирании? <...> Захотели жители микрорайона, чтобы одна из улиц носила имя Ермакова — похвально. Но декабристы-то чем виноваты, что нынче у нас ориентиры сменились?»

О том, что симпатия автора к декабристам-дворянам имеет уравнительный «пролетарский» подтекст можно судить по следующему ироническому выпадку в адрес «новорусских» богачей: «Ну ладно, переименовали улицу Красноармейскую в переулок Ракитина. Ущерб никакого. Одноименных улиц в Котласе три или четыре. К тому же не сочетается как-то пролетарское название с особняками, возведенными тут. Товарищам красным армейцам и в дурном сне не могло такое привидеться. Впрочем, и В. Ф. Ракитин, не скопивший за свою жизнь на каменные палаты, неуютно чувствовал бы себя среди строений, свидетельствующих о солидном достатке их владельцев»²⁹.

Удалось обнаружить еще три случая переименования улиц Декабристов на территории РФ.

В Ростове Великом (Ярославская область) в начале девяностых годов улице Декабристов возвращено гордое имя — Ивановская. Автор заметки в ростовской газете описывает топографическую катастрофу, порожденную шквалом демократических переименований: «В телефонном справочнике “Алло! Ростов-96”, вышедшем в 1996 году, адреса абонентов были указаны по возвращенным названиям улиц. <...> Вме-

С.Е. Эрлих

сто Декабристов — Ивановская <...>. Но даже в этом справочнике помимо Ивановской улицы можно обнаружить и улицу Декабристов. В буклете “Ростов Великий”, изданном “Ярболтуром” в 1997 году к 1135-летию города, имеется карта, на которой отмечены улицы Покровская, Подозерка, Окружная и в то же время — Декабристов и Луначарского. Улицу Декабристов можно обнаружить в брошюре “Производители товаров и услуг Ростовского муниципального округа” за 1997 год. А при внимательном знакомстве с такой же брошюрой к 1140-летию Ростова Великого можно найти не только улицу Декабристов, а уже и Ленинскую улицу»³⁰.

В мятежном Новочеркасске (Ростовская область) в 1999 г.³¹ «упоминание о декабристах убрано из названия улицы» и ей возвращено прежнее верноподданническое имя — Александровская³². В Новгороде Великом улице Декабристов в апреле 2002 г. вернули древнее имя улицы Козьмодемьянской, впервые упомянутое в летописи под 1234³³.

Уникальной в этой ситуации выглядит наступательная позиция умеренно-либерального почитателя декабристов из Кронштадта: «При советской власти несмотря на то, что декабристы были дворянами и боролись за демократию своими дворянскими методами, им было отведено должное место в истории. Многие города имеют площади и улицы, названные именами декабристов. Вот только Кронштадт таких улиц не имеет, хотя и имеет на то все права. <...> Непонятно, почему мы так стесняемся своего прошлого? Почему бы нам ни увековечить именем кого-нибудь из декабристов, например, братьев Бестужевых название какой-либо из улиц, носящей *нейтральное* название? На Осокиной пл., например, давно не растет осока, название ул. Широкой вызывает лишь недоумение, а на ул. Красной многие дома давно выцвели, и назвать их красивыми как-то язык не поворачивается, а ведь именно по ней идет основной поток туристов. К тому же в конце улицы вполне вписался бы памятник, или пара пушек в память о невольню погибших матросах, поверивших своим командирам 14 декабря 1825 года»³⁴.

Схожий проект на первый взгляд получил воплощение в Белгороде, где 1 июля 2004 г. переименовали полтора десятка улиц (Ленина и других прославляющих коммунистический режим). Одна из «репрессированных» улиц, названная коммунистическими властями в честь большевика-мученика В. Воровского, была переименована в «улицу князя Трубецкого»! Один из молодых белгородцев, выступающий под «ником» *«Инко Гнито»*, «долго смеялся над улицей князя Трубецкого... Какого именно? Роду Трубецких, я думаю, лет 500, не меньше... ну и представителей княжеского рода я думаю не меньше 2-х тысяч было за всю историю... из них — выдающимися перед обществом можно считать человек 20–30 — здесь и Трубецкой-декабрист, и Трубецкой-поэт, Трубецкие-послы, Трубецкие-герои войн и т. д... И в честь кого из них назвали улицу — непонятно. <...> Еще раз уроды, короче»³⁵.

Журналист Ольга Китова уточняет, что белгородский князь Трубецкой «не декабрист». Юрий Юрьевич Трубецкой (1668–1739) — первый белгородский губернатор (1727–30)³⁶. Необходимо отметить,

что в Белгороде есть улица Декабристов и 3 переулка того же имени, переулки Каховского, Муравьева, Пестеля, Рылеева³⁷.

В то же время постмодернистские шалуны «деконструируют» «тоталитарное прошлое», игриво обнажая «немотивированность знака». Колумнист «Нашей газеты» (Екатеринбург) Лев Коцеев предлагает землякам топонимическую игру замены революционных коннотаций на сексуальные: «Памятник (Я.М. Свердлову. – С. Э.) <...> превращен в маяк для свиданий и через это стал изваянием бога любви (оцените каламбур – sword-love, т. е. на русском английском “меч любви”. – С. Э.). Снести его – лишить стольких людей сладких воспоминаний! Вы встречаетесь под ним и шагаете вниз, и на перекрестке спутница нежно шепчет “О, майн либе...” – в полном созвучии с названием улицы (К. Либкнехта. – С. Э.). Именно на этой улице имени борца с капиталом я делал первые шаги в обогащении. И вы идете по этой улице Любви, а дальше по улице Розы (Люксембург. – С. Э.), и сворачиваете на улицу *Страшно далеких от народа*, чтобы дойти до зарослей у реки с целью именно что побыть немного вдалеке от народа»³⁸.

Автор упивается своей натужной иронией, а вот автор статьи, опубликованной в разделе «Юмор», еженедельника «Неделя в Подлипках», «общественно-политической газеты города Королева» (Московская область) ставит обратную задачу. Он рассказывает, как жители Горок (один из районов города Королева) «привязывают» названия «революционных» улиц к реалиям местности: «На такой дачно-малоэтажной Пролетарской, как и на многих других улицах подмосковных городов и поселков, выросло несколько помпезных кирпичных коттеджей. <...> Но эти самые коттеджи, попадающие в один кадр с названием улицы, крупно написанном на заборе, вызывают у местных жителей самые разнообразные и порой неожиданные ассоциации, служащие основанием для различных анекдотов, баек и прочих “подколов”. <...> А вот – расположенная неподалеку улица Свободы. <...> Здесь сложилась забавная ситуация: громкое и многозначительное имя улицы оказалось в одном кадре с... мощной конструкцией из колючей проволоки, которую не так давно установило на железобетонную ограду руководство занимающего эту территорию посольства Исламской Республики Иран. «Какова “свобода”, таков и антураж» – зубоскалят некоторые местные жители, глядя на описанную выше “художественную композицию”. <...> Можно вкратце упомянуть и о том, что с тех пор, как одна из улиц стала носить имя “Шмидта” <...> наиболее остроумные жители этой улицы определяют себя не иначе как “сыновья лейтенанта Шмидта”. И можно подивиться находчивости горкинцев, живущих в районе улицы Декабристов <...> и окрестивших соседний знаменитый “пяточок” около филиала военного госпиталя “Сенатской площадью”!».

Заканчивается статья выводом, напоминающим историю с переименованием в Твери. Прагматические интересы местных жителей перевешивают ернические рассуждения о нелепости советских названий: «Ведь если бы горкинцев действительно не устраивали названия их улиц и проездов, они бы обязательно добились того, чтобы переимено-

С.Е. Эрлих

вать их — так, как это сделали жители бывших улиц Жданова и Свердлова в других районах Королева. <...> Чтобы переименовать улицу <...> необходим соответствующий социальный заказ. А у наших людей <...> масса иных, существенно более “прозаических” проблем»³⁹.

Планы переименования топографических объектов с привлечением имен декабристов стали элементом «семиотических баталий»⁴⁰ между городскими властями Варшавы и Москвы. Варшавяне увековечили память о «борце за свободу чеченского народа» Джохаре Дудаеве, назвав его именем одну из площадей польской столицы. Московские законодатели подготовили «симметричный ответ»: «В кулуарах городского парламента всерьез обсуждалась возможность переименования улицы, на которой находится посольство Польши, в честь какого-нибудь антипольского деятеля. Перебрав несколько вариантов, законодатели остановились на кандидатуре генерала от инфантерии Михаила Муравьева, который в 1863–1864 годах потопил в крови восставшую Польшу, пытавшуюся выйти из состава Российской империи и обрести независимость. И хотя официальное решение по этому поводу пока не принято, спикер Мосгордумы Владимир Платонов считает, что в политическом диалоге использование наглядных исторических аналогий, одной из которых и является фигура генерала Муравьева, вполне уместно»⁴¹.

Развивая замысел, один из депутатов городской Думы «предложил установить напротив здания посольства Польши памятник генералу Муравьеву работы Зураба Церетели»⁴². К чести московских законодателей они не встали на одну доску с польскими коллегами и отказались от мысли означать адрес польского посольства именем декабриста-вешателя. Председатель Мосгордумы Владимир Платонов заявил, что «в Москве не будет улицы генерала Михаила Муравьева — усмирителя Польского восстания 1863–64 годов». По его словам, «московские власти слишком уважают своих польских коллег, чтобы называть улицу, на которой находится посольство Польши, именем Муравьева. Ни улицы Муравьева, ни памятника ему работы, например, Зураба Церетели в Москве не будет». Платонов пояснил, что «это экстравагантное шутовское предложение возникло у одного из депутатов в ходе обсуждения обращения к польским коллегам с призывом не называть площадь именем Дудаева»⁴³.

Приведенные примеры позволяют говорить, что СМИ играют важнейшую роль в формировании исторической памяти нации. Журналисты обязаны сознавать, каким действенным образом может отозваться их слово по поводу вроде бы далеких от современности сюжетов.

Примечания

¹ Почтовые индексы городов России [Электронный ресурс] // Сайт справочника «Большая телефонная книга (желтые страницы)». — Электрон. данные. — М., 2008. — Режим доступа: <http://www.btk-online.ru/postindex/>, свободный. — Загл. с экрана. — Данные соответствуют 03.09.08.

Сайт позволяет выявить «общероссийский рейтинг» наиболее популярных декабристов. Улицы: Рылеева (116 населенных пунктов), Пестеля (51), Лунина (18), Каховского (15), Пушина (8), Волконского (7), Трубецкого (6). Видно, что лидируют три повешенных и один «дважды репрессированный» М.С. Лунин. И.И. Пущин популярен, скорее всего, как лучший и бесценный друг «нашего всего», а С.П. Трубецкой и С.Г. Волконский – как верные мужья преданных «русских женщин». Отсутствие еще двух повешенных (Муравьев-Апостол (3), Бестужев-Рюмин (0)) во главе рейтинга объясняется, видимо, «нефункциональностью» двойных фамилий в качестве наименования улиц. В то же время просто улицы Бестужева (Бестужевых) (50) и Муравьева (37) встречаются нередко. Правда в данном случае не всегда понятно, кто из немалого числа декабристов с фамилиями Бестужев и Муравьев имеется в виду.

- 2 По данным сайта «Большая телефонная книга» (<http://www.btk-online.ru/postindex/>): Свердловская область (60 населенных пунктов), Красноярский край (27), Иркутская область (19), Читинская область (19), Татарстан республика (18), Челябинская область (15), Москва и Московская область (14), Пермский край (14), Ростовская область (14), Тюменская область (14), Санкт-Петербург и Ленинградская область (11), Краснодарский край (11), Тверская область (9), Воронежская область (8), Новгородская область (8), Омская область (8), Самарская область (8), Алтайский край (7), Кемеровская область (7), Удмуртская республика (7), Оренбургская область (6), Ханты-Мансийский Автономный округ – Югра АО (6), Брянская область (5), Калужская область (5), Курганская область (5), Нижегородская область (5), Новосибирская область (5), Псковская область (5), Смоленская область (5), Тульская область (5), Хабаровский край (5), Липецкая область (4), Приморский край (4), Хакасия республика (4), Ярославская область (4), Архангельская область (3), Вологодская область (3), Кировская область (3), Рязанская область (3), Ставропольский край (3), Чувашская республика (3), Башкортостан республика (2), Бурятия республика (2), Владимирская область (2), Волгоградская область (2), Дагестан республика (2), Ивановская область (2), Орловская область (2), Саратовская область (2), Северная Осетия – Алания республика (2), Тамбовская область (2), Тыва республика (2), Агинский Бурятский АО (1), Адыгея республика (1), Амурская область (1), Астраханская область (1), Белгородская область (1), Еврейская Аобл (1), Калининградская область (1), Камчатская область (1), Карелия республика (1), Костромская область (1), Мурманская область (1), Пензенская область (1), Саха /Якутия/ республика (1), Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО (1), Ульяновская область (1), Чеченская республика (1), Алтай республика (0), Ингушетия республика (0), Кабардино-Балкарская республика (0), Калмыкия республика (0), Карачаево-Черкесская республика (0), Коми республика (0), Корякский АО (0), Курская область (0), Магаданская область (0), Марий Эл республика (0), Мордовия республика (0), Ненецкий АО (0), Сахалинская область (0), Томская область (0), Усть-Ордынский Бурятский АО (0), Чукотский АО (0), Эвенкийский АО (0), Ямало-Ненецкий АО (0). Далеко не все статистические данные могут найти рациональное объяснение. Понятно положе-

ние в верхней части рейтинга (по количеству населенных пунктов, где есть улицы декабристов) сибирских регионов, где декабристы отбывали каторгу и ссылку: Красноярский край (27 населенных пунктов), Иркутская область (19), Читинская область (19), Тюменская область (14). Северный Кавказ также тесно связан с историей ссыльных декабристов. Многие из них выслуживали в «теплой Сибири» первое офицерское звание, дающее право на отставку из военной службы: Ростовская область (14), Краснодарский край (11). Не нуждается в объяснении весомое место северной столицы и просто столицы: Санкт-Петербург и Ленинградская область (11), Москва и Московская область (14). Но чем объяснить распространение декабристской топонимики в республике Татарстан (18), Челябинской области (15), Пермском крае (14)? Еще более удивительно лидерство с большим отрывом Свердловской области (60). Да, декабристов этапировали на сибирскую каторгу через Екатеринбург. Но ведь они проезжали и другие населенные пункты. Требуется объяснения и пренебрежение декабристами в половине (14 из 29) «этнических» регионов: Алтай республика (0), Ингушетия республика (0), Кабардино-Балкарская республика (0), Калмыкия республика (0), Карачаево-Черкесская республика (0), Коми республика (0), Корякский АО (0), Марий Эл республика (0), Мордовия республика (0), Ненецкий АО (0), Усть-Ордынский Бурятский АО (0), Чукотский АО (0), Эвенкийский АО (0), Ямало-Ненецкий АО (0). Для сравнения – из 57 «русских» регионов декабристами манкировали только 4 – Курская область (0), Магаданская область (0), Сахалинская область (0), Томская область (0).

- 3 *Кряжевских М.* Струн вещей пламенные звуки...// газета «Уральский музей». – январь 2006. [Электронный ресурс] // Сайт Свердловского областного краеведческого музея. – Свердловск, 2006-2008. – Режим доступа: <http://www.uole-museum.ru/173>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.10.08.
- 4 *Бестужев-Лада И.В.* О жизни прошедшей и приходящей: Главы из рукописи новой книги [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Промышленные ведомости». – Электрон. данные. – М., 2008. – Режим доступа: http://www.promved.ru/mag_2002_03.shtml, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 5 Не исключено, что в «революционном» 1992 г. милость к «декабристским» улицам Санкт-Петербурга была проявлена из-за того, что супруга тогдашнего градоначальника – историк-декабристолог Л.Б. Нарусова сумела остудить «пламенный либерализм» А.В. Собчака.
- 6 Православные против присвоения улицам имен террористов [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Православная газета». – Электрон. данные. – Екатеринбург, 2002. – Режим доступа: http://orthodox.etel.ru/2002/22/w_terrorstreet.htm, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 7 В Твери почтут память убиенного 125 лет назад Императора Александра II: Новость (14.03.2006) [Электронный ресурс] // Сайт Тверского кафедрального Спасо-Преображенского собора. – Электрон. данные. – Тверь, 2007. – Режим доступа: http://olgatver2006.narod.ru/14_03_06_novPanih.htm, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.; Трудно согла-

- ситься с таким утверждением. Более справедливым представляется предположение, что постперестроечное время «семиотического терроризма» ушло безвозвратно. Если бы тверские православные монархисты внимательно отслеживали «сигналы сверху», то, возможно, они отказались бы от своей «правотворческой инициативы». 10 октября 2002 г. в «Комсомольской правде» появилась ироническая заметка по поводу «контрреволюционного решения», принятого Топонимической комиссией при городской Думе Тамбова «в рамках борьбы с проклятым историческим наследием». По сообщению «Комсомолки», на родине тамбовского волка исчезли названия улиц Антонова-Овсеенко, Робеспьеровской и других, названных в честь революционеров-террористов. «Эксперты-лингвисты Диванной партии “КП” разработали методические рекомендации для властей Тамбова и прочих чудогородов»: «Сплошному переименованию подлежат проспекты, улицы, переулки, проезды и тупики, названные в честь Разина и Пугачева, Радищева и декабристов, разночинцев и петрашевцев, анархистов и активистов организаций “Земля и Воля”, “Народная Воля”, “Черный передел” и всех их ответвлений, а также членов РСДРП, РКП, ВКП(б) и КПСС с 1898 по 1991 год включительно (списком). <...> В выборе названий рекомендуется применять нейтральные понятия, отражающие специфику данной местности. Например, для Тамбова: тупик Товарища Волка (тамбовского), проезд Мальчика, Который Хочет. Для Саратова: улица Холостых Парней. Для Вологды: переулок Резнопалисадский» (Пономарев С., Чуйков Д. Стоп улице Желябова, проспекту Шикльгубера!.. // Комсомольская правда. 2002, 10 декабря).
- 8 Жители Твери настаивают на переименовании улиц, названных именами террористов-революционеров: Новость (21.10.2004) [Электронный ресурс] // Сайт «Православие.ru». – Электрон. данные. – Тверь, 1999–2008. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/news/041021151123>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
 - 9 Жители Твери просят Городскую думу о переименовании улиц, носящих имена террористов: Новость (07.09.2005) [Электронный ресурс] // Сайт «Православие.ru». – Электрон. данные. – Тверь, 1999–2008. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/news/050907164427>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
 - 10 Мангазеев И. Создается рабочая группа по переименованию улиц [Электронный ресурс] // Сайт областной ежедневной газеты «Вече Твери». – Электрон. данные. – Тверь, 2008. – Режим доступа: <http://www.veche.tver.ru/index.shtml?news=4832>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
 - 11 В Твери улицы, носящие имена «террористов», переименовываться не будут: Новость (12.10.2006) [Электронный ресурс] // Сайт ИА Regnum. – Электрон. данные. – М., 1999–2008. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/721030.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
 - 12 Жители Твери настаивают на переименовании улиц, названных именами террористов-революционеров.
 - 13 Характерны рассуждения на эту тему тверичанина Валерия Голянцева: «Впервые я задумался о связи прошлого и настоящего, когда года три назад

- побывал в салоне компьютерных игр. Там сидели мальчик и девочка лет тринадцати и “резались” в игру, в которой надо кого-то убивать. “Я буду убийцей, как Каляев”, — сказал мальчик. “А я тогда — Софьей Перовской”, — ответила девочка. Мне даже жутко стало: детям имена этих террористов наверняка известны из названий тверских улиц. Тогда что же получается: мы, сохраняя эти названия, пропагандируем терроризм? Меня просто потрясло, когда на Советской площади проводился митинг в память о погибших детях Беслана. Я тогда подошел к митингующим и сказал: “Ничего не изменится оттого, что вы тут собираетесь! Ведь даже улица Советская, на которой находится эта площадь, “вытекает” из улицы, названной в честь террористки Софьи Перовской!”» (*Глазычева З.* Тверичанин придумал, как бороться с терроризмом [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Комсомольская правда. Тверь». — Электрон. данные. — Тверь, 2005. — Режим доступа: <http://www.tver.kp.ru/daily/life/doc77016/>., свободный. — Загл. с экрана. — Данные соответствуют 03.09.08.
- 14 Какие вопросы жители Твери задают Владимиру Путину? [Электронный ресурс] // Сайт «Тверской городской портал». — Электрон. данные. — Тверь, 2000–2008. — Режим доступа: <http://www.etver.ru/lenta/index.php?newsid=21681>, свободный. — Загл. с экрана. — Данные соответствуют 03.09.08.
- 15 Гражданам Твери (Калининграда) [Электронный ресурс] // Форум сайтов rkrp-rpk.ru и gksmb.ru. — Электрон. данные. — Москва, 2006. — Режим доступа: forum.rkrp-rpk.ru/viewtopic.php?t=729&sid=ca9a4fa9616f39268be1a92eba3352d5, свободный. — Загл. с экрана. — Данные соответствуют 03.09.08.
- 16 *Журавлев Е.* «Движок» в 19 думских сил [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Тверская жизнь». — Электрон. данные. — Тверь, 2002–2008. — Режим доступа: http://www.tverlife.ru/_content.php?Id=1.2.19&parts=issue_sk&artid=467&tli=25301, свободный. — Загл. с экрана. — Данные соответствуют 03.09.08.
- 17 «Народная воля» — партия, возглавляемая депутатом Государственной Думы Сергеем Бабуриным
- 18 *Березюк И.* Улица имени убийцы? [Электронный ресурс] // Сайт «Тверской городской портал». — Электрон. данные. — Тверь, 2000–2008. — Режим доступа: <http://www.etver.ru/lenta/index.php?newsid=15279>, свободный. — Загл. с экрана. — Данные соответствуют 03.09.08.
- 19 В Твери улицы, носящие имена «террористов», переименовываться не будут [Электронный ресурс] // Сайт информационного агентства «Regnum» — Электрон. данные. — Москва, 2006. — Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/721030.html>., свободный. — Загл. с экрана. — Данные соответствуют 03.09.08.
- 20 В Твери решается вопрос о переименовании улиц: Новость (08.09.2005) [Электронный ресурс] // Сайт ИА 1Ru.ru. — Электрон. данные. — 2000–2008. — Режим доступа: <http://news.kemerovo.tv/news/509748.html>, свободный. — Загл. с экрана. — Данные соответствуют 03.09.08.
- 21 *Богданов В.* Суд да дело...: Новость (13.10.2006) [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Тверская газета». — Электрон. данные. — Тверь, 2003–2008. — Режим доступа: <http://gazeta.tver.ru/articles.php?id=2265&day=13&month=>

- 10&year=2006, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.; В нефтяной столице Сургуте также встал вопрос о переименовании. 14 сентября 2005 г. состоялось заседание городской комиссии по топонимике. Рассматривался вопрос о переименовании улицы Декабристов на Черном мысу. Но дело не в том, что сибиряки перестали чтить память дворянских просветителей края. Скорее наоборот. В небольшом городе сосуществуют две (!!!) улицы с таким названием. Тем не менее, депутаты решили сохранить шизофреническое status quo. Аргументация, как и у их коллег-тверичей, носила исключительно прагматический характер. Ничего идеологического: «Ввиду больших затрат, связанных с переименованием улицы и перерегистрацией жильцов и строений <...> принято решение пока отказаться от переименования» (Декабристы не сдаются) // Расслабиться не удалось: Новости Сургута с 10 по 16 сентября 2005 года (Газета «Сургутские ведомости», выпуск 37 (205) от 19.09.2005, рубрика «Неделя») [Электронный ресурс] // Официальный веб-сервер администрации города Сургут. – Электрон. данные. – Сургут, 2004–2008. – Режим доступа: <http://pr.admsurgut.ru/vedomosti/archive/2005/09/37/week/0.php>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 22 *Мангазеев И.* Именем истории [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Вече Твери». – Электрон. данные. – Тверь, 2006. – Режим доступа: <http://www.veche.tver.ru/index.shtml?news=6345>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 23 Улица имени террориста [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Правое дело». – Электрон. данные. – Тверь, 2002. – Режим доступа: <http://www.sps.ru/?id=42468>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 24 *Мангазеев И.* Создается рабочая группа по переименованию улиц [Электронный ресурс] // Сайт областной ежедневной газеты «Вече Твери». – Электрон. данные. – Тверь, 2008. – Режим доступа: <http://www.veche.tver.ru/index.shtml?news=4832>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 25 Странно, что «Бесогом» запомятовал, с чьим именем связано название газеты, в которой опубликована его разоблачительная статья.
- 26 Мемориальный террор [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Ленинградская правда». – Электрон. данные. – СПб., 2001–2008. – Режим доступа: <http://www.lenpravda.ru/digest/federal/262074.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 27 Поминовение императора Николая I: Новость (14.01.2004) [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Русский вестник». – Электрон. данные. – М., 2004. – Режим доступа: <http://www.rv.ru/content2.php3?id=910>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.; Оригинальный ход предлагает известный декабристолог М.М. Сафонов: «Относительно советских названий, присвоенных коммунистами петербургским улицам, то некоторые из таких названий следовало бы использовать при создании новых улиц в строящихся районах. Например, наш город достоин иметь улицу Герцена – величайшего стилиста XIX столетия. Должен Петербург, несомненно, иметь и улицу Декабристов, Офицерская же пусть так и останется таковой. Но среди героев

- XIX века, освященных большевиками, далеко не все заслуживают того, что использовать при создании их память сохранялась и впредь в топонимике города. Упомяну только так называемого декабриста А. Якубовича. В 1923 году большевики переименовали Ново-Исаакиевскую улицу в улицу Якубовича. Если называть улицы именами авантюристов, то эта улица в большей степени заслуживает того, чтобы носить имя генерала М.А. Милорадовича, который на ней испустил дух» (*Шувалов В.* Жил человек рассеянный на улице Некрасова. Какие названия должны быть у петербургских улиц? [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Город». – Электрон. данные. – СПб., 2006. – Режим доступа: <http://www.kadis.ru/daily/dayjust.phtml?id=31962>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 28 Сотрем имена декабристов с карты Петербурга [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Правый взгляд». – Электрон. данные. – СПб., 2007. – Режим доступа: <http://www.rus-imperia.com/newspaper/30.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 29 *Кисляков В.* Декабристы в чем виноваты? [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Вечерний Котлас». – Электрон. данные. – Котлас, 2002. – Режим доступа: [http://www.vecherniy-kotlas.ru/argiv/26_12_02/information/1_cory\(22\).htm](http://www.vecherniy-kotlas.ru/argiv/26_12_02/information/1_cory(22).htm), свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 30 *Гюнозов О.* Меняю Покровскую на Ленинскую [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Золотое кольцо». – Электрон. данные. – Ростов Великий, 2006. – Режим доступа: http://www.goldring.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=82029&Itemid=3&date=2006-06-17, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 31 Отчет по реализации программы развития адаптивной школы МОУ СОШ № 17 [Электронный ресурс] // Сайт «МОУ СОШ № 17 г. Новочеркаска» – Электрон. данные. – Новочеркасск, 2008. – Режим доступа: novochschool17.narod.ru/index.files/page0002.htm, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 32 *Ретников М.* Пройду по Абрикосовой, сверну на... Володарского. 2004. 8 декабря [Электронный ресурс] // Сайт «Новочеркасск виртуальный». – Электрон. данные. – Новочеркасск, 2008. – Режим доступа: <http://www.povocherkassk.ru/cgi-bin/Newsrap/np3.cgi?y=2004&i=3&n=47&k=12>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 33 *Комаров А.* Где эта улица, где этот дом... // Время Новгородское. 2002, 18 апреля. № 16.
- 34 *Краснояров В.* Кронштадтские декабристы [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Котлин». – Электрон. данные. – СПб., 2005. – Режим доступа: <http://www.kotlin.ru/PageCard.php?id=3088>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 35 Инко Гнито. Сообщение в теме форума «Переименовывание улиц..., ждем новый марафон...» : («[Электронный ресурс]» // Форум на сайте ИА «Бел.ру». – Электрон. данные. – Белгород, 1999–2008. – Режим доступа: <http://forum.bel.ru/index.php?s=ceb1dadec5cd459e488a6c92d5d18956&showtopic=1016&st=100>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.

- 36 *Китова О.* Переписчики: власть переписывает нашу историю [Электронный ресурс] // Сайт первичной профсоюзной организации МОРП «Защита труда» ОАО «Белэнергомаш». – Электрон. данные. – Белгород, 2004. – Режим доступа: http://z-belgd.tripod.com/PAGE_108.HTM, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 37 Белгородская область. Почтовые индексы [Электронный ресурс] // Сайт «Почтовые индексы России». – Электрон. данные. – Москва, 2008. – Режим доступа: <http://postindex.otrok.ru/31/1.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 38 *Коцеев Л.* О переименованиях [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Наша Газета». – Электрон. данные. – Екатеринбург, 2003. – Режим доступа: <http://www.apress.ru/esse/komm7.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 39 *Чувашев С.* Революции – преходящи, революционные названия – вечны [Электронный ресурс] // Сайт ассоциации «Провинциальная пресса». – Электрон. данные. – М., 2001–2008. – Режим доступа: http://www.mosoblpress.ru/podlipki/show.shtml?d_id=230, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 40 *Хачатуров С.* Штука-выручалочка: Открылась выставка «Москва–Варшава»: Новость (25.03.2005) [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Время новостей». – Электрон. данные. – М., 2008. – Режим доступа: <http://www.vremya.ru/print/120977.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 41 *Гудков А.* Улица Муравьева-вешателя: Москва отомстит Варшаве за память о Дудаеве [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Время новостей». – Электрон. данные. – М., 2008. – Режим доступа: <http://www.vremya.ru/2005/49/4/121119.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 42 Как поссорились Москва и Варшава: Новость (28.03.2005) [Электронный ресурс] // Сайт «Недвижимость России». – Электрон. данные. – М., 2008. – Режим доступа: <http://www.nedvizhimost-rf.ru/novosti/91893.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.
- 43 В Москве не будет улицы генерала Михаила Муравьева [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический и энциклопедический портал «Русская цивилизация». – Электрон. данные. – 2004. – Режим доступа: <http://www.rustrana.ru/print.php?nid=7489>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 03.09.08.

В.Б. Вайсман

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ИНФОРМАЦИИ КАК ОДИН ИЗ ПАРАМЕТРОВ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Специфика передачи информации посредством телевидения заключается в ее персонифицированном характере. Автор связывает с персонифицированным характером информации проблему эффективности воздействия телевизионной продукции (интеракции) и предлагает оригинальную классификацию различных форм выражения личностного характера (в соответствии с различными жанровыми «ролями» – корреспондент, репортер, шоумен, модератор, комментатор и др.).

Ключевые слова: телевидение, эффективность воздействия, персонифицированная информация, интеракция, телевизионные жанры.

Телевидение не без основания считается одним из самых сложных средств массовой коммуникации, обеспечивающим создание наиболее прочных связей с аудиторией и обладающим наиболее мощным механизмом воздействия на нее. К его специфическим, удивительным и уникальным свойствам относят персонификацию сообщения. Только на ТВ аудитории предлагается персонифицированная информация, где информация понимается как «совокупность сведений, которыми располагает и оперирует журналист при создании своих произведений, а также совокупность кратких некомментируемых сообщений об актуальных фактах, новых сведений из разных областей жизни общества»¹.

Согласно хрестоматийной формуле Г. Лассуэлла, определяющей структуру линейной массовой коммуникации, совокупность элементов выглядит следующим образом: «Кто сообщил – что – по какому каналу – кому – с каким эффектом». Рассматривая первый элемент цепочки Лассуэлла, можно заметить, что на телевидении представлены два типа персонифицированной информации: от лица стороннего «выступающего» и от лица телевизионного ведущего. В рамках данной работы «персонификация информации» будет рассматриваться как персонификация информации второго типа.

Телевидение советского периода почти полностью основывалось на линейной модели коммуникации, для современного же ТВ более харак-

терна интерактивная модель (предложена в 1953 г. Т. Ньюкомбом), которая рассматривает аудиторию не как объект воздействия, а как равноправный субъект коммуникации. Под эту модель подпадают передачи всех известных жанров на любую тему, соответствующие двум условиям: наличие самого взаимодействия («интеракции») – или, как говорят психологи, телекоммуникатора – с телезрителем и наличие возможности для телезрителя лично воздействовать на производство телевизионного продукта².

Исследования социологов подтверждают, что рассказ от первого лица убедительнее любой статистики; психологи утверждают, что «человек на экране» (телевизионный персонаж – в широком смысле этого понятия) становится реальным партнером для телезрителя, а в феномене популярности телевизионных ведущих отражается «потребность больших социальных групп в неформальном лидере, вожде, на которого они могут ориентироваться в своем индивидуальном, групповом и общенациональном поведении»³.

Таким образом, персонификация информации представляется одним из самых важных параметров эффективности телевидения, а телевизионный ведущий – ключевой фигурой. «Лица канала», т. е. ведущие основных телепрограмм, воспринимаются и руководством каналов как один из основных параметров эффективности собственной деятельности.

В качестве примера можно указать концепцию федерального телеканала «Культура». Она предусматривает «просветительство во всех его проявлениях – от событийных репортажей “здесь и сейчас” до многосерийных научно-исследовательских циклов, концертов и многочасовых телеверсий театральных постановок», неразрывно связывая задачи канала «с задачами самой культуры, первостепенная среди которых – созидание Человека, воспитание таких непреходящих ценностей личности, как просвещенность, интеллигентность, патриотизм, чувство прекрасного» (*цит. по документу «Программная концепция телеканала “Культура”*). Среди основных принципов деятельности канала упоминается привлечение на роль ведущих телепрограмм видных деятелей культуры и искусства России (Михаил Пиотровский, Эльдар Рязанов, Лев Аннинский, Юрий Башмет, Олег Басилашвили). Показательно также, что в отчете по результатам исследований «Комкон», проводившихся по заказу телеканала «Культура», в разделе «Отношение к элементам телевидения» выделен отдельный параграф «Ведущие», в котором «человеком, который четко связывается у всех опрошенных с каналом, является Михаил Швыдкой», опрошенные называют таких ведущих, как Флярковский, Варгафтик, Разлогов, Пиотровский, Шахназаров (*по материалам отчета «Восприятие и отношение к телеканалу “Культура”», подготовленного «Комкон» в марте 2002 г.*).

Несмотря на общепризнанную значимость фактора персонификации информации, на разнообразие социологических и психологических исследований, так или иначе рассматривающих эффективность деятельности телеведущего, понимаемую преимущественно как эффективность коммуникационного акта, общения с телезрителем⁴, систематизирован-

В.Б. Вайсман

ное описание профессии телеведущего (в том числе в аспекте дифференциации внутри профессии: содержания, функций и пр.) еще не предложено. Очевидно, что такое описание должно быть комплексным и основанным на исследованиях, проводимых в разных областях знания.

Психологи выделяют несколько видов общения, используемых в журналистике:

1. «*Контакт масок*» – формальное общение, при котором отсутствует стремление понять личность собеседника. Используются привычные, стандартные маски (вежливости, участливости, простоты), т. е. набор мимики, жестов, стандартных фраз, легко «считываемых» аудиторией, позволяющих при этом скрыть отношение к собеседнику.

2. *Формально-ролевое общение* – в нем регламентированы и содержание и средства общения социальными ролями партнеров (врач и пациент, контролер и пассажир).

3. *Деловое общение* предполагает оптимизацию и организацию того или иного предмета деятельности: производственной, научной, учебной и т. п. При деловом общении учитываются особенности личности, характера, настроения собеседника, но на первом месте стоят интересы дела, а не сама личность собеседника.

4. *Духовное межличностное общение*, при котором раскрываются глубинные структуры личности и достигается наиболее полное взаимопонимание⁵.

В журналистике дифференциация журналистских профессий рассматривается:

- по родам журналистики (газетчик, радиожурналист, тележурналист);
- по видам журналистики (международники, политологи, аграрники, экологи, спортивные обозреватели и т. п.);
- по жанрам журналистики (очеркист, фельетонист, интервьюер, шоумен);
- по типу участия в технологических операциях коммуникативного процесса (репортер, редактор, корреспондент, комментатор, обозреватель, ведущий теле- и радиопрограмм и т. п.)⁶.

К профессиям телевидения с авторским характером деятельности принято относить и профессию журналиста (автор, редактор), и профессию телевизионного ведущего (в отличие от профессии диктора, которому отводится роль чтеца). При этом журналиста, представляющего в кадре телеобозрения, причисляют к телевизионным ведущим, а телерепортера, представляющего событие, – нет. Учитывая все расхождение, представляется возможным предложить рассматривать в качестве телеведущего *телевизионного журналиста в моменты его присутствия в кадре и в процессе общения с телевизионной аудиторией*.

Впрочем, необходимо дальнейшее уточнение дифференциации профессии «телевизионный ведущий». Эта необходимость обусловлена тем, что телевидение находится в процессе всестороннего развития, и происходящие изменения (в том числе в технике и технологии) вызывают изменения в профессиональных функциях.

Такого рода уточнение целесообразно проводить по нескольким параметрам:

- содержание деятельности и выполняемые функции;
- жанры и жанровые формы тележурналистики (универсальной классификации жанров в телевизионной журналистике не создано, и в данной работе используется классификация, предложенная В.Л. Цвиком⁷);
- особенности коммуникации;
- характер выполняемых функций (традиционно работа ведущего на телевидении считается авторской, а деятельность телеведущего отождествляется в основном с деятельностью тележурналиста). В настоящее время можно наблюдать, как растущая конкуренция между некоторыми федеральными телеканалами, приводящая к ужесточению их программной политики, и нехватка квалифицированных кадров в региональных телекомпаниях заставляют руководство каналов сосредоточить собственно авторские функции «в руках» как можно меньшего количества людей, что приводит, в свою очередь, к проявлению в ряде случаев исполнительского, «не-авторского» характера деятельности телеведущего. Отсюда в научной литературе – рассуждения о двух типах телеведущего: Авторе и не-Авторе⁸.

Г.В. Кузнецов предлагает рассматривать семь амплуа телевизионного журналиста: репортер, интервьюер, комментатор, обозреватель, модератор, шоумен и ведущий новостей⁹.

Ориентированная на предложенные выше параметры, дифференциация может выглядеть следующим образом.

Корреспондент телевидения – выступает в качестве телеведущего во время так называемых stand up'ов и интервью. Stand up – прямое обращение в кадре корреспондента к телезрителям, когда он сообщает им те или иные факты, в том числе и прямо с места происходящих событий. Основная функция корреспондента – собирать информацию и представлять ее телезрителям (само слово образовано от латинского *correspondeo*, «осведомляю»). В качестве ведущего корреспондент в определенном смысле гарантирует достоверность представляемой информации, что обеспечивается его выходом в эфир непосредственно с места съемок. Журналистские жанры – информационное сообщение (видеосюжет), информационное интервью. Вид общения – в основном формально-ролевой, где корреспонденту отведена роль информатора. Исключение составляют постановочные телепрограммы в стиле «инфотейнмент» (от английского «infotainment», составленного из двух слов – «information» и «entertainment» (развлечение), в буквальном смысле – «информация в виде развлечения»), где вид общения корреспондента можно определить как «контакт масок». Характер деятельности – преимущественно авторский: литературная основа журналистской корреспонденции, в особенности текстов stand up'ов и вопросов интервью, на телевидении создается самим корреспондентом. В региональных телекомпаниях при недостатке квалифицированных кадров

встречается ситуация, когда вопросы интервью и основные элементы текста «набрасывает» шеф-редактор программы (или редактор дня) перед выездом на съемку, он же производит авторское редактирование закадрового текста в процессе монтажа. В этом случае работа корреспондента носит в большей степени исполнительский характер.

Телерепортер (от латинского *reporto*, «передавать») – корреспондент телевидения, специализирующийся на подготовке новостей. Выступает в качестве телеведущего в тех же ситуациях и тех же видах коммуникации, что и корреспондент. Репортер в *stand up*'е находится непосредственно на месте события, потому что его основная задача – зафиксировать само событие. «Репортерская работа – это проникновение в реальную жизнь»¹⁰. Жанры журналистики – информационное сообщение (видеосюжет), отчет, прямое включение, репортаж. В жанре телерепортажа в отдельных случаях, обусловленных особенностями телепередачи или программной политики телеканала, встречаются элементы комментария.

Телеинтервьюер. В некоторых источниках эта профессия представлена как разновидность репортерской¹¹. Однако, приняв в качестве аксиомы утверждение, что основной задачей телевидения является создание телепрограмм, способствующих утверждению в обществе общечеловеческих ценностей, можно заметить, что в целях решения этой задачи к классическим репортерским функциям (осведомлять и предоставлять информацию) профессия телеинтервьюера добавляет и другие. Для рассмотрения специфических особенностей этой разновидности профессии телеведущего и определения самого жанра интервью представляются интересными наблюдения и выводы, сделанные Сергеем Муратовым в ряде монографий об особенностях общения в телепублицистике и документальном кино^{12,13}.

Основными задачами телеинтервьюера можно считать выявление мнений, суждений собеседника или получение информации. Объединив разные подходы с такими особенностями телеинтервью, как обязательное наличие *общественного* интереса к теме беседы или наличие интереса аудитории к самим собеседникам, можно прийти к следующему определению: основная задача телеинтервьюера – выявление мнений, суждений, получение информации от собеседника, *вызывающего общественный интерес*, о событии, проблеме, личности (в том числе и его собственной); или выявление мнений, суждений, получение информации от собеседника о событии, проблеме, личности, *вызывающих общественный интерес*.

Эти задачи требуют от телеинтервьюера овладения навыками общения и актерского мастерства; специальных знаний из области психологии, социологии, драматургии; общей эрудиции и глубины проникновения в темы беседы в значительно большем объеме, чем это необходимо корреспонденту или репортеру. Различия в функциях телерепортера и телеинтервьюера проявляются уже на этапе подготовки: в подготовке репортажа с места события сбор и изучение фактов, разработка вопросника и психологической партитуры предстоящего разгово-

ра занимают менее важное место, чем в подготовке интервью. Куда важнее для телерепортера оказаться в нужном месте в нужное время, успеть развернуть аппаратуру, выставить свет, найти реального очевидца события, который по ходу интервью выполняет не более чем социальную или служебную функцию. Телеинтервьюер стремится увидеть и показать живого человека, разобраться во внутреннем мире собеседника, реализует интерес к человеческой личности. В отличие от телерепортера, который, как правило, интервьюирует собеседника прямо на месте события, телеинтервьюер выявляет мысли (мнения, суждения) собеседника, что делает его функции значительно шире.

Поле деятельности телеинтервьюера включает все жанровое разнообразие телепублицистики – информационные, аналитические, художественные жанры. Столь же широка палитра видов общения, выбираемых в зависимости от целей общения и своеобразия конкретной телепрограммы. Характер деятельности телеинтервьюера – авторский. Исключением не становятся даже региональные компании с их нехваткой квалифицированных кадров: общий сценарий интервью может быть подготовлен шеф-редактором программы, однако в ходе разговора интервьюеру приходится самостоятельно «дописывать» сценарий, ориентируясь на ответы выступающего.

Ведущий телевизионных дискуссионных передач, теледебатов, «круглых столов», студийных пресс-конференций и т. п. (модератор). Дискуссии на телевидении проводятся с целью показать разные точки зрения на проблему, дать возможность участникам защитить свою точку зрения, опровергнуть противоположное мнение, утвердить собственную позицию. Дискуссия, дебаты, полемика – это разные виды споров. Poleмика предполагает утверждение мысли неоспоримыми доказательствами; дебаты могут иметь разные цели – выяснить истину, проверить жизнеспособность идеи, обоснованность решений и т. п.; дискуссии представлены в нескольких видах – как спор, нацеленный на поиск истины, как спор по поводу какого-либо события или факта, как спор с целью убедить в чем-то аудиторию. Телеведущий-модератор предоставляет слово, следит за последовательностью, контролирует настрой участников и атмосферу заинтересованности. Очевидно, что, с одной стороны, уровень его компетентности должен соответствовать дискуссии, с другой стороны, он должен уметь «перевести» узкоспециальный разговор на общедоступный язык. Существуют разные точки зрения на степень участия модератора в дискуссиях и дебатах: его роль варьируется от служебной (например, предусмотренной законодательством о выборах, где жестко регламентирована каждая минута телеэфира), требующей «оставить свое мнение за порогом студии»¹⁴, до равноправного участия, когда его позиция имеет право быть выраженной, так же как и позиция других участников программы¹⁵. «Какой бы служебной ни казалась роль модератора, одно лишь присутствие известного журналиста может менять сам характер передачи как для собеседников, так и для зрителей»¹⁶. Жанры журналистики – аналитические: беседа, дискуссия, пресс-конференция. Литературная основа, как правило, представ-

ляет собой сценарный план, короткие тезисы и заметки. Виды общения – формально-ролевой (например, в предвыборных теледебатах), деловой. Характер деятельности ведущего – авторский.

Телевизионный комментатор предстает в качестве телеведущего во время выступления в кадре. Сам по себе телевизионный комментатор – это чаще всего жанровая разновидность выступления в кадре, которое представляет собой компетентное, требующее специальных знаний толкование общественно-значимых фактов, важных событий в культурной или научной жизни, технического изобретения, спортивного состязания или группы фактов, объединенных тематическими или хронологическими рамками. Литературной основой комментария обыкновенно служит полный текст эфирного выступления. Комментарий не может быть абсолютно объективным, но передает суждения автора. С субъективностью текста комментария связан обязательный авторский характер деятельности комментатора телевидения¹⁷. Очевидно, что эта деятельность требует от комментатора понимания обсуждаемых проблем, а также дара убеждения. Представляется, что есть в этой профессии и возрастные ограничения, продиктованные необходимой для эффективной коммуникации глубиной анализа, широтой обобщений, объективности оценки событий, явлений и фактов: «...знаете, почему Христос начал проповедовать после 30 лет? Да потому, что молодым людям до тридцати считалось неприличным произносить публичные речи. Молодость – время накопления впечатлений и духовного опыта. Молодых публицистов не бывает»¹⁸. Виды общения – формально-ролевой и деловой.

Обозреватель телевидения так же, как и комментатор, предстает в качестве телеведущего во время эфирного выступления – с той разницей, что обозрение отличается широтой использованного материала (в центре комментария может быть и единичный факт). В научной литературе встречается утверждение, что на современном телевидении границы между обозревателем и комментатором во многом стерты, хотя жанровая граница между комментарием и обозрением попрежнему прослеживается достаточно четко. Это верно в отношении информационно-публицистических, политических обозрений и некоторых других типов тематических обозрений. В этих случаях виды общения и авторский характер деятельности телевизионного обозревателя аналогичны комментаторским. Однако, рассматривая, например, тематические музыкальные обозрения на канале MTV, можно без труда заметить разницу. В основе такого типа коммуникации лежит, как правило, «контакт масок», а деятельность телеведущего может носить как авторский, так и не-авторский характер. Таким образом, можно заметить, что «обозреватель телевидения» – понятие более широкое, чем «телекомментатор».

Литературной основой телевизионного обозрения обычно служит сценарный план передачи с полным текстом мостиков-«связок» между отдельными частями программы, обеспечивающих ее целостное восприятие.

К жанру обозрения близка такая сценарная форма, как тележурнал, и описание профессии ведущего тележурнала в основных элементах совпадает с описанием профессии обозревателя.

Ведущий телевизионных информационных программ представляет телезрителю информационные видеосюжеты. В зарубежной профессиональной литературе для обозначения этой профессии встречается термин «**презентер**» (от английского «present», в данном случае – «представлять кому-либо») или «анкер-мен» («человек-якорь»). Российские исследователи телевидения не уделяют описанию этой профессии достаточного внимания. Возможно, в связи с тем, что исторически она происходит от профессии диктора, функции которого традиционно рассматриваются как служебные. Хотя в базовом учебнике В.В. Ворошилова зафиксирована даже дата первого появления ведущего в эфире: «Журналист рядом с диктором впервые появился в 1981 г. на ленинградском ТВ. А в 1989 г. была создана телестанция “Факт” с одним журналистом, который без диктора вел выпуск в прямом эфире»¹⁹. Представляется, что для описания особенностей деятельности ведущего телевизионных информационных программ оппозиция «авторский»/«не-авторский» является ключевой, что позволяет оставить за рамками настоящей работы описание профессии диктора.

В психологических исследованиях встречается определение типов ведущего на основе дифференциации аудитории (в том числе по интересам, вкусам, пристрастиям), которое возможно отнести к понятию «презентер». По этим параметрам выделяются следующие типы ведущих:

ведущие-информаторы, в задачи которых входит найти информацию и использовать особенности своего голоса и внешнего облика для комментария, а также быть в кадре нейтральными и ненавязчивыми, проявлять минимум эмоционального состояния;

ведущие-собеседники демонстрируют высокую степень вмешательства в события, используют особые приемы общения с аудиторией. Важным элементом воздействия этого типа ведущих на аудиторию является оригинальность текстов;

ведущие-наставники максимально вмешиваются в информационный процесс, делятся с аудиторией собственными выводами. Этому типу ведущих свойственны оригинальная манера общения, индивидуальный стиль, самобытный выбор тем, эмоциональность тона²⁰. Многопрофильная информационная программа рассматривается не как журналистский жанр, а как составная сценарная форма, происходящая от подборки новостей в периодической печати. Литературной основой телевизионной информационной программы служит сценарный план, включающий перечень сюжетов и полный текст так называемых «подводок», предваряющих сюжеты.

Тип общения «презентера» с телевизионной аудиторией зависит от своеобразия программы и охватывает весь возможный спектр видов общения.

Ведущий ток-шоу на телевидении – ключевая фигура телевидения взаимодействия. Сам жанр ток-шоу, автором которого считают амери-

В.Б. Вайсман

канского журналиста Фила Донахью, может существовать только в рамках интерактивной модели. Если в передачах, основанных на линейной модели коммуникации, качества ведущего будут влиять лишь на степень эффективности передачи, то для ток-шоу, основанного на интерактивной модели, ведущий, неспособный к диалогу со зрителем, сводит эффективность передачи к нулю. Ток-шоу как жанр не имеет сегодня однозначного определения. Так называют обычное интервью в кадре, студийную передачу с участием экспертов и зрителей в студии, любые диалоговые передачи. Одно из определений предложено Валерием Цвиком: «Ток-шоу (от англ. talk show – разговор-представление) – разговорная передача с участием приглашенной в студию аудитории»²¹.

Из уст российского мэтра этого жанра Владимира Познера доводилось слышать, что программа может называться «ток-шоу» только в том случае, когда зрители в студии являются активными действующими лицами телепрограммы (по Познеру, программа «Школа злословия», например, не может быть определена как ток-шоу, так как присутствующие в студии зрители являются не более, чем частью декораций). В ток-шоу телеведущий – модератор, интервьюер и хозяин студии одновременно. Зарубежные специалисты в области телевидения иногда используют английский термин – «the Host» (буквально – «хозяин»), который достаточно точно отражает суть выполняемых функций ведущего ток-шоу. Особенность этой профессии состоит в универсальности – тематической, жанровой, коммуникационной. В поле зрения ведущего ток-шоу одновременно находятся гости (эксперты, выступающие), зрительская аудитория в студии и телезрители. В работе ведущего присутствует полный спектр видов общения.

Литературная основа программы – сценарий – создается в виде сценарного плана на уровне подготовки телепередачи, а в окончательном виде определяется способностью ведущего мыслить вслух и создается в реальном времени практически на глазах у всех. Характер деятельности ведущего телевизионного ток-шоу – исключительно авторский.

Требуется отдельного рассмотрения появившаяся в последние годы технология создания ток-шоу, при которой ведущий связан с редактором или продюсером (находящимся в аппаратной видеозаписи и имеющим возможность наблюдать за ходом программы у режиссерского пульта) так называемым «ухом» (микрофонным устройством, дающим возможность ведущему постоянно слышать редактора). Такая технология создала возможность появления телепрограмм в жанре ток-шоу, в которых редактор или продюсер становится реальным собеседником экспертов и зрителей в студии и телезрителей, а ведущий не-авторски транслирует его точку зрения. Представляется, что такую телепрограмму можно назвать скорее имитацией ток-шоу, по жанру приближающейся к телевизионному спектаклю.

Шоумен (или ведущий шоу-программы) в определенном смысле материализует результат коллективного труда всех невидимых зрителю, оставшихся за кадром создателей передачи. Шоу на телевидении

относится к сложным (составным) сценарным формам, требующим изобретательности, знания технических возможностей телевидения. Первой шоу-программой советского телевидения считают «Голубой огонек»²². Шоу-программы – это и телевизионные игры, викторины. Основная задача шоумена – вовлечение зрителей в студию и телезрителей в происходящее действие, создание особой атмосферы. Литературная основа сложной составной передачи создается автором при участии редактора, продюсера, режиссера в виде сценарного плана и определяет общий ход действия. Шоу в телевизионном эфире предусматривает возможность всех видов общения. Тип деятельности ведущего зависит от особенностей телепрограммы, и может носить как авторский, так и не-авторский характер.

Некоторые затруднения вызывает уточнение функций ведущего в художественных жанрах телевизионной журналистики – очерке, эссе, фельетоне. В литературе не удалось найти каких-либо данных по этому вопросу. Представляется возможным на основании предложенной дифференциации определить такого ведущего как *комментатора*.

Предложенная уточненная дифференциация профессии «телевизионный ведущий» достаточно условна: жанры, виды общения, описанная специализация внутри профессии редко существуют в чистом виде даже в рамках одной передачи. Однако такой подход дает возможность более четко выделить особенности профессии в целом, а также предложить в качестве основного критерия эффективности деятельности телеведущего *эффективность коммуникации, понимаемую как эффективность общения с телевизионной аудиторией*. В то же время понимание различий внутри профессии создает предпосылки для последующей подробной разработки факторов эффективности телеведущего в зависимости от особенностей коммуникации (например, в работе «презентера» две стороны общения – ведущий и телезритель, в работе ведущего ток-шоу – как минимум четыре: ведущий, выступающие, студийная аудитория, телезрители).

Эффективность влияния ведущего на аудиторию зависит и от таких факторов, как цели создания передачи, жанровые рамки, благоприятные для речевого взаимодействия, профессионализма и этичности отношения коммуникатора к партнеру по речевому общению. Важная составляющая эффективности – авторский характер деятельности ведущего. Он создает на экране персонифицированный, но не вымышленный образ (в отличие от актера), воспроизводит самого себя²³.

Примечания

- 1 Алтынов М. Власть, зеркало или служанка?: В 2-х т. М., 1998. Т. 1. С. 195.
- 2 Поберезникова Е.В. Телевидение взаимодействия: интерактивное поле общения. М., 2004. С. 75.
- 3 Москвисси С. Машина, творящая богов. М., 1998. С. 25.

В.Б. Вайсман

- 4 См.: *Адамьянц Т.З.* В поисках имиджа. М., 1995; *Поберезникова Е.В.* Указ. соч.; *Матвеева Л.В., Анисеева Т.Я., Мочалова Ю.В.* Психология телевизионной коммуникации. М., 2002.
- 5 *Айви А.Е.* Лицом к лицу: практическое пособие для освоения приемов и навыков делового общения. Новосибирск, 1995. С. 30.
- 6 *Цвик В.Л.* Телевизионная журналистика: История. Теория. Практика. М., 2003. С. 34–39.
- 7 Там же. С. 212–261.
- 8 *Мельник Г.С.* Общение в журналистике. СПб., 2004. С. 128.
- 9 *Кузнецов Г.В.* Так работают журналисты ТВ. М., 2000. С. 58.
- 10 Там же. С. 76.
- 11 *Шостак М.И.* Репортер: профессионализм и этика. М., 2002. С. 75.
- 12 *Муратов С.А.* Телевизионное общение в кадре и за кадром. М., 1983.
- 13 *Ильченко С.Н.* Интервью в журналистском творчестве. СПб., 2003.
- 14 *Кузнецов Г.В.* Указ. соч. С. 35.
- 15 *Мельник Г.С.* Указ. соч. С. 147.
- 16 *Ильченко С.Н., Познин В.Ф., Почкай Е.П.* Технология СМИ: творческие профессии на телевидении и радио. СПб., 2003. С. 8.
- 17 *Цвик В.Л.* Указ. соч. С. 249.
- 18 *Кузнецов Г.В.* Указ. соч. С. 74.
- 19 *Ворошилов В.В.* Журналистика: Базовый курс. СПб., 2004. С. 319.
- 20 *Мельник Г.С.* Указ. соч. С. 12.
- 21 *Цвик В.Л.* Указ. соч. С. 256.
- 22 Там же. С. 275.
- 23 *Мельник Г.С.* Указ. соч. С. 140.

С.Ю. Сидоренко

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ СПЕЦСЕМИНАРА
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПРОЦЕССА»

В статье рассмотрен опыт организации спецсеминара на факультете журналистики РГГУ, посвященного актуальным проблемам современного художественного процесса. Основная задача семинара – исследование процессов в современном искусстве как необходимый компонент обучения будущего журналиста.

Ключевые слова: современное искусство, культура, художественный процесс.

Идея возникновения спецсеминара «Актуальные проблемы современного художественного процесса» на Факультете журналистики Института массмедиа РГГУ была продиктована, в общем-то, достаточно очевидной мыслью о том, что современный журналист должен внимательно относиться к анализу актуальных тенденций и процессов, происходящих в культуре и, в частности, в искусстве.

Интересно, что понимание необходимости комплексного анализа современного искусства для полноценного воспитания специалиста в самых разных областях человеческой деятельности проявляется сегодня нередко. Так, на Международной научно-практической конференции «Подготовка научных кадров высшей квалификации с целью обеспечения инновационного развития экономики» (Минск, 2006 г.) не раз озвучивались идеи, подобные реализованной в РГГУ. В частности, директор Национального художественного музея Республики Беларусь В. Прокопцова в докладе заметила, что «художественная культура, искусство, особенно искусство XX в., дает многочисленные примеры межвидовой, внутривидовой, межродовой, межжанровой, формообразующей интеграции»¹.

Такой подход находится на стыке культурологии, философии, эстетики, психологии, логики – дисциплин, изучаемых в университете, что в значительной степени облегчало задачу автора (организатора спецсеминара).

Семинар на Факультете журналистики РГГУ существует четвертый год, и ежегодно в нем занимаются 20–25 студентов (четвертого года обучения).

С.Ю. Сидоренко

I семестр занятий в основном строится как лекционный. В это время формулируются основные понятия, которые необходимы для анализа современного искусства. Такой анализ и составляет основную часть семинарского курса. На основании его выявляются главные тенденции сегодняшнего художественного процесса. Студенты подробно знакомятся с жанром рецензии, между прочим, переживающим сегодня определенный кризис в СМИ, и сами рецензируют произведения литературы и искусства, в которых, с их точки зрения, наиболее ярко выражаются выявленные тенденции.

Во II семестре каждому из слушателей предлагается провести диспут на избранную им тему из круга проблем, обсуждаемых на семинаре. Все эти годы меня как руководителя семинара поражал выбор тем, поднимаемых современными молодыми людьми, но перед тем, как перейти к их анализу, хотелось бы кратко обозначить круг понятий, на основании которых строится теоретическая часть работы, и основные тенденции, выявленные в процессе анализа современного искусства.

* * *

Как известно, дать краткое и общепринимаемое определение понятию «культура» практически не представляется возможным. Дело еще и в том, что слово «культура» имеет в зависимости от контекста употребления множество смысловых оттенков: «культура поведения», «физическая культура», «сельскохозяйственная культура», «министерство культуры» и т. п.

Первым по времени считается определение английского этнографа Эдварда Тайлора, который считал, что «культура складывается в своем целом из знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества, приобретаемых человеком как членом общества»². В 1952 г. даже появилось специальное исследование американских антропологов К. Клахтона и А. Кребера, где подробно проанализировано и классифицировано 164 дефиниций понятия «культура»³. На сегодняшний день – их более 500.

Автор предлагает принять следующее, почти тайлоровское определение: культура – это система принятых конкретной общественной группой общих понятий, своеобразных «договоренностей» о способе сосуществования ее членов. Действительно, каждый из нас, будучи представителем (носителем) той или иной культуры (или культур!), знает, на каком языке он должен объясняться внутри определенной группы, какую одежду носить, какую пищу преимущественно употреблять, какие морально-этические нормы соблюдать и т. д.

Важно понимать, что все мы – и объекты определенной культуры, т. е. подвержены влиянию этих самых «договоренностей», и субъекты, т. е., являясь ее частью (множеством частей!), мы ее в конечном итоге и формируем. Принимая все «договоренности» существования внутри определенной культуры (язык, обычаи, пища, одежда и проч.), любой из нас влияет на содержание той или иной (или иных) из перечисленных составляющих.

Не менее важно, что культура – субстанция не статичная, она существенно изменяется во времени. Конечно, в культуре есть некие константы (литературный язык, культурные ценности прошлого и т. п.), но постоянное изменение общественной ситуации, все возрастающее взаимовлияние различных культур и т. д. делают ее структурой, постоянно меняющейся, своеобразным потоком. То есть во многих ситуациях имеет смысл говорить не о «культуре», а о «культурном процессе».

Внутри этого потока столь же динамично существуют поток: «искусства» – «художественный процесс» – специфический способ обработки культурной информации. И наука, и искусство изучают один предмет – жизнь, но, как пишет И. Роднянская, при этом «гегелевская и послегегелевская эстетика (в том числе В.Г. Белинский) широко использовала категорию художественного образа, соотносительно противопоставляя образ как продукт художественного мышления результатам мышления абстрактного, научно-понятийного – силлогизму, умозаключению, доказательству, формуле»⁴. Проще говоря, наука оперирует понятиями, а искусство – образами, чувственными аналогами описываемого явления. Как писал Ю. Лотман, «искусство – всегда возможность пережить непережитое, вернуться назад, переиграть и переделать заново. Оно есть опыт того, что не случилось. Но того, что может случиться»⁵. То есть искусство представляет человеку «модель жизни»⁶, созданную талантом автора, творца – своеобразный художественный концентрат его впечатлений.

Он, главный герой «художественного процесса», – будучи наделенным особыми свойствами, которые мы и называем «талантом», способен таким образом «пропустить через себя» впечатления окружающей действительности, что созданное им произведение искусства становится своеобразным «концентратом» общественных настроений, явлений жизни его времени. Этот «концентрат» становится чрезвычайно информативным. Но информативен он по-особому. Важно, что художник с помощью художественных образов обращается к чувственному миру человека, в значительной степени, к его подсознанию, надевая эту информацию дополнительной степенью воздействия.

Каждая эпоха в нашем сознании ассоциируется с тем или иным видом искусства: эллинская – со скульптурой и архитектурой, Ренессанс – с живописью, XIX век – с литературой, век XX – с кинематографом. Конечно, эти ассоциации весьма поверхностны, но тем не менее выявляют определенные закономерности нашего восприятия той или иной эпохи. Американский культуролог Мартин Говард совершенно справедливо полагает, что «сегодня большинство людей добровольно выбрали телевидение в качестве основного источника информации об окружающем мире»⁷.

Ни одно из искусств сегодня не может поспорить с телевидением ни объемом аудитории, ни степенью воздействия на общественные настроения. И, как раньше революционеры всех мастей в первую очередь «брали телеграф», сегодня они начинают с захвата телевидения.

С.Ю. Сидоренко

Поэтому сегодня роль телевизионного журналиста в общественной жизни как никогда важна и ответственна. И он, как никогда и ни в каком другом искусстве, должен находиться в контексте окружающей его действительности. И в этом смысле он не может игнорировать ход художественного процесса. Ведь журналист (в первую очередь – телевизионный) как объект культурного процесса подвержен его влиянию, а как субъект – довольно серьезно его определяет.

* * *

Как уже было сказано, на семинаре вначале рассматриваются самые заметные явления последнего времени в различных видах искусства. На основании их анализа делаются выводы о наличии той или иной тенденции развития этого вида. Тенденции сравниваются между собой, и, как правило, обнаруживается, что они характерны не только для одного вида, а в значительной степени для всего спектра искусств.

Как справедливо заметил американский антрополог и культуролог Франц Боас, «все разновидности форм, мировоззрения и практики человеческого общества обнаруживают в процессе его развития ряд общих коренных признаков»⁸. Параллельно с анализом отдельных, как сейчас иногда говорят, артефактов и общих тенденций делаются выводы, применимые в практической деятельности журналиста.

Так, говоря о театре, важно понимать, что главной особенностью его сегодняшнего состояния является многообразие форм существования. Если всего лет 20–25 тому назад отечественный театр был на 99% репертуарным и в значительной степени традиционным, а знакомство с лучшими образцами зарубежного театра для рядового зрителя было минимальным, то сегодня и репертуарный театр постоянно открывает для себя новые формы художественной выразительности, и театр антрепризный (труппа формируется на один спектакль) поражает числом постановок, и, что особенно характерно для сегодняшнего дня, возникает немало замечательных экспериментальных трупп. Проводится все больше и больше (и не только в Москве и Санкт-Петербурге, как это было до недавнего времени!) театральных фестивалей, конкурсов, гастролей зарубежных и отечественных трупп.

В сегменте традиционного репертуарного театра в Москве продолжают работать такие крупнейшие мастера, как Марк Захаров («Ленком»), Петр Фоменко («Мастерская Петра Фоменко»), Юрий Любимов («Театр на Таганке»), в Петербурге после ухода из жизни Г. Товстоногова, Ю. Владимирова и др., зародилась «новая питерская школа режиссуры»: Ю. Бутусов, Ю. Галибин, А. Тростянецкий, А. Дитятковский, с приходом на пост художественного руководителя Ю. Фокина преобразился Александринский театр. В рамках, так сказать, «академического» театра в последнее время возникают явления, позволяющие утверждать, что театр сегодня может – вопреки сложившемуся стереотипу представлений – быть экономически самоокупаемой системой (без ущерба для художественного уровня!). Яркие примеры – МХТ им. Чехова времен О. Табакова и театр «Сатирикон», возглавляемый К. Райкиным.

Что касается театра антрепризного, несмотря на многочисленность возникающих спектаклей, художественными свершениями здесь похвастаться сложно. Кроме печально памятного «Норд-Оста», «Орестеи» и «Гамлета» Питера Штайна и нескольких постановок Деклана Донелана вспомнить, наверное, и нечего. И все названные спектакли – не работы вчерашнего дня.

Зато в театре экспериментальной ситуации, наверное, можно сравнить со взрывом: театров возникает множество, они имеют разную художественную программу, из театральной жизни уходит немало табу (что не всегда облагораживает театр).

Например, в театральной жизни буквально ворвался актер-режиссер-писатель Евгений Гришковец. Его театр на театр вообще непохож: на сцену выходит небритый, слегка картавящий молодой человек и один на один рассказывает залу истории из своего детства, службы на флоте и т. п. Рассказывает с юмором, не стесняясь повторов и оговорок – одним словом, так, как рассказывают что-то друг другу вечером на кухне или на работе в курилке. За полтора часа спектакля-рассказа герой становится тебе по-настоящему близок. Любопытно, что текст, кажущийся чистой импровизацией, издан и оказывается точно выписанным. На спектаклях Гришковца ощущение спектакля исчезает. Любопытно, что Гришковец играл свои спектакли за рубежом, на нескольких крупных театральных фестивалях, и даже языковой барьер не лишил зрителя ощущения разговора с глазу на глаз.

Родившийся на Западе тип драматургии Verbatim – складывание сценического текста из реальных слов и фраз, услышанных в обыденной жизни – привел в России к созданию Театра.doc и ряду неожиданных результатов. Так, спектакль, в котором просто читались реальные письма времен Великой отечественной войны, потрясал. Дело в том, что авторы собрали письма девушек, писавших возлюбленным на фронт, еще не зная, что их адресаты погибли. В театре менее, чем на 100 мест, когда актеры находились на расстоянии вытянутой руки от зрителя, эффект был ошеломляющим.

И спектакли Е. Гришковца, и работы Театра.doc ярко заявили о тенденции приближения актера к зрителю, желании уничтожить привычный эффект «нереальной жизни» на сцене театра. Хотя, если разобратся, такое стремление есть не что иное как развитие взглядов на современный театр К. Станиславского⁹.

Привлекают внимание новые течения в театре, где слово либо не играет существенной роли, либо отсутствует вовсе. Пример весьма успешного театра – «Degevo», родившегося в Петербурге, долгое время работавшего в Праге, а сейчас базирующегося в Дрездене – говорит о желании «творца и зрителя общаться на каком-то эзотерическом, медитативном уровне»¹⁰. Создатель театра Антон Адосинский и его актеры не боятся погружать зрителя в протяженные во времени звуковые и пластические построения, которые магнетически приковывают внимание, захватывают красотой и отстраненностью от реальности.

С.Ю. Сидоренко

Примеров можно приводить множество, но очевидна тенденция расслоения театральной жизни на массово доступную составляющую и так называемый арт-хауз – экспериментальные работы, аудитория которых не так широка, но, как выражаются современные молодые люди, «продвинута».

Итак, говоря о театре, мы на семинаре обнаружили стремление современного художника как бы стереть границу между собой и зрителем, максимально приблизиться к нему. Сегодня даже есть театры, где действие разворачивается с участием зрителей. Например, в знаменитом спектакле бразильской труппы «Вертижень» под руководством Антонио Араужо «Книга Иова», показанном в Москве на одном из Чеховских фестивалей, или в спектаклях петербургского театра АХЕ зрители перемещаются вместе с героями по специально организованному пространству, принимают участие в некоторых сценах...

Это стремление максимально приблизиться к зрителю, слушателю, читателю обнаружится при рассмотрении примеров и из других видов искусства, но для слушателя семинара вся совокупность тенденций раскрывается постепенно, при переходе от рассмотрения одного вида искусства к другому.

Кинематограф сегодня, в отличие от театра, – искусство, где как нигде сильна бизнес-составляющая. Недаром успех фильма оценивается кассовыми сборами от его проката. Приходят к такому способу оценки и в России, где сегодня зритель вернулся в кинотеатры.

Несмотря на то, что и в кино остается существенным своеобразный *haut couture* («фестивальное кино», арт-хауз), главный акцент сегодня очевидно смещен в сторону кинематографа *prêt-a-porter* (кино популярного). Причем сегодня это не всегда набор непритязательных американских боевиков и французских молодежных комедий. Речь идет о фильмах, привлекающих в кинозалы миллионы зрителей. И здесь, не вдаваясь в обсуждение художественных достоинств, нельзя не отметить прорывное значение появления отечественных блок-бастеров. «Ночной дозор», «Дневной дозор», «9 рота», «12» собирали аудиторию больше, чем «Гарри Поттер» или «Горбатая гора». Эта тенденция дает надежду на то, что в России сложится ситуация, подобная американской, когда киноиндустрия не будет нуждаться во внешних инвестициях, а доходы от блок-бастеров будут давать возможность жить кино экспериментальному.

Тем более, что кино «не для всех» в России не умирало в самые тяжелые для него 90-е годы. А в начале нового столетия появились «Возвращение» Андрея Звягинцева, «Вдох-выдох» Ивана Деховичного, «Четыре» Ильи Хржановского, которые не могли привлечь в кинотеатры десятки тысяч зрителей, но обозначили столь важную для искусства тенденцию преемственности традиций российского интеллектуального кино, традиций поиска новых средств выразительности.

Другая заметная тенденция современного этапа развития отечественного кинематографа, особенно громко заявившая о себе в самые последние годы – появление работ остросоциальных, страстно сигнали-

зирующих о неблагополучии в обществе. «Груз 200» Алексея Балабанова, «Простые вещи» Алексея Попогребского, «Русалка» Анны Меликьян, «Глянец» Андрея Кончаловского из-за своего иногда чрезмерно обличительного пафоса оказались «несъедобными» для зрительской аудитории, а в случае с «Глянцем» – и для критики. Рассматривая отечественный, условно говоря, некоммерческий кинематограф, несложно заметить, что и к нему можно отнести особенность, замеченную в разговоре о театре: автор хочет приблизиться к зрителю, заострить проблемы, волнующие каждого из нас.

На примере кинематографа особенно заметна еще одна тенденция развития современного искусства – снятие многих табу, многие годы казавшихся незыблемыми. В отечественном кино это и уже отмеченная свобода высказывания на остросоциальные темы, что в советские времена, естественно, было невозможно, это и свобода в обращении с материалом эротического характера, это и более «реалистичное» отношение к «табуированной» лексике, что иногда бывает органичным для художественного контекста, как, например, в фильме Кирилла Серебряникова «Изображая жертву».

На примере сегодняшней литературы, наверное, можно очевиднее, чем где бы то ни было, обнаружить тенденцию, важную для понимания всего сегодняшнего художественного процесса – так называемое «третье течение» – попытку примирить искусство массовое и элитарное.

Конечно, в русской традиции, наверное, никогда не иссякает поток высокоинтеллектуальной литературы, поднимающей важнейшие проблемы бытия, склонной к открытиям как в плане языка, формы, так и в плане острых тем жизни, но требующей от читателя определенного сосредоточения, да и знаний для понимания текста. Творчество Владимира Сорокина, Виктора Пелевина, Виктора Ерофеева, ряда более молодых авторов – яркий тому пример.

С другой стороны, с появлением рыночных тенденций в книгоиздании полки магазинов буквально завалены ширпотребом западного, а в последние годы и отечественного производства. Это «женские романы», детективы и их сумма – «женские детективы». Такие писатели, как Дарья Донцова, например, в своих интервью и выступлениях и не скрывают, что не стремятся в мир «высокой» литературы.

Возникшее в 1980-е г. на Западе (романы Дж. Фаулза, Х. Мураками, А. Перес-Реверте), наиболее ярко проявившее себя в романе Дэна Брауна «Код да Винчи» стремление захватить миллионную аудиторию, не поступаясь уровнем литературы и философского содержания, пришло сегодня и в Россию.

Блистательный проект Бориса Акунина «Новый детективъ» (буква «ъ» – авторская): на поверхностный взгляд – серия детективов с русским Холмсом по имени Эраст Фандорин в главной роли, на деле – почти филологическое исследование популярных жанров русской литературы начала прошлого века. Отличный язык, энциклопедическая образованность автора, точное знание исторических подробностей

делают романы о Фандорине и увлекательным чтением, и «пищей для ума и сердца», и познавательной литературой.

Примеры можно множить, суть в возникновении литературы, которая интересна массовому читателю, но, не заискивая перед ним, остается в сфере *haut couture*. Тенденция достаточно ярко проявляет себя и в театре, и в кинематографе, и, конечно, в музыке в творчестве Алексея Рыбникова, Исаака Шварца, Гии Канчели.

Изобразительное искусство всегда было несколько более элитарным, чем другие виды искусства. Под термином «изобразительное искусство» сегодня стоит понимать и живопись, и графику, и скульптуру, и фотографию, и ряд остросовременных форм, возникших в последнее время. В их появлении и заложена важная тенденция современного художественного процесса.

Любопытно, что официальное советское изобразительное искусство сегодня зачастую становится предметом арт-хауса. Так, в лондонской Тейт-галерее – центре современного искусства – зал советского плаката расположен среди залов остро авангардного искусства.

Поиск новых форм привел к возникновению необычных техник, равноправному существованию наряду с традиционным изображением нефигуративного, появлению таких принципиально новых форм, как инсталляция, перформанс, видео-арт.

Например, семья художников Колейчуков создает металлические инсталляции, полагая, что красиво выглядящая вещь должна хорошо звучать, и исполняет на своих объектах музыкальные произведения.

На первой Московской биеннале современного искусства, которая симптоматично называлась «Диалектика надежды», в находящемся в процессе ремонта корпусе Музея архитектуры им. Щусева была представлена инсталляция Кристиана Болтански «Призраки Одессы». Элементами инсталляции были только кирпичные («голые») стены зала, «военные» конусообразные абажуры ламп и черные двубортные пальто, тут и там развешанные в объеме зала, плюс полумрак и холод. Инсталляция создавала какое-то странное ощущение неуюта и сквозняка. Находясь в ней, зритель начинал чувствовать беспокойство и замороженность одновременно. Посетители, звуки шагов которых создавали «фонограмму» инсталляции, не могли громко разговаривать, находясь в ней. Составляющие инсталляции, точно рассчитанные и дозированные, складываясь, создавали невероятно мощный эффект.

Рамки настоящей статьи не позволяют привести примеры разбора на семинаре особенностей развития на современном этапе таких искусств, как музыка, телевидение, синтетических, но, как уже было сказано, из анализа отдельных видов делались выводы о тенденциях, характерных для всего художественного процесса.

Это:

- поиск новых форм зрелища;
- желание автора максимально приблизиться к своему зрителю-читателю-слушателю;
- новая социализация искусства;

- коммерциализация искусства;
- появление «третьего течения»;
- снятие многих табу;
- и, может быть, главное – равнодушие российского зрителя, его возвращение в кинотеатры, книжные магазины и библиотеки, театральные, концертные и выставочные залы, что говорит о востребованности искусства.

Любопытно возникновение новых форм коммуникации аудитории и произведений искусства. В первую очередь, это, конечно, Интернет, где можно найти и каталог интересной выставки, и текст книги (нередко еще до того, как она напечатана), и кинофильм, и музыкальное произведение. А можно создать нечто совершенно свое и выставить там, в Интернете, на всеобщее обозрение, и не просто выставить, а собрать отзывы других, как говорят в сети, пользователей. Интересно возникновение новых форм библиотек, объединенных с кафе, книжным магазином и т. п. Появился «Уличный буккроссинг» – движение, призывающее просто оставить прочитанную книгу на уличной скамейке или столике кафе: кто-то ее возьмет, прочтет и оставит следующему.

Блестяще спроецировал эти и другие современные художественные тенденции на практику сегодняшнего телевидения известный режиссер и педагог Игорь Беляев, символично назвав свою книгу «Спектакль документов»¹¹.

Важно заметить, что постоянной практикой семинара является обзор новой научной литературы, так или иначе связанной с теорией и практикой телевидения, другими проблемами, которые должны входить в сферу интересов будущих журналистов.

* * *

Перед слушателями семинара ставилась задача организовать среди своих коллег дискуссию по теме, которая, с одной стороны, смогла бы увлечь заданную, знакомую им аудиторию, с другой – позволяла бы применить те инструменты анализа, которые изучались на первых этапах работы семинара, и главное – позволяла бы сделать важные выводы для своей практической деятельности. Должен признаться, что выбор некоторых тем меня как руководителя семинара удивил и порадовал.

Студентка Евгения Аксенова (2006 г.) предложила обсудить «Идиомы китайского языка в отношениях мужчин и женщин» – тему, казалось бы, весьма далекую от проблем современного российского общества. Девушка, знающая китайский язык, рассказала, что даже современный китайский молодой человек на «лирические» темы будет говорить только языком поэтических образов. Например, признание в любви будет выглядеть как «Луна уже взошла, и цветок лотоса распускается в моей душе». Таким же будет и ответ: «Да, и мой небосклон усыпан звездами». То есть в практике подобных отношений сложилась система кодов, поэтизирующих любовные отношения. Студентка сравнила эту практику с лексиконом российских молодых людей, общаю-

С.Ю. Сидоренко

щихся на личные темы, и шире – с лексиконом телеведущих. Выводы были плачевными, а тема оказалось на редкость актуальной.

Тема выступления студента Дениса Соловьева (2007 г.) – «Поп-культура как форма социального протеста и связи этой культуры с благотворительностью (на примере благотворительной деятельности Мадонны)». Перед началом дискуссии он привел ряд впечатляющих примеров протеста поп-звезд против войны, насилия, бездуховности. Его доклад вызвал оживленную дискуссию об усыновлении детей видными представителями поп-культуры, что уже приняло на Западе характер тенденции, и других формах благотворительности, главным образом – по отношению к детям. Пресса и телевидение при обращении к теме поп-звезд чаще делают акцент на их личной жизни, скандалах, сплетнях и, говоря, например, о Мадонне, забывают о ее призывах к добру и любви, которые носят не абстрактный характер. Денис Соловьев был свидетелем визита Мадонны в московский детский дом, которому певица оказала серьезную материальную поддержку. Пафос выступления студента сводился к крайне важному сегодня тезису о необходимости самого широкого освещения социальной активности и благотворительности ряда поп-звезд, персон, которым многочисленная аудитория готова подражать.

Наталья Тарасова поразила меня докладом «Психоанализ и "Алиса в стране чудес" Льюиса Кэрролла». Большой дискуссии этот доклад не спровоцировал, но удивлял желанием студента посмотреть на широко известное литературное произведение и весьма подробно исследовать его с неожиданной стороны. К сожалению, широкая аудитория, и студенческая в частности, до сих пор однобоко воспринимает работы З. Фрейда, в советское время клейменного как апологета «нездоровой сексуальности». Н. Тарасова же сумела показать, что система шифров «Алисы» при взгляде на нее с позиций психоанализа может дать немало неожиданного как для анализа самого произведения, так и для понимания наших отношений с такими понятиями, как «архетип», «маска», «миф».

Любопытны последствия доклада на семинаре в 2006 г. Эльвиры Суздорф «Адаптация зарубежных программ к специфике российского телевидения». Тема вызвала дискуссию о месте зарубежных программ на наших телеканалах, и шире – о плюсах и минусах расширяющегося присутствия зарубежных образцов в культуре современной России, о проблемах глобализации культуры.

Годом раньше Илья Шебардин предложил обсудить причины и последствия «Япономании», охватившей Россию в последние годы. Как было замечено выше, процесс взаимовлияния разных культур совершенно естественен сегодня. Однако японская культура достаточно далека от русского менталитета и наших реалий жизни, и япономания – не простой интерес к экзотике в виде суши и японской анимации. В японской культуре очень сильна установка на традиционность, в значительной степени утерянная в современной русской культуре. К тому же стремление к созерцательности, упорядоченности, ритуальности привлекает внимание сегодняшних молодых людей, ощущающих идеологический вакуум в окружающем их обществе.

Однокурсница Шебардина Светлана Павлова анализировала моду на ретро. Она знакома с группой юношей и девушек, собирающих наряды своих бабушек и дедушек, пластинки с записями музыки их молодости. Собираясь вместе, молодые люди облачаются в одежду 20-х гг., танцуют под музыку того времени, пытаются общаться в соответствующей манере. Все эти акции не носят показной характер, они совершенно замкнуты внутри своей группы. Светлана Павлова справедливо полагает, что жизнь такого «кружка» – форма социального протеста молодых людей, демонстрация нежелания принимать правила игры, по которым живут сегодня их родители. С другой стороны, закрытость этого и подобных сообществ не дает ничего обществу, напоминая в каком-то смысле движение хиппи.

Весьма важной показалась мне дискуссия вокруг выступления Елены Титовой на тему «Клипное сознание». Феномен клипа, едва возникнув (хотя, строго говоря, возник он далеко не вчера), действительно породил существенный сдвиг в сознании людей, занимающихся кино и телевидением, и, как следствие, – их аудитории. Возникли целые телеканалы, которые 24 часа в сутки нон-стоп показывают видеоклипы, в кинематографе клип стал расхожим приемом. Массовое производство клипов приняло характер эпидемии, где, естественно, о художественном качестве говорить приходится довольно редко. С другой стороны, нельзя игнорировать востребованность аудиторией этого приема выразительности. В таких докладах и дискуссиях выводы для практической работы на телевидении выходят на первый план.

За недостатком места хочется хотя бы просто перечислить некоторые заданные студентами темы для анализа и обсуждения: «Проблемы экранизации литературных произведений» (Полина Егорова), «Важность детали в кинематографе» (Елена Редкозубова), «Музыка ретро-футуризма» (Сергей Ануфриев), «Дети индиго» (Екатерина Плотникова), «Нравы двора Британской королевы Елизаветы II» (Кристина Гостевская), «Сексуальность в культуре разных народов мира» (Мария Лукьянова), «Традиции трапезы в Древнем Риме» (Майя Хасая), «Зачем Ван Гог отрезал ухо» (Юлия Игнатьева), «Новояз российского Интернета» (Дмитрий Струговец), «Флеш-моб» (Карина Боброва). И это далеко не все.

Примечания

- 1 *Прокопцова В.* Инновации в художественном образовании как отражение процесса интеграции искусств // Материалы Международной научно-практической конференции «Подготовка научных кадров высшей квалификации с целью обеспечения инновационного развития экономики». Минск, 2006.
- 2 *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М., 1989. С. 18.
- 3 *Клахтон К., Кребер А.* Культура: Критический анализ концепций и дефиниций. М., 1992.

С.Ю. Сидоренко

- 4 *Роднянская И.* Художественный образ [Электронный ресурс] // Материал из Большой советской энциклопедии // Сайт «Cultinfo.ru: Культура в Вологодской области». – Электронные данные. – Вологда, 2008. – Режим доступа: <http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/120/043.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 14.09.2008.
- 5 *Лотман Ю.* О природе искусства // Лотман Ю. Об искусстве. СПб., 2005. С. 401.
- 6 Там же. С. 402.
- 7 *Говард М.* Мы знаем, что вам нужно: Как они влияют на ваше сознание. Екатеринбург, 2007. С. 74.
- 8 *Боас Ф.* Границы сравнительного метода в антропологии // Антология исследований культуры: Интерпретации культуры. М.; СПб., 2006. С. 509.
- 9 См., напр.: *Станиславский К.* Моя жизнь в искусстве. М., 2000.
- 10 Из записи беседы А. Адосинского с автором статьи.
- 11 *Беляев И.* Спектакль документов. М., 2005.

Библиография

Н.С. Егорова

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА:
СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ/
Пер. с англ., отв. ред. и предисл. В.В. Зверевой;
послел. В.А. Подороги – М.:
Фонд научных исследований
«Прагматика культуры», 2005. – 339 с.

Данное издание представляет собой сборник статей, в которых обсуждаются феномены и процессы массовой культуры. Авторы, исследователи из Великобритании, США, Канады и Австралии, принадлежат к разным академическим традициям и представляют различные области гуманитарного знания. Тексты для сборника, по словам переводчика, ответственного редактора и автора предисловия Веры Зверевой, были выбраны так, «чтобы читатель мог составить представление о том, как в настоящее время выглядит конвенциональное знание о массовой культуре» (с. 12).

В. Зверева в предисловии дает следующее определение массовой культуры: «Пространство массовой культуры образуют различные тексты, представляющие собой доступные "послания", передаваемые по каналам массовой коммуникации и рассчитанные на "средний" уровень смыслов. Такие тексты строятся на повторах, серийности, устойчивых клише. Они предполагают легкое узнавание, часто ориентированны на дидактику, на адаптацию к привычному порядку вещей. Определение "массовая" относится не только к тем или иным культурным продуктам, связанным со средствами их трансляции, – к телепередачам, музыке, или виртуальным сайтам, – но и к распространенным социокультурным практикам, таким как туризм, шопинг, походы на спортивные шоу и танцевальные вечеринки, смыслы которых соответствуют описанным выше критериям» (с. 12).

Если обобщить суждение авторов о «человеке массовой культуры» начала XXI века, то это активный потребитель (причем акцент делается именно на его творческой активности, способности вчитывать свои смыслы и преобразовывать то, что ему предлагает индустрия). Кроме того, это индивид эпохи информационных технологий, неотъемлемыми чертами которого становятся анонимность, бестелесность.

Авторы отмечают, что отличительной и наиболее пагубной чертой массовой культуры является ее свойство создавать (в основном средствами массовой информации) образы и замещать ими у потребителей продуктов этой культуры представление о реальности, определяя смысл жизни и представления о счастье индивида. Крис Гибсон и Ребекка Паган¹ в статье «Рейв-культура в Сиднее: картографирование

Н.С. Егорова

молодежных пространств в дискурсе средств массовой информации» отмечают роль, которую играют СМИ в конструировании нормативных социальных ограничений. «Усилия газет по репрезентации и непрерывному производству социальных пространств очень важны, поскольку предполагается, что “публичная сфера” формирует основу нравственного отношения к конкретным событиям в городе» (с. 248).

Статья Лоры Гриндстафф² «“Реальное телевидение” и политика социального контроля» посвящена обзору критики современного американского «трэш-телевидения»³, которое стирает привычные границы между действительностью и иллюзией, сбивая таким образом аудиторию с толку и манипулируя ее чувством реальности.

Недорогое в производстве и достаточно популярное, чтобы участвовать в рейтинговой игре, «трэш-телевидение» охватывает широкий диапазон современной телепродукции, основанной на «реальных событиях». К ней относятся шоу о работе полиции и службы спасения, выпуски таблоидных⁴ новостей, дневные ток-шоу, такие передачи, как «Я очевидец» и «Самое смешное любительское видео Америки». Передача «Их разыскивает Америка» предлагает зрителям испытать острые ощущения от стоп-кадров и замедленного произведения сцен изнасилований, перестрелок, резни и т. п. Л. Гриндстафф замечает, что изучение феномена «реального телевидения» пока не вызывает пристального интереса у исследователей, в то время как критики и более авторитетные средства массовой информации его осуждают как угрозу моральным устоям общества и противопоставляют «трэш-телевидение» серьезной телевизионной журналистике.

При этом Л. Гриндстафф в какой-то мере оправдывает феномен «трэш-телевидения»: «Оно выражает то, чего не хватает нашей культуре, а следовательно, и то, в чем она нуждается: мир, в котором раса, гендер и сексуальная ориентация не имеют никакого значения, где сложные социальные проблемы имеют индивидуальные, терапевтические решения, где отклонение легко узнается и быстро и справедливо наказывается. Или, возможно, еще глубже: где желание соединиться с другими людьми на разных уровнях приводит к возникновению сложного мифического электронного пространства, в котором нет столь незначительной детали, чтобы она не заслуживала описания, нет такой личной истории, чтобы она не могла быть рассказана для всех» (с. 86).

Ричард Джулианотти⁵ («**Футбол и средства информации в Великобритании как объект культурных исследований**») констатирует бурный рост в Великобритании футбольных средств массовой информации, вызванный в основном модой на футбол. Наряду со специализированными журналами для взрослых Р. Джулианотти также отмечает появление футбольных фэнзинов⁶, которые сегодня стали частью британской футбольной культуры и которым посвящена статья. Фэнзины существуют для того, чтобы дать возможность высказаться тем болельщикам, которые считают, что их взгляды не находят выражения в других, более традиционных средствах информации. Фэнзины играют активную роль в культурной политике футбола. Они, как правило, за-

нимают левоцентристскую или либеральную позицию по важнейшим вопросам, таким как расизм в футболе, сексизм, футбольное хулиганство, коммерциализация игры и охраняемые меры, принимаемые полицией во время матчей, новые законы и законопроекты по футболу. В некоторых случаях фэнзины могут обеспечивать поле свободной дискуссии, в рамках которой футбольные болельщики создают или выражают особое чувство культурной идентичности (с. 164–165).

Фэнзины, утверждает Джулианотти, также оказали сильное воздействие на средства массовой информации. Сегодня многие футбольные программы, идущие на национальном телевидении и радио, имеют свободный формат и воспроизводят стилистику фэнзинов. Они включают в себя забавные скетчи и комментарии по поводу футболистов и администрации. Существует множество «телефонных шоу», в которых болельщики могут позвонить и высказать свое мнение по вопросам, связанным с футболом. Явное влияние фэнзинов заметно в местной и национальной прессе. Некоторые газеты регулярно проводят интервью с авторами фэнзинов, интересуясь их мнением и точкой зрения. Форматы ряда газет, содержащих спортивные репортажи, заметно стали ориентироваться на фэнзины: они содержат больше рисунков, юмора и критики в адрес футбольных институтов (с. 170).

Большая часть статей сборника носит социологический характер и предоставляет интересные сведения. Однако назвать некоторые из них полноценными научными исследованиями можно только с натяжкой. Скорее они похожи на газетные статьи, где автор хочет экспромтом высказать некие соображения по любимой теме. Ответственный редактор сборника Вера Зверева высказала надежду, что «читатель сможет составить представление о том, как в настоящее время выглядит конвенциональное знание о массовой культуре». Но эту надежду можно считать оправдавшейся лишь в том смысле, что читатель может представить саму западную массовую культуру 1990–2000-х гг., для которой характерна забота о повсеместном гендерном и расовом равенстве, о чем не устает упоминать автор почти каждой статьи.

Примечания

- 1 Крис Гибсон – преподаватель Университета Нового Южного Уэльса (Сидней, Австралия); читает курс по городской и региональной географии. Ребекка Паган – сотрудник Австралийского Национального университета.
- 2 Лора Гриндстафф – профессор социологии Калифорнийского Университета, автор публикаций о современном телевидении.
- 3 Трэш (англ. *trash*, буквально, «мусор») – направление в современном искусстве (литература, кино, музыка), характеризующееся декларативной вторичностью и вульгарностью. Обязательными и желательными элементами трэша являются: использование большого количества штампов, затасканных идей, «модного» содержания и неоригинальных сюжетных линий (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>).

Н.С. Егорова

- 4 Таблоид – рассчитанная на широкий круг читателей малоформатная газета, публикующая сенсационные, низкопробные сообщения со множеством иллюстраций (Словарь по экономике и финансам – <http://www.glossary.ru/>).
- 5 Ричард Джулианотти – старший преподаватель факультета социологии университета Абердина (Шотландия).
- 6 Фэнзин (англ. *«fanzin»*, образовано от *«fan»* – фанат, любитель и *«magazine»* – журнал) – «любительский журнал».

А.С. Зайцева

MISOCH S. ONLINE-KOMMUNIKATION. –
Konstanz : UVK-Verl.-Ges., 2006. – 224 s.

Книга С. Мизох посвящена особенностям самого молодого средства массовой коммуникации – сети Интернет. Поскольку Интернет появился относительно недавно (в начале 80-х), работ, посвященных этой теме, пока немного. В основном эта тема интересует историков техники, психологов, социологов, теоретиков коммуникации и отчасти лингвистов, причем львиная доля научных работ написана американскими исследователями. В нашу страну технические новинки, как правило, приходят на несколько лет позже, так же получилось и с Интернетом: более или менее широкое распространение в России он стал получать с середины 90-х. Естественно, это не могло не отразиться на том, что российские исследователи только начинают уделять внимание различным аспектам компьютерной коммуникации. В Европе уже несколько лет держится «мода» на подобные темы, поскольку в современном мире компьютер и Интернет уже не просто средства для решения конкретных задач – это другой, «виртуальный» мир, который живет и развивается по своим законам, не зависящим от трехмерного мира. СМИ всё активнее стараются усилить свое присутствие во «всемирной паутине»: это дает не только новые возможности для предоставления информации, но и привлекает аудиторию со всего мира. Но что такое Интернет, по каким законам он живет и развивается, как изменяется коммуникация между индивидуумами? Эти вопросы сегодня становятся особенно актуальными. Для СМИ Интернет – обширное поле деятельности: один из самых простых и доступных способов быть услышанным по всему миру. Звук, изображение, текст – всё как будто привычное, но при этом функционирующее по своим законам. Об этих законах и рассуждает Сабина Мизох в книге «Онлайн коммуникация», основываясь на исследованиях из самых разных областей: социологии, лингвистики, психологии, теории коммуникации и, конечно же, философии. В данной работе С. Мизох анализирует, какое место занимает коммуникация, осуществляемая посредством компьютера, и каковы ее основные отличия от других видов коммуникации.

В первой главе книги выводятся основные понятия: «коммуникация», вербальная и невербальная; «знак» (сигнальная система, первичная и вторичная), «язык», устный и письменный; «медиа»; рассматри-

ваются основные функции медиа и их дифференциация, а также понятие «средств массовой информации». Мизох связывает лингвистическое и социологическое понятие коммуникации. «Таким образом, можно утверждать, что коммуникация в социологическом смысле – нечто большее, чем простая передача знаков от отправителя к получателю» (с. 10), т. е. она представляет собой «языковую деятельность», которая является одной из важнейших форм межличностных отношений. Также автор подробно останавливается на понятии «медиа»: в теории коммуникации «медиа» понимается, с одной стороны, как «генерированная посредством культуры и унифицированная система символов и знаков, служащая для передачи и сохранения информации», с другой стороны – это «все объекты, технические средства и конфигурации, которые могут содержать послания и посредством которых может осуществляться коммуникация» (с. 16). С точки зрения задействованных технических средств автором выделяются 4 класса медиа: 1) «первичные», которые не требуют технических средств (устная коммуникация); 2) «вторичные», требующие использования определенных технических средств только от адресанта (книга, газета); 3) «третичные», в которых при производстве и приеме необходимы специальные технические аппараты (телевидение, радио, телефон); 4) «четвертичные», предполагающие не только наличие технических аппаратов у участников коммуникации, но и связь этих аппаратов для осуществления интерактивной коммуникации на расстоянии (компьютер, Интернет). Понятие «средство массовой информации» автор определяет как «медиа, которые осуществляют передачу информации разнородной, четко не определенной группе людей на основе открытого доступа» (с. 21), при этом информация выборочна, реконструирована и интерпретирована.

Вторая глава книги посвящена аспектам коммуникации посредством компьютера. В такого рода коммуникации выделяются следующие технологические компоненты: с одной стороны – компьютер как средство ввода информации, с другой стороны – компьютер как средство приема информации и соединение компьютеров между собой (с помощью кабеля или беспроводной связи). Первая важная особенность онлайн коммуникации: Интернет позволяет осуществлять синхронную и асинхронную коммуникацию один на один, группы с группой и одного с группой пользователей. Второй важной особенностью является преодоление временных и пространственных барьеров: люди, в реальности живущие в разных концах планеты и общающиеся между собой, образуют своего рода «киберпространство», т. е. их нахождение в одном «пространстве» (например, chat-room) не имеет ничего общего с физическим присутствием, но при этом их коммуникация по своей структуре напоминает коммуникацию в первичных медиа (общение «с глазу на глаз»).

Третья глава книги фокусирует внимание на моделях соотношения канал/медиа. В ней автор рассматривает различные теории выбора канала, исходя из особенностей медиа: теорию социального присутствия (в этой теории на выбор медиа для коммуникации оказывают влияние

такие факторы, как психологическая дистанция между участниками коммуникации и возможность или невозможность осуществлять коммуникацию одновременно); теорию насыщенности медиа (медиа выбирается для коммуникации, исходя из таких аспектов, как быстрота реакции на сообщение (feed-back), широта вариативности символов, которые возможно передать, разнообразие языковых приемов и фокусировка на личность). Также автор рассматривает теорию синхронности медиа (насколько те или иные медиа позволяют участникам коммуникации решать стоящие перед ними задачи) и теорию электронной близости (пространственной и временной, на которую оказывают влияние множественность каналов, сложность, многообразие и объем информации, возможность интерактивной коммуникации, индивидуальные предпочтения, соблюдаемые правила коммуникации). Также Мизох разграничивает положительные и отрицательные стороны перевода информации и коммуникации в цифровой формат (т. е. «компьютеризирования» коммуникации), исходя из особенностей работы данного канала.

Четвертая глава, озаглавленная «Модели выбора медиа», посвящена социальным и психологическим аспектам использования или неиспользования тех или иных медиа для коммуникации. Здесь автор выделяет и объясняет различные модели выбора медиа: рациональную, социальную, символическую, интерперсональную и субъективную. «Обозревая многообразие медиа, – пишет Мизох, – которые сегодня доступны индивидууму, становится очевидным, что использование их для конкретных коммуникативных ситуаций ставит проблему выбора медиа» (с. 95).

В пятой главе основное внимание уделено тому, «какое влияние может оказывать онлайн коммуникация на поведение, коммуникацию, идентификацию и саморепрезентацию индивидов» (с. 115). Онлайн коммуникация в сети Интернет построена таким образом, что участники коммуникации не знают изначально ничего друг о друге. Это дает широкие возможности для симуляции: каждый может представляться тем, кем он на самом деле не является, потому что в киберпространстве нет людей как таковых, а есть лишь «шифрованные экзистенции» (с. 116). Симуляция в компьютерной коммуникации не только возможна, но практически невскрываема: сидящий за компьютером человек может надеть свою «шифрованную экзистенцию» другой внешностью, возрастом и даже полом. Однако подобная симуляция имеет не только негативные стороны (самая явная – обман других участников коммуникации), но и положительные. В этом автор усматривает проявления культуры постмодерна: человек стремится открыть свое Я и в то же время децентрализуется как субъект. На первое место выходят эмоции, чувства, настоящие мысли, которые человек не может проявить в реальной жизни, т. е. коммуникация посредством компьютера более открыта и эмоциональна.

Шестая глава книги посвящена теме выстраивания социальных отношений посредством сети Интернет. Основываясь на результатах исследований американских и немецких ученых, Мизох говорит о том,

А.С. Зайцева

что те, кто заводит друзей посредством всемирной паутины, как правило, стараются сохранять эту дружбу по возможности дольше, тем самым онлайн-общение, изначально построенное на минимальной возможности идентификации и максимальной психологической открытости, постепенно переходит в реальность. В Интернете существуют также виртуальные союзы, группы и объединения, которые могут существовать и в классической, «невиртуальной» форме (клубы по интересам, коммерческие сообщества, организационные сообщества, локальные группы). Онлайн-общение помогает им привлечь больше единомышленников, скорректировать задачи и найти методы их решения. Таким образом, Интернет – в том числе и социальная реальность.

Последняя глава книги дает краткий обзор «киберязыка» и рассматривает основные изменения, происходящие с языком в сети. Несмотря на тот факт, что коммуникация посредством компьютера в основном текстуальная, тексты при онлайн-коммуникации не являются таковыми в полном смысле слова: они представляют собой, скорее, устную речь, оформленную с помощью знаков. В такой речи часто наблюдаются отступления от правил: используются диалектные и разговорные слова, практически отсутствуют знаки препинания, избыточны междометия, эллипсисы, анаколумы, ономатопеи, акронимы и др. Фразы могут сопровождаться «смайлами», подчеркивающими эмоциональное состояние участников коммуникации и заменяющие собой элементы невербальной коммуникации. Характерными чертами «киберязыка» являются намеренный пропуск букв (чаще всего гласных), использование аббревиатур вместо стандартных выражений, цифр – вместо омонимичных слов или частей слов, «смайлов» – вместо описания эмоций. Этот процесс в основном затронул английский язык: например, «My summr hols wr CWOT. B4 we usd 2 go 2 NY 2C my bro, his gf & their 3:@ kds FTF» («My summer holidays were a complete waste of time. Before, we used to go to New York to see my brother, his girlfriend and their three screaming kids face to face») (с. 176). Однако автор практически не высказывает опасений по поводу влияния киберязыка на литературный язык, поскольку он используется внутри относительно малых групп.

В целом работа С. Мизох рассматривает очень актуальные для современной науки проблемы. К достоинствам данной работы можно отнести ее междисциплинарность, четкую структурированность, обилие наглядного материала (схем, графиков), а единственным серьезным недостатком можно назвать, пожалуй, отсутствие методологии (что характерно для большинства работ зарубежных авторов).

М.М. Захарова

*LEDBETTER K. TENNYSON AND VICTORIAN PERIODICALS:
COMMODITIES IN CONTEXT.* –

Aldershot: Ashgate, 2007. – 244 p.

[*Ледбеттер К.А.* Теннисон и периодика викторианской эпохи:
Предметы торговли и контекст.]

Доцент Техасского университета Кэтрин Ледбеттер – специалист по английской литературе викторианской эпохи. В 2005 г. она выпустила книгу¹, в которой исследовала комплекс проблем, связанных с особенностями функционирования издательского дела и процессом формирования литературных репутаций (главными «героинями» были женщины-писательницы: Мэри Робинсон, Летиция Элизабет Лэндон и др.). Ее новая монография посвящена сложным взаимоотношениям английского поэта Альфреда Теннисона (1809–1892) с современной ему периодикой.

Теннисон, поэт-лауреат, весьма неоднозначно относившийся к печатным СМИ, по подсчетам Ледбеттер, выпустил в свет около 62 поэм в более чем тридцати изданиях, причем в этот список входят только авторизованные тексты. Такое активное сотрудничество с прессой позволяет автору монографии назвать Теннисона «одним из первых меди-апоэтов» (с. 2). Насколько это характеристика отвечает действительности, не вполне ясно, поскольку исследовательница не дает определения данному понятию, а значит, читатель теряется в догадках: идет ли речь о современной ситуации в масс-медиа или автор говорит о СМИ викторианской эпохи.

Во введении Ледбеттер заявляет, что ее книга не относится к традиционным монографиям, рассматривающим Теннисона или его поэзию, книгу также нельзя отнести и к жанру биографии. Американская исследовательница пыталась применить междисциплинарный подход и соединить литературоведение, историю, социологию, историю журналистики.

Первая глава монографии посвящена раннему периоду в творчестве Теннисона, связанному с участием в ежегодных литературных сборниках, в 1820–1830-е гг. появлявшихся перед Рождеством и пользовавшихся популярностью. Ледбеттер следующим образом описывает их внешний вид: «Ежегодные издания были наподобие привлекающих внимание декоративных гостиных: покрытые блестящим красным муаром, тисненные сафьяновой кожей или вельветом, с гравюрами, выполненными известными художниками... и отделами прозы и поэзии, представленными практически всеми значительными писателями вто-

М.М. Захарова

рой четверти девятнадцатого века» (с. 7). Непосредственные участники ежегодников (В. Скотт, С.Т. Колридж, У. Вордсворт, Ч. Диккенс, Дж. Рескин, У.М. Теккерей и др.) относились к ним крайне пренебрежительно, считая низкопробной заменой книгам. Тем не менее, именно благодаря такого рода изданиям Теннисон получал доход и обрел впоследствии ту часть читательской аудитории, которая была представлена женщинами, принадлежащими к среднему классу.

Вторая глава повествует о конфликте между потребностью Теннисона в финансовой независимости, его желанием быть известным и романтическими представлениями о поэте-пророке (с. 46). Теннисон неоднократно говорил о своей ненависти к периодическим изданиям, к агрессивной коммерческой политике редакторов, но при этом сам использовал любую возможность издаваться. Говоря о Теннисоне, Ледбеттер употребляет такой термин, как культурная икона, замечая, что ограничиться понятием литературной фигуры в данном случае невозможно. Она делает вывод: поэт и периодика были равноправными партнерами в процессе формирования иконографии и идеологии, в центре которой находился Теннисон. В таком контексте и личность поэта, и его поэмы, как и издания, где они выходили, становились товаром.

Однако, как представляется, автор монографии переносит сегодняшнюю ситуацию в культуре, связанную с феноменом поп-культуры, на викторианскую эпоху. Во многом это обусловлено теоретическими подходами, на которые опирается исследовательница. Ледбеттер причисляет себя к сторонникам культурных материалистов, марксистов и последователей «нового историзма».

Третья глава рассказывает о политической поэзии Теннисона, вышедшей в периодических изданиях. В частности, автор повествует об истории публикации и восприятия поэмы «Атака легкой кавалерии», посвященной Балаклавскому сражению. Как указывает исследовательница, это произведение, «содержащее закодированную информацию о неудачном нападении 1854 г., приведшем ко многим смертям», на данный момент зачастую представляет собой единственное, что помнит обыватель о Крымской войне 1853–1856 гг. «Без поэмы кампания стала бы не более, чем подстрочным примечанием к длинной истории военных просчетов» (с. 103).

Четвертая глава посвящена публикациям писателя уже в статусе поэта-лауреата (1850–1892 гг.). В этой роли Теннисон был намного активнее его предшественников², что не могло не устраивать королеву Викторию, которая так же, как и поэт, рассматривается в качестве одного из наиболее популярных в медиасреде объектов. Более того, в отношении королевы употребляется термин «первый медиамонарх» (с. 144).

Последняя глава оказывается несколько в стороне. Она связана с литературной репутацией Теннисона в США и его сотрудничеством с американскими журналами и газетами. Ледбеттер считает, что поэта гораздо больше любили и ценили именно в Новом свете, он «стал американской иконой» (с. 170). Тем не менее, это не помешало обращаться с его творчеством так же, как и в Англии: «Теннисон был озабочен поте-

рей контроля над издательскими правами и доходами, получаемыми от американских изданий» (с. 172).

Как показывает Ледбеттер, история публикации произведения зачастую представляла собой прямое нарушение авторских прав, на соблюдение которых издателями надеяться не приходилось, особенно если речь шла о газетах и журналах. Например, Ледбеттер приводит случай, произошедший с появлением отрывков из поэмы «К У.Ч. Макреди»³ (3 марта 1851 г.) в газете «Таймс». Поэма появилась на страницах как часть речи Джона Форстера⁴ по случаю ухода актера со сцены. Самое интересное же случилось позже, когда речь Форстера с фрагментом произведения Теннисона перепечатали практически все более или менее крупные периодические издания, что позволило составителям «Кембриджской библиографии английской литературы» отнести «К У.Ч. Макреди» к текстам, отданным поэтом для печати в прессе.

Более того, анализируя зависимость рецепции текста читателем от формата издания, наличия или отсутствия иллюстраций, местоположения произведения, Ледбеттер демонстрирует, что редакторы вырезали или вставляли строфы в соответствии со своим представлением о том, сколько места поэзия должна или может занимать на странице.

Надо заметить, что подобную ситуацию в печатных СМИ можно было встретить в это же время и в России. Достаточно вспомнить всем известного О.И. Сенковского, редактора журнала «Библиотека для чтения», нещадно правившего, кромсавшего и дописывавшего тексты, принадлежащие молодым авторам⁵ (притом, что к известным литераторам Сенковский всегда относился с осторожным уважением, и не то что не осмеливался вырезать части из поэмы, – строчки не менял).

Судя по монографии Ледбеттер, с английским поэтом так не церемонились, воспринимая самого Теннисона и его творчество как товар, что свидетельствует о большей коммерциализации издательского процесса, но отнюдь не о наличии четко установленных и соблюдаемых правил в области авторского права и издательского дела.

Примечания

- ¹ *Ledbetter K.* «Colour'd Shadows»: Contexts in Publishing, Printing, and Reading Nineteenth-Century British Women Writers. N.Y., 2005.
- ² Теннисон стал поэтом-лауреатом после У. Вордсворта (1843–1850).
- ³ Уильям Чарлз Макреди (1793–1873) – известный английский актер и театральный деятель.
- ⁴ Джон Форстер (1812–1876) – писатель, друг и биограф Ч. Диккенса. Именно через Форстера Теннисон познакомился с Диккенсом, считавшим его одним из лучших поэтов современности и назвавшим в его честь сына.
- ⁵ Также Сенковский поступал и с зарубежными писателями. Показателен пример, связанный с публикацией «Отца Горио» О. Бальзака. Издатель «Библиотеки для чтения» полностью изменил концовку романа.

В.Н. Ершова

WOMEN IN PRINT: ESSAYS ON THE PRINT CULTURE
OF AMERICAN WOMEN FROM THE NINETEENTH
AND TWENTIETH CENTURIES/
Ed. by James P. Danky and Wayne A. Wiegand. – Madison; London:
The University of Wisconsin Press, 2006. – 334 p.
[Женщины в Печати: Сборник статей
об американских женщинах
в мире Печати XIX и XX веков.]*

Книга включает статьи, отобранные редакторами среди докладов конференции «Женщина в Печати», организованной в 2001 г. Университетом Висконсина и Центром изучения Печати в современной Америке.

Сборник разделен на четыре части. В первой представлена ключевая статья конференции «Соединяя жизни: Женщины и Чтение, тогда и сейчас» Барбары Сичерман. Это – историографическое исследование, в котором автор анализирует своеобразные взаимоотношения женщины и «культуры чтения» в самом широком контексте истории Печати. Рассматривая современные культурные тенденции, Сичерман находит признаки «воскрешения чтения» в начале XXI в. и видит женщин в центре этого процесса.

За вступлением Сичерман следуют 10 статей, разделенные на три раздела. В первом, озаглавленном «Печать ради цели. Женщины – редакторы и издатели», представлено 4 статьи: Кристин Блумберг «Культурная критика и развитие сознания: Клара Бевик Колби, «Woman's Tribune» и радикальный феминизм конца XIX века», Джун Ховард «Ее почерк выглядит так, как если бы она владела Землей». Элизабет Джордан и редакторская власть», Тэрри Кастанеда «Новости: Мари Потс и «Smoke Signal» Объединенных Индейцев Калифорнии», Тони Самек ««Booklegger Press», первое американское библиотечное издательство, принадлежавшее женщине».

Кристин Блумберг обращается к биографии Клары Б. Колби, издателя «Women's Tribune» с 1883 по 1909 г. Блумберг рассматривает издание в контексте истории развития радикального феминизма с Конвенции в Сенеке Фолс (первого в США съезда, посвященного правам женщин, 1848 г.) и до принятия 19-й поправки (1920 г.). На страницах «Tribune» Колби пыталась соединить традиционную женскую культуру и феминизм, который, как она надеялась, приведет к настоящему равенству женщин и мужчин. Джун Ховард исследует карьеру Элизабет

* Книга доступна на сайте Университета Висконсина: <http://parallelpres.library.wisc.edu/books/print-culture/women-in-print.shtml>

Джордан, издательницы «Harper's Bazar» с 1900 по 1913 г. и автора двух романов: «The Whole Family» (1908) и «The Sturdy Oak» (1917). В своем журнале Джордан соединяла публичный мир и домашний, коммерческую и культурную сферы, пытаясь открыть женщинам доступ в профессиональный мир. Статья Тэрри Кастанеда посвящена издательнице «Smoke Signal» Мари Мэсон Потс. «Smoke Signal» – периодическое издание, представлявшее интересы Объединенных Индейцев Калифорнии, издавалось с 1948 по 1978 г. При помощи «Smoke Signal» Потс способствовала осознанию калифорнийскими аборигенами уникальности их культуры и обретению чувства собственного достоинства. В то же время Потс моделировала образ поведения для последующих американских индейских редакторов. Тони Самек показывает, как работница Публичной библиотеки Сан-Франциско Селест Вест основала в 1972 г. издательство «Booklegger Press», чтобы через журнал «Booklegger Magazine» формулировать альтернативную концепцию библиотеки. На страницах своего издания Вест продвигал новую профессиональную идеологию, согласно которой библиотеки должны предлагать «нейтральный» сервис и формировать коллекции, охватывая «разные точки зрения». В приложении к «Booklegger» издательство выпустило «Revolting Librarians» (1972), сборник из 40 эссе на разнообразные темы, демонстрирующие предубеждения, существующие в профессии библиотекаря. «Revolting Librarians», много раз подвергавшийся критике, обозначил начала критического анализа в библиографической литературе.

Во втором разделе «Женщины в мире книг» размещены три эссе: Мишель Клунак «Эллис Милард и “Дух Вкуса и Красоты”», Джейн Айкин «Женщины и интеллектуальные ресурсы. Интерпретирование культуры печати в Библиотеке Конгресса», Кристин Паулей «“Шумная малышка”, “Маленький бастард”. Женщины, печать и Региональная библиотека в Door-Kewaunee, 1950–52».

Мишель Клунак исследует карьеру калифорнийского «продавца книг» Эллис Милард, воинственного арбитра «высокого вкуса в мире книг среднего уровня». В 1920-х Милард была единственной женщиной в Америке, организовавшей антикварный книжный магазин. Милард проповедовала и прививала обществу «дух хорошего вкуса», который редко встречался в книжном мире в начале XX в. Джейн Айкин исследует социальный феномен женщин-библиографов, которые в начале XX в. работали в Библиотеке Конгресса. Эти женщины создавали правила и практики, которые повлияли на всю библиотечную систему и на мир книг в целом. Они начали применять инновационные способы каталогизирования и библиографии, которые, например, позволили писательницам «стать видимыми». Эти библиографы первыми начали отражать в каталогах все фамилии женщин-писательниц (в девичестве и после замужества). Кристин Паулей описывает спонсорский проект середины XX в. – Wisconsin Free Library Commission, который организовал сервис «мобильных библиотек» в сельских районах. С помощью этого проекта организаторы хотели показать деревенским жителям, «что библиотека – это важный информационный ресурс». Одно-

В.Н. Ершова

временно они стремились сбалансировать половой состав пользователей (среди которых традиционно больше женщин и детей), то есть привлечь мужчин. Во время этого опыта количество пользователей библиотеки увеличилось на 160%, но большинство из «новичков» по-прежнему были дети, а из взрослых – 95% женщин-фермеров и учительниц сельских школ, которых привлекало именно то, что библиотеки были организованы женщинами.

Если в первых двух разделах сборника внимание авторов сфокусировано на женщинах, которые своей работой стремились изменить мир Печати, то в третьей заключительной части («Сила центрифуги. Гендерная организация печати») представлены женщины-авторы, которые использовали печать, чтобы изменить жизнь других женщин. Здесь объединены статьи: Джоан Пасет «Сила Печати. Лоис Вайсбрукер и “Grassroots Feminism”», Сара Робинс «Женщины для женщин. Гендерная печать в нарративах американского миссионерского движения», Нэнси Унгер «Когда Женщины осуждают человеческую расу». Женская колонка Бель Касс в “La Follette” атакует Цветную Линию».

Джоан Пасет посвятила статью Лоис Вайсбрукер, которая в течение 40 лет после Гражданской войны издавала книги и периодические издания о женской сексуальности и правах женщин. Когда она была арестована в 1894 г. за нарушение Комстокского Акта (закона о распространении порнографических материалов 1873 г.), Вайсбрукер заявила: «Если тюрьма поможет моему делу, то я готова». Джоан Пасет обращает внимание на то, что Вайсбрукер и ее поступки стали своеобразным центром, вокруг которого сплотились географически разбросанные общества читательниц, подавленных «патриархатом». Сара Робинс анализирует несколько религиозных миссионерских журналов конца XIX в., обращенных к женской аудитории, и обнаруживает, что авторов и читательниц объединял набор общих социальных убеждений и целей, что может говорить о формировании своеобразного сообщества. Например, пресвитерианский ежемесячный журнал под названием «Женщины для женщин» активно предлагал место на своих страницах «домашним письмам» и другим материалам читательниц. Статья Нэнси Унгер посвящена Бель Касс, журналистке «La Follette's Magazine», которая при помощи своей колонки стремилась влиять на общественное мнение. Она призывала женщин (которые до 1920 г. были лишены права участвовать в выборах) выступить в защиту афроамериканцев, другой подавляемой группы. Ее отказ прекратить критиковать «расизм некоторых белых сестер», последовательность и упорство свидетельствуют о широте взглядов на гражданские права. Больше всего Бель Касс возмущалась попытками администрации Вудро Вильсона разделить федеральные организации по расовому признаку. Нэнси Унгер приходит к выводу, что администрация Вильсона не смогла этого сделать во многом из-за Бель Касс, которая постоянно критиковала ее действия в «La Follette's Magazine».

Интересно, что все статьи в сборнике, посвященные какой-то конкретной науке (истории, литературе, религии, социологии), объеди-

нены новыми междисциплинарными приемами, ставшими традиционными для изучения Печати, а также свойственными гендерным исследованиям. Это несомненно оживляет сборник, делает его более интересным и ценным с научной точки зрения.

Некоторые статьи представляют индивидуальные отношения женщин с миром Печати (например, редакторство Клары Колби в «Women's Tribune» в период становления радикального феминизма или новаторство Милард, которая распространяла «Дух Вкуса и Красоты» при помощи антикварных книжных салонов). Остальные статьи фокусируются на группах (женщины-миссионеры и их издания, первая когорта женщин-библиографов в Библиотеке Конгресса) или на программах (сельские библиотеки и программа «мобильные книги» в Висконсине). Но все эти исследования можно смело назвать «кейс-стади» (детальными исследованиями определенных объектов).

Одна из центральных тем большинства материалов сборника – «домашний мир» как жизненный опыт и идеология. Почти все статьи исследуют период американской истории, когда женщина была неразрывно связана с этой силой. Исследования выделяют комплекс отношений между «домашним миром» и публичной сферой, где печать выступает как посредник, соединяющий эти области. И несмотря на то, что в некоторых статьях «домашний мир» предстает как ограничение или даже тюрьма для женщины, многие героини своей судьбой доказывают обратное. Именно «домашний мир» становится для них ресурсом, с помощью которого они выходят в публичную сферу, добиваясь успехов на работе. Например, Лоис Вайсбрукер, выйдя замуж в 17 лет за нелюбимого человека из-за беременности, была вынуждена работать служанкой вплоть до смерти мужа. Именно поэтому в публицистику она вошла как непримиримый борец за сексуальную свободу и противница женского рабства в браке. Но при этом образование, необходимое для прыжка в публичную сферу, Вайсбрукер получила от женщины, у которой она работала служанкой.

Проанализировав сборник в целом, можно сделать несколько основных выводов.

Во-первых, все представленные исследования доказывают, что для понимания женщины и социального мира в расчет необходимо брать и другие факторы помимо классической триады раса/класс/гендер. Например, значимость вероисповедания четко описана Робинс в статье о работницах миссий. Ориентация Колби на аудиторию женщин прерий и тесная связь Бель Касс с среднезападным прогрессизмом доказывают необходимость учета региональной принадлежности. Статья о сельских библиотеках показывает значимость дихотомии «деревня/город» для формирования женского письма и чтения.

Во-вторых, фокусирование на биографическом аспекте демонстрирует, каким часто неуловимым и неожиданным образом эти социальные факторы проявляются в жизни отдельных женщин, формируя их модели поведения в мире печати или за ее пределами. Например, тот факт что Клара Колби усыновила девочку-индианку, связывается с позици-

В.Н. Ершова

ей журнала «Women's Tribune», поддерживавшего индейцев, афроамериканцев, женщин Кубы, Гаваев и Филиппин.

В-третьих, статьи представляют формирование «сестричества» как хорошо продуманной стратегии, которую создали и реализовывали политически осведомленные издатели, редакторы и библиотекари. Вместе эти люди создали мощный толчок к пониманию роли печати в самоидентификации женщин и их связи с разными социальными группами. Вообще в основе сборника лежит движение от описания индивидуальных судеб к постановке общих вопросов.

Abstracts

I.N. Agejkina

IDEOLOGEMAS “PEOPLE” AND “NATIONALITY” IN RUSSIAN PUBLICISM OF THE 19th CENTURY

In the article the history of political terms “people” and “nationality” is described on the materials of the articles of the periodicals of the XIX century. As the sources were used the publications in the magazines “Syn Otechestva”, “Poljarnaja Zvezda”, “Moskvitjanin”, “Otechestvennye Zapiski”, “Sovremennik” and the newspaper “Nedelja”.

E.N. Basovskaya

THE PROBLEM OF THE “PURITY OF LANGUAGE” IN THE SOVIET PRESS DURING THE PERIOD OF THE THAW

This article is dedicated to the representations of so-called purity of language in the publications of “Literaturnaya newspaper” in 1953–1963. In the time of Stalin the linguistic problematics was only the form for political advocacy, while during the Thaw there appeared a gradual returning to questions of the development of language. The author of the article analyzes statements made by the Soviet political journalists, writers and philologists from the point of view of the major laws of language evolution.

N.P. Bystrov

“PRAVDA” NEWSPAPER AND FIXING THE WORD “FASCISM” AS AN IDEOLOGY TERM DURING SOVIET PROPAGANDIST CAMPAIGN AGAINST J. BROZ TITO (1948–1953)

In the article the word “Fascism” is considered as a typical ideology but not a political term, and a very abstract one. It has suffered many transformations of its sense and meaning from the Soviet advocacy. In this article it will be shown how soviet propagandists used “Pravda” newspaper to fix this abstract sense and meaning in mass consciousness during one of the most active propagandist campaigns – the campaign against soviet ex-ally Yugoslav lider Joseph Broz Tito.

V.B. Vaysman

PERSONIFICATION OF THE INFORMATION AS ONE OF THE
TELEVISION'S EFFICIENCY PARAMETERS

Television broadcasts information in personified messages. The author offers her own classification of messengers according to their role, describing some of them (correspondent, reporter, showman, talk-show host, interviewer, moderator, commentator and others) in detail in order to simplify a problem of the television's efficiency evaluation.

E.A. Voskresenskaya

IDEOLOGICAL FOUNDATION OF POLYKARP'S LEGENDS
IN KIEVAN-CAVES PATERIK

The core of Kievan-caves Paterik is formed by the legends of two monks – Simon and Polykarp – taking the form of epistles. The central question raised and explored by the author of the article is: what was the authors main purport of Polykarp's legends? In the article the author arrives at the conclusion that behind seemingly disconnected lives of the monks of the monastery there lies a hidden polemics of the two authors of the Paterik. The two constituent parts of the Paterik are thus two different points of view on the life of a monk. Taking this into consideration we can gain an insight into the life of Polykarp himself, about whom at present we unfortunately know either very little or next to nothing. The author of the article makes an attempt to reconstruct Policarp's original intentions which is a dispute with Simon, the co-author.

O.L. Gajduchenja

“MOSCOW TELEGRAPH” AND THE MAGAZINE CONTROVERSY
OF THE SECOND QUARTER OF THE 19th CENTURY

The article is devoted to some aspects of the magazine controversy in Russia. There were magazine “Moscow telegraph” and its editor N. Polevoy in the middle of the controversy. Prominent Russian writers and journalists of the time, such as F. Bulgarin, N. Grech, P. Shalickov and S. Raich took part in the controversy.

V.L. Gopman

G. CHESNEY'S “THE BATTLE OF DORKING” AND “FUTURE-WAR
FICTION”

The article is devoted to the analysis of the so-called “future-war fiction” which started to develop in the last quarter of the XIXth century in

the British literatures. The starting point of the analysis is a book by an English author G. Chesney "The Battle of Dorking". "Future-war fiction" could be considered as a kind of the anticipation of the future horrors of the World War I.

A.G. Gotovtseva

GEOGRAPHICAL DISCOVERIES OF THE FIRST HALF OF THE 23th CENTURY AND RUSSIAN JOURNALISM: ("MONTHLY WRITINGS SERVING ENTERTAINMENT AND ENLIGHTENMENT" MAGAZINE)

The article examines in details the materials of the first popular scientific magazine of the Academy of Sciences, which was dedicated to Russian geographical discoveries, research and expeditions of the middle of the 23th century.

A.G. Evstratov

THE DIDACTIC ASPECT OF CATHERINE II'S COMEDIES:
COMMENTING THE COMEDY «O VREMYA!»
(«OH, THESE TIMES!»)

The paper aims to reconstruct the political implications of Catherine II's comedy «O vremya!» (1772). The location of action in Moscow and the chronological allusions make one think that there was a polemical purpose in the play, probably related to the plague epidemics in Moscow in 1770–1772. Russian court version saw the Muscovites' superstition was the cause of the horrors of plague. That is why the Empress chose the superstition for the main subject of her first comedy.

N.S. Egorova

RUSSIAN REVOLUTIONS OF 1917 ON THE PAGES OF THE
«MOSKOVSKIJ LISTOK» NEWSPAPER

The article is devoted to the analysis of the materials published in the «Moskovskij litok» newspaper in 1917-1918, and is dealing with the events of the two Russian revolutions, in February and October. The author shows that the publications in question could be viewed as a very interesting and important source of information about those historical events.

V.N. Ershova

“THE MAGAZINE FOR PRETTIES”: FROM THE HISTORY
OF WOMEN’S MAGAZINES IN RUSSIA AT THE BEGINNING
OF THE 19th CENTURY

The subject of this article is “The Magazine for Pretties” (“Journal dlia Milih”), one of the first women’s magazines in Russia which is well-known because of scandalous erotic publications. This article is the first research of the history, content, circle of editors, authors and readers of the magazine.

M.M. Zakharova

ON THE BIOGRAPHY OF V.B. BRONEVSKI

The study focuses on the biography of Vladimir Bronevskij, who became famous for publication “Notes of a naval officer” (1818–1819), telling about Mediterranean military campaign in 1805 – 1810. This article is dedicated to the period of time from childhood to the first publication which caused polemics in periodicals between Bronevskij and P.P. Svin’in.

E.A. Ikonnikova, L.N. Konukhova

SLOGAN AS A FORMAL AND PURPOSEFUL INVARIANT
OF MONOSTICH

The laconic verbal constructions, containing acceptable maximum of information, become currently the most widespread to save time. Minimal volume of lexical means of monostich and advertising slogan is an extremely claimed occurrence. Monostich demonstrates its facilities within a new poetical art, advertising slogan shows advantages in informational technologies, aimed at solution of practical objects. Therefore it is necessary to remember, that monostich is not an advertising slogan, because it does not have commercial intention. This laconic kind of poetry has aesthetic mission, slogan has practical one, which can sometimes satisfy requirements of artistic taste.

L.F. Katsis

BORIS NIKOLAEVSKI ABOUT THE FATE
OF OSSIP MANDELSHTAM:
TOWARD THE PROBLEM OF AUTHENTICITY OF INFORMATION
FROM “SOCIALISTICHESTSKI VESTNIK” (1946)

The article is dedicated to the problems of the correspondence to the reality of political and historical information connected with N. Bukharin,

O. Mandelstam and B. Pasternak that was published in Russian magazine "Socialisticheski Vestnik" by B. Nikolaevski (January of 1946). The main attention is paid on the circumstances connected with O. Mandelstam and J. Stalin and with biography and fate of the poet. On the opposite to traditional points of view an author suggests that the main part of the dubious information transformed facts and circumstances that became accessible to the historians of Russian literature only a few years ago.

Yumi Nakagawa

SHOLOM-ALEICHEM, A.V. AMFITEATROV AND MAGAZINE
"SOVREMENNIK" IN 1911–1912

The article is dedicated to the history of Russian press during the Beilis trial and its influence on the Sholom-Aleichem's novel "The Bloody Hoax" ("Krovavaia shutka"). The author examines a strategy of anti Blood libel polemics in Russian liberal magazine "Sovremennik" headed by A.V. Amfiteatrov and his contacts with Sholom-Aleichem connected with this accident.

E.V. Nasedkina

ANDREY BELY – THE PERSON OF THE NEWSPAPER
FEUILLETONS AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

This article is devoted to the newspaper feuilletons at the beginning of the XX century. These feuilletons are a description of the different incidents with the young writer-symbolist Andrey Belij. The article presents also the Andrey Belij's reaction to these feuilletons.

K.E. Netuzhilov

THE ECCLESIASTICAL JOURNALISM DURING THE REIGN
OF ALEXANDER THE FIRST

The article is devoted to the analysis of circumstances of occurrence in Russia church journalism during the reign of emperor Alexander-I. Special attention is given to consequences of spiritual education reform of 1807-1808, the activity of the Bible society and the interest for mysticism of a part of the intellectual society. Not belonging to church Christian magazine "Sionski vestnic" and first church magazine «Christian reading» are compared with each other.

M.M. Odesskaya

DID CHEKHOV HAVE IDEALS?

Creative work of Chekhov falls on the period when the old building of idealism was collapsing and the criteria of truth, beauty, and goodness constituting the basis of the XIX century European aesthetic conception ceased being triune. Critiques of the narodnik movement took anti-idealism of the Russian writer of the transitional age as a complete lack of principles and a challenge to the tradition. While defining a distinctive feature of the Chekhov talent as “a work out of nothing” Lev Shestov showed a dramatic quality and an internal conflict of the writer facing the emptiness.

M.P. Odessky

DANIIL KHARMS'S ABSURDISM AND OFFICIAL PRESS (1936)

The author analyses the 1936 story «Cases» in the context of «Pravda» reports on the everyday life and on Stalin's trials. Kharms, almost literally reproducing Soviet newspapers clichés, creates an image of absurd hyperreality.

Автор анализирует рассказ Даниила Хармса «Случаи» в контексте материалов «Правды» о повседневной жизни и о сталинских процессах. Хармс, почти буквально воспроизводя газетные штампы, создает образ абсурдной сверхреальности.

S.Yu. Sidorenko

TOPICAL PROBLEMS OF MODERN ART PROCESS: THE EXPERIENCE OF A SEMINAR AT THE JOURNALISM FACULTY

The article tells about the experience of organizing of the seminar on topical problems of modern art process for students of the Journalism Faculty. The main aim of the seminar is the analysis of processes in modern art as a necessary element of education of a future journalist. It formulates main ideas required for such analysis; it briefly considers basic tendencies of the development of modern art process, gives examples of the themes of the students speech at the seminar.

M.L. Spivak

THE PUBLISHING HOUSE “ALCONOST”: ABOUT TRADITIONS OF SYMBOLISTIC PUBLISHERS

The article is devoted to the last private publishing house of Russian symbolists “Alconost” (1918–1923). S. Aljanskyj – the owner and founder

of that publishing house – began his edition activity as a successor to the publishing house “Sirin” (1912–1915; the owner and founder M. Tereshchenko). We compare the program, the circle of authors and even the title of publishing house “Alconost” with the program, the circle of authors and the title of publishing house “Sirin” to prove this thesis.

T.N. Tazeeva-Gricenko

THE JOURNAL “NOVY MIR” THROUGH THE GLASS OF ITS CIRCULATION (1960s)

In 1960s there were no printed edition escaping censorship with its main body known as the Major Department of the State Institution Press (Glavlit, in Russian tradition). It dedicated special attention to all Novy Mir editions, acknowledged mouthpiece of the so called “people of the sixties”. The prolonged strife between the editorial staff and the censure body determined the periodicity situation so that the subscribers never got the journal in time. Nevertheless the amount of Novy Mir readers over the time of the Khrushchev Thaw and the early Stagnation grew rapidly that could be confirmed by the high circulation within the period when the subscription to the journal in some districts of the USSR, in the army and at the universities was prohibited.

Ya.V. Tereshenko

CENSORSHIP AND JOURNALISM DURING NICOLAS'S I BOARD

The basic problem of this article – to describe mutual relations of official censorship and journalism in Russia during the reign of Emperor Nicolas I; to give the comparative characteristic of laws on censorship of 1826 and 1828; to describe the brightest stage of formation of official censorship as systems.

G.A. Eliasberg

THE ARTICLES ON DRAMA AND THEATER CRITICS ON THE PAGES OF THE ST.-PETERSBURG'S NEWSPAPER «RASSVET» (1907–1915)

This article reviews the publications on the problems of Jewish theater as well as Russian-Jewish and Yiddish drama at the pages of the newspaper «Rassvet» which was the most influential edition of Russian Zionists of the first half of the XX century. These articles reflect complicated and contradictory history of the most brilliant period in the development of the Jewish theater in Russian Empire up to the beginning of the First World War. These publications depict the attitude of the most influential publicists of

«Rassvet» such as N. Shtif, D. Pasmanik, A. Goldshtein to the problems of national culture and theater.

S.E. Ehrlikh

DECEMBRISTS STREET: (ROLE OF THE MASS-MEDIA
IN THE FORMATION OF THE MEMORY OF HISTORICAL
EVENTS IN MODERN RUSSIA)

The article examines the change of the political rules in Russia in the beginning and end of the 20th century was followed by the numerous renaming of topographical objects. Although during the Bolshevik's "outdoor media terror" public opinion had insignificant consideration, however in the latest history of Russia the rules of "linguistic games" has changed. Democratically elected authorities have been compelled to convince the voters of the necessity to rename the streets. In this process the mass-media acted as the tool of the formation for public awareness and not just as a mediator to inform the masses about arguments of various political forces. The topographical objects carrying the names of the Decembrists (first generation of Russian Revolutionaries) were obviously reflected by the ideological transformation in modern Russia.

Сведения об авторах

- Агейкина Ирина Николаевна* – аспирант кафедры литературной критики РГГУ.
- Басовская Евгения Наумовна* – кандидат филологических наук, профессор кафедры литературной критики РГГУ.
- Быстров Никита Павлович* – аспирант кафедры литературной критики РГГУ.
- Вайсман Вероника Борисовна* – доцент кафедры иностранных языков и связей с общественностью гуманитарного факультете Пермского государственного технического университета, соискатель кафедры литературной критики РГГУ, заместитель директора Филиала ВГТРК ГТРК «Пермь».
- Воскресенская Екатерина Андреевна* – аспирант кафедры литературной критики РГГУ.
- Гайдученя Ольга Леонидовна* – аспирант кафедры литературной критики РГГУ.
- Гопман Владимир Львович* – кандидат филологических наук, профессор кафедры литературной критики РГГУ.
- Готовцева Анастасия Геннадьевна* – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры литературной критики РГГУ.
- Евстратов Алексей Григорьевич* – аспирант ИВГИ РГГУ. С 2006 г. – аспирант Университета Париж – IV – Сорбонна.
- Егорова Наталья Сергеевна* – аспирант кафедры литературной критики РГГУ.
- Ершова Вера Николаевна* – аспирант кафедры литературной критики РГГУ.
- Зайцева Алла Сергеевна* – аспирант кафедры литературной критики РГГУ.
- Захарова Мария Михайловна* – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры литературной критики РГГУ.
- Иконникова Елена Александровна* – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета.
- Кацис Леонид Фридович* – доктор филологических наук, профессор Учебно-научного центра библеистики и иудаики РГГУ.
- Конюхова Людмила Николаевна* – соискатель кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета.
- Накава Юми* – аспирант кафедры литературной критики РГГУ.
- Наседкина Елена Викторовна* – старший научный сотрудник Мемориальной квартиры Андрея Белого (Государственный музей А.С. Пушкина).
- Нетужилов Константин Евгеньевич* – кандидат исторических наук, доцент, проректор РХГА по учебной работе, декан факультета мировых языков и культур.
- Одесская Маргарита Моисеевна* – кандидат филологических наук, доцент РГГУ.

- Одесский Михаил Павлович* – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературной критики РГГУ.
- Сидоренко Сергей Юрьевич* – старший преподаватель кафедры телевизионных, радио-, интернет-технологий РГГУ, режиссер-постановщик Телеканала «Культура», ведущий и комментатор Радио «Культура».
- Спивак Моника Львовна* – кандидат филологических наук, заведующая музеем «Мемориальная квартира Андрея Белого» (отдел Государственного музея А.С. Пушкина).
- Тазеева-Гриценко Татьяна Николаевна* – аспирант кафедры литературной критики РГГУ.
- Терещенко Яна Викторовна* – соискатель кафедры литературной критики РГГУ.
- Элиасберг Галина Аркадьевна* – кандидат филологических наук, преподаватель Российско-американского учебно-научного центра библеистики и иудаики РГГУ.
- Эрлих Сергей Ефимович* – кандидат исторических наук, директор издательства Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-история».

Корректор *И.Е. Чибисов*
Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 30.10.2008.

Формат 60×90^{1/16}.

Усл. печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 19,7.

Тираж 1050 экз. Заказ № 135

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
по различным аспектам гуманитарных знаний
выходит 12 раз в год.

Подписка принимается всеми отделениями связи
без ограничений (индекс 36626).

Не забудьте своевременно подписаться
на наш журнал!
